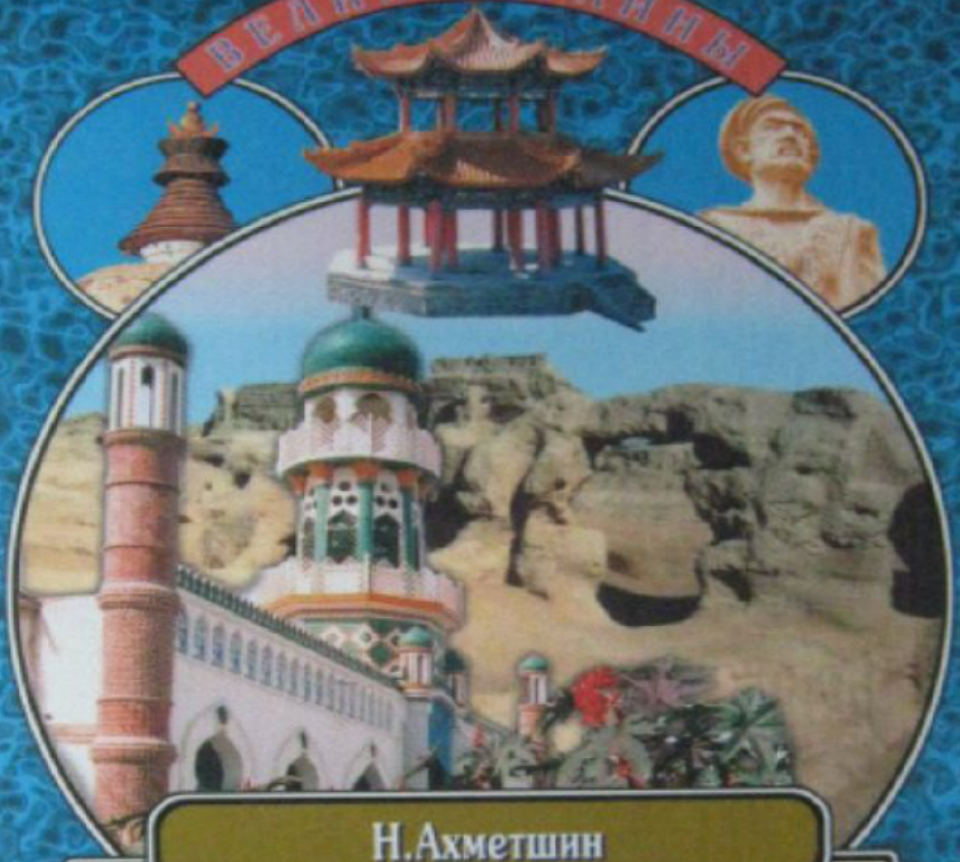
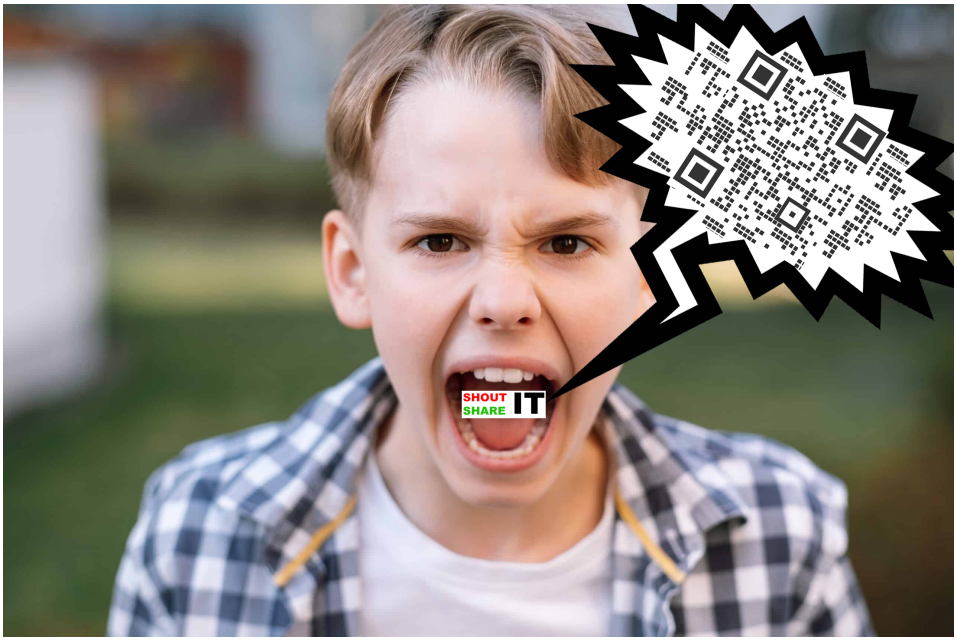
ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ



Н.Ахметшин

ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ ПУСТЫНИ


SHOUT
SHARE IT

Annotation

Книга востоковеда и журналиста Н. Х. Ахметшина рассказывает о путешествии по древним караванным тропам Шелкового пути. На сей раз маршрут автора пролегал по Северо-Западному Китаю — Синьцзян-Уйгурскому автономному району. В этом регионе раскинулась пустыня Такла-Макан, на протяжении веков волновавшая умы многих людей. В ее оазисах сталкивались интересы могущественных империй далекого прошлого, рождались и гибли древние цивилизации, происходило уникальное смешение рас и народов. Здесь возникали самобытные города-государства, которые обеспечивали торгово-экономическое и интеллектуальное сближение Востока и Запада.

В предлагаемой книге отражены наиболее яркие личные впечатления от поездки, сегодняшняя жизнь китайского северо-запада. Одновременно она рассказывает об истории и легендах загадочного региона, духовных исканиях его населения, судьбах правителей и их верноподданных, шедеврах литературы и искусства, достижениях научной мысли и народного творчества.

- Ахметшин Наиль Хасанович
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - ГЛАВА 8
  - Глава 9
  - Глава 10

- Глава 11
- Глава 12
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- БИБЛИОГРАФИЯ

Ахметшин Наиль Хасанович

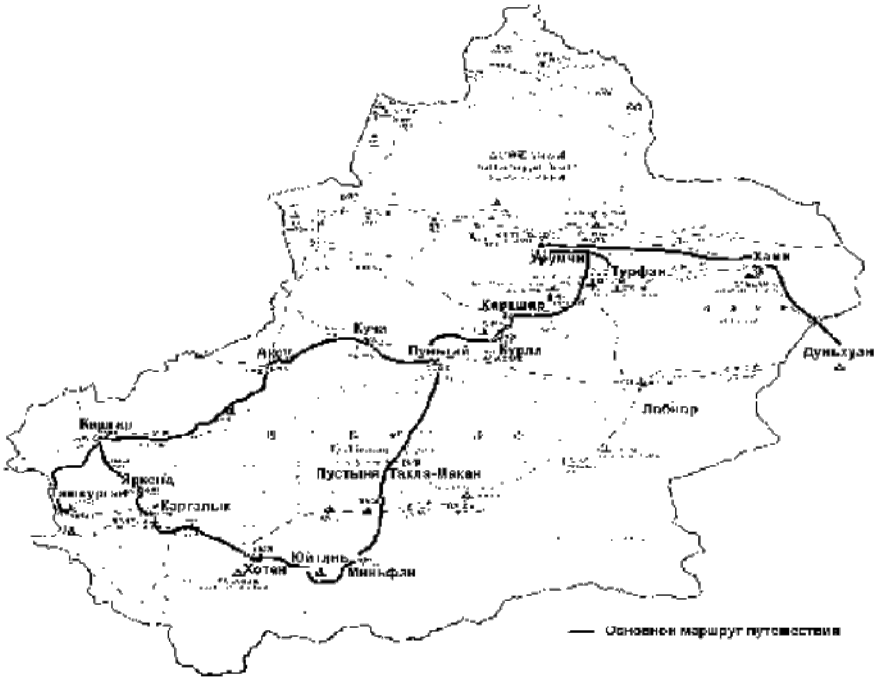
ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ ПУСТЫНИ. МИРАЖИ ТАКЛА-МАКАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками? От Брахмапутры до Иртыша и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии — всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такла-Макан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызенные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений?» Так писал Николай Константинович Рерих вскоре после завершения экспедиции 1924–1928 годов, когда с женой Е. И. Рерих и сыном Ю. Н. Рерихом они дважды пересекли Центральную Азию на пути из Индии в Сибирь и из Монголии в Индию.

Чтобы найти ответы на эти и многие другие вопросы, осенью 2002 года я отправился в пустыню Такла-Макан, на протяжении тысячелетий волновавшую умы миллионов людей. В ее оазисах сталкивались интересы могущественных империй далекого прошлого, рождались и гибли древние цивилизации, происходило уникальное смешение рас и народов, возникали самобытные города-государства, веками обеспечивавшие торгово-экономическое и интеллектуальное сближение Востока и Запада.

В книге отражены личные впечатления от недавней поездки. Одновременно она рассказывает об истории и легендах загадочно-непонятного региона, духовных исканиях его населения, судьбах правителей и их верноподданных, шедеврах литературы и искусства, достижениях научной мысли и народного творчества. Автор искренне признателен профессору МГУ Д. М. Насилову за интересные материалы и содержательные консультации по проблемам тюркологии, а также сотрудникам русской службы информационного агентства Синьхуа в Пекине за советы и поддержку.



Карта Синьцзян-Уйгурского автономного района

Глава 1

«ЦВЕТАМИ ОСЫПАН ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»

Любое упоминание о древних караванных тропах Шелкового пути неизменно вызывает у меня массу положительных эмоций и огромное желание отправиться в дальнюю дорогу. После удачных поездок в солнечные республики Средней Азии в 80-е годы прошлого века, динамичных и насыщенных интересными событиями путешествий весной 1987 года и летом 2001 года из Сиани в Дуньхуан захотелось продолжить знакомство с этими удивительными местами и отправиться в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, где никогда прежде не был.

Особенно манила грозная пустыня Такла-Макан, поскольку несколько лет назад появилась возможность преодолеть пески на автомашине с севера на юг или в противоположном направлении. Простое перечисление экзотических названий населенных пунктов— Хами, Урумчи, Турфан, Кашгар, Яркенд, Ташкурган, Куча, Хотан, Кара-шар и т. д., где планировал остановиться на 1–2 дня, приобретало для меня поистине фантастическое звучание, а реальный шанс своими глазами увидеть заоблачные вершины Восточного Памира и Каракорума побуждал к решительным действиям.

Готовясь к путешествию на собственные средства и испытывая острую нехватку времени, я должен был очень тщательно продумать весь маршрут, чтобы в кратчайшие сроки преодолеть внушительные расстояния, включая пески и высокогорье, и уделить при этом максимум внимания многочисленным культурно-историческим памятникам.

Меня вновь ожидали увлекательные странствия по дорогам, на протяжении почти полутора тысяч лет связывавшим восток и запад материка под названием Евразия. Как известно, в конце II века до н. э. китайский посланник Чжан Цянь (?—114 г. до н. э.) в ходе исключительно трудной и драматичной экспедиции сумел-таки добраться до государств Средней Азии. На основании его отчета император Уди (140—87 гг. до н. э.) отдал приказ об учреждении на землях, отвоеванных у кочевников-сюнну, четырех новых округов: Увэй, Чжанъе, Цзюцюань и Дуньхуан (совр. провинция Ганьсу).

Примерно в тот же период к западу от Дуньхуана для защиты местного населения и охраны торговых путей были построены мощные фортификационные сооружения— Янгуань и

Юймэньгуань. Перечисленные округа образовали так называемый коридор Хэси (доел, с кит. «к западу от Хуанхэ»), или Ганьсуйский коридор. Могущественная империя Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) наглядно продемонстрировала свою готовность развивать экономические отношения с соседями несмотря на неуступчивость воинственных кочевников. Легендарный Шелковый путь приобрел зримые черты. Следует, правда, оговориться, что свое название он получил намного позже (70-е гг. XIX в.).

На протяжении веков Дуньхуан являлся центром коммуникаций, через него в обоих направлениях осуществлялась сухопутная торговля Китая с Западом. Расположенный на границе пустынь Гоби и Такла-Макан, он был одним из немногих оазисов-маяков на пути отважных купцов и путешественников. Из древней столицы Чанъань (совр. Сиань) в город вела единственная дорога, но затем она как бы раздваивалась. Именно отсюда, на выходе из Хэсийского коридора, караваны с шелком рассеивались по странам Центральной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также Средиземноморья.

В прошлый раз мы с дочерью завершили нашу поездку осмотром Дуньхуана, а также Янгуаня и Юймэньгуаня. Сейчас предстояло двинуться в западном от них направлении, огибая с двух сторон Такла-Макан и перемещаясь вдоль оазисов как по северному, так и по южному маршрутам Шелкового пути. Я предполагал пересечь пустыню в центральной ее части и таким образом существенно сэкономить время. На путешествие по Срединной Азии у меня было всего три недели. У дочери уже начались занятия в московской школе, поэтому в начале сентября 2002 года я отправился на северо-запад Китая в одиночку.

В середине 80-х годов XX века впервые увидел красочный фильм-балет с поэтическим названием «Цветами осыпан Шелковый путь». Спектакль, поставленный в 1979 году Ганьсуйским провинциальным ансамблем песни и танца, переносит зрителя в эпоху Тан (618–907 гг.), его основные события происходят в древнем Дуньхуане.

…Неторопливо и величественно движутся по пустыне торговые караваны из различных стран. Внезапно погода резко меняется, налетает мощный ветер, поднимая тучи песка. Персидский купец Инус теряет спутников и, обессилев в борьбе со стихией, падает на землю. Его находят и спасают художник Чжан с дочерью Иннян. Однако вскоре на них нападают разбойники, которые уводят с собой молодую девушку. Только спустя несколько лет Чжан встречает свою дочь во время выступления некоей театральной труппы, куда она, как выясняется, была

продана. Узнав об этом, благородный Инус немедленно выкупает Иннян.

На Шелковом пути

В буддийском монастыре художник под сильным впечатлением от дуньхуанских фресок пишет стилизованную картину «Небесная фея играет на пипе»; ему охотно позирует дочь, взяв в руки национальный музыкальный инструмент. Отец искренне рад счастливому воссоединению, но появляется коварный управляющий базаром, который пытается похитить Иннян. Опасаясь за дочь, Чжан вынужден просить Инуса отвезти девушку в Персию.

На чужбине Иннян овладевает искусством восточного танца. Когда купец во главе торгового каравана отправляется в Поднебесную (древнее самоназвание Китая, возникшее на основе космологических и геополитических представлений), она вместе с ним возвращается на родину. Управляющий базаром, давно намеревающийся свести счеты с Инусом, уговаривает хозяина театральной труппы напасть на персидский караван. О заговоре узнает художник Чжан и с помощью сигнального костра предупреждает купца о грозящей опасности. Ценою жизни он вновь спасает своего друга.

В Дуньхуан на ярмарку съехались иностранные гости.

Воспользовавшись всеобщим вниманием, загримированная Иннян талантливо разыгрывает остросюжетное представление, полностью изобличающее гнусные преступления управляющего. Справедливость, разумеется, торжествует, злодейство наказано.

Балет воспринимается на одном дыхании. Музыка, танцы, костюмы и декорации красивы и гармоничны. Колоритная обстановка дуньхуанского базара, волшебная живопись пещерного комплекса Могао, бирюзовые листья виноградника и ярко-красные розы из персидского сада, разноцветные шелка и сверкающие ювелирные изделия на многолюдной ярмарке, феерия роскошных цветов на маршрутах следования караванов создают атмосферу завораживающего праздника, с которым не хочется расставаться. Самое интересное, что не возникает сомнений в реальности происходящего на сцене. Вероятно, подобные истории нередко случались на обширных пространствах Шелкового пути.

Ленту удалось увидеть в посольстве КНР в Москве, куда его сотрудники вскоре после международного кинофестиваля 1983 года стали периодически приглашать деятелей культуры, различных чиновников и некоторых синологов. Дело в том, что китайские кинематографисты именно в тот год приехали в нашу столицу после почти двадцатилетнего перерыва. В качестве переводчиков к ним определили автора настоящей книги и двух его однокашников по Институту стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова.

При отсутствии на протяжении длительного периода какой-либо языковой практики наш уровень китайского языка производил удручающее впечатление, словарный запас на троих колебался в пределах 100–150 слов, включая междометия. Тем не менее мы очень мило общались с иностранными гостями, энергично размахивая руками, настойчиво повторяя одни и те же заученные на младших курсах словосочетания и выражения, регулярно заглядывая в допотопные разговорники, других никто попросту не издавал за десятилетия бессмысленного советско-китайского противостояния.

Христианский храм в Хами

Все складывалось замечательно, новая работа даже начинала нравиться, но предстояла пресс-конференция, где переводчиков ожидало неотвратимое и постыдное фиаско. Интерес к делегации из КНР, для многих совершенно неожиданно появившейся на кинофоруме, был велик, и количество аккредитованных журналистов, желающих задать тот или иной вопрос, поболтать о перспективах национального и проблемах мирового кинематографа, а заодно и покрасоваться на публике, исчислялось десятками.

Программа фестиваля предусматривала просмотр конкурсного фильма «Улица Сичжао» в субботу вечером. Что же касается официальной встречи с делегацией, то ее назначили на утро понедельника, поскольку на выходной был запланирован массовый отъезд в Ленинград. Глубоко осознавая неизбежность наступления судного дня, горе-переводчики решили напрямую объясниться с китайцами и попытаться заручиться их поддержкой. Такую беседу хотелось провести в неформальной обстановке, поэтому я заранее попросил матушку (замечательная была женщина!) испечь пирожки и подготовить разносолы.

Публика тепло встретила добротную картину с незамысловатым сюжетом о семейных и бытовых проблемах

городских жителей на фоне стремительно меняющего свой облик Пекина. Большинство присутствовавших прекрасно понимали значение ее показа для будущих наших контактов с Китаем в области культуры. По дороге на вокзал и в купе разогнавшегося поезда тема разговора оставалась неизменной, и вскоре на столе «совершенно неожиданно» появилась отечественная водка с упомянутой закуской.

Мы сразу почувствовали, как китайцы, в те годы наверняка проинструктированные перед ответственной поездкой в Москву, несколько напряглись и чуть занервничали, но нам отступать уже было нельзя. Последние сомнения были отброшены, и еще долго мы поднимали стаканы за родителей и их долголетие, успехи китайского кинематографа, наше тесное сотрудничество и, конечно, крепкую дружбу между СССР и КНР. Проблемы со спиртным, столь характерной для российских застолий, не возникло, поскольку собеседники в нужный момент извлекли из сумки свой национальный напиток крепостью почти в 60 градусов, вызвав у нас неподдельный восторг.

Пресловутая пресс-конференция после такой трапезы перестала казаться страшным монстром. В возникшей ситуации стороны решили действовать по схеме «семейного подряда», в начале 80-х годов быстро набиравшего обороты в китайской деревне. Переводчиков подробно ознакомили с основными пунктами выступления делегации. Мы, в свою очередь, четко распределили роли и весьма неплохо пересказали собственные «домашние заготовки», по мере возможности сдерживая неугомонных журналистов. Проявив недюжинную смекалку, сплоченный коллектив единомышленников справился с поставленной задачей и остался весьма доволен собой.

Наш прославленный соотечественник Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888 гг.) весьма доходчиво и убедительно наставлял каждого, кто собирался отправиться в эти края: «Не ковром там будет постлана ему дорога, не с приветливой улыбкой встретит его дикая пустыня, и не сами полезут ему в руки научные открытия. Нет! Ценою тяжелых трудов и многоразличных испытаний, как физических, так и нравственных, придется заплатить даже за первые крохи открытий». Среди качеств, которыми, по его мнению, должен обладать путешественник, «цветущее здоровье, сильный характер, энергия, решимость, хорошая научная подготовка, любовь к путешествию, беззаветное увлечение своим делом», «да и пускаться вдаль следует лишь в годы полной силы».

Последнее высказывание особенно удручает, если тебе уже под пятьдесят. Впрочем, когда читаешь в прессе о 60— 70-летних

американцах и японцах, настойчиво и довольно успешно карабкающихся на Эверест, возникают диаметрально противоположные чувства, но, вероятно, те иностранцы ведут принципиально иной образ жизни.

Н. М. Пржевальский — личность, безусловно, выдающаяся, хотя, с другой стороны его мало интересовали захватывающие исторические сюжеты и грандиозные этнические процессы далекого прошлого, а также уникальные памятники духовной культуры, у него были другие цели.

Мне же хотелось сосредоточить внимание на древних реликвиях и погрузиться в атмосферу интеллектуальных поисков народов, когда-то населявших эти земли.

В конце XIX века известный русский географ и зоолог Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936 гг.), путешествовавший в Западном Китае, писал, что «история мелких общин или даже государств», много столетий назад возникших на южных склонах Тянь-Шаня и Куньлуня, «полна бесконечных войн и варварских опустошений. Может быть, незадолго до нашей эры Восточный Туркестан и был блестящим собранием городов, в миниатюре — древняя Бактрия; может быть, он полон был самых замечательных сооружений, но, увы! от этих времен уже ничего не осталось… Все погибло, все снесено было с лица земли теми лавинами диких номадов, которые, со времени хуннов (сюнну. — *Н. А.),* то и дело наводняли эту страну».

О Хами его суждения еще более безрадостны: и прошедшее не блестяще, и в будущем «нет оснований ожидать для него чего-нибудь чрезвычайного, чего-нибудь такого, что сразу подняло бы благосостояние жителей этого оазиса». Город оживал лишь при «замешательствах на западе», когда в него вступала китайская армия. Сюда везли не только военное снаряжение, но и промышленные товары, продукты питания, включая рис. После разрешения очередного конфликта войска уходили, купцы разъезжались, и Хами «принимал снова свою прежнюю физиономию небогатого центрально — азиатского городка».

По свидетельству прекрасно владевшего уйгурским языком казахского ученого-просветителя Чокана Чингисовича Валиханова (1835–1865 гг.), в XIX веке город не имел торгового значения и был важен только как транзитный пункт, как этап на пути из внутреннего Китая в его западные районы. Товары привозили в основном из Пекина, что влекло за собой страшную дороговизну: «Дешево у нас только серебро», — комично говорили., китайские лавочники».

Вначале XX века Синьцзян посетил полковник генерального штаба царской армии барон Карл Густав Маннергейм (1867–

1951 гг.), позднее командующий финскими войсками в боевых действиях против Советского Союза и президент Финляндии в 1944–1946 годах. Он составил «Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин в 1906–1908 гг.». Остановившись в Хами, барон, например, обратил внимание на то, что каждая из трех частей города обнесена зубчатой стеной «до крайности плохого устройства» — просто землебитной глиняной оградой квадратной формы, по углам которой и в середине размещались башни для продольного обстрела стен.

Критические замечания об условиях и уровне жизни населения в регионе и его городах-оазисах весьма часто встречаются в записках путешественников XIX— первой половины XX века. Конечно, нельзя не заметить некоторую тенденциозность в работах отдельных авторов, но в целом они стремились показать объективную картину увиденного.

Однако с тех пор прошло уже много времени, а за последние двадцать с небольшим лет Китай кардинально изменился. Повсюду сумасшедшими темпами ведется строительство ультрасовременных высотных зданий и транспортных магистралей, расширяются уже имеющиеся дороги, а одно- и двухэтажные улочки стремительно уходят в прошлое, что нередко вызывает грустные чувства.

Центр города: памятник хамийской дыне

Для непредвзято мыслящего человека повсеместный успех реформ налицо, тем не менее, никто не собирается закрывать глаза на сложности, которые были и есть. Так что поездка в Синьцзян— это не только странствия по древним караванным тропам Шелкового пути и посещение выдающихся памятников истории и культуры, но и знакомство с переменами, произошедшими в некогда экономически отсталом регионе, встречи с интересными людьми, решающими сложные проблемы наступившего века и тысячелетия, приобщение к современной повседневной жизни Срединной Азии.

Около ста лет назад британский офицер и дипломат Фрэнсис Янгхасбэнд, принимавший самое активное участие в военно-политических интригах вокруг Синьцзяна и Тибета, писал, что в Центральной Азии «скучные глинобитные стены, глинобитные дома и мечети имеют такой вид, словно они останутся всегда неизменными». Вином климате эти города были бы смыты водой, но здесь не бывает дождей, «и поэтому они стоят долгие годы». Над их воротами «следовало бы поместить изречение: «Как было прежде, так остается и теперь и так будет вечно». Что ж, у меня появилась великолепная возможность увидеть все своими глазами и заодно оценить глубину проницательности англичанина.

Первые полчаса на хамийской земле в предгорьях Тянь-Шаня прошли под аккомпанемент исключавших какие-либо возражения четких команд моей недавней соседки по купе, представительницы национальности хань. Она только что успешно прошла служебную переаттестацию в столице и с хорошим настроением вернулась в родной город. Выслушав обычные вопросы и скромные пожелания иностранца, молодая женщина взяла инициативу в свои руки и стала отдавать различные распоряжения, которые я охотно выполнял, прекрасно понимая, что это в моих интересах.

Муж-уйгур, встретивший ее на вокзале, вероятно, поступал также всю сознательную жизнь. Поэтому мы с ним в строгом соответствии с прозвучавшими указаниями отправились сначала в камеру хранения, а затем в железнодорожную кассу. Разрешив проблему с предстоящим переездом в другой населенный пункт и получив необходимые рекомендации по перемещению в Хами, я вполне мог возвратиться к самостоятельной жизни, что и поспешил сделать, от всей души поблагодарив супружескую пару за оказанную помощь.

Неожиданное знакомство напомнило забавный рассказ Марко Поло (1254?— 1324 гг.) о городе, который, знаменитый путешественник никогда не видел. Как известно, сопровождая

отца и дядю, ранее уже побывавших в ставке монгольских ханов, в 1271–1275 годах он проехал морем к юго-восточным берегам Малой Азии, оттуда сушей через Армянское нагорье, Месопотамию, Иранское нагорье, Центральную Азию прибыл в Северный Китай.

На протяжении долгих лет (до 1292 г.) венецианец служил при дворе завоевателя Поднебесной и основателя династии Юань великого хана Хубилая, имея возможность посещать многие китайские провинции и города. Он возвратился на родину морем в 1295 году. Обратная дорога пролегала через Индонезию, Цейлон, Индию, Иран, другие государства и территории.

Упомянутый город неизменно находился в стороне от маршрутов его передвижений, но в знаменитой «Книге Марко Поло», продиктованной в генуэзской тюрьме пизанцу Рустичано (Рустичелло) в 1298 году, есть любопытный сюжет о Комуле (Хами): «Гостям иноземцам всегда очень рады; женам приказывают исполнять все желания иноземца, сами уйдут по своим делам и дня два-три домой не приходят, а гость там, что пожелает, то и делает с женою; спит с нею как бы со своей женою; поживает в свое удовольствие. И в этом городе и в этой области жены любятся так, а мужья не стыдятся. Жены и красивы, и веселы, и любят потешиться».

Великий хан Мункэ (внук Чингисхана) якобы возмутился тамошними нравами и попытался навести порядок, однако местные жители преподнесли монгольскому правителю богатые дары и умоляли разрешить им жить так, как «завещали деды». На что изрядно удивившийся Мункэ со словами «хотите срамиться, так живите по-своему» в конце концов согласился.

Сей рассказ весьма увлекателен, но вряд ли имеет ка-кую-либо связь с реальными событиями. Можно предположить, что в данном случае венецианец, огибавший пустыню Такла-Макан с юга и двигавшийся затем на восток, воспользовался услышанными историями-байками и решил как-то «оживить» повествование. Если бы на его пути действительно оказался этот город, он ранее неизбежно пересек бы Турфанский оазис, о котором в книге нет ни слова. Впрочем, путешественник мог попасть в Хами из Сасиона (совр. Дуньхуан в провинции Ганьсу), развернувшись на 100 с лишним градусов и пройдя несколько сотен километров в противоположном от основного маршрута направлении, однако такая гипотеза представляется весьма сомнительной.

Мавзолеи Мухаммада Бисира и Шахмасуда

От привокзальной площади я направился по широкому проспекту строго на юг, чтобы попасть в исторический музей, и вскоре наткнулся на только что отстроенный христианский храм. Он уже действовал, но по его периметру стояло несколько бетономешалок и повсюду лежали кирпичи вперемежку со всяким хламом. Честно говоря, никак не ожидал так быстро встретить церковь-новостройку в городе с устойчивыми мусульманскими традициями, хотя религиозная всеядность китайцев общеизвестна.

Хамийский музей удалось найти не сразу. На месте, указанном в путеводителях и на картах, вовсю шли ремонтно-строительные работы, а на вопрос, куда он переехал, горожане давали взаимоисключающие друг друга ответы. Наконец познакомился с учителем из Гуанчжоу (административный центр провинции Гуандун), который приехал в Хами в рамках государственной программы оказания помощи школьному образованию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. О ее реализации я узнал из передач местного телевидения.

Новый знакомый с нескрываемой гордостью показал экстравагантное архитектурное сооружение на берегу водоема.

Как выяснилось, здание построено на средства его родной провинции и представляет собой щедрый дар жителям города. Претенциозный культурный центр открыли совсем недавно, в июне 2002 года. Что же касается музея, то он находится на втором этаже, цена входного билета — 10 юаней (немногим больше 1 доллара США).

Его работники явно обрадовались приходу иностранца и долго извинялись за затянувшийся переезд. Из выставленных на тот момент экспонатов внимание привлекли высохшие останки погребенного мужчины и предметы домашнего обихода, извлеченные из могильника в Упу (Убао). Ученые-археологи считают, что эта культура существовала 3200 лет назад. Попутно замечу, что найденная там же женская мумия в настоящее время хранится в музее года Урумчи.

После посещения музея я пошел в сторону центра, хотел отыскать солидный книжный магазин и купить карту города. На Эпохальной площади (кит. Шидай гуанчан), что неподалеку от ночного базара, стоит памятник— девушка с дыней. Довольно необычная скульптурная композиция здесь никого не удивляет. Дело в том, что хамийская дыня — своеобразный культовый продукт не только в регионе, но и по всей стране. Когда в той или иной компании заходит разговор о Синьцзяне, о ней зачастую вспоминают в первую очередь.

Топоним «Синьцзян» появился на картах Срединного государства (оригинальное самоназвание Китая) примерно 250 лет назад, когда цинские правители создали на северо-западе новое наместничество.

Во второй половине XVII— первой половине XVIII века Западный край (кит. Сиюй) находился под властью Джунгарского ханства (1635–1758 гг.), образованного в результате объединения четырех основных групп ойратских племен, кочевавших в Западной Монголии, — чоросов, хошотов, торгоутов и дэрбэтов. После смерти основателя государства власть перешла к его сыну, энергичному правителю Галдану, который в 1678 году захватил Кашгарию, обязал население (тюрки-мусульмане) платить ему ежегодную дань и посадил на престол своего ставленника.

С присоединением новых земель позиции Джунгарского ханства заметно упрочились, и война с Китаем, где после многолетней крестьянской войны и затянувшегося периода нестабильности к власти пришла самолюбивая и инициативная маньчжурская династия Цин (1644–1911 гг.), стала неизбежной. Попутно замечу, что не только местные правители и императоры Поднебесной, но и русские цари были вынуждены считаться с военной силой и политическим влиянием ойратского

государства.

Однако судьба его фактически была предрешена. Усиление позиций двух мощных соседей— Китая и России, вступивших в период интенсивного политического и экономического развития, при очевидном отставании Джунгарского ханства по многим параметрам оставляло последнему минимальные шансы на сохранение собственной независимости, и чуда не случилось.

Вскоре произошло первое столкновение ойратов с маньчжурами. Обе стороны решительно вмешались в обострившуюся междоусобную борьбу в Халхе (Северная Монголия). Потерпев серьезное поражение в 1690 году при Улан-Бутуне, Галдан был вынужден отступить. Участник сражения с ойратами, цинский офицер Инь Хуасин оставил интересное описание тактики ведения боя противником: «Неприятельская конница в числе ста с лишним тысяч человек выстроилась у горных отлогостей, опираясь на лес и под прикрытием речки. Вместо рогаток воины Гал-дана положили на землю с десяток тысяч верблюдов со связанными ногами, а на спинах у этих животных были размещены ящики, прикрытые смоченными войлоками. Назначение последних было образовать амбразуры. Такой живой изгородью джунгары окружились как палисадом, и солдаты их стреляли из-за упомянутых амбразур из луков и ружей, наконец, бросали крючья и копья, чтобы побивать маньчжурские войска, но не доводить дело до рукопашной схватки. Укрепление такого рода называется «верблюжьей крепостью».

Цинский император Канси (1662–1722 гг.) сумел вскоре поставить под контроль халхаские княжества и продолжил движение на запад. В одном из своих указов тех лет он утверждал: ойратский правитель Галдан «так далеко распространил свои победы», что на севере и западе многих мусульман «под свое владение подбил и покорил, а городов и местечек более тысячи двухсот во владении своем имел». Летом 1696 года маньчжуры нанесли сокрушительный удар по армии Джунгарского ханства, но затем наступило временное затишье.

Боевые действия между сторонами возобновились в первой четверти XVIII века. Ойраты провели несколько успешных операций, но контрнаступление в направлении Халхи захлебнулось. В те годы их военная мощь значительно возросла. Армия имела на вооружении пушки и мортиры, которые обслуживали специально обученные артиллеристы. Ханский посол, побывавший в Самаре в 1741 году, сообщил местным властям, что у него в стране «есть оружие огненное и пушки, а оные пушки прежде начал… делать немчин Иван».

Об упомянутом создателе джунгарской артиллерии хотелось бы сказать несколько слов. Иоганн Густав Ренат (австрийский немец по отцу) — шведский офицер, плененный под Полтавой в 1709 году и сосланный в Тобольск, где в 1716 году попал в плен уже к ойратам. Во время длительного пребывания в Джунгарии занимался литьем пушек и организацией артиллерийского дела, изучал географические условия региона, особенности быта местных жителей, их нравы и обычаи.

После почти 25 лет, проведенных в плену, он вернулся на родину в конце 1734 года и даже успел послужить лейтенантом в королевском арсенале. В 1738 году И. Г. Ренат составил любопытную карту, которая охватывала юг Западной Сибири и Туркестан. Ее копию спустя 150 лет случайно обнаружили в одной из библиотек Швеции. Рассматриваемая исследователем площадь занимает 3 млн. 600 тыс. кв. км, длина по широте — 2000 км, долготе — 1800 км. По мнению специалистов XX века, документ стал одним из первых образцов перехода от историко-географических лоскутных карт-схем, на которых были сгруппированы отдельные бассейны рек и районы, к исторической карте современной топографической основы. Умер много переживший и изрядно повидавший на своем веку швед 62 лет от роду в 1744 году.

Мечеть Идках /Хами/

В сложившейся ко второй половине 30-х годов XVIII века обстановке после продолжительных переговоров хан Галдан Цэрэн заключил мир с императором Цяньлуном (1736–1795 гг.). Джунгары отказались от претензий на Западную Монголию и согласились на пограничное размежевание по Монгольскому Алтаю. Цинское правительство, не имея в тот момент достаточных средств на продолжение войны, разрешило ойратам вести торговлю в Китае и посещать их религиозный центр в Тибете — ламаистскую Лхасу. Император, в частности, заявил джунгарскому послу: «Я ознакомился с докладной запиской твоего правителя… Теперь Галдан Цэрэн согласился определить границу в соответствии с моими предписаниями… Я удовлетворяю его просьбу об отправке 300 джунгар в Тибет на

богослужение, а по вопросу торговли уже дал предписание главе военного совета заключить с тобой соглашение».

В 50-е годы XVIII века маньчжурский двор, воспользовавшись очередной междоусобицей, которая вспыхнула в регионе после смерти Галдан Цэрэна (1745 г.), направил туда многочисленное войско и окончательно переломил ситуацию в свою пользу. Несмотря на отчаянное сопротивление некоторых правителей, ханство распалось на отдельные княжества, подчинившиеся власти китайского императора.

Помощник оренбургского генерал-губернатора А. И. Тевкелев, внимательно наблюдавший за происходившими событиями, сообщал в Коллегию иностранных дел, что пока у ойратов «ссор не произошло, ничего успеть в том не могли, а как нашли их друг против друга воюющих (к чему они, китайцы, может быть, под рукою и побуждение делали) и совершенно изнуренных, то уже нетрудно им было всех их расхитить и владение их зенгорское (даунгарское. — *Н. А.)* вовсе опустошить».

Весной 1757 года правительственные силы в районе Урумчи разбили последние отряды повстанцев, объединившихся вокруг Амурсаны — еще недавно одного из претендентов на ханский престол, и, преследуя их, вышли к границам казахских кочевий. Согласно имеющимся историческим материалам, военные действия сопровождались жестокими расправами с местным населением. Некоторая часть ойратов в итоге перебралась на территорию царской России.

Одержав окончательную победу в Джунгарии, императорская армия выдвинулась в сторону ханской Кашгарии, которой в те годы правил представитель мусульманского духовенства Бурхан ад-Дин, выходец из Коканда. После некоторых размышлений он решил все-таки объявить о независимости ханства и начал готовиться к обороне.

В середине 1757 года передовой цинский отряд был разгромлен у года Куча, но спустя год императорские войска после двухмесячной осады смогли занять город. В дальнейшем боевые действия шли с переменным успехом. Только в июле 1759 года пали основные центры вооруженного сопротивления— Кашгар и Яркенд, к концу года Цины овладели уже всем регионом.

Отныне земли Джунгарии и Кашгарии, окончательно вошедшие в состав Срединного государства, получили название Синьцзян, что в переводе с китайского языка означает «Новая граница» или «Новая территория». В Кульдже была размещена ставка наместника императора (кит. цзян-цзюнь), ему

подчинялись три управителя: илийский, тар-багатайский и кашгарский. Армия заняла наиболее крупные населенные пункты. К концу XVIII века в регионе находились свыше 40 тысяч маньчжурских и китайских солдат.

После подавления пекинскими властями крупномасштабного мусульманского восстания во второй половине XIX века регион получил статус провинции в составе Цин-ской империи (1884 г.). Свержение маньчжурской династии в 1911 году на нем никак не отразилось. Вопрос о создании национальной автономии на северо-западе страны стал актуальным лишь благодаря победе Коммунистической партии Китая в гражданской войне с гоминьдановцами и образованию в 1949 году Китайской Народной Республики.

12 сентября 1955 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение об упразднении провинции Синьцзян и учреждении на ее территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). 1 октября того же года сессия Собрания народных представителей Синьцзяна официально провозгласило его создание. Правительство СУАР— народный комитет— возглавил уйгур Сайфутдин Азизов.

В настоящее время площадь автономного района составляет свыше 1600 тыс. кв. км. На его территории находятся три горные системы (Алтай, Тянь-Шань, Куньлунь) и две низменности (Джунгарская и Таримская впадины). Население многонационального региона по состоянию на конец 2001 года достигло почти 19 млн. человек. В нем проживают уйгуры, ханьцы, казахи, хуэйцзу (в том числе дунгане), монголы, киргизы, сибо, таджики, дауры, русские, татары и др. В СУАР образованы 5 автономных округов: Баиньголэн-Монгольский, Бортала-Монгольский, Кызыл-су-Киргизский, Чанцзи-Хуэйский и Или-Казахский, а также б автономных уездов: Яньци-Хуэйский, Чапчал-Сибоский, Мулэй-Казахский, Хэбуксар-Монгольский, Ташкурган-Таджикский и Баликунь-Казахский.

Мусульманские правители Хами признали свою зависимость от империи Цин в первой половине XVIII века. За услуги, оказанные маньчжурам во время затяжных и кровопролитных боевых действий в Синьцзяне, Хамийское княжество, как и Турфанское, оказалось в конечном итоге на особом положении и получило некоторые привилегии.

Земельные владения вокруг Хами и княжеский титул передавались по наследству. Правитель имел право самолично рассматривать дела своих подданных, включая уголовные. На местном уровне он управлял с помощью непосредственно

подчиненных ему беков. Но реальная власть находилась в руках цинской администрации региона. Ее чиновники осуществляли контроль за деятельностью князя.

На фоне часто возникавших массовых волнений и бунтов ситуация в Хами оставалась достаточно сложной. Только в начале XX века здесь вспыхнули два крестьянских восстания — в 1907 и 1912–1913 годах. Гибкая позиция губернатора Синьцзяна Ян Цзэнсинь помогла в 1913 году заключить мирное соглашение. В соответствии с достигнутыми договоренностями значительно снижались поборы с населения и сокращались сроки крестьянских отработок, наиболее активная группа повстанцев во главе с их лидером Томуром Хальпой была преобразована в регулярную часть и размещена в Дихуа (Урумчи).

Хамийское княжество просуществовало свыше 200 лет и было ликвидировано в 1930 году, когда скончался его девятый правитель — Шахмасуд. Через год в городе началось уйгурское восстание, переросшее затем в мощные выступления значительной части мусульманского населения, продолжавшиеся в регионе на протяжении 1931–1934 годов. В апреле месяце толпа крестьян в ответ на отказ китайской администрации уменьшить налоги напала на уездное управление, убив его начальника и нескольких охранников. Поддержанные местными жителями восставшие перебили и военный гарнизон в Хами. Спустя какое-то время они захватили также Баркуль, Гучэн и Турфан.

Повстанцев возглавил зажиточный уйгур Ходжа Нияз, прежде состоявший на службе у хамийского князя и совершивший редкое для того времени паломничество в Мекку. Он пользовался большим авторитетом среди своих соплеменников и сыграл важную роль в синьцзянских событиях первой половины 30-х годов, о чем читатель узнает в восьмой главе. Однако его дальнейшая судьба, судя по всему, оказалась печальной.

В 1937 году Ходжа Нияз, будучи заместителем председателя правительства Синьцзяна, третьим лицом в местной администрации, поддержал очередное восстание уйгуров в Хами и вскоре был арестован. По свидетельству бывшего белогвардейского офицера, проживавшего с семьей в Урумчи, он стал жертвой собственной недальновидности, «командовал полком, но никогда не был даже солдатом». Его поездки по городу представляли собой «комическое зрелище»: «Обычно он ехал на автомобиле, а целая рота охраны бежала следом с винтовками при полном вооружении, или иногда в кабине грузовика с маленьким конвоем в кузове, а конный отряд мчался за ним галопом. Он считал, что для солдат излишне пользоваться таким же видом транспорта, каким пользуется его «высокая особа»… Как мог такой человек решать политические и государственные дела?» После ареста следы Ходжи Нияза теряются.

Мавзолеи мусульманских правителей Хами и могилы их ближайших родственников находятся в южной части города. До них можно доехать на автобусе № 10, но я отправился пешком, поскольку никуда не торопился. Цена входного билета — 20 юаней (около 2, 5 доллара), совсем недавно он стоил в два раза дешевле. В книжном киоске меня очень порадовал солидный журнал на английском языке, опубликованный в Урумчи лет 15 назад и рассказывающий об исторических достопримечательностях и красивых ландшафтах на маршрутах Шелкового пути в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Его я приобрел за символические 5 юаней.

К сооружению указанного комплекса приступили в 1840 году, когда княжеством правил Мухаммад Бисир. Сегодня его мавзолей выглядит наиболее эффектно. Высота прямоугольного сводчатого здания составляет 18 м. Стены с внешней стороны выложены глазурованным кирпичом, а купол и верхняя часть — кафельной плиткой. Совсем рядом находится гробница Шахмасуда, она значительно скромнее. Работники музея поведали, что многие

могилы были повреждены и разрушены в годы «культурной революции».

На обширной территории расположена крупнейшая в Восточном Синьцзяне мечеть Идках. Впервые ее построили при ранее упоминавшемся цинском императоре Канси, в дальнейшем неоднократно восстанавливали и реставрировали. В огромном молитвенном зале, крышу над которым удерживают 104 деревянных столба, размещена солидная выставка старинных ковров.

«Ид» на арабском языке означает «праздник», отсюда и названия двух главных мусульманских праздников: Ид аль-адха (тюрк. Курбан-байрам) — праздник Жертвоприношения и Ид аль-фитр (тюрк. Ураза-байрам) — праздник Разговения. С некоторой долей условности слово «Идках» можно перевести как «Место для праздничных молитв». Мечеть с аналогичным названием есть и в Кашгаре.

К северо-востоку от гробниц князей находится небольшое уйгурско-дунганское кладбище, где, как указано в китайском путеводителе, изданном в 2000 году, погребены останки исламского проповедника Гейса из Медины. Существует предание, согласно которому Мухаммед — пророк и посланник Аллаха — в VII веке отправил в Китай трех своих учеников с целью распространения нового вероучения. Один из них направился на юг Срединного государства, другой — в район современной провинции Ганьсу, а третий — Гейс — остановился в Западном крае. Под Хами он серьезно заболел и вскоре скончался.

Единоверцы похоронили его в некоем ущелье и почитали могилу правоверного как святыню (араб, мазар). В 1945 году на средства местных мусульман в городе была построена гробница, куда и перенесли останки проповедника. К ней примыкают могилы раздельно погребенных уйгуров и дунган (хуэйцзу).

На кладбище никого не было, поэтому долго искал служителя, который открыл бы вход в мазар. Им оказался ушлый юнец примерно 10–12 лет от роду. Он взял с меня 5 юаней, после чего пустил во внутрь. Сразу обратил внимание на спертый воздух и недостаток освещения в довольно мрачном помещении. Гора из бесконечных разноцветных полотнищ и лоскутов ткани в середине зала выглядела уж очень провинциально, но в то же время давала определенное представление об особенностях совершаемого здесь обряда поклонения.

Очутившись на улице в старой части города, я пришел к выводу, что для первого дня пребывания в Синьцзяне чересчур увлекся созерцанием останков его давно усопших жителей и

посещением мест их погребения, пора вернуться к реальной жизни.

Глава 2

СВИДАНИЕ С «ЛОУЛАНЬСКОЙ КРАСАВИЦЕЙ»

Поезд № К889 Дуньхуан-Урумчи прибыл на конечную станцию в 8 часов утра по пекинскому времени, т. е. в 6.00 — по местному. Хорошие знакомые моих коллег по работе в агентстве Синьхуа любезно предложили в течение 2–3 дней показать город и его окрестности, а также свозить в древний Турфан, но я просил не встречать меня на вокзале, ибо ехал через Хами и не знал точного времени своего прибытия в административный центр Синьцзяна.

Несмотря на столь раннее время народу на вокзале было довольно много, что полностью подтверждало информацию о наличии серьезных проблем с приобретением железно-дорожных билетов. Звонить ни свет ни заря по телефону и докладывать о своем приезде я счел в тот момент невежливым и, сдав рюкзак в камеру хранения, попытался сориентироваться на местности.

Национальный театр эпохи советско-китайской дружбы

Прежде всего следовало определиться с дальнейшим маршрутом. Дело в том, что в Урумчи нет единого автовокзала, откуда можно выехать в любом направлении, отсутствует и общее расписание движения междугородных автобусов. На каждом автовокзале свои правила. Поэтому надо было четко для себя решить, когда и как лучше пересекать пустыню Такла-Макан: если делать это в начале путешествия, то моя дорога лежала в Хотан; если на обратном пути, — предстояло двигаться в сторону Кашгара с обязательной остановкой в Куче.

Мне объяснили, что автобусы на Кашгар отходят буквально в 200 метрах от привокзальной площади. Для того чтобы добраться до Хотанской конторы (кит. Хэтянь бань-шичу), обеспечивающей транспортное сообщение с городом на юге Синьцзяна, надо было брать такси. Переговорив с водителями и обслуживающим персоналом, я сделал окончательный вывод в пользу Хотана. К тому времени звонок по городскому телефону выглядел уже вполне уместным.

Спустя 40 минут в центре Урумчи встретился с очень коммуникабельными и мобильными братьями Ху, один из которых — Ху Дацин — взял шефство над приезжим иностранцем. Они отвезли меня в расположенную неподалеку 3-звездную гостиницу «Великолепие» (кит. «Фулихуа дац-зюдянь»), где в отдельном номере со всеми удобствами я прожил три дня и заплатил за все 300 юаней (менее 37 долларов), т. е. стоимость номера в сутки по официальному тарифу.

Вскоре младший из братьев, извинившись и сославшись на чрезвычайную загруженность (в те дни в Урумчи проходила ежегодная международная торговая ярмарка), покинул нас, и мы с Ху Дацином отправились в экскурсию по городу на его машине.

Урумчи в переводе с монгольского языка означает «Превосходное пастбище» и расположен в северных предгорьях

Восточного Тянь-Шаня. После образования в середине XVIII века нового наместничества, о чем говорилось в предыдущей главе, маньчжурские правители Китая назвали город Дихуа (1763 год, с 1884 года — главный город провинции Синьцзян), в переводе с китайского— «Приобщение к цивилизации». Следует заметить, что высокомерие, снобизм и неадекватные амбиции цинских императоров, наглядно проявившиеся и в данном конкретном случае, сослужили им в конечном счете плохую службу. Именно при них Срединное государство превратилось в полуколонию, заключило целый ряд неравноправных договоров и утратило контроль над частью территории.

Население Урумчи превышает 1,5 млн. человек. Большинство

из них составляют ханьцы (по некоторым сведениям, около 80 процентов), на втором месте — уйгуры. Тем не менее официальные статистические данные, да и название интернационального по своему составу автономного района отражают тот очевидный факт, что самым многочисленным народом в СУАР являются как раз уйгуры (около 8 млн.).

Предками тюркоязычных древних уйгуров (кит. хуэй-ху) были племена, кочевавшие в Западном крае на рубеже I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. В письменных источниках уйгуры упоминаются с III века н. э. Позднее они входили в племенное объединение, которое китайцы называли «гаогюй», что в буквальном переводе означает «высокая телега», и вели продолжительную борьбу с соседями за контроль над оазисами Таримского бассейна.

Особенно острым было их противостояние с жужанями, в истории происхождения которых до сих пор много неясного. Известный российский историк и географ Лев Николаевич Гумилев (1912–1992 гг.) полагал, что их большинство на определенном этапе составили «выбитые из седла» и «скомпрометированные» люди, бежавшие в степь и горы. У них не было единого происхождения, языка или вероисповедания. Объединила их судьба, обрекшая на нищенское существование и заставившая организоваться в некую орду. За 200 лет у жужаней так и не отмечено какого-либо прогресса, поскольку «все силы уходили на грабеж соседей», отчего и оставили они о себе худую славу.

Знаменитый писатель Советского Союза и Кыргызстана Чингиз Айтматов в нашумевшем романе начала 80-х годов XX века «И дольше века длится день» называет их «жуаньжуанами», которые «исключительно жестоко обращались с пленными воинами». Именно они превращали людей в манкуртов, окончательно утративших память. Читатель, вероятно, помнит, что вскоре после выхода в свет яркого и оригинального произведения слово это стало практически именем нарицательным.

Примерно в то же самое время (V–VI вв.) китайские исторические документы фиксируют присутствие на просторах Центральной Азии крупного племенного союза под названием «теле», куда вошли и уйгурские племена. Тюрки из племени хуннов (кит. сюнну) ашина к середине VI века сумели подчинить их и в конце концов создали мощное государственное образование — Тюркский каганат, с перерывами просуществовавший до 745 года. Однако телеские племена на протяжении весьма длительного времени активно враждовали с его правителями.

После того, как один из тюркских каганов в начале VII века физически уничтожил несколько сот предводителей теле, значительная их часть бежала на территорию Северной Монголии, где возникло объединение так называемых девяти племен. В древне тюркских рунических памятниках они известны как токуз-огузы (в мусульманских текстах — токуз-гузы), т. е. «девять огузов». С середины VII века они энергично включились в военно-политическое противостояние в регионе. Возглавили новый союз представители уйгурских племен.

Согласно высказываниями. Н. Гумилева, тюрки первого каганата и уйгуры говорили на одном языке и одинаково кочевали вместе со своим скотом, «смотря по достатку в траве и воде», но этим их сходство и ограничивалось. Во всем остальном они чуть-чуть отличались друг от друга, но этого было достаточно, чтобы помешать им «слиться в один народ».

Ученый, в частности, считал тюрок «наиболее монголоидными из всех тюркских племен VI–VIII вв.», а уйгуров — «народом европеоидным». Действительно, многочисленные исследования, проведенные в указанной области специалистами из различных стран, позволяют в целом говорить о преобладании монголоидных особенностей у тюрок при наличии европеоидного компонента. Что касается уйгуров, то антропологически их относят, как правило, к европеоидной расе с монголоидной примесью. В то же время следует признать: научная дискуссия по столь сложной проблеме еще далека от завершения.

В конце VII века токуз-огузы потерпели жестокое поражение от восточных тюрок, которые сумели восстановить свое государство в Монголии и на прилегающих территориях. Ситуация длительное время оставалась здесь чрезвычайно сложной, поскольку столкнулись также интересы Танской империи, племен киданей, енисейских кыргызов, карлуков, басмылов и др. Постепенно шел процесс консолидации уйгурских племен и формирования их коалиции с басмылами и карлуками.

Мечеть Джами Хан-Тенгри

В 744–745 годах союзники разбили тюрок и уничтожили второй Восточный каганат. Вскоре уйгуры разгромили басмылов и вынудили карлуков отступить на запад. Победители создали собственное государство— Уйгурский каганат. В долине реки Орхон был построен город Ордуба-лык (на территории современной Монголии), который стал его столицей.

Военная и политическая мощь каганата была столь внушительной, что когда в Китае разгорелся пожар восстания Ань Лушаня, танский двор обратился к уйгурам за помощью. Нелишне напомнить, что император Сюаньцзун, правивший Поднебесной в 712–756 годах, с годами страстно увлекся своей восхитительной наложницей Ян Гуйфэй и фактически забросил государственные дела, поручив их различного рода карьеристам и интриганам. Он

проигнорировал сведения о готовящемся заговоре 755 года. Мятеж возглавил генерал Ань Лушань, корни его рода каким-то образом были связаны с тюрками и согдийцами (предки современных таджиков и узбеков). Восставшие— профессиональные военные из кочевых племен— решительно потребовали отстранения от власти фаворитки и ее ближайших родственников.

Разобщенная императорская армия, явно не готовая к серьезному сопротивлению, постоянно отступала. Правитель хотел бежать с любимой в провинцию Сычуань, что на юго-западе Китая, однако взбунтовавшиеся придворные и личная охрана отказались следовать за ним и настаивали на казни всей семьи Ян — главного источника бед и потрясений в государстве.

После расправы с ее членами Сюаньцзуна вынудили отречься от престола в пользу сына. Обстановка в стране была близка к хаосу. Выдающийся китайский поэт и непосредственный свидетель тех мрачных событий Ду Фу (712–770 гг.) писал:

По всей стране —
В тревоге гарнизоны,
В огнях сигнальных —
Горные вершины.
А трупы свалены
В траве зеленой,
И кровь солдат
Окрасила долины.
Теперь не сыщешь
Радости в Китае…

(пер. А. Гитовича)

Войска, верные императору, несли тяжелые потери, но не могли остановить наступавшего противника; вскоре обе столицы — Чанъань (совр. Сиань) и Лоян— оказались в руках мятежников. В стихотворении «Оплакиваю поражение при Чэньтао» Ду Фу дает реальную картину национальной катастрофы:

Пошли герои
Снежною зимой
На подвиг,
Оказавшийся напрасным.
И стала кровь их
В озере — водою,
И озеро Чэньтао
Стало красным.

В далеком небе
Дымка голубая,
Уже давно
Утихло поле боя,
Но сорок тысяч
Воинов Китая
Погибли здесь,
Пожертвовав собою.

(пер. А. Гитовича)

Отборной уйгурской конницей (около 4 тыс. всадников), которая в критический момент пришла на подмогу танским властям, командовал наследник престола, известный в дальнейшем по многим источникам Бегю-каган. Разбив отряды мятежников, получив обещанное вознаграждение от императорского двора и приняв самое активное участие в грабежах и разбоях, он вернулся в монгольские степи, чтобы отправиться в поход против кыргызов.

В Китае ситуация оставалась крайне неопределенной. В результате заговора был убит Ань Лушань (757 г.). Спустя некоторое время повстанцев возглавил опытный полководец Ши Сымин, а затем его сын — Ши Чаои (с 761 г.). Он якобы обратился к уйгурам с предложением о сотрудничестве в окончательном разгроме Танской империи, но в 762 году на престол в Китае вступил Дайцзун, который еще совсем недавно вместе с уйгурской конницей отважно сражался с мятежниками. Данное обстоятельство вполне могло стать решающим, и Бегю-каган выступил на стороне императорской армии.

Объединенное уйгурско-китайское войско разгромило отряды повстанцев и вступило в восточную столицу страны— город Лоян. Через несколько месяцев война завершилась. Уйгуры вернулись домой с богатой добычей. Что же касается Срединного государства, то мятеж Ань Лушаня подорвал основы процветания династии Тан, которая так и не смогла оправиться от потрясений затянувшейся смуты.

Очевидец драматических событий, танский поэт Лю Чанцин (709–780 гг.), встретив на горной дороге всадника, возвращавшегося домой, рассказал о том, что ждет его в родных местах:

В разбитых домах
после сотни боев жестоких
Хозяев белых
так ли много в живых осталось?

Повсюду вокруг
завладели землею травы.
Пришедший домой,
видя их, утирает слезы!

(пер. Л. Эйдлина.)

Грустным мыслям Лю Чанцина вторит классик китайской поэзии Бо Цзюйи (772–846 гг.). В стихотворении «После восстания проезжаю мимо храма Люгоу» он отразил атмосферу скорби и уныния, царившую в обществе спустя десятилетия:

В девятый месяц во всем Сюйчжоу с недавней войной
Печали ветер, убийства воздух на реках и в горах.
И только вижу, в одном Люгоу, где расположен храм,
Над самым входом в него, как прежде, белеют облака.

(пер. Л. Эйдлина.)

В те годы каганат значительно укрепил свое влияние и играл доминирующую роль в Центральной Азии. Реальным соперником уйгуров были только тибетцы. VII–VIII века — период расцвета тибетского государства. Его правители расширили границы за счет присоединения Сиккима, Бутана, Непала и других территорий. Энергично продвигались они также на север и северо-восток. В этой связи достаточно вспомнить их победоносный военный поход в Китай, когда тибетцы вместе с союзниками без особого труда заняли Чанъань, спешно покинутую императором (763 г.), и обеспечили свое продолжительное господство в Хэсийском коридоре.

Упорная борьба между тибетцами и уйгурами за контроль над караванными маршрутами Шелкового пути в Западном крае шла с переменным успехом. К концу VIII века тибетцы, казалось, окончательно перехватили инициативу, но в начале IX века уйгуры восстановили свою власть в оазисах Тарима. Обострение внутриполитической борьбы и стихийные бедствия, обрушившиеся на каганат, вновь поколебали позиции его правителей в регионе.

После многих лет непрекращающейся вражды енисейские кыргызы в 840 году нанесли уйгурам жестокое поражение и вынудили их покинуть родные места. Разгромленные и преследуемые противником те бежали в южном и юго-западном направлениях. На новых местах они сумели создать два

независимых государства с центрами в Ганьчжоу (совр. Чжанъе в провинции Ганьсу) и Турфане. О судьбе Турфанского княжества читатель узнает в следующей главе.

Современный торговый центр

К сожалению, исторические документы содержат чрезвычайно скудные сведения относительно указанных событий и можно лишь догадываться, что происходило на самом деле. Появление в Ганьсу уйгурского государственного образования, вероятно, стало возможным благодаря народному восстанию под руководством китайца Чжан Ин-чао, поднятому против тибетцев в Шачжоу (Дуньхуан) (848 г.).

Талантливый выходец из аристократической семьи объединил широкие слои населения и довольно быстро

освободил город, на протяжении веков имевший исключительно важное значение для Шелкового пути, и прилегающие к нему территории. С учетом складывавшихся отношений уйгуров с китайцами и тибетцами нельзя исключить, что, переселившись на новые земли, они приняли самое активное участие в восстании и оказали Чжан Инчао весомую поддержку. В таком случае становится понятным их заметное усиление в Хэсийском коридоре.

Особую опасность для уйгуров в этих местах представляли набеги тангутов, народа тибето-бирманской группы, сформировавшегося на стыке нынешних провинций Ганьсу и Сычуань. Их первые походы против соседей были безуспешными, но в 1028 году они сумели захватить Ганьчжоу. Уйгурский каган покончил жизнь самоубийством, а его семья попала в плен. О дальнейшей судьбе ганьчжоуских уйгуров почти ничего не известно.

Ряд ученых полагает, что их потомками были так называемые желтые уйгуры— сары уйгуры, оказавшиеся в определенной изоляции от других групп населения. В отличие от турфанских уйгуров они вели кочевой образ жизни. После падения монгольской династии Юань их земли были включены в состав империи Мин, но при этом сары уйгуры сохраняли некоторую самостоятельность.

Трудно сказать, каким письмом был написан первый уйгурский текст. Вполне возможно, что это были китайские иероглифы, поскольку с давних времен правители уйгуров поддерживали тесные связи с императорами Поднебесной, получая от них почетные титулы и обмениваясь посольствами. Не исключено также, что, кочуя по просторам Западного края, гаогюйские или телеские племена очень рано познакомились с брахми, тохарским, сирийским и согдийским письмом.

Племена, входившие в Тюркский каганат, длительное время пользовались руническим письмом. Столь необычное название оно получило за сходство с алфавитом, который применяли скандинавские и древние германские народы прежде всего для культовых и памятных надписей. Дело в том, что указанное древнетюркское письмо, вызвавшее, на первый взгляд, весьма необычную аналогию, было открыто на камнях в районе Енисея в 20-е годы XVIII века немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом, состоявшим на службе у русского царя Петра I, и сопровождавшим его пленным шведским офицером Ф.-И. Страленбергом.

Позднее археологи нашли чисто уйгурские памятники, написанные этим письмом. Они датируются VIII–IX веками.

Создав основы собственной государственности, уйгуры обнаружили интерес к развитию письменности, что позволило им улучшить управление, упорядочить систему учета, стабилизировать дипломатические сношения с соседними народами и т. д. Особенно заметно данная тенденция проявила себя после их переселения на территорию современного Синьцзяна.

Буквенно-звуковое письмо появилось у уйгуров в конце I тыс. и восходит через согдийский к одному из сирийско-арамейских алфавитов. Уйгурским письмом пишут сверху вниз, своеобразно нанизывая буквы на вертикальную черту, строки размещаются слева направо.

После того как уйгуры покинули Орхон, они еще продолжали использовать оба вида письма, о чем наглядно свидетельствуют выявленные специалистами документы, но со временем новый алфавит стал играть главенствующую роль. В связи с постепенным переходом к оседлому образу жизни и быстрым распространением буддизма в уйгурской среде резко возросло количество грамотных, а в дальнейшем и весьма образованных людей.

Центрами знаний были монастыри, где молодые послушники обучались грамоте, а монахи-интеллектуалы, владевшие, в частности, санскритом, китайским, тибетским и иными языками, переводили на уйгурский религиозную литературу. Неудивительно, что большинство сохранившихся уйгурских текстов той поры — это памятники буддийского, а также манихейского и христианского содержания. Вместе с деловыми бумагами, хозяйственными записями, личной перепиской и т. д. они отражают колоссальные перемены, произошедшие в обществе со времени образования в степях Монголии Уйгурского каганата. Существенно изменился и язык уйгуров: заметно обогатилась лексика, значительно разнообразнее стали грамматические и стилистические формы.

Выдающийся ученый XI века, основоположник тюркологии Махмуд Кашгарский писал: «Язык уйгуров тюркский, но кроме него у них есть еще и свой особый говор, на котором они говорят между собой. Письменность у них тоже тюркская, состоит из 24 букв… Однако помимо этой письменности у уйгуров и китайцев имеется и другая письменность, которой они пользуются при написании книг или ведении официальных бумаг».

В XI–XII веках, по мере распространения ислама, уйгуры начинают все активнее использовать арабский алфавит, который медленно, но неуклонно вытесняет прежнюю письменность. Спустя несколько столетий полностью исламизированные уйгуры

от нее отказываются вовсе.

Однако в начале XIII века в процессе завоевания и присоединения Чингисханом соседних территорий уйгурское письмо заимствовали монголы. Не имея прежде развитого литературного языка и письменности, которые могли бы служить средством контактов в письменной форме и сохранения этнической общности, они приспособили его к особенностям фонетики собственного языка, сохранив его вплоть до настоящего времени. В КНР это официальная письменность коренного населения автономного района Внутренняя Монголия.

Чингисхан был убежден, что его родственники и сподвижники должны учиться грамоте. «Атак как татары не имели собственной письменности, — писал средневековый историк Джувейни, — он отдал приказ о том, что монгольские дети должны учиться письму от уйгуров». Любопытно, что первым постиг грамоту мальчик-сирота из племени татар, которого воспитывала мать великого хана — Оэлун.

Как известно, в войске монголов, покорявшем большие и малые государства на огромном евразийском пространстве, истинных татар было совсем немного. Еще на раннем этапе ожесточенной борьбы за власть в монгольской степи Чингисхан разбил это могущественное племя и почти полностью уничтожил. Он, кстати, называл татар «губителями дедов и отцов».

Через монголов уйгурское письмо восприняли также маньчжуры, сложившиеся в единый этнос и создавшие военно-феодальное государство на территории современного Северо-Восточного Китая в начале XVII века. Тогда же у них появилась указанная письменность, способствовавшая возникновению довольно объемной маньчжурской литературы.

В результате завоевания маньчжурами Китая и утверждения династии Цин маньчжурский наряду с китайским был признан официальным языком огромной империи. После Синьхайской революции 1911 года его решительно отвергли. Подавляющая часть маньчжуров в дальнейшем полностью интегрировалась в ханьскую культуру и перешла на китайский язык. По мнению специалистов, в начале XXI века из 10 млн. представителей этого национального меньшинства в КНР разговорным языком предков владеют менее 100 человек. Большинство из них — люди преклонного возраста, проживающие в сельских районах северо-восточной провинции Хэйлунцзян.

В VIII веке уйгуры приняли манихейство. Они познакомились с ним во время китайского похода 762 года в Лояне (совр. провинция Хэнань) и оттуда привели на реку Орхон четырех проповедников-согдийцев. Правитель Уйгурского каганата Бегю-

каган (757–779 гг.), согласно древним текстам, своим указом провозгласил учение государственной религией и учредил манихейскую общину. Как заметили в данной связи французские синологи Э. Шаванн и П. Пельо, «страна с варварскими обычаями и запахом крови» должна была «превратиться в страну, где питаются овощами; страна, в которой убивали, — в страну, где поощряется добро».

Название религиозного учения, основным принципом которого является всеобъемлющий и последовательный дуализм, происходит от имени его создателя — Мани (216–274? гг.), проповедовавшего в Персии, Центральной Азии и Индии. Он учил, что зло является началом столь же самостоятельным, как и добро, а мировая история — это борьба изначальных и равноправных принципов бытия: света и тьмы, добра и зла, бога и дьявола. Манихейство регулярно подвергалось гонениям со стороны зороастризма и римского язычества, христианства и ислама; в то же время оно оказало значительное влияние на средневековые ереси.

Принятие уйгурами нового учения имело для них важное значение. Фактически они перешли от шаманизма к религии, основанной на моральных принципах. Шаманисты считали, что даже убийство приносит человеку пользу в будущей жизни, а по учению манихеев запрещалось не только убийство людей, но и убиение животных и употребление в пищу их мяса. Правда, рядовым верующим (послушникам) разрешалось есть мясо, добытое иными способами. Избранники (праведники) питались исключительно «чистой», т. е. растительной, пищей. Главная обязанность послушников — любые подношения общине в виде милостыни. Им предписывались смирение, воздержание и другие заповеди. Основные занятия праведников — молитвы, проповеди, переписывание священных книг и т. д.

В 779 году в каганате произошел антиманихейский мятеж, который возглавил влиятельный сановник и родственник правителя. Среди убитых во время переворота были Бегю-каган и его два сына, а также ближайшие советники, в том числе религиозные проповедники из окружения кагана. Тем не менее уйгурское манихейство не ограничилось временными рамками каганата (прекратил свое существование в 840 год), успешно пережило его и способствовало созданию в оазисах Западного края самобытной культуры и искусства, собственной письменной традиции.

После вытеснения из Монголии уйгуры принесли это вероучение в созданные ими Турфанское и Ганьчжоуское княжества. Так, в Турфане манихейство в итоге утратило статус

государственной религии, но сохраняло достаточно прочные позиции в различных этнических группах населения, о чем рассказывают многочисленные археологические находки, свидетельства историков и путешественников. Перед дворцом правителя Кочо (Гаочан) «ежедневно собирались 300 и 400 человек из джаверийцев (манихеев. — Н. А.), громкими голосами читали сочинения Мани». По мнению ученых, в Ганьчжоу манихейство имело еще большее влияние, хотя и там государственной религией стал буддизм.

Храм Конфуция в Урумчи

В Восточном Туркестане (Синьцзян), как и в Китае в целом, произошло очевидное сближение манихейства и буддизма. Последний пришел в Поднебесную из Индии по Шелковому пути, что предопределило ключевую роль рассматриваемого региона в процессе его адаптации к новым реалиям. В результате длительных и интенсивных контактов буддизм постепенно интегрировался в духовную и политическую культуру Китая. Особую роль сыграли государства-оазисы. Восприняв буддийское учение, вне зависимости от своего статуса на том или ином этапе исторического развития они оказывали значительное идеологическое воздействие на своего могучего восточного

соседа.

Успешное продвижение буддизма в Китае было непосредственно связано с возросшим притоком талантливых и превосходно образованных проповедников-иноземцев. Далеко не всегда они шли из Индии. Монахи-подвижники из Бирмы, Кушанского царства, Парфии, Согда, государств Восточного Туркестана, преодолевая огромные расстояния, также несли свои проповеди и священные тексты в неведомую им страну, находя здесь долговременное пристанище или оставаясь навсегда. Наиболее известны Ань Шигао, Кумараджива, Дхармакшема, Бодхидхарма, Парамартха (Чжэньди) и другие теологи.

Со временем получила широкое распространение практика путешествий китайских монахов в буддийские государства, и прежде всего в Индию. Они устремлялись далеко на запад, навстречу опасности, лишениями самым невероятным ситуациям в надежде приобщиться к таинствам религии, приобрести канонические книги для последующего перевода на родной язык и распространения учения. Из числа самых известных паломников следует выделить Фасяня (337? — 422? гг.) и, естественно, Сюаньцзана (600? — 664 гг.), имена которых часто упоминаются в настоящей книге. На первом этапе странствия монахов в основном совпадали с маршрутами Шелкового пути, но постепенно все большую актуальность приобретали передвижения по морю.

Монах, путешественник и переводчик Ицзин, отправившийся в Индию в начале 70-х годов VII века, составил жизнеописания тех, кто совершил паломничество в «западные земли». По его данным, из 65 человек 14 двигались по дорогам Центральной Азии, 8 прошли через Тибет и Непал, 41 плыли по морю мимо Малакки и Цейлона. Об обратном пути сохранились сведения только о 24 монахах: Центральную Азию пересекли 9, Непал и Тибет — 5, морскими судами воспользовались 10 человек.

Древнейший буддийский текст на территории Синьцзяна обнаружили в конце XIX века, это рукопись канонической «Дхармапады», написанная письмом кхарошти. Как известно, кхарошти— индобактрийское слоговое письмо, первоначально читалось справа налево, в более поздний период— слева направо. Самая ранняя запись, выполненная им, датируется 251 годом до н. э. На кхарошти оказало сильное влияние древнеиндийское слоговое письмо брахми, на нем писал свои указы знаменитый правитель Индии Ашока.

Французская экспедиция под руководством картографа Ж.-Л. Дютрей де Рена и при участии востоковеда Фернана Гренара в 1892 году приобрела часть рукописи, найденной, по

свидетельствам местных жителей, неподалеку от Хота-на. Она едва не погибла в результате разыгравшейся трагедии. Летом 1893 года в ходе стычки с местным населением в Тибете, куда путешественники проникли по горным тропам, Ж.-Л. Дютрей де Рен был убит. Умирающего француза сбросили в реку, а багаж экспедиции, в том числе собранные предметы старины, ценные вещи, инструменты, фотопленки, путевые заметки и т. д., подвергся разграблению. Ф. Гренар спас свою жизнь и в конце концов вернул часть утраченного, включая манускрипт. Позднее ему пришлось столкнуться с обвинениями в том, что конфликт возник в значительной степени по вине французов.

Другой фрагмент попал к русскому консулу в Кашгаре Н. Ф. Петровскому, отправившему его в Петербург. Специалисты полагают, что объединенные тексты составляют около 60 процентов всей рукописи. Когда-то она имела вид берестяного свитка порядка 20 сантиметров шириной и 5 метров длиной. Возможно, владелец рукописи разрезал ее на семь частей, две из которых пропали. Крупнейший отечественный востоковед С. Ф. Ольденбург датировал находку I веком н. э.

В первые века нашей эры буддизм завоевал прочные позиции в регионе: возникли и активно функционировали мощные центры распространения учения — Хотан, Куча и др. Наиболее известные местные монастыри, сохраняя верность канону, приспосабливали его к конкретным условиям и создавали собственную литературу. Что касается тюрок, то еще их предки— хунну (сюнну) племени ашина, кочевавшие в Западном крае, активно контактировали с оседлым населением, исповедовавшим эту религию.

Во второй половине VI века буддизм принял правитель Восточного каганата Муган-каган. Его преемник Таспар-каган (572–581 гг.) обратился к китайскому императору с просьбой прислать ему канонические тексты. В ответ он получил переведенную на тюркский язык «Нирванасутру». Несколько позже учение распространилось и в Западном каганате, но там оно не стало главным.

После переселения в Турфанский оазис уйгуры-манихеи с интересом восприняли буддизм, и с X века он становится у них господствующей религией, о чем, в частности, поведал Ван Яньдэ, возглавлявший дипломатическую миссию из Китая и проживший в Гаочане около года. Большинство текстов, написанных в то время на уйгурском языке, — буддийские сочинения. Многие иноземцы считали эти земли страной буддийских храмов и идолов.

Учение Сиддхартхи Гаутамы, впитав элементы традиционных верований уйгуров, в том числе и шаманства, в конечном счете

сыграло значительную роль в их судьбе и оказало большое влияние на развитие изобразительного и музыкального искусства, архитектуры и градостроительства, языка и литературы, философской и социально-экономической мысли. Оно сохраняло свои позиции в этом районе до середины XIV века, когда на смену ему пришел ислам.

История христианской церкви в Западном крае в эпоху средневековья связана прежде всего с деятельностью несториан. Несторианство— это течение в христианстве, которое в первой половине V века создал в Византии константинопольский патриарх Несторий. Он утверждал, что дева Мария родила обычного человека, впоследствии возвысившегося и принявшего божественную природу. В 431 году данное учение было осуждено как ересь на Эфесском соборе: Нестория отправили в ссылку, а его последователи бежали в Иран и Центральную Азию, где пользовались значительным влиянием до XIII века. В настоящее время несториане проживают в Иране, Ираке, Сирии и ряде других государств.

В 635 году в г. Чанъань — столицу Танской империи — по Шелковому пути прибыл некий сирийский миссионер-несторианин по имени Рабань (кит. транскрипция Алобэнь). Он был представлен ко двору императора Тайцзуна, который счел, что христианство наряду с буддизмом и традиционным китайским философско-религиозным учением даосизмом могут сыграть позитивную роль в укреплении власти государя и стабилизации внутриполитической ситуации в стране. Правитель, благосклонно выслушав размышления о Христе и слове божьем, выделил внушительные средства на постройку христианской церкви в северо-западной части столицы.

В императорском эдикте 638 года по этому поводу сказано следующее: «Персидский монах Алобэнь издалека принес в нашу столицу священные книги и изображения. Внимательно ознакомившись с ними, мы установили, что смысл его учения таков: сокровенно-утонченное пребывает в недеянии, утверждение жизни— самое главное. Оно спасает все существа и приносит пользу людям. Надлежит его использовать в Поднебесной, для чего соорудить в квартале Инин храм и посвятить в монахи 21 человека».

Позднее храм получил название Дацинь. Именно так называли здесь далекую Римскую империю. По мнению современного исследователя Ань Ци, имея в целом относительно скудные сведения о некогда могущественной христианской (с IV в. н. э.) империи на западе Евразии, китайцы полагали, что временные рамки ее существования совпадают с периодом

правления собственной династии Цинь (конец III в. до н. э.). Древние римляне казались намного атлетичнее и выше ростом, поэтому, вероятно, и появилось указанное словосочетание, которое можно перевести как «большая Цинь».

Упомянутый храм обозначен на сохранившейся карте Чанъани 741 года, а об истории проникновения христианской культуры в Китай, конкретных событиях из жизни общины, основных постулатах религиозной доктрины рассказывает огромная плита из сианьского Музея каменных стел, изготовленная в 781 году. Христиане-несториане к тому времени проживали уже в восьми городах империи, в стране насчитывалось несколько сотен последователей вероучения.

Распространение христианства на маршрутах Шелкового пути в Западном крае было обусловлено не только целенаправленной деятельностью миссионеров, но и интенсивным развитием торговли, что приводило к созданию достаточно крупных колоний поселенцев, исповедывавших те или иные религиозные учения. Нельзя игнорировать и такой фактор, как переселение в более спокойные места христиан, подвергавшихся гонениям (например, в Иране). Возникновение мощного Тюркского каганата в середине VI века способствовало стабилизации обстановки в данном регионе и соответственно активизации здесь торговли. Именно к этому времени относится первое документальное свидетельство о появлении христиан в Китае: предки семьи сирийца Мар Саргиса, прибывшие с запада, поселились в Линьтао (совр. провинция Ганьсу) в 578 году.

Ху Дацин

Научная экспедиция из Германии под руководством Альберта фон Ле Кока в 1905 году обнаружила в Турфанском оазисе несторианский храм примерно VIII–IX веков, который находился за пределами городских стен Кочо (Га-очан), по соседству с комплексом буддийских памятников. Роспись была заложена кирпичной кладкой, благодаря чему и сохранились ее отдельные фрагменты. Немецкие специалисты срезали часть фрески со сценой христианского праздника. Можно предположить, что первоначальную роспись в храме заложили манихеи, спустя какое-то время превратившие его в собственное культовое сооружение.

В середине XIII века об уйгурах-несторианах писали францисканец Плано Карпини и фламандец Виллем Рейсбрук

(франц. Гильом Рубрук), побывавшие в ставках монгольских правителей— великих ханов Гуюка и Мункэ в Каракоруме. Правда, сами они по уйгурским землям не путешествовали и опирались на устные свидетельства. В состав миссии Гильома Рубрука входил монах-итальянец по имени Бартоломео, который решил остаться в столице Монгольской империи и посвятить свою жизнь служению Богу в христианской (несторианской) церкви.

Любопытны сведения Марко Поло конца XIII века о несторианах, исповедующих «христианскую веру, но не так, как повелевает римская церковь». Венецианец близко познакомился с несторианами в Мосуле (совр. Северный Ирак), позднее регулярно сталкивался и общался с ними в Центральной Азии и Китае. По его словам, они проживали в Кашгаре и Яркенде, Сасионе (Дуньхуан) и Сучжоу (Цзюцюань), в трудно идентифицируемых области Гингинталас и царстве Ергинул. В городе Калачиан (на территории совр. Нинся-Хуэйского автономного района) он нашел «три христианские церкви несториан», а в Чингианфу (Чжэньцзян) — две. Община христиан-несториан оказалась и в Кинсае (Ханчжоу), городе, который произвел на него ошеломляющее впечатление.

С этой точки зрения интересен своими деталями мало-правдоподобный по сути эпизод о штурме Саинфу (Сян-фань), в котором активное участие приняло семейство Марко Поло. В «услугах» у него оказались «немец да христианин-несторианец — хорошие мастера», изготовившие две машины, что метали крупные камни на большое расстояние.

В дальнейшем несториане в Китае лишились какой-либо поддержки со стороны императоров, нередко сталкивались со всевозможными притеснениями и не оставили заметного следа в национальной культуре. Следующий этап проникновения христианства в эту страну связан с миссионерами из ордена иезуитов, но они пришли в Поднебесную значительно позже и иным путем.

Активное включение ислама в религиозную ситуацию на территории Восточного Туркестана произошло, вероятно, в середине X века, когда на западе региона и в сопредельных районах Средней Азии шел процесс становления и укрепления Караханидского государства. О его происхождении существуют более полдюжины гипотез, но узнать истину вряд ли когда-либо удастся, поскольку в соответствующих источниках почти не сохранилось достоверных сведений о его начальном этапе.

По мнению востоковедов, «остается еще не вполне ясной и этническая атрибуция ставшей во главе этого государства

тюркской династии, а рассказы о первых Караханидах носят полулегендарный характер». С некоторыми более или менее известными фактами читатель познакомится в седьмой главе, а пока речь пойдет о распространении мусульманства на синьцзянской земле.

В результате впечатляющих арабских завоеваний в Центральной Азии ряд тюркоязычных племен из некогда могущественных, но достаточно быстро прекративших один за другим свое существование каганатов вступил в непосредственный контакт с населением, которое приняло ислам. Наличие между ними устойчивых и весьма разнообразных социально-экономических и политических связей, естественно, предопределило тесное знакомство и с указанным вероучением.

Как считает российский специалист С. Г. Кляшторный, «исламизация караханидских тюрок не была следствием кратковременных усилий какого-либо миссионера», а происходила постепенно и имела вполне реальные и конкретные выгоды. В частности, возникли предпосылки «для политического приятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии». Вполне возможно, что ислам в государство Караханидов, в том числе и в Кашгар, пришел из соседнего саманидского Мавераннахра — государства со столицей в Бухаре, расположенного в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Ключевое событие произошло в 960 году, когда эту веру приняли сразу 200 тыс. тюркских семей. Каган Муса, вступивший на престол в 955 году, провозгласил ислам государственной религией со всеми вытекающими отсюда последствиями. Спустя некоторое время он объявил войну неверным, начав под зелеными знаменами боевые действия с соседними государствами. Согласно преданиям, Муса принял данное решение под влиянием некоего мусульманского теолога, который проповедовал еще в годы правления его отца Сатука. Хотя каких-то документальных подтверждений этой информации нет, но сразу возникают параллели, имеющие отношение к отечественной истории.

Так, среднеазиатский тюркоязычный памятник XVI века «Тарих-и дуст Султан» Утемиша Хаджи повествует об обращении в ислам монгольского правителя Золотой Орды Узбек-хана (1313–1341 гг.). Центральная фигура всего сочинения— загадочный Баба Тюклес, принесший в улус Джучи (старший сын Чингисхана) новые идеи. Его имя хорошо известно из полуисторических и эпических произведений того периода. Американский тюрколог Девин Де Визе, тщательно изучивший упомянутый источник и

опубликовавший в 1994 году книгу «Исламизация и исконная религия в Золотой Орде», полагает, что Баба Тюклес является одной из многих популярных мифологизированных личностей в традиции Центральной Азии, которые изначально определены как представители мистико-аскетического направления в исламе и которым приписывается главная роль в обращении в мусульманство тех или иных правителей и государственных образований.

Таким образом, к концу X века на территории современного Синьцзяна существовало два государства: исламское и буддийское (с оговорками). В сложившейся ситуации их правители не торопились воспринимать культурные традиции и духовные ценности друг друга, что, безусловно, замедляло процесс осознания населением этнической общности. Вначале XIII века Караханидское государство исчезло с политической карты мира, наступила эпоха монгольских завоеваний.

Излишне, наверное, напоминать об удивительной веротерпимости Чингисхана. Будучи шаманистом, он признавал равенство всех религиозных учений: ислама и христианства, буддизма и манихейства. Основатель Монгольской империи уделял особое внимание духовенству, предоставив ему всевозможные льготы и привилегии, поскольку считал, что оно играет важную роль в идеологическом воздействии на население и от него во многом зависит обеспечение стабильности в покоренных государствах.

Этой тактики обычно придерживались и его преемники. Известен эпизод, когда великий хан Мункэ в 1252 году приказал казнить уйгурского правителя из буддийского Турфана Салынды, попытавшегося организовать мусульманские погромы. С другой стороны, Марко Поло в рассказе о Санмаркане (Самарканд) сообщил, что сын Чингисхана Чагатай (Джагатай), которого он ошибочно назвал «братом» Хубилая (на самом деле дядя), «обратился в христианство». Заслуживающие доверия сведения на сей счет отсутствуют, но есть данные, что Чагатай негативно относился к исламу и мусульманам. Возможно, именно поэтому он так и не стал великим ханом, уступив престол своему младшему брату Угэдэю.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в 1224 году Чингисхан выделил второму сыну в удел западную часть завоеванной монголами Центральной Азии. Так возник обширный Чагатайский (Джагатайский) улус, куда (с 1251 г.) вошли земли от Кашгара и Хотана до Амударьи. В дальнейшем его правители — Чагатаиды— приняли ислам и присоединили значительную часть территории государства уйгуров в Восточном Туркестане,

но в середине XIV века улус распался на несколько владений.

В период монгольских завоеваний приверженцы ислама приобрели значительное влияние и во внутренних районах Китая. Новые правители Срединного государства доверяли им больше, чем китайцам, и поручали мусульманам государственные дела, включая финансы и всевозможные торговые операции. В частности, Марко Поло весьма подробно описывает заговор китайцев в столице против «некоего сарацина по имени Ахмах», «мужа мудрого и способного», который был «у великого хана в силе», «распоряжался всем управлением и назначениями», «властвовал» более двух десятков лет.

Комментаторы «Книги» венецианца считают, что в данном случае речь идет об убийстве министра-мусульманина при дворе Хубилая Ахмеда (1282 г.). Его подробности, в какой-то мере совпадающие с повествованием путешественника, имеются в китайских летописях и рассказе персидского ученого-энциклопедиста, историка и государственного деятеля конца XIII — начала XIV века Рашид ад-Дина.

Исторических достопримечательностей в Урумчи не так уж много. Поэтому особый интерес у любителей старины вызывает музей Синьцзян-Уйгурского автономного района, расположенный на Северо-западной улице (кит. Сибэй-лу) в деловой части города. Монументальное сооружение, построенное в 1953 году и хорошо видимое издалека, напоминает о славных временах советско-китайской дружбы. Здесь собраны интереснейшие раритеты, обнаруженные в ходе многолетних археологических раскопок на древних маршрутах Шелкового пути; значительная часть экспозиции рассказывает о жизни и быте, фольклоре и национальных особенностях народов, проживающих на территории Синьцзяна. К сожалению, в последнее время довольно часто музеи, которые я намеревался посетить, оказались закрыты в силу тех или иных причин. Нечто подобное произошло и на этот раз: для посетителей была открыта лишь небольшая пристройка, а в главном здании кипели ремонтные работы.

Оставалось надеяться, что самое важное все-таки удастся посмотреть. Купив за 25 юаней (3 доллара) билет и прочитав на нем названия функционирующих на данный момент выставок, вздохнул с облегчением: «Синьцзянские реликвии, сокровища и древние останки усопших» и «Драгоценные камни Синьцзяна». Первое из них автоматически снимало возникшие несколько минут назад вопросы и сомнения, долгожданное свидание с «лоуланьской красавицей» состоится!

В 1980 году при раскопках крепости Лоулань в пустыне Такла-Макан китайские специалисты обнаружили мумию

женщины в одежде и обуви из овечьих шкур и в шерстяной шапочке, украшенной гусиным пером. Она пролежала в песке около 3800 лет. Это самые ранние останки (вес 10,1 кг) из тех, что хранятся в музее. В результате научных экспертиз с участием врачей, биологов и химиков из Синьцзяна и Шанхая удалось выяснить ее возраст в момент смерти — 40–45 лет.

После вскрытия мумии ученые обнаружили, что сердце, легкие, печень и другие внутренние органы сохранились целиком, но затвердели и атрофировались. Легкие содержали черные песчинки, что указывало на наличие частых песчаных бурь в этом районе. Причину смерти установить не смогли, но врачи подтвердили, что женщину похоронили сразу после кончины.

Тело покойной (ее рост при жизни был 157 см) в условиях сухого климата быстро мумифицировалось, а то обстоятельство, что «красавица» умерла зимой, способствовало замедлению процесса размножения микробов. Свое необычное имя мумия получила за яркие черты лица, характерные для женщин кавказского типа.

Я долго и внимательно рассматривал останки, о существовании которых узнал где-то в середине 80-х годов. С фотографии, сконструированной по останкам этой женщины, на меня смотрело довольно смуглое симпатичное европейское лицо с большими умными глазами, несколько заостренными скулами, резко очерченным подбородком и темно — каштановыми волосами. Назвать ее красавицей я бы не решился, но, увидев на улице шумного города, обязательно обратил бы на нее внимание. Теперь нужно только перенестись почти на четыре тысячи лет назад и повстречать стильную незнакомку в районе озера Лобнор.

В уйгурской харчевне

Следует добавить, что с удивительной находкой археологов связано популярное среди китайской молодежи лиричное стихотворение «Невеста из Лоуланя» современной тайваньской поэтессы Си Мужун. Позднее на эти слова был написан модный шлягер.

Среди других экспонатов музея, заслуживающих пристального внимания, погребальная утварь из захоронений в Астане и Караходже, обнаруженная в руинах Субаши, Гаочана, Яр-Хото, древние документы на чрезвычайно редких языках, предметы материальной культуры из Каратара, Турфана, Цемо, Хами и т. д. О многих из них постараюсь рассказать на страницах этой книги.

В центре города Ху Дацин показал мне еще одно современное помпезное здание 50-х годов— национальный театр с колоннами и скульптурами при входе, сейчас там обычно показывают кинофильмы. Вокруг него уже стоят современные дома и высятся ультрамодные новостройки. Правда, если пересечь площадь, то прямо напротив театра расположена одна из главных мечетей Урумчи— Джами Хан-Тенгри (Пятничная мечеть Хан-Тенгри).

В отличие от культовых сооружений, куда приходят жители близлежащих домов, ее посещают верующие из разных районов

города. Сама мечеть, перестроенная относительно недавно, находится как бы на втором этаже, а внизу, в огромном супермаркете, идет бойкая торговля. Исключительно рациональное использование имеющихся площадей в первый момент несколько удивило, но, с другой стороны, предпринимательская и социально-экономическая активность населения на территориях, непосредственно прилегающих к мечетям, вполне вписывается в традиции стран Востока.

Поднявшись по лестнице, я сразу натолкнулся на металлический табут — специальное приспособление, в котором во время похорон носят завернутое в саван тело усопшего. Мне, увы, неоднократно приходилось участвовать в ритуале погребения по мусульманскому обряду, в том числе и в татарской деревне за Казанью. Пожалуй, впервые увидел такую легкую, прочную и удобную конструкцию.

В нынешнем административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района достаточно сложно найти старинное здание, а мне очень хотелось почувствовать атмосферу конца XIX— начала XX века, когда в Урумчи постоянно приезжали и встречались знаменитые путешественники и искатели приключений, выдающиеся ученые и деятели культуры. С помощью друзей Ху Дацина мы смогли, наконец, отыскать храм Конфуция (кит. Вэнымяо), который был построен в 10-й год правления цинского императора Гуансюя, т. е. в 1884 году.

Он расположен в центральной части города, но в тихом месте. Настолько тихом, что мне понадобилось минут десять, чтобы найти в него вход. Музей, разумеется, был закрыт на неопределенный срок, но его работники любезно разрешили побродить во внутреннем дворике. Вэнымяо — единственный сохранившийся конфуцианский храм на территории региона. Его неоднократно разрушали и ремонтировали, в 1945 году отреставрировали практически полностью. Хочется верить, что тут бывали Н. М. Пржевальский и П. К. Козлов, Н. К. Рерих и С. Ф. Ольдербург, С. Гедин и А. Стейн, П. Пельо и Отани Кодзуи, А. фон Ле Кок и многие другие, вписавшие свои имена в историю изучения Центральной Азии.

После выполнения насыщенной программы очередного дня решено было как следует подкрепиться. Русский путешественник Г. Е. Грумм-Гржимайло так описывал харчевни в Урумчи, где он останавливался летом 1889 года: «Китайский трактир — открытое помещение под навесом… Оно не блестит ни чистотой, ни комфортом: квадратные… и длинные, насквозь промасленные столы, такие же скамейки и табуреты, — вот и вся его утварь; смрад и едкий чад — обычная в нем атмосфера; копоть на всем и

повсюду; если что-нибудь подают, то подают до отвращения грязно… Да как же о чистоте тут и думать, когда с улицы несет сюда беспрепятственно пыль, а в непогоду, когда «Киндык» (главный городской базар. — *Н. А.)* обращается в сплошную клоаку вонючей грязи, каждый проезжий обдает посетителя дождем брызг и комьями грязи! Публика же этих трактиров относится к окружающей ее грязи довольно безучастно.

Эта публика в высшей степени разнообразная, всего же более голытьба. Есть завсегдатаи, которые, кажется, на то только и существуют, чтобы украшать собой такие чертоги. Среди этих субъектов, как свежая и яркая заплата на просаленном полотне, виднеются иногда и довольно прилично одетые господа. Но таков уж обычай! Еда — это своего рода культ для китайцев; под покровом трактира в Китае исчезают все различия между людьми». По словам исследователя, аналогичные заведения дунган своим внешним видом «почти вовсе не отличаются от китайских», но подают там «много опрятнее».

Вероятно, все так и было сто с лишним лет назад, но я со своей стороны абсолютно убежден, что оптимальное место для настоящего чревоугодия — это шумная китайская или уйгурская харчевня. Здесь действительно знают толк в еде: если в заведении много посетителей, то повар — мастер своего дела. Добравшись до Синьцзяна, грех не отведать свежей баранины, которую подают в уйгурских ресторанах. Ху Дацин, ханец по национальности, полностью меня поддержал, поэтому решение было принято в считанные секунды.

Перед входом в харчевню неизменно висит туша барана, зарезанного по-мусульмански ранним утром. Около нее стоит мужчина, который быстрыми и профессиональными движениями острым ножом срезает те куски мяса, которые заказали клиенты. Мясо в основном идет на кухню, но значительную его часть он готовит сам, ибо в его распоряжении находится тандыр, где обычно пекут роскошные лепешки (тюрк, нан) с кунжутными семечками и самсу (кит. каобаоцзы) с начинкой из рубленой баранины.

В часы массового наплыва клиентов ему не до лепешек и самсы, поскольку одно из самых популярных блюд во время обеда и ужина— мясо, приготовленное непосредственно в печи (тюрк. — кит. нанкаожоу). Только что срезанное сырое мясо легко прилипает к раскаленным внутренним стенкам тандыра; когда оно дошло до нужной кондиции, необходимо побрызгать на него соляным раствором и аккуратно вытащить из печи. Невозможно передать аромат и вкусовые оттенки этого деликатеса, но тот, кто его попробовал, отныне знает, что такое качественное мясо.

В тандыре можно запечь и целую тушу. Разделанного двухгодовалого барана обмазывают клейкой смесью желтого цвета из яиц, куркумы, молотого желтодревесника, зеры (кит. цзыжань), воды и соли. За два часа до начала готовки в печи сжигают примерно 100 кг сухих дров и, когда температура достигнет наивысшей точки, ее стенки обливают соленой водой и таким образом гасят сумасшедшее пламя. Затем, не мешкая, в тандыр ставят под углом насаженную на специальный шест тушу и плотно закрывают печь. Спустя два часа приготовленного барана вынимают, в отдельных торжественных случаях ему повязывают голову красным шелком и подают на праздничный стол.

Понятно, что подобные яства не на каждый день. Когда финансовые возможности туриста ограничены, то наиболее разумное со всех точек зрения блюдо — лагман. Приготовленная в виде довольно широких полос лапша подается без бульона, но с обжаренными мясом и овощами. При остром желании отведать жареной баранины лучше всего заказать незатейливые шашлыки или приготовленные на решетке кусочки мяса. В обоих случаях их от души посыпают перцем и зерой. Приправы и их количество можно отрегулировать при составлении заказа или прямо на кухне. Всегда в ассортименте шашлыки из мясных субпродуктов.

Отменны по вкусовым качествам хрустящие бараньи ребрышки, обжаренные почки, говядина с кунжутом и многие другие блюда. Мне и моим друзьям очень нравится тушеная баранина с помидорами на лепешке (тюрк. — кит. нанбаожоу). Последняя настолько пропитывается соками свежеприготовленного мяса, помидоров и размягченными под воздействием термической обработки специями, что, несмотря на изначально плотную консистенцию, буквально тает во рту, оставляя аромат чарующей смеси.

Нельзя покинуть заведение, не отведав фирменных мучных изделий с мясом: это уже упоминавшиеся самса из тандыра и паровые манты с тончайшим слоем теста, обильной начинкой и превосходным бульоном. Есть их следует аккуратно. При наличии коллектива из двух и более человек, дополнительных средств (7–9 долларов) и свободного времени лучше всего заказать запеченную баранью ногу. Как правило, ее готовят довольно долго, поэтому, обедая или ужиная в уйгурском ресторане или харчевне, необходимо учитывать данное обстоятельство и не частить с закусками.

Конечно, при таком обилии мяса никак не обойтись без внушительного количества овощей. Особых изысков по данной части в уйгурской кухни не отмечено, в этих случаях следует

ориентироваться на традиционные в Китае холодные закуски, которые присутствуют в меню в полном объеме, за исключением, естественно, блюд с добавлением свинины. Наиболее предпочтительный вариант — попытаться договориться с официантом о большой тарелке нарезанных овощей и попросить отдельно соус к ним, ибо может получиться так, что на кухне свежие огурцы, перец, лук и помидоры заправят сладким майонезом.

Употребление иностранцами алкоголя не вызывает протеста со стороны хозяина ресторана, а в других регионах страны в любой уйгурской харчевне крепкие напитки и пиво представлены очень широко. Тем не менее я не стал пить водку (Ху Дацин за рулем), хотя настроение было соответствующее, дабы не привлекать внимания посетителей. Что же касается дунганской кухни, о которой писал Григорий Ефимович, то внешне она напоминает уйгурскую, но не столь живописна, ароматна и вкусна. Возможно, мне просто не повезло.

Отсутствие старинных зданий в Урумчи обусловлено прежде всего на редкость бурной историей этого города. В XIX— первой половине XX века его постоянно сотрясали вооруженные мятежи, массовые волнения и бунты. Так, разрушительным для него и всего северо-запада Китая стало Уйгурско-дунганское восстание 1862–1877 годов.

Дунгане — это наиболее многочисленная северная группа китайской народности хуэй, исповедуют ислам, в настоящее время в КНР в основном проживают на территории Нинся-Хуэйского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов, в провинциях Шэньси и Ганьсу. В последней четверти XIX века они появились в Киргизии (в районе года Ош и озера Иссык-Куль) и Казахстане (к востоку от Джамбула). Поэтому специалисты различают центрально-азиатских и китайских дунган.

Восстание дунган против маньчжурских правителей Китая началось в уезде Вэйнань в провинции Шэньси, которая до 1866 года оставалась главной базой повстанцев. Постепенно они были вытеснены в малонаселенные районы Ганьсу и далее на запад — в Синьцзян, где объединившись с восставшими там уйгурами и другими представителями коренного населения, вели тяжелую и на редкость кровопролитную войну с императорской армией. В конце 60-х годов дунганских инсургентов возглавил некто Биянху (кит. Бай Янху), выходец из семьи районного старосты.

Примерно в то же самое время вспыхнуло восстание местных жителей в Восточном Туркестане. Его бесспорным лидером стал прибывший в регион в 1864 году выходец из Коканда Якуб-бек, сначала державшийся несколько в тени. Русские офицеры,

общавшиеся с ним в Кашгаре, отмечали его незаурядные военные дарования, организаторские способности, личную храбрость, скромность в быту, огромную силу воли и железную энергию в достижении поставленных целей. При этом они подчеркивали, что Якуб-бек пришел к власти не по желанию народа, а как узурпатор и установил на подконтрольной ему территории жесточайшую диктатуру. Быстрота принятия решений и их строгость были общеизвестны, «заставляли подданных Якуб-бека дрожать при его имени за сотни верст».

Маньчжурскими и китайскими войсками командовали в основном генералы Лю Цзиньтан и Цзо Цзунтан, участвовавший еще в подавлении Тайпинского восстания середины XIX века. Стороны не ограничивали себя в выборе средств, поэтому затяжные боевые действия, как правило, сопровождались массовой резней. В результате гибли ни в чем не повинные мирные жители, а уникальные культурно-исторические памятники далекого прошлого подвергались осквернению и беспощадно разрушались.

Мощные выступления мусульман привели к созданию на территории Синьцзяна сразу нескольких независимых государственных образований. К концу 60-х годов существовали уйгурское государство Йеттишар в Кашгарии, Дунганское ханство с центром в Урумчи и уйгурский Таранчинский суртанат в Илийском крае. Однако после двух походов против соседнего ханства Якуб-бек сумел присоединить его территорию к Йеттишар, распространить свое влияние на Джунгарию и установить союз с дунганами в борьбе против Цинской империи. В 1873 году к нему примкнул со своим отрядом Биянху. В весьма непростой военно-политической ситуации, когда в регионе столкнулись интересы не только главных действующих лиц, но и ряда европейских государств, Илийский край временно оккупировали русские войска. Автор еще вернется к драматическим событиям тех лет.

После серии тяжелых ударов и окончательного разгрома в 1877 году остатки повстанцев-дунган с согласия царского правительства перешли границу и поселились в России. Аналогичным образом поступила и значительная часть уйгуров. По Петербургскому договору с Китаем от 24 февраля 1881 года, Россия оставляла за собой незначительный участок в западной части Илийского края для наделения землей уйгурских и дунганских беженцев из Джунгарии и Восточного Туркестана.

Необходимо подчеркнуть, что в указанный период на территорию России из Поднебесной перешли не только восставшие и в конечном итоге потерпевшие поражение

мусульмане, но и те, кто серьезно пострадал от них в середине 60-х годов. Речь идет о военных поселенцах в Илийском крае — представителях монгольских племен, некогда проживавших на Амуре. Они бежали от восставших таранчей— турфанских переселенцев в Джунгарии. Кстати, слово «таранчи»— земледельцы— происходит от глагольного корня «тара» в тюркских языках, которое можно перевести как «обрабатывать землю», «бороновать» и т. д. Повстанцы, жестоко подавлявшие всякое неповиновение и насильственно насаждавшие ислам, даже создали собственное ханство, о чем было сказано чуть выше.

В 1867 году несколько тысяч чудом уцелевших китайских эмигрантов добрались до уездного города Копал в Семиреченской области. Большинство из них затем разместили в Сарканском высылке (с 1875 г. — станица) в предгорьях Джунгарского Алатау. В соответствующей исторической литературе Семиречье— один из регионов древней цивилизации в Центральной Азии, его территория включает юго-восточную часть современного Казахстана и долину реки Чу в Кыргызстане. Название происходит от семи рек, протекающих в этих местах: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан и Сарканд. С середины XIX века Семиречье вошло в состав Российской империи, в 1867 году здесь была образована Семиреченская область, которая просуществовала до середины 20-х годов XX века.

Некоторые китайцы позднее изъявили желание принять святое крещение по обряду русской православной церкви. В 1868 году крестились первые 19 мужчин и женщин. К 1872 году число всех эмигрантов, окрещенных в Копальском уезде, составило 721 человек. В качестве миссионера в Сарканский выселок, что в 85 верстах к северо-востоку от уездного центра, был направлен священник о. Покровский, который в 1871–1875 годах регулярно помещал довольно интересную информацию о лицах, принявших новую веру, в «Туркестанских ведомостях».

Подробнее об этих малоизвестных фактах можно узнать в книге Н. П. Остроумова «Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства», отпечатанной в типографии Казанского университета в 1879 году. Вначале 2003 года мне удалось побывать в столице Татарстана, где свой единственный день я провел в республиканском архиве. Каково было мое удивление, когда обнаружил, что книга с истрепавшейся от времени обложкой до сих пор так и не разрезана!

Глава 3

ДРЕВНИЙ ТУРФАН

По недавно отстроенной скоростной трассе № 312 Ху Дацин доехал от Урумчи до Турфана за два с небольшим часа. Где-то в середине пути он махнул в сторону от дороги, сказал, что проезжаем город Дабаньчэн, и стал напевать китайскую песню.

Упомянутый город известен давно, еще со времен Шелкового пути, но знаменитым он стал благодаря фантастически популярной в стране в середине XX века песне «Любовь возницы из Дабаньчэна». Иностранцу достаточно трудно в деталях объяснить причины этого феномена, лично у меня вызывают искренний восторг ее слова, точнее припев. Поскольку я не обладаю какими-либо способностями в области стихосложения, могу предложить лишь его подстрочник:

Не надо выходить замуж за другого,
Обязательно выходи замуж за меня.
Принеси миллион денег,
Захвати младшую сестру
И приезжай на (собственной) повозке.

На мой взгляд, в простенькой песне нашла отражение голубая мечта любого мужчины. Если ее грамотно перевести на русский язык, то она и в России нашла бы благодарных слушателей. Не случайно ее включил в свой репертуар знаменитый американский певец с потрясающе низким басом Поль Робсон, много раз приезжавший с концертами в Советский Союз. Эту песню он исполнял на английском и китайском языках.

Ее автором считается композитор Ван Лобинь. После окончания высшего учебного заведения в Пекине он работал в оперной труппе Ланьчжоу (административный центр провинции Ганьсу). Во время антияпонской войны Ван познакомился с уйгурами, которые сопровождали грузы, поступавшие из СССР. В 1938 году от водителя-уйгура он впервые услышал незамысловатую мелодию и развеселивший его текст песни, в тот же вечер обработал их и сделал нотную запись. После успешного дебюта Ван Лобинь навсегда связал свое творчество с народной музыкой Синьцзяна.

Вскоре мы въехали на территорию оазиса, расположенного в

Турфанской котловине. Известно, что тектонический прогиб в районе ныне почти высохшего соленого озера Айдинкуль составляет -154 м. Ниже находится только ближневосточное Мертвое море (-392 м).

Примерно в 50 км к юго-востоку от современного Турфана сохранились руины древнего Гаочана. Простое упоминание об этом городе вызывает трепет у любого, кто увлекается средневековой историей Китая: Шелковый путь, проникновение в Срединное государство манихейства и буддизма, войны с сюнну и набеги тибетцев, независимое княжество и государство уйгуров, империя монголов и т. д. Моя поездка в оазис, разумеется, предусматривала посещение данного городища.

Его можно увидеть за несколько километров до конечной цели. Поскольку дорога вплотную примыкает к уникальному памятнику, возникает огромное желание выйти из машины и потрогать вековые стены из необожженного кирпича, услышать свист горячего ветра в ее проемах и взглянуть на незабываемую панораму мертвого города. Как и положено законопослушным гражданам, мы сначала отыскали главный вход и приобрели входные билеты (по 20 юаней).

Следует сразу оговориться: в Гаочане очень долго работали иностранные археологи, а местные жители веками растаскивали глину и кирпичи на нужды строительных и сельскохозяйственных работ. Неудивительно, что памятнику был нанесен значительный ущерб. Однако даже сейчас, прогуливаясь среди фантастических и причудливых развалин, возможно окунуться в мир реальных событий далекого прошлого.

С XV века городище известно как Хочжу. Французский синолог П. Пельо убедительно доказал происхождение этого названия от тюркского Кочо, которое восходит к древнекитайскому Гаочан. Впервые о «крепости Гаочан» упоминается в «Истории династии Хань» (кит. «Хань шу») знаменитого исследователя и литератора Бань Гу (3—54 гг.). Автор другого летописного свода сообщает, что там «климат умеренный, земля плодородная, хлеба, в том числе и пшеница, созревают два раза в год… условия подходят для занятия шелководством, много фруктовых садов».

Во II–I веках до н. э. за обладание этим редким для засушливых районов местом шла острая борьба между китайцами и сюнну. В 89 году до н. э. местный правитель признал себя вассалом Поднебесной, но после смерти императора Уди власть перешла к кочевникам. Спустя несколько лет (68 г. до н. э.) ханьский полководец Чжэн Цзи успешно провел очередную кампанию и взял указанную территорию под свой контроль,

правда, называлась она в то время по-другому— Цзюйши. В дальнейшем талант военачальника высоко оценил император, и в 60 году до н. э. именно его назначили на только что созданный пост генерал-протектора Западного края. Что же касается Цзюйши, то вскоре он был вновь занят сюнну.

Древний Гаочан

Организовать здесь относительно бесперебойную хозяйственную деятельность китайцы смогли лишь после укрепления своих позиций во всем регионе. Новый генерал-протектор Хань Сюань в 48 году до н. э. учредил должность коменданта военных поселений со штаб-квартирой в расположенном поблизости Цзяохэ (Яр-Хото). В древних документах содержится, в частности, информация о местном складе, где хранилось собранное поселенцами зерно, его администрация вела переписку с чиновниками других районов. Вначале I века н. э. (16 г.) военное поселение было ликвидировано, поскольку Цзюйши на пятьдесят с лишним лет перешел к кочевникам.

В 70-е годы китайцы резко активизировали свою деятельность в данном направлении. Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что начал функционировать новый маршрут

Шелкового пути— из Дуньхуана через Юймэнь-гуань в Турфанский оазис и Кучу, где он соединялся с так называемой средней дорогой (из Дуньхуана через Лоулань и т. д.). Дорога эта давно приобрела среди купцов и путешественников репутацию самой опасной. Особую сложность представляла безжизненная пустыня в районе Лоб-нора, ее описания даже в династийных хрониках раннего средневековья вызывают откровенное уныние у читателя: «В летнее время там дуют горячие ветры, приносящие бедствия… Лишь старые верблюды, когда поднимается этот ветер, начинают кричать, собираются вместе и прячут морды в песке. Люди считают это предупреждением и сразу же покрывают рот и нос шерстяными тканями. Этот ветер быстро проходит. Однако тот, кто не закроется, может погибнуть».

Новая дорога была чуть легче, но и тут странники сталкивались с огромными трудностями. По свидетельствам современников, на протяжении всего маршрута «от Дуньхуана к этой стране (Гаочану. — *Н. А.)* — вокруг пески и скалы, и нельзя точно определить дорогу и расстояния. Только по скелетам людей и животных, по конскому и верблюжьему помету возможно установить правильный путь».

Тем не менее с его появлением возросла интенсивность торговых контактов между Востоком и Западом.

В 74 году ханьские войска под командованием Доу Гу и Гэн Бина заняли Цзюйши, а военные поселенцы основали несколько колоний, что имело большое значение в жестком противостоянии с сюнну. К началу 90-х годов в Гаочане насчитывалось около пятисот колонистов во главе с комендантом. Несмотря на постоянные изменения во внутриполитической ситуации китайские поселенцы удерживали свои позиции в этом районе на протяжении весьма длительного времени.

Основатель династии Ранняя Лян (317–376 гг.) Чжан Цзюнь в 327 году на указанных землях образовал округ Гаочан, впервые административно оформив его в составе Срединного государства. Спустя более полувека генерал Люй Гуан по приказу своего правителя Фу Цзиня совершил завоевательный поход в Цюцы (Куча) и Яньци (Карашар) и возвращался с армией в столицу Чанъань (совр. Сиань). Он выполнил поставленную задачу: в Куче взял в плен выдающегося буддийского проповедника и переводчика канонических текстов Кумарадживу, чье имя еще не раз прозвучит на страницах этой книги.

В Гаочане глава местной администрации вступил в конфликт с Люй Гуаном, но затем был вынужден ему подчиниться. Полководец проследовал на территорию современной провинции Ганьсу, но в Чанъань он не вернулся, а основал в городе Гуцзан

(совр. Увэй) династию Поздняя Лян (386–403 гг.). В то же время Люй Гуан по достоинству оценил стратегическое значение Гаочана и направил туда своего сына в должности генерал-протектора Западного края.

С середины V века для Гаочана наступил период независимости, продолжавшийся до 640 года. По сведениям летописца, на его территории располагались 16 городов, где проживали китайцы и коренное население, имевшее собственную письменность, образцы которой до сих пор так и не обнаружены. Одновременно княжество испытывало значительное влияние со стороны древних тюрков.

В школах, согласно исторической хронике, изучали классические китайские произведения, что подтверждается найденными при раскопках древними рукописями. Жители глубоко почитали закон Будды. В 630 году по пути в Индию сюда пришел легендарный монах Сюаньцзан и выступил перед собравшимися со своей знаменитой проповедью. Наставник прочитал ее на специально отстроенной по этому случаю арене, вмещавшей порядка 300 человек.

Танский император Тайцзун, правивший Китаем в 627–650 годы, после прихода к власти значительно активизировал военные действия в западном направлении и вскоре нанес сокрушительное поражение Тюркскому каганату, подчинив его восточную часть. Монарх смог привлечь большинство побежденных на свою сторону. Тюрки впоследствии оказали ему огромную помощь в процессе восстановления китайского контроля над Шелковым путем в Западном крае.

Независимый Гаочан, где около полутора веков у власти находилась династия Цзюй, привлек внимание Тайцзуна спустя десять лет. Его дипломаты, получив соответствующий приказ, быстро составили список обвинений в адрес местных властей, их суть сводилась к следующему: Гаочан препятствует внешним связям танского Китая и предоставляет убежище представителям свергнутой династии Суй и ее сторонникам; его правители предпринимают меры по укреплению своей обороны и заключили союз с западными тюрками; Гаочан напал на «друзей и союзников» Поднебесной (Карашар, Хами) и проявляет неуважение к Сыну Неба.

Руины Яр-Хото

В данном случае необходимо сделать одно пояснение. Действительно, популярный торговый маршрут, который пролегал через процветавшее княжество, приносил существенные доходы его правителям. Когда власти Яньци (Карашар) предложили Китаю открыть дополнительную дорогу через их территорию, Гаочан решительно осудил эту идею и даже начал боевые действия против своего соседа, вызвав гнев императора.

Китайский генерал Хоу Цзюньцзи энергично атаковал позиции гаочанцев и уже в январе 641 года «доложил о победе». Известно, что в военной операции на стороне победителей принимала участие тюркская конница. В стремлении закрепить достигнутый успех танские чиновники на занятой территории немедленно приступили к проведению административной реформы. В Гаочане был образован округ Сичжоу, объединивший пять уездов. Позднее там же учредили наместничество Аньси, которое сыграло ключевую роль в мощном продвижении Китая на Запад.

В Гаочане сохранились фрагменты многих административных и культовых зданий, жилых построек. Прежде всего надо отметить впечатляющие руины буддийского монастыря в юго-западной части города. Судя по размерам фундамента, его

площадь составляла около 10 тысяч кв. м. Определено также место, где читал проповедь Сюаньцзан.

Вторым по величине и значению городом в Турфанском оазисе на протяжении многих веков был Яр-Хото (кит. Цзяохэ). Его руины расположены примерно в 10 км к западу от современного административного центра. Некогда река Яр, разделившись на рукава, охватывала его с двух сторон. Отсюда и произошло китайское название древнего населенного пункта и водной артерии, которое переводится как «соединившаяся река». При монголах Яр пересохла, и местные жители покинули свои жилища. Однако спустя какое-то время вода вернулась, вблизи городища появилась уйгурская деревня.

В километре от нее был обнаружен могильник, где в 1930 году исключительно плодотворно работал известный китайский археолог Хуан Вэньби. Вплоть до недавнего времени он оставался единственным специалистом, производившим здесь раскопки, его исследования внесли весомый вклад в изучение истории и культуры княжества. Им опубликованы монографии «Керамика Гаочана» и «Кирпичи с надписями из Гаочана», большое количество статей.

Интересное открытие в Яр-хото сделала отечественная археологическая экспедиция 1898 году во главе с Д. А. Клеменцем (1848–1914 гг.), наделавшая большой переполох в научном мире и которую сам ученый скромно оценивал как рекогносцировочную. Ее участники привезли из Синьцзяна внушительную коллекцию древностей, памятников искусства и письменности. Видный тюрколог, академик В. В. Радлов, хорошо знавший Д. А. Клеменца по совместной работе, отметил достигнутые им «блестящие результаты при очень ограниченных средствах».

Следует заметить, что руководитель экспедиции в свое время недоучился на физико-математическом факультете Петербургского университета, стал профессиональным революционером, после ареста отбывал ссылку в Минусинске и только там серьезно увлекся научными изысканиями. О некоторых подробностях его путешествия на северо-запад Китая и любопытных событиях, последовавших за ним, читатель узнает в главе 6, а сейчас вернемся к упомянутой находке.

В своем отчете Д. А. Клеменц отметил: «ВЯрхото, в пещерах без живописи, служивших жилыми помещениями, мы нашли ряды нацарапанных на штукатурке рунообразных надписей. Надписи эти были репродуцированы нами посредством эстампажа. В других местах мы не встречали сколько-нибудь значительных надписей, сделанных этим шрифтом; отдельные буквы

встречались нам в других пещерах…» Описывая «развалины Яр», он указал: «В шестой и третьей пещерах стены покрыты глиной, и на них, среди разной мазни, нашли мы рунические надписи. Они сняты, одна из них скопирована от руки». Речь в данном случае идет об открытии первых памятников тюркского рунического письма в Синьцзяне. В отличие от орхоно-енисейских пространных текстов на камнях эти и обнаруженные позднее надписи не имеют историографического значения, но представляют большой интерес прежде всего для выяснения религиозной ситуации в древнетюркской среде.

До Яр-Хото из Турфана можно легко добраться на велосипеде, но из-за отсутствия свободного времени мы решили не пересаживаться на другой транспорт. Река Яр с ее тщедушными ручейками впечатления, увы, не произвела. С водой в оазисе при чрезвычайно высоких летних температурах довольно напряженно, и в основном она находится под землей, о чем будет подробно рассказано в следующей главе.

Стоимость входного билета оказалась здесь повыше, чем в Гаочане, — 30 юаней (менее 4 долларов). Возможно, администрация Яр-Хото решила, что его руины сохранились несколько лучше, чем у соседей. С этим трудно спорить, да и само городище более компактно, хотя имеет внушительные размеры. Его длина с северо-запада на юго-восток составляет 1760 м, а максимальная ширина достигает 300 м. Однако в древности и раннем средневековье город Яр-Хото всегда оставался в тени Гаочана.

В нескольких километрах к северу от руин древнего Гаочана расположены два могильника — Астана и Караходжа. Сведения о них сохранились в письменных источниках эпохи Тан. Астана, согласно надписи на могиле некоего Чжан Хуайси (695 г.), это «старое северо-западное кладбище». В эпитафии на могиле Сун Хуайжэня (663 г.) район Караходжи назван «северными мавзолеями», поскольку к северу и северо-востоку от городища находились усыпальницы гаочанских правителей.

Мой китайский спутник не выразил особого желания приобщаться к экзотике кладбищенской жизни, и я, купив за 20 юаней (менее 2, 5 доллара) входной билет, отправился в старинные катакомбы в гордом одиночестве. Перспектива длительного пребывания под землей в окружении мумифицированных усопших и соответствующего интерьера не удручала, ведь там было значительно прохладнее, нежели под палящими лучами солнца.

Могильник Астана в начале XX века привлек внимание японской экспедиции Отани Кодзуи и Татибана Дзуйтё, которая

обследовала его несколько погребений, однако информации об этих раскопках чрезвычайно мало. В 1915 году англичанин А. Стейн составил приблизительный план-схему захоронений и раскопал более 40 могил. Ученый аккуратно описал их внутреннее расположение и обнаруженные предметы материальной культуры.

Российские научно-исследовательские экспедиции, работавшие в Турфанском оазисе приблизительно в те же годы, раскопками древних могильников, как правило, не занимались, ограничившись изучением культовых памятников. Тем не менее в коллекции петербургского Эрмитажа есть находки из подобного рода захоронений. Их в свое время приобрел у местных жителей русский консул в Урумчи Н. Н. Кротков. Известно, например, что в 1908 году по его просьбе старейшина селения Туюк (к востоку от Астаны и Караходжи) прислал ему три ящика с древностями.

Из китайских специалистов, исследовавших указанные могильники, следует выделить ранее упоминавшегося Хуан Вэньби. В 1928–1930 годах он в полевых условиях кропотливо изучал здесь все, что связано с прошлым Гаочана. С 1959 года ученые КНР регулярно трудятся в Астане и Караходже. Согласно буклету, продававшемуся при входе на территорию Астана, в целом они раскопали свыше 400 захоронений.

Подавляющая часть могил сильно разграблена, о чем с сожалением писал еще А. Стейн. По его словам, население близлежащих деревень весьма активно участвовало в данном процессе, а своеобразные «консультационные услуги» ему оказывал некий Машик из семьи потомственных «кладоискателей».

Посещение открытых для осмотра захоронений не требует дополнительных физических усилий. Каждое из них представляет собой склеп, к которому с поверхности ведет наклонный подземный коридор. Спустившись всего на несколько метров вниз по удобной пологой лестнице и попав в замкнутую, но относительно просторную подземную камеру квадратной формы, я вспомнил наши с дочерью недавние (лето 2001 г.) мучения в каменной могиле-мешке, расположенной в городской черте Увэя (провинция Ганьсу), где 30 с небольшим лет назад нашли знаменитую бронзовую фигурку «лошади, наступившей на ласточку». Тогда мы с трудом проникали в ее узкие помещения и с нескрываемым облегчением вернулись на свежий воздух.

Самая ранняя запись в многочисленных документах Астаны и Караходжи датируется 273 годом, наиболее поздняя— 778. Проанализировав характер сохранившихся захоронений, их устройство и выявленные предметы материальной культуры,

специалисты определили три периода в истории обоих могильников: со второй половины III до начала VI века; время существования независимого государства Гаочан, о чем было сказано чуть выше; эпоха танских наместников в Турфанском оазисе.

На взгляд невзыскательного посетителя захоронения последнего периода объективно выглядят поинтереснее и посодержательнее, однако удивляют порядковые номера могил, обозначенные, в частности, как ТАМ 61 или ТАМ 363. В первый момент я воспринял их как незатейливое напоминание о том, что «там» будем все; только позднее узнал, что это общепринятое сокращенное обозначение захоронений, раскопанных в Астане, для Караходжи используется другое — ТКМ.

В одной из могил VIII века (ТАМ 187) археологи нашли занятную картину на шелке, дающую представление о развитии спорта в старом Китае. Ныне она экспонируется в Музее Синьцзян-Уйгурского автономного района в Урумчи. На сохранившемся фрагменте изображена знатная дама с высокой прической, которая увлеченно играет в вэйци, т. е. в традиционные «облавные шашки» (в Японии эту игру называют «го»).

В мире сейчас регулярно проводятся всевозможные чемпионаты и международные турниры вэйци с участием не только азиатских, но и европейских, американских мастеров. Сложная игра, требующая солидного навыка, известна и в России, а в КНР по спортивному телевизионному каналу практически ежедневно транслируются обучающие программы, где выступают «звезды» вэйци.

Ее история насчитывает несколько тысяч лет. Существуют документальные сведения о том, что в вэйци играли еще во времена Чуньцю (Весна и осень) (770ˆ477 гг. до н. э.) и Чжаньго (Борющиеся царства) (475–221 гг. до н. э.). Великий Конфуций, например, полагал, что каждый человек способен стать умнее, практикуясь в данной игре. Его знаменитый последователь и крупнейший идеолог раннего конфуцианства Мэн Кэ (Мэнцзы) был глубоко убежден, что никто не сможет играть в нее хорошо без максимального умственного напряжения. По мнению ученых мужей, вэйци не только по-настоящему увлекательная игра, но и интеллектуальное времяпрепровождение, предусматривающее активное подключение наличествующих знаний в области математики, логики и военной науки.

В 1952 году в уезде Ванду провинции Хэбэй нашли могилу эпохи Восточная Хань (25—220 гг. н. э.). Среди древних находок специалисты прежде всего выделили квадратную каменную доску

для игры в вэйци. Это самое раннее материальное подтверждение ее распространения в Поднебесной. Длина каждой из сторон составляет 69 сантиметров, высота — 14 сантиметров. 17 линий по горизонтали и вертикали образуют 289 клеток.

При династии Тан правила игры уже несколько изменились, о чем наглядно свидетельствует деревянная доска, обнаруженная тоже на территории Турфанского оазиса, в могиле генерала Чжан Сюна. Из-за своих миниатюрных размеров (18 на 18 сантиметров) она вряд ли когда-либо предназначалась для практических целей и имела скорее символическое значение: усопший воин, вероятно, был искусен не только на поле брани, но и в интеллектуальных поединках. Интереснее другое: на ней расчерчены 19 линий в двух направлениях и 361 клетка. С тех пор указанные цифры остаются без изменений, а игра по мере развития культурных связей приобрела огромную популярность в Японии и получила распространение в иных странах.

Запечатленная на шелке очаровательная участница состязания изящно держит облавную шашку указательным и средним пальцами правой руки и тщательно обдумывает свой следующий ход. Ее, похоже, действительно волнуют перипетии борьбы за доской, так что не будем ей мешать сосредоточиться.

Фресковая живопись во многих захоронениях Астаны удивительно реалистична. В танской могиле ТАМ 215 художник изобразил различных водоплавающих птиц и фазанов в окружении изысканных орхидей и лилий на фоне голубого неба, причудливые очертания гор и плывущих облаков. Фреска размером около 4 м на 1,5 м, состоящая из шести частей, выполнена в красных, зеленых, желтых и голубых тонах.

Могильник Астана

Рядом (ТАМ 216) представлен другой сюжет, непосредственно связанный с особенностями конфуцианской этики. «Выстроившиеся в ряд святые» (кит. лешэн) торжественно и очень выразительно излагают свои нравоучения: «золотистый» напоминает о таких добродетелях, как молчаливость и сдержанность; «каменный» призывает оказывать помощь людям и исправлять социальные пороки; «нефритовый» советует воздерживаться от соблазнов, воспитывать чувства и т. д.

Количество мумифицированных тел в могильниках и музеях на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района таково, что со временем к ним начинаешь относиться без особого трепета. В Астане и Караходже умершие обычно лежат на циновке или деревянном ложе, в более ранних захоронениях часто

встречаются деревянные гробы с крышками. На покойниках сохранилось довольно много одежды, однако основное внимание привлекают лицевые покрывала (кит. фумянь) и наглазники, характерные прежде всего для указанных могильников, а также захоронений в Яр-Хото, расположенных вблизи от одноименного городища на западе Турфанского оазиса.

Центральную часть небольших лицевых покрывал занимает полихромная ткань, окаймленная однотонным шелком. С внутренней стороны пришита гладкая ткань, целиком охватывающая голову усопшего. В районе затылка находятся завязки. Судя по всему, наглазники помещали под такие покрывала. Определенные сомнения на сей счет возникли лишь после того, как А. Стейн обнаружил захоронение, где они были сверху. В то же время на некоторых из них сохранились обрывки ткани. Это позволило сделать вывод, что наглазник пришивался к покрывалу изнутри. Наглазники изготовлены из тонких серебряных или свинцовых пластин, их длина составляет около 15 см, ширина в области глаз — порядка 5 см. На месте зрачков пробиты многочисленные мелкие отверстия, что придает конструкциям отдаленное сходство с современными лечебными очками «super-vision», корректирующими зрение и снимающими с глаз напряжение. Аналогичные отверстия проделаны также по краям наглазника.

Самобытная традиция использования наглазников и лицевых покрывал оставалась неизменной практически на протяжении всей истории существования упомянутых кладбищ. Ученые КНР считают ее происхождение чисто китайским, поскольку лицевые покрывала выявлены при раскопках древних погребений в отдельных регионах страны. В старинных текстах их обозначают конкретные иероглифы, имеются соответствующие описания. Одна из рассказанных историй вполне может послужить основой для сценария фильма ужасов.

Семья некоего господина отправилась на прогулку за город. В коляске были бабушка Цань и четыре его дочери. На обратном пути они повстречали седую старуху, которая пыталась следовать за экипажем, но силы ее постепенно иссякли. Наступил поздний вечер и вскоре должны были закрыть внутренние городские ворота. Члены семьи пожалели измученную пожилую женщину и любезно предложили ее подвезти. Старуха долго благодарила за оказанную услугу, а выходя из коляски, оставила маленький мешочек из красивой пестрой ткани. В нем лежали четыре платочка, сшитые в виде покрывал на лица умерших. Девочки сначала страшно испугались, а затем выбросили мешочек и его содержимое на дорогу, но было уже поздно: «Не прошло и десяти

дней, как они одна за другой скончались».

Российский востоковед Е. И. Лубо-Лесниченко, в свою очередь, указывал на то, что в раскопках, произведенных на территории собственно Китая, не обнаружено ни одного наглазника, да и форма лицевых покрывал, найденных в могильниках Астана, Караходжа и Яр-Хото, не вполне соответствует ее описаниям, приведенным в китайских источниках. По его словам, корни данного обычая уходят в традиции погребений II–IV веков на Тянь-Шане, в западной части Ферганской долины и на Алтае, в Турфанском же оазисе в рассматриваемый период произошло объединение двух погребальных обрядов, что и предопределило своеобразие местных захоронений.

Не вызывают серьезных научных споров изображения богов Фуси и Нюйва, часто встречающиеся в могилах. Общеизвестно, что эта супружеская пара стала прародительницей целого народа. Когда китайцы говорят, что они «потомки дракона», то под образом, рожденным человеческой фантазией, имеют в виду указанных божеств, которые олицетворяют собой, помимо прочего, поддерживающих космический порядок созидателей, женское и мужское начало, а также вечный круговорот жизни и властителей загробного мира. В погребальном изобразительном искусстве разных эпох у них человеческие облики, но переплетенные змеиные хвосты, а головы божеств венчают эффектные тиары.

После того как в середине IX века войско Уйгурского каганата было разбито племенами енисейских кыргызов, значительная часть уйгуров переселилась в район Турфанского оазиса (Кочо), вытеснив кочевые тибетские племена и создав здесь независимое государственное образование, которое просуществовало около пяти столетий. По мнению советского тюрколога Д. И. Тихонова, общая площадь Уйгурского государства (Турфанское княжество) составляла примерно 500 тыс. кв. км, границы проходили западнее Кучара (Куча) и восточнее Хами, севернее Урумчи и на юге у Хотана.

К востоку и юго-востоку от него, на части территории современных китайских провинций Ганьсу, Цинхай, Шэньси, Нинся-Хуэйского автономного района и Внутренней Монголии в первой половине XI века возникло тангутское государство Си Ся (Западная Ся), разгромленное монголами в 1227 году. На западе лежали земли Караханидов.

Об указанном государстве уйгуров сохранилось не так много сведений. Ученые до сих пор спорят о правомерности использования этнонимов «токуз-огузы» (упоминался в

предыдущей главе) и «уйгур» в контексте описываемых событий в бассейне Тарима. Арабские средневековые авторы в своих сочинениях размещают токуз-огузов на территориях, где, согласно китайским источникам, жили уйгуры, бежавшие от кыргызов. Поэтому большинство специалистов делают вывод, что речь идет об одном и том же народе, но звучат и иные точки зрения, изложение которых может основательно запутать читателя.

Интересную информацию об Уйгурском государстве содержит отчет высокопоставленного китайского чиновника Ван Яньдэ, пробывшего там около года в 982–983 годах. При династии Сун (960—1279 гг.) его направили в Турфан (Гаочан) для выяснения возможности образования союза против киданей — кочевников, регулярно вторгавшихся в Китай с севера и доставлявших немало хлопот его новым правителям. Миссия в целом не удалась, но подготовленный посольством документ стал уникальным историческим документом.

Ван Яньдэ сообщает, что в Гаочане «не бывает ни дождя, ни снега и очень жарко. Когда наступает сильная жара, все люди копают землянки, где и живут. Стаи птиц собираются на берегах рек; если взлетают, то лучи солнца обжигают их, они падают и ранят крылья. Постройки покрывают белой глиной». Ручьи, стекающие с гор, «подводят в окружающие столицу районы для орошения полей и устройства водяных мельниц». Очевидно, чиновник имеет в виду систему кяризов, о которой читатель узнает в следующей главе.

«В государстве нет бедных, нуждающимся в пище оказывают помощь. Возраст многих превышает сто лет, и совершенно нет умирающих рано… Люди светлокожие, понятливые, характер у них прямой. Искусные мастера, изготовляют прекрасную утварь из золота, серебра, меди и железа. Умеют обрабатывать нефрит. Хорошая лошадь стоит один кусок шелка».

Повествуя об особенностях духовной жизни местного населения, Ван Яньдэ рассказывает о 50 буддийских храмах, где хранятся канонические книги, словари и другая литература. Весной люди «с радостью и весельем их посещают». Существуют «манихейские храмы, и персидские монахи молятся в них по своим законам». Кроме того, два раза в год (весной и осенью) жители совершают жертвоприношения «духу земли, а также отмечают день зимнего солнцестояния». Согласно информации средневекового дипломата, после ритуального вручения подарков местному правителю и его родственникам «состоялось музыкальное представление», а на следующий день «катались на лодках по озеру, с четырех сторон по берегам играла музыка».

Попутно необходимо подчеркнуть, что вскоре после своего переселения в Турфан уйгурские государи перестали называть себя «каганами» или «ханами», приняв титул «идикут», который можно перевести как «святое блаженство». Местные правители, утратившие самостоятельность в период монгольских завоеваний и междоусобиц, носили его до середины XIV века.

В отчете посольства отражен широкий спектр повседневной жизни княжества. Нетрудно заметить, что это самобытное государство с развитыми ремеслами и сельским хозяйством, крупными городами и значительными достижениями в области культуры. Как считают отечественные и зарубежные историки со ссылкой на китайские и арабо-персидские материалы, его население превышало 600 тысяч человек и состояло из уйгуров, китайцев, тибетцев, согдийцев и др. Жители вели оседлый и отчасти кочевой образ жизни, но степные просторы с годами становились все менее привлекательными для уйгуров, активно переселявшихся в города. Столицей государства некоторое время был Бешбалык, позднее она была перенесена в Гаочан, получивший тюркское название Кочо.

Плодородные земли оазиса позволяли выращивать различные злаки, за исключением, согласно замечанию Ван Яньдэ, гречихи. Из обилия фруктов следует особо выделить превосходный виноград, на выращивании которого традиционно специализировались местные крестьяне. Они же делали из него вино. Быстро развивалось хлопководство. В эпоху устойчивых и динамичных торговых связей высококачественные хлопчатобумажные ткани шли на экспорт и пользовались большим спросом на сопредельных территориях.

Как отмечалось выше, турфанские ремесленники много работали с металлом: ковали оружие и воинские доспехи, изготавливали всевозможные украшения, ритуальную утварь и предметы домашнего обихода. Получила развитие обработка нефрита и других полудрагоценных камней. Традиционное для оазиса масштабное строительство предполагало наличие соответствующих материалов. Для возведения величественных дворцов и храмов, жилых и подсобных помещений были необходимы кирпичи, обработанный камень и изделия из керамики, деревянные и металлические конструкции, краски и скрепляющие растворы. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что все самое нужное производили местные умельцы.

Впервой половине XII века уйгурское государство заметно утратило свои позиции и признало зависимость от каракитаев. Дело в том, что образованная к середине X века империя киданей Ляо в 1125 году рухнула под ударами чжурчжэней— кочевого

народа, обитавшего на части территории современных северо-восточных провинций Китая. Через Турфан со своим войском в западном направлении отступил один из членов свергнутого императорского дома Елюй Даши. Вскоре он создал в Средней Азии государство каракитаев — Западное Ляо. Позднее оно навязало вассаль — ные отношения турфанским правителям, которые были вынуждены отправлять туда заложников и ежегодно выплачивать дань.

Из-за отсутствия документальных свидетельств того периода трудно объяснить конкретные причины ослабления государства уйгуров. Вероятно, существенную роль сыграл переход от кочевого к оседлому укладу, неизбежно повлиявший на боевые качества конницы— их главного оружия. Общеизвестно, что у кочевников обеспечение необходимыми материальными потребностями занимало гораздо меньше времени, чем у оседлых земледельцев, большую его часть они отдавали совершенствованию навыков в области военного искусства.

С появлением на политической арене Азии могучей фигуры Чингисхана (1155–1227 гг.) и рождением Монгольской империи обстановка в регионе кардинально изменилась. Не остались в стороне от происходивших событий и уйгурские власти в Турфане. Они отвергли вассальную зависимость от каракитаев и добровольно подчинились Чингисхану. С одной стороны, их государство получило огромные привилегии на Шелковом пути, включая обеспечение функционирования его инфраструктуры, с другой— оно неизбежно оказалось втянуто в бесконечные завоевательные походы и междоусобные войны монголов. На протяжении XIII–XIV веков уйгуры постоянно участвовали в боевых действиях и несли большие потери, что впоследствии привело к утрате ими собственной государственности и ощутимой миграции местного населения во внутренние районы Китая.

Во второй половине XIV века в Турфанский оазис пришел ислам. Самый значительный из сохранившихся здесь мусульманских памятников— 37-метровый минарет Эмина (1777 г.), который находится всего в 2 км к востоку от города. Он назван по имени местного правителя, пользовавшегося особой благосклонностью и поддержкой всесильного цинского императора Цянь луна. Турфан и Хами долгое время играли ключевую роль в укреплении позиций империи в Синьцзяне. Строительство весьма помпезного сооружения (входной билет 20 юаней) завершил старший сын и преемник Эмина, князь Сулейман.

В 10 км к северу от городища Гаочан и в 50 км к востоку от

современного Турфана, в живописном месте на крутом берегу реки Муртук (кит. Мутоугоухэ), расположен пещерный комплекс Безеклык. До недавнего времени отечественные и зарубежные китаеведы и тюркологи активно спорили о том, когда приступили к его строительству. Особенно часто востоковеды называли IX век, но было много и тех, кто относил начало работ к концу VIII или X веков. Только в начале 80-х годов прошлого века возобладала точка зрения, согласно которой первые пещеры буддийского монастыря в Безеклыке появились значительно раньше — в период существования княжества Гаочан, т. е. во второй половине V— первой половине VII века.

Прекращению дискуссии способствовала интересная находка на территории комплекса. В 1980 году специалисты обнаружили фрагменты буддийской рукописи с пометкой на китайском языке. Содержание ее сводилось к следующему: работа над текстом выполнена в пятый год пребывания у власти Цзяньчана. Поскольку ученым известно, что под этим девизом правил князь Цзюй Баомао, то им не составило особого труда определить конкретную дату подготовки рукописи — 559 год. Именно при династии Цзюй (499–640 гг.) наступил период наивысшего расцвета независимого Гаочана.

В Безеклык мы с Ху Дацином приехали довольно рано, музейный комплекс был уже открыт. Приобрели билеты (по 20 юаней) и подошли к книжному киоску. Вероятно, продавщица хотела как можно скорее начать торговый день, она продала мне с весьма приличной скидкой несколько интересных книг, брошюр и буклетов.

Сейчас из 83 пронумерованных пещер древнего монастыря только в 40 сохранилась настенная живопись, общая площадь фресок составляет 1200 квадратных метров. В отличие от существующей практики в большинстве аналогичных комплексов их разрешено рассматривать как в одиночку, таки в составе экскурсионной группы, что, согласитесь, очень удобно. Открытые пещеры не закрываются на ключ после каждого посещения, поэтому всегда можно вернуться, освежить и проверить свои впечатления.

Самые ранние фрески, насколько мне известно, можно посмотреть в 18-й пещере, но нас туда не пустили. Первая пещера, куда удалось попасть, имела 17-й порядковый номер. Здесь представлена живопись эпохи Тан. Фрески этого периода можно увидеть также в пещерах 16, 28, 69 и некоторых других. Как уже отмечалось выше, танская императорская армия сумела восстановить контроль над Гаочаном в 640 году. Прежде в пещере стояли семь статуй, но они давно разрушены. Такая участь

постигла все скульптурные изображения в Безеклыке.

Комплекс столкнулся с новой напастью, когда в эти места прибыли немцы Альберт фон Ле Кок и Теодор Бар-тус (1905 г.), а также англичанин Аурел Стейн (1914 г.). Они попросту срезали со стен понравившиеся им фрески, причем речь идет о десятках и сотнях квадратных метров настенной живописи! Известные в научном мире специалисты из Германии целиком обчистили пещеры 20 и 21, а прославленному британскому исследователю Центральной Азии приглянулась настенная живопись в пещерах 31 и 33. Справедливости ради следует признать, что А. Стейн действовал значительно скромнее и оставил после себя хорошо сохранившиеся крупные фрагменты, в том числе на западной стене в пещере 33.

Весьма вероятно, что восторженно описанный в книге А. фон Ле Кока «Скрытые сокровища Китайского Туркестана» («Buried Treasures of Chinese Turkestan») эпизод с «демонтажем», отправкой и демонстрацией в Берлине «всей живописи одного из немногих храмов» Безеклыка имеет непосредственное отношение к упомянутым пещерам. Во времена Уйгурского государства в них, судя по имеющимся сведениям, находился храмидикута. Большая часть вывезенных немцами фресок погибла в результате бомбардировок Берлина англо-американской авиацией в 1945 году.

В пустующей пещере 26 хранители музея организовали киоск, где продаются всевозможные сувениры и безделушки. Вероятно, это решение оправданно с финансовой точки зрения, но на посетителя с гуманитарным образованием производит неоднозначное впечатление.

Некоторые ученые до недавнего времени считали, что первоначально в Безеклыке был построен манихейский монастырь и лишь позднее его превратили в буддийскую обитель. Манихейство, как известно, исповедовали уйгуры, переселившиеся в массовом порядке во второй половине IX века в Турфан из Монголии. Конечно, они принесли в регион свои культурные традиции, благодаря чему в пещерах и на территории комплекса найдены памятники манихейского искусства. Однако выявленные материалы, свидетельствующие о его более раннем происхождении, не подтверждают предложенную гипотезу.

В то же время процесс органичного сближения манихейства и буддизма, характерного для рассматриваемого региона, объясняет наличие различных стилей в монастыре. Так, в пещере 38 сохранился фрагмент манихейских фресок. Кроме того, в его развалинах были обнаружены рукописи, шелковые ткани с рисунками, медные изделия и другие предметы, принадлежавшие

последователям Мани.

Буддизм и манихейство сосуществовали на протяжении длительного времени, но влияние индийской религии постоянно усиливалось. Как отмечают специалисты, манихейство заимствовало многие положения буддизма и вносило их в собственное учение. Что же касается китайских версий манихейской литературы, то нередко создавалось впечатление, что они составлены «также и для иноверца-буддиста».

Пещерный комплекс Безеклык

Характерный и часто повторяющийся сюжет настенной живописи в Безеклыке — образы жертвователей, щедро одаривавших древний монастырь. Фрески эти сохранились, в частности, в пещерах 9, 24 и 27, а основную их часть вывезли А. фон Ле Кок и Т. Бартус. Научные работники у нас в стране и за рубежом довольно активно использовали и используют их в своих публикациях, тщательно разглядывая соответствующие иллюстрации к книгам А. фон Ле Кока или фотографии, сделанные в музеях Берлина. Проблема правомерности изъятия фресок их, похоже, совершенно не интересует.

Позволю себе высказаться и по поводу красочно иллюстрированного издания «Пещеры Безеклыка», вышедшего в свет на китайском, английском и японском языках в Урумчи в

2002 году. Не буду останавливаться на ошибках по тексту, хотя их явно больше, чем хотелось бы, в том числе и на китайском языке. Удивило отсутствие каких-либо упоминаний о похищенных европейцами фресках, в отличие от музейной экспозиции, где такая информация аккуратно прописана, хотя в конце концов это дело самих китайцев.

Окончательно сбили с толку репродукции фресок, которых в Безеклыке уже давно нет, в частности из пещер 16 и 20. Скажем, «Жертвователи-уйгуры» (фигуры расположены в два ряда) и «Поднесение согдийскими купцами даров Будде» находятся в берлинском Музее индийского искусства. Судьба некоторых опубликованных фрагментов, которые также были срезаны в начале XX века, мне неизвестна. Можно допустить, что авторы издания вдруг решили забыть старые обиды и отказаться от хорошо известных претензий Китая по поводу утраченных сокровищ, но, вероятно, они попросту предпочли сделать красивую рекламу, а туристы со всего мира пусть приезжают и разбираются на месте с их недобросовестностью.

Однако вернемся к средневековью. В XII веке Турфанское княжество попало, как известно, в вассальную зависимость от государства каракитаев Западное Ляо, а затем признало власть Монгольской империи. Фрески того периода сохранились в пещерах 27, 39 и др. Например, в пещере 27 изображены жертвовательницы из числа поселившихся в этих местах монголок, на которых женились знатные и высокопоставленные уйгуры с целью укрепления союза с могущественным соседом.

После убийства в 1209 году наместника каракитаев идикут Барчук решил искать поддержки у Чингисхана и направил к нему своих послов. Тот принял их довольно благосклонно. «Сокровенное сказание» («Тайная история монголов») — эпическое повествование о Чингисхане и его роде, составленное не ранее 1240 года, излагает дальнейшие события следующим образом. Уйгурским послам основатель монгольского государства ответил: «Дочь за него отдам и быть ему пятым сыном моим. Пусть идикут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей». Когда правитель с дарами явился в его ставку, Чингисхан отдал за него свою дочь, как и обещал.

Поступки великого и жестокого покорителя многих стран и народов могут показаться несколько неожиданными, однако в целом они вписываются в общую ситуацию, сложившуюся на тот момент в Центральной Азии. Родственные отношения (не только с уйгурами) создавали некую основу для установления союзнических отношений и в конечном счете способствовали

достижению успехов на поле брани и в дипломатической сфере. Монгольским правителям, энергично воевавшим как на востоке, так и западе, нужны были надежные союзники в тылу. Кроме того, они пополняли их армию и чиновничий аппарат, поставляли продовольствие и фураж.

Добровольное признание уйгурами вассальной зависимости от империи позволило им сохранить от неизбежных в случае войны разрушений свои города, сложную оросительную систему, ремесленные производства. Идикуты какое-то время пользовались известной самостоятельностью в области внутренней политики: в подвластные им земли не направлялись монгольские наместники — даругачи (даруги), не были четко определены размеры дани и т. д., но долго так продолжаться не могло, учитывая обострившиеся противоречия между потомками Чингисхана.

В середине XIII века Западная Джунгария и часть Кашгарии вошли в состав Чагатайского улуса, а уйгурское государство в Турфане оставалось в вассальной зависимости от монгольских правителей, которые вели упорную борьбу за императорский трон в Китае. Великий хан Угэдэй (1226–1241 гг.) — третий сын Чингисхана и его преемник— к 1234 году окончательно сломил сопротивление чжурчжэней, создавших на территории Северного и Северо-Восточного Китая государство Цзинь. В 1258 году великий хан Мункэ— внук выдающегося полководца, правивший с 1251 года, начал войну против китайских правителей Южной Сун, но умер во время похода.

Лишь следующий (пятый по счету) великий хан Хубилай (1260–1294 гг.), также приходившийся внуком Чингисхану, в 1279 году завершил завоевание Поднебесной. Ранее (в 1271 г.) он основал династию Юань, которая просуществовала до 1368 года. Империя монголов к тому времени уже распалась на несколько государств, под его непосредственным контролем находились земли собственно Монголии и Китая.

На западной окраине своих владений Хубилай вел многолетние и кровопролитные боевые действия с мощной коалицией недавних союзников, возглавляемой внуком Угэдэя Хайду (Кайду), о котором прославленный путешественник Марко Поло говорил, что «при нем много князей императорского роду, то есть чингисханова». Венецианец, служивший при дворе великого хана, так рассказывает об одном из сражений непримиримых противников: «Переполнился весь воздух стрелами, словно дождем; много людей и коней было смертельно поранено. За криками и воплями и грома нельзя бы было расслышать; воистину, видно было, что сошлись враги смертельные. Метали стрелы, пока их хватало; и много было

мертвых и насмерть раненных. В дурной час началась битва для обеих сторон; с той и другой стороны много было побито. Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в колчаны, схватились за мечи и палицы и бросились друг на друга. Стали они наносить сильные удары мечами и палицами; началась злая и жестокая битва; наносились и получались удары сильные; отсекались руки, и замертво падали люди на землю; знайте, по истинной правде, вскоре после того, как началась рукопашная битва, покрылась земля мертвыми да смертельно раненными».

Война охватила всю территорию региона. В 1268 году Хайду атаковал Бешбалык, обратив в бегство идикута и его окружение, а также значительную часть местного населения. В «Истории династии Юань» (кит. «Юань ши») по поводу этих событий записано: «Во время бунта Хайду народ уйгуров был разорен и рассеян. Идикуту было приказано собрать его и оказать помощь… Уйгуров, которые бежали в монгольские владения, по приказу Шицзу (Хубилая. — *Н. А.)* отправили назад к идикуту. Поэтому уйгуры вновь восстановили порядок на 20 лет».

Набеги на уйгурские земли с запада приобрели регулярный характер. Спустя семь лет с трудом удалось отстоять Кочо (Гаочан), в 1286 году Хайду захватил Бешбалык. Попытки юаньских властей сдержать экспансию своих несговорчивых соседей носили в целом ограниченный характер и приносили лишь временный результат. Даже авторитетный Хубилай, максимально загруженный сугубо китайскими проблемами и организациями военных экспедиций в Японию, Вьетнам, Бирму и др., не смог оказать достаточно эффективной поддержки уйгурам. Что же касается его менее влиятельных и талантливых преемников, то они в итоге утратили контроль над этими территориями.

После продолжавшегося в Китае свыше пятнадцати лет массового крестьянского восстания против иноземного монгольского владычества династия Юань была свергнута в 1368 году. Воспользовавшись данным обстоятельством, Чагатаиды (правители Чагатайского улуса) вскоре заняли большую часть Уйгурского государства, которое окончательно прекратило свое существование.

В условиях политической нестабильности и острого военного противоборства в рассматриваемый период значительная часть уйгуров пыталась найти убежище на востоке. С разрешения юаньской администрации переселенцы обосновались в Ганьсу, Хэнани, Юньнани, Тибете и других районах. На юго-западе Китая, в частности, были созданы уйгурские военные поселения, занимавшиеся земледелием.

Одновременно представители уйгурской знати получали высокие чиновничьи должности, удостаивались почетных званий. Впрочем такая практика распространялась не только на них. Как известно, завоевание монголами Поднебесной привело к возникновению совершенно новой внутриполитической ситуации, когда страна впервые полностью оказалась под властью иноземцев.

Иностранное влияние в обществе не только усилилось, но и стало очевидным. Для того, чтобы не раствориться в огромной массе местного населения и обеспечить сохранение своего господства, монголы всячески старались дистанцироваться от китайцев, демонстративно отвергая их образ жизни и зачастую игнорируя научно-практические достижения. При династии Юань зафиксирован мощный приток в Срединное государство выходцев из Центральной и Западной Азии. Кого-то привлекли рассказы о его сокровищах и на редкость благосклонное отношение к иностранцам со стороны местных властей, других, в основном воинов и ремесленников, привели завоеватели. Монгольские правители охотно брали на службу представителей иных государств и территорий, подчеркивая свой космополитизм и параллельно ограничивая китайское влияние на чиновничью среду.

Глава 4

«ВИНОГРАДНУЮ КОСТОЧКУ В ТЕПЛУЮ ЗЕМЛЮ ЗАРОЮ…»

О феноменальной жаре в Турфане рассказывают легенды, но, похоже, даже они не передают в полном объеме «прелести» на редкость жаркого климата. С июня по август ртутный столбик здесь регулярно поднимается выше 40 градусов, в течение года выпадает минимальное количество осадков. Вначале сентября 2002 года по-прежнему стоял летний зной, дул порывистый обжигающий ветер, невольно напомнивший о присутствии рядом знаменитых Огнедышащих гор (кит. Хояньшань).

Они тянутся вдоль Турфанской котловины— с востока на запад — на протяжении 90 километров. Впервые узнал об их существовании в начале 70-х годов прошлого века, когда прочитал объемный средневековый китайский роман У Чэнъэня, жившего в XVI веке, об удивительной экспедиции Сюаньцзана и его учеников за буддийскими сутрами в далекую Индию. К ним имеет непосредственное отношение один из самых пространных и запутанных эпизодов увлекательной книги под названием «Путешествие на Запад», переведенной на русский язык известным китаистом Алексеем Петровичем Рогачевьм (1900–1981 гг.) (стихи в переводе И. Смирнова и Арк. Штейнберга).

Монах и его спутники— царь обезьян Сунь Укун, комичные и обаятельные Чжу Бацзе и Ша Сэн — оказались в этих местах глубокой осенью и поначалу не могли понять, почему вокруг было так нестерпимо жарко. Повстречавшийся на дороге старец объяснил им, что перед ними извергающие пламя Огнедышащие горы, которые перекрывают дорогу в западном направлении на сотни километров.

Дотошный Сунь Укун вскоре выяснил, что в пещере к юго-западу от Хояньшань живет некий дух. У него есть банановый веер: взмахнет им раз — пламя погаснет, взмахнет другой раз — поднимется ветер, взмахнет третий раз— пойдет дождь. Здешние крестьяне были вынуждены регулярно устраивать в его честь богослужения и приносить богатые дары, чтобы иметь возможность посеять зерно и убрать урожай.

Сюаньцзан решил отправить к этому духу царя обезьян. Добравшись до пещеры, тот узнал, что в действительности в ней обитает дьяволица Лоча, и именно она является обладательницей

веера. Это известие заметно расстроило Сунь Укуна. Дело в том, что пару лет назад он сражался с сыном дьяволицы и ее мужа — оборотня по имени Быкоголовый — и сумел победить своего противника, так что договориться с Лочей полюбовно он не мог. После нескольких стычек с использованием обеими сторонами разнообразных волшебных приемов Сунь Укун все-таки завладел веером, но когда паломники попытались с его помощью погасить Огнедышащие горы, то пламя неожиданно поднялось до небес, и они поняли, что их обманули.

Виноградная долина

Танский монах сильно опечалился, но вскоре появился старец «в накидке из перьев, развевающейся на ветру, и шапке, изогнутой полумесяцем». Это был местный дух земли. Он

предложил искать настоящий веер у Быкоголового. Как всегда в таких случаях, на дело пошел Сунь Укун, поскольку необходимо было не только вступить в схватку с сильным соперником, но и устоять перед чарами прелестных красавиц. Вот как выглядела одна из них:

Красою своей несравненной
способна разрушить царство,
Поступь воздушна и плавна —
лепестка легчайшего легче.
Ликом схожа с дивной Ван Цян,
Повадкою— с чуской дамою,
Каждое слово— волшебный бутон,
Аромат уста источают.
Пышен узел густых волос,
уложены тонкие пряди;
Словно омыты осенней водой,
глаза прозрачны и ясны.
Капли воды увлажнили подол,
на диво крохотны ножки.
Сквозь тонкий лазоревый шелк рукавов
розовеют нежные руки.

Царь обезьян проявил истинное целомудрие и долго бился с коварным оборотнем, их силы были примерно равны. В очередной раз перехитрив злобную, но доверчивую Лочу, он забрал подлинный банановый веер и, довольный, отправился к своим спутникам. Настала очередь Быкоголового обманывать Сунь Укуна. Он превратился в точное подобие Чжу Бацзе и выкрал драгоценность.

Отважные путешественники и их небесные покровители еще долго усмиряли взбунтовавшегося оборотня и его подругу, пока не вынудили их отдать волшебный веер. Получив его, Сунь Укун вплотную приблизился к горам и приступил к священнодействию: «В первый раз махнул веером на огонь, и огонь постепенно стал гаснуть. Он махнул веером во второй раз, и подул свежий прохладный ветер. Когда же он махнул в третий раз, все небо заволокло тучами и стал моросить дождь».

Паломники решили было продолжить свой путь, когда царь обезьян вдруг спросил у Лочи: «А как погасить навсегда Огнедышащие горы?» Дьяволица ответила: надо сорок девять раз махнуть банановым веером, чтобы огонь утих навсегда. Сунь Укун решил помочь местным жителям и дать им возможность забыть тяготы прежней жизни. После сорок девятого взмаха с неба хлынул ливень, который и погасил Хояньшань. Собрав свои

скромные пожитки, Сюань-цзан и его помощники пошли дальше, ступая по влажной земле:

В полном слиянии Неба с Землей
Изначальной Истины суть;
Пришли в равновесье Вода и Огонь —
родился Великий Путь.

С тех пор прошло много лет. Возле Огнедышащих гор по-прежнему безумно жарко, а в летний зной они приобретают характерный красноватый оттенок, напоминая туристам о том, куда их занесло. Однако сказочный банановый веер изменил представления и привычки людей в Турфане, уже давно они выращивают здесь изумительный виноград, а в последние годы в конце лета устраивают яркие и веселые виноградные фестивали с всевозможными экскурсиями, национальными песнями и танцами, театрализованными представлениями и, разумеется, великолепной дегустацией вин.

Сентиментальная прогулка в тенистой Виноградной долине, история которой насчитывает четырнадцать веков, создает удивительную атмосферу гармонии с рукотворной природой и неизбежно вызывает в памяти замечательные слова Булата Окуджавы:

…и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову,
на любовь свое сердце настрою…
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Первое знакомство китайцев с культурой винограда связано, вероятно, с уникальным путешествием Чжан Цяня в Центральную Азию. В государстве Давань, расположенном в Ферганской долине, он увидел, как производится вино и в большом количестве выдерживается в хранилищах, не подвергаясь порче. Выяснилось, что виноградное вино (кит. путаоцзю) там столь же обычный напиток, как и люцерна — корм для «потевших кровью» коней, которые, как известно, произвели на посланца из Китая неизгладимое впечатление. Согласно старинному преданию, он привез на родину семена обеих культур, после чего император издал указ о возделывании винограда и люцерны в Поднебесной.

Наладить собственное производство экзотического продукта в необходимых объемах было не так просто, поэтому он еще долго продолжал поступать в страну по различным каналам. В те годы ее правители стремились к расширению сферы своего влияния в регионе и действовали в указанном направлении

весьма энергично. Параллельно все боль — шую популярность приобретали заграничные ягоды и напитки. Видные полководцы привозили их после успешного завершения боевых походов, смелые и предприимчивые купцы доставляли из государств Западного края, правители соседних княжеств преподносили императорскому двору в виде дани или подарков.

Рассказывают, будто в конце династии Восточная Хань (Ив. н. э.) в уезде Фуфэн (совр. провинция Шэньси) жил богатый человек по имени Мэн Лунь. Со временем ему захотелось стать высокопоставленным чиновником. Прекрасно зная нравы, царившие при императорском дворе в те годы, он понимал, что любое дело можно решить с помощью необычного подношения. После серьезных размышлений предприимчивый делец выбрал для этой цели виноградное вино, мода на него перешла тогда все мыслимые границы. Мэн Лунь добился встречи с влиятельным евнухом Чжан Жаном и сумел вручить ему 1 ху (примерно 100 литров) дефицитного напитка. Буквально через несколько дней изобретательного взяткодателя назначили губернатором области Лянчжоу на западе Китая.

Следует заметить, что эта история возмутила не только современников, о ней вспоминали и вспоминают через тысячу лет и в наши дни. Так, замечательный средневековый поэт Су Ши (Су Дунпо) (1037–1101 гг.), прославившийся своими лирическими стихами, человек удивительной честности и неподкупности на государственной службе, с возмущением писал о людях, подобно бессовестному Мэн Луню, покупавших чиновничьи должности, когда талантливый полководец, одержавший сто побед в сражениях за отчизну, не мог получить княжеского титула.

С годами китайские виноградари усовершенствовали свое мастерство. В буддийских летописях столичного Лояна якобы есть предание, согласно которому в окрестностях одного монастыря выращивали виноград, доставленный из Средней Азии. Он прославился настолько, что сам император имел обыкновение ежегодно посещать виноградники в период созревания плодов. Как считают авторитетные специалисты, среди культивировавшихся в тот исторический период сортов преобладали столовые и изюмные, винные сорта долгое время отсутствовали.

Центром возделывания винограда, бесспорно, стал Турфан, его продукция очень быстро получила широкую известность. Например, в первой половине VI века ко двору императора Тоба Вэй (Северная Вэй) местная администрация отправила посольство с данью, в числе прочего был и виноград. Именно здесь начали регулярно выращивать его винные сорта, появившиеся в

центральных районах Китая при танском императоре Тайцзуне (VII в.), положившие начало виноделию.

Представляю реакцию читателя, который, ознакомившись с предыдущим утверждением, вполне резонно засомневался: неужели у китайцев прежде не было алкогольных напитков? Как тогда воспринимать, в частности, превосходный цикл «За вином» из 20 стихотворений блистательного Тао Юанымина, творившего во второй половине IV— начале V века? Действительно, в авторском предисловии к нему можно прочитать:

Я жил в свободе от службы и радовался немногому,
да к тому же и ночи стали уже длиннее,
и если вдруг находил я славное вино,
то не было вечера, чтоб я не пил.
Лишь с тенью, один, осушал я чарку
и так незаметно для себя хмелел.
А после того, как я напивался,
я тут же сочинял несколько строк и развлекал себя этим.
Бумаги и туши извел я немало,
но в расположении стихов недоставало порядка,
и тогда позвал я доброго друга, чтобы он записал их
для общей радости нашей и для веселья.

(пер. Л. Эйдлина.)

Поэт, конечно, скромничает в данном случае, поскольку трудно предположить, что он, даже не будучи абсолютно трезв, мог доверить кому-то, кроме себя, «расположение стихов». Все стихотворения цикла посвящены вину, и Тао Юанымин, по его собственному признанию, писал их захмелев, но в них много серьезных размышлений о непреходящих ценностях реального бытия и тонких нюансах человеческого общения, эмоциональных строк о роли судьбы в искрометной жизни людей и пронзительной радости постижения природы, а также об удивительном ощущении обретения тишины, когда поэт «поставил свой дом в самой гуще людских жилищ, но минует его стук повозок и топот коней».

Аллегоричны его рассуждения о трезвости и пьянстве, под которыми он понимает некую ограниченность устремлений того или иного индивидуума и ярко выраженную личную свободу человека. Выбор поэта легко предсказуем.

Скажем, некий ученый
в одиночестве вечно пьян.

Или деятель некий
круглый год непрестанно трезв.
Эти трезвый и пьяный
вызывают друг в друге смех
Друг у друга ни слова
не умеют они понять.
В рамках узости трезвой
человек безнадежно глуп.
Он в наитье свободном
приближается к мудрецам.
И стихи обращаю
я к тому, кто уже хмельной:
Лишь закатится солнце,
пусть немедля свечу берет!

(пер. Л. Эйдлина.)

Но прекрасные стихи не снимают вопроса о происхождении напитка, что дарит вдохновение поэту. Дело в том, что вино (кит. цзю), о котором пишет Тао Юанымин, а также многие его предшественники, современники и последователи, было изготовлено, как правило, не из винограда, а из злаков (просо, рис, гаолян и т. д.).

Его история в Китае насчитывает несколько тысяч лет. В 1977 году в уезде Пиншань провинции Хэбэй археологи обнаружили два сосуда, в которых хранился алкогольный напиток эпохи Борющихся царств (475–221 гг. до н. э.). По свидетельству ученых, вино в кувшинах «сохранило аромат и прокисло, что свидетельствует о его чистоте и крепости, а также о хорошей герметичности упаковки». В 98 году до н. э. государство объявило о своей монополии на производство и сбыт алкоголя. Позднее частное винокурение было разрешено, но облагалось солидным налогом. В то же время при неурожаях и в годы смут правители Поднебесной вводили на него соответствующий запрет в целях экономии зерна.

На протяжении длительного периода в стране были известны два вида вина: сусло, представлявшее собой бражку вместе с неперебродившим остатком, и сцеженное либо отжатое вино, отделенное от бродильного остатка, к которому следует отнести хорошо известное по китайской литературе шаосинское вино, производимое из риса или проса; его пьют в подогретом виде. Обычно это слабоалкогольные напитки, которые имеют сладковатый вкус. Сильно ароматизированная крепкая водка (кит. байцзю), вероятно, появилась несколько позже.

В Китае о вине и тех, кто испытывает к нему слабость,

существует великое множество всевозможных повествований, легенд и преданий. Одну из наиболее смешных историй поведал Василий Михайлович Алексеев, в молодые годы путешествовавший с мэтром французской синологии Эдуардом Шаванном (1865–1918 годы) по Северному и Северо-Восточному Китаю.

Некий господин Юань захотел как-то выпить. Трактирщик предложил ему свой фирменный напиток, от которого человек мог проспать непробудным сном тысячу дней, но в последний момент забыл предупредить о необычном свойстве вина. Домашние, увидев явно затянувшийся сон Юаня, решили, что он опился и умер, и вскоре похоронили его. Через тысячу дней трактирщик спохватился и пошел посмотреть, как обстоит дело с его клиентом. Ему сообщили, что тот умер три года назад. Когда домочадцы открыли гроб, то обнаружили в нем медленно просыпающегося Юаня.

Подобные сюжеты весьма популярны в искусстве. Алкогольные мотивы забавляли общество, хотя, естественно, откровенных пьяниц не жаловали. Водку и вино в современном Китае энергично рекламируют звезды кино и чемпионы Олимпийских игр, в том числе очень юного возраста, известные артисты, спортсмены и тренеры. Что же касается национальной классической поэзии, то здесь вино традиционно окрыляло поэта и позволяло ему вырваться из серых будней мирской суеты; опьянение, по словам

В. М. Алексеева, «превращает поэта и ученого в сверхпоэта и сверхученого».

Бо Цзюйи, писавший в эпоху Тан, в стихотворении «Встретились со старым другом» практически исключает возможность душевного и эмоционального общения вне застолья:

Мы разошлись,
вдруг снова повстречались
Нам кажется,
что это только сон:
У нас сейчас
и радость и веселье,
Отставь вино,
и пусто станет вновь.

(пер. Л. Эйдлина.)

Этот мотив повторяется у него неоднократно. В стихотворении «Я огорчен весенним ветром» он с грустью пишет о чувстве неопределенности и затянувшегося уныния, связывая его с недавними вынужденными ограничениями религиозного характера. Теперь лишь вино может изменить настроение поэта:

В храме постились мы долгие дни,
кончили только теперь.
Смех и забавы друзей за вином
мною забыты давно.
Если сейчас не нальешь ты вина,
выпить меня пригласив,
Значит, и ты равнодушен ко мне так же,
как ветер весны.

(пер. Л. Эйдлина.)

Как тут не вспомнить замечательные четверостишия-рубаи гениального Омара Хайама (1048–1123 гг.)! Вот только два из них:

Мы, покинувши келью, в кабак забрели,
Сотворили молитву у входа, в пыли.
В медресе и в мечети мы жизнь загубили —
В винном погребе снова ее обрели.
Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок неимущим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь —
Прямо в рай попадешь… Если выпить мне дашь!

(пер. Г. Плисецкого)

Вполне вероятно, что поэты ярких и самобытных школ — китайской и персидско — таджикской — имели в виду разные виды вина (рисовое и виноградное), хотя с середины VII века проблем с производством в Китае горячительного и возбуждающего напитка из винограда, как уже было сказано выше, не возникало. В данном случае речь совсем о другом: поэтов сближает отрицание аскетизма и сомнительной трезвости и прославление волшебного напитка.

О виноградном вине и черно-зеленых чарках из наньшаньского нефрита, что добывается на территории современной провинции Ганьсу, упоминается в стихотворении танского поэта VIII века Ван Ханя. В лаконичном четверостишии его герои хотят выпить прекрасного вина из искрящихся чар, под звуки китайской лютни седлая коней и отправляясь в военный поход; не надо смеяться, если кто-то из них окажется пьян и рухнет на землю, ведь многие никогда не вернутся с поля брани. О других произведениях Ван Ханя почти ничего неизвестно, но это считается национальной классикой.

Тема вина всегда вдохновляла поэтов Поднебесной, особенно часто обращался к ней великий Ли Бо (701–762 гг.). Многое в его творчестве становится понятным, когда читаешь стихотворение «Под луной одиноко пью»:

Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной
И одиноко пью вино
И друга нет со мной.
И тень свою я пригласил —
И трое стало нас.
Но разве, спрашиваю я, —

Умеет пить луна?
И тень, хотя всегда за мной
Последует она?
А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной
Согласен с ними пировать,
Хоть до весны самой.
Я начинаю петь — и в такт
Колышется луна,
Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.
Нам было весело, пока
Хмелели мы втроем.
А захмелели — разошлись,
Кто как — своим путем.
И снова в жизни одному
Мне предстоит брести
До встречи— той, что между звезд,
У Млечного пути.

(пер. А. Гитовича)

Его большой друг Ду Фу, с которым они вместе путешествовали и поднимались в горы, чтобы полюбоваться природными ландшафтами, беседовали о литературе, читая друг другу собственные стихи, собирали лечебные травы, постигая даосскую премудрость, с огромной симпатией относился к Ли Бо и в то же время оставлял место для доброжелательной шутки. Он сочинил забавную оду о бессмертных пьяницах — знаменитых поэтах, каллиграфах, ученых.

В пантеоне даосских святых есть группа из восьми бессмертных гениев, пользующихся особой популярностью в народе. Поэт использовал данный мотив, но в своем произведении имел в виду совершенно иных лиц — бесшабашную компанию любителей вина, состоявшую из талантливых и интересных людей, среди которых, разумеется, был и Ли Бо. О старшем товарище Ду Фу сказал так:

У поэта Ли Бо на доу вина —
Сто превосходных стихов.
В Чанъани на рынках знают его
Владельцы всех кабаков.
Сын Неба его пригласил к себе
Он на ноги стать не смог.
«Бессмертным пьяницей» Ли Бо

Зовут на веки веков.

(пер. А. Гитовича)

Следует, возможно, напомнить, что: упомянутые «доу»— это мера емкости, равная 10 с лишним литрам, Чанъань — в то время столица Срединного государства, а «Сын Неба» — его император. Стихи написаны со знанием дела, о чем наглядно свидетельствуют строки Ли Бо, провожающего Ду Фу в дальнюю дорогу:

Когда же вновь у
Каменных Ворот
Вином наполним
кубок золотой?
Стихают волны
на реке Сышуй,
Сверкает море
у горы Цзулай
Пока не разлучила
Нас судьба,
Вином полнее
чарку наливай.

(пер. Л. Бежина)

Бессмертными, увы, оказались лишь стихи поэта. О его кончине известно несколько преданий. Согласно самому распространенному из них, захмелевший Ли Бо во время праздника Середины осени утонул в реке, перегнувшись через борт лодки в отчаянной попытке поймать отражение луны.

Разговор о выдающемся поэте зашел отнюдь не только в контексте его пристрастия к вину и обильным возлияниям, давшим еще одну тему его изысканным стихам. Судьба и творчество Ли Бо имеют непосредственное отношение к Западному краю. По мнению известного китайского интеллектуала XX века Го Можо, предки Ли Бо бежали в Центральную Азию из нынешней провинции Ганьсу в конце династии Суй, т. е. в начале VII века. Поэт родился спустя почти столетие, он стал двенадцатым сыном в семье. Произошло это знаменательное событие в городе Суйе (Суяб) (одно время столица тюркского Западного каганата), который историки соотносят с современным Токмаком, расположенным на реке Чу в Кыргызстане. Правда, в 2001 году основные торжества в Китае по случаю 1300-летия со дня рождения поэта прошли в городе

Цзянъю (юго-западная провинция Сычуань), где он якобы и появился на свет.

В 705 году его родные покинули Западный край и перебрались во внутренние районы страны. В дальнейшем Ли Бо, внешне сильно походивший на тюрка, уже не посещал мест, связанных с ранним детством, но в своих стихах вспоминал о них довольно часто:

Луна над Тянь-Шанем восходит светла,
И бел облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли
Сюда от заставы Юймэнь
С тех пор, как китайцы пошли на Бодэн,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины мрачно глядят за рубеж —
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессоница, вздохи и грусть.

(пер. А. Ахматовой)

В этом стихотворении («Луна над пограничными горами») поэт передал чувства солдат, защищавших отдаленные рубежи империи. Упомянутая застава Нефритовых ворот (кит. Юймэньгуань) находится примерно в 100 км к севе-ро-западу от древнего Дуньхуана. Она была построена в период между 121 и 111 годами до н. э., а название получила благодаря ценному минералу, который ввозили в Поднебесную из Хотана. Об оазисе, что к юго-западу от пустыни Такла-Макан, и его истории читатель узнает в главе 10.

Летом 2001 года мы с дочерью добрались до руин некогда грозного оборонительного сооружения. С холма, где прежде стояла крепость, открывается прекрасный вид на Сулэхэ и за ее поймой на необъятные просторы Синьцзяна. Именно там, за горизонтом, устремлены в небо вершины Тянь-Шаня. Стоит в этой связи заметить, что отечественные специалисты в 50—б0-х годах прошлого века активно спорили по поводу того, откуда наблюдали взошедшую над горами луну воины, о которых писал поэт. Здравый смысл в данном случае подсказывает, что происходило это к западу от Тянь-Шаня.

В «Мелодиях приграничья» Ли Бо в очередной раз возвращается к этим горам:

На горах Небесных снег лежит,
Нет цветов— а пятая луна.
Только флейта ивы зеленит,
Не явилась к нам еще весна.
По ночам не расстаюсь с седлом,
В бой с утра зовет нас барабан.
Меч расправится с любым врагом,
Как когда-то было в Лоулань.

(пер. С. Торопцева)

Государство, о котором в последней строке говорит поэт, существовало в эпоху древности и раннего средневековья в восточной части Западного края и доставляло китайцам много хлопот. Несмотря на попытки императора Уди и его преемников установить стабильные отношения с лоуланьцами, те, испытывая мощное давление со стороны кочевников-сюнну, неоднократно отвечали вероломством на примирительные жесты ханьских правителей, захватывая в плен их посланников.

На протяжении столетий Лоулань в сознании китайцев— символ врага, которого необходимо покарать. Судя по всему, Ли Бо намекал на эпизод 77 года до н. э., когда по приказу генерала Хо Гуана некий Фу Цзецзы убил местного князя по имени Аньгуй. В результате покушения к власти тогда пришел человек, угодный китайскому императору Чжаоди, а голову Аньгуя привезли в Чанъань и вывесили для всеобщего обозрения на городских воротах.

О событиях, произошедших на северо-западе империи в середине VIII века, Ли Бо пишет в стихотворении «Бой южнее Великой стены». Вот отрывок из него:

Мы не забыли
Прошлогодний бой.
Бой, отгремевший
За Саньган-рекой.
А ныне снова
В бой ушли полки,
Чтобы драться
В русле высохшей реки.

(пер. А. Гитовича)

Можно с большой долей уверенности предположить, что Ли Бо имел в виду походы многотысячного танского войска во главе с наместником Ань си Гао Сяньчжи (кореец по происхождению).

Сначала при поддержке отряда хотанского правителя было разгромлено небольшое мятежное княжество (747 г.), затем экспедиционный корпус взял под свой полный контроль Семиречье и выдвинулся в район Сырдарьи. В 748 году китайцы заняли Суяб, а в 749 — Чач (совр. Ташкент). Однако в 751 году армия Гао Сяньчжи потерпела чувствительное поражение в битве с арабами на реке Талас.

Ли Бо— блестящий интеллектуал и величайший мастер слова, создавший в своих стихах удивительно эмоциональный и многогранный мир реальных событий и безудержной фантазии. «Бессмертный, низвергнутый с небес», — как сказал о нем поэт, больше всего ценил личную свободу, которая позволяла ему всегда быть искренним в чувствах и поступках. Неукротимый дух Ли Бо сродни мощным ветрам евразийских степей, что взрывают привычную рутину, заставляют людей мыслить и анализировать происходящее вокруг, принимать адекватные решения.

Выращивание винограда и производство из него вина в Китае на протяжении длительного времени интенсивно развивались лишь на северо-западе и севере. В первую очередь это было обусловлено природными условиями, в частности обильными летними осадками на юге страны. Цинский император Канси, правивший Срединным государством 60 лет, утверждал, что в южных провинциях «виноград теряет обычно присущие ему вкусовые качества», тогда как на севере, где «виноградные лозы располагаются обычно по сухим каменистым склонам гор», «виноград при своем созревании чрезвычайно ароматен и сладок».

Нетрудно заметить, что в рассуждениях монарха отражены экологические особенности и вкусовые оттенки, присущие среднеазиатским сортам винограда. В таком случае общая картина развития виноградарства и виноделия проясняется окончательно: настойчивые попытки привить данную культуру в южных районах без сложных гибридизации и селекции практически не имели реальных шансов на успех. О средиземноморском винограде и вине из него Китай узнал от иезуитов значительно позже, произошло это в конце XVII— начале XVIII века.

В Турфанском оазисе виноградарство неизменно остается важнейшей отраслью земледелия. Рыхлая почва и особенности климата благоприятствуют его развитию. Обилие солнечных дней в году, незначительное количество осадков, жаркий и сухой воздух, орошение талыми водами Тянь-Шаня позволяют выращивать на редкость вкусный виноград с высоким процентом сахара. Существенную роль играл и играет активный спрос на

виноград и вино из него как на внутреннем, так и на внешнем рынке, но здесь необходимо оговориться, что в связи с укреплением позиций ислама в регионе, по известным причинам, культура изготовления виноградного вина на какое-то время была в значительной степени утрачена.

Государство на протяжении веков демонстрировало свою заинтересованность в разведении виноградной лозы, взимая с крестьян налог натурой — вином и виноградом. Происходило это и в тот период, когда Западный край прочно вошел в состав Танской империи, и при уйгурах, создавших обширное Турфанское княжество. Сохранившиеся старинные тексты на китайском и уйгурском языках наглядно свидетельствуют о самом пристальном внимании чиновников всех уровней к указанному производству.

Императоры, каганы и идикуты, а также их окружение, как правило, очень уважительно относились к виноградному вину. Так, персидский автор XI века Гардизи сообщил интересную информацию о его употреблении при дворе правителя Уйгурского государства. По словам историка, виноградное вино там пили «три раза в день». Неудивительно, что до нас дошло явно больше документов о купле-продаже или аренде виноградников, чем о землях, занятых под зерновые и технические культуры.

Кишмиш в сушильне

Даос Чанчунь, сопровождавший Чингисхана в походе на запад (1221 г.), был поражен обилием виноградников у уйгуров и пристрастием местных жителей к виноградному вину, которым обычно потчевали гостей. Его внимание привлекла также техника орошения полей.

Нынешний турфанский виноград имеет много сортов, различающихся по форме и цвету ягод. Янтарные, светло-желтые, фиолетовые или зеленые ягоды с косточками и без оных могут быть круглыми, овальными либо удлиненными. Особенно знаменит кишмиш — «бессемянный белый» сорт, поскольку турфанские ягоды с тонкой кожицей свет-ло-зеленого цвета и молочным отливом несколько крупнее, чем обычные, и намного слаще. Содержание сахара в них составляет 23–24 процента. Правда, жители оазиса неоднократно говорили мне, что из-за климатических изменений в последние десятилетия этот процент чуть снизился.

Из свежего кишмиша делают замечательный изюм аналогичного названия. Входе тысячелетней производственной практики и по мере накопления соответствующих навыков виноградари с учетом конкретных условий Турфана изобрели экономичную и эффективную «теневую сушильню» — саманный дом с плоской крышей. Его стены строятся с многочисленными отверстиями, обеспечивающими хорошую вентиляцию. В сушильне устанавливают незатейливые деревянные приспособления, на которых аккуратно подвешивают гроздья винограда. Упавшие на пол виноградинки— производственный брак. Непрерывно проникающие через стенные отверстия струи сухого воздуха за несколько недель превращают виноград в высококачественный изюм.

Упомянутый саман (тюрк., букв. — солома) — необожженный кирпич-сырец, его производят из глины с добавлением резаной соломы либо иных волокнистых материалов растительного происхождения. В Северной и Южной Америке его называют «адоба» (исп. adobe, от араб, ат-туб). Это один из древнейших стройматериалов, он распространен в районах, бедных лесами и камнем. В Синьцзяне его до сих пор довольно широко применяют в строительстве жилья и бытовых помещений.

О процессе производства изюма из турфанского кишмиша в конце XIX века рассказал Г. Е. Грумм-Гржимайло в книге «Описание путешествия в Западный Китай»: «Сушат его в особо для этого приспособленных зданиях-сушильнях. Идея последних хороша, а результат не оставляет желать лучшего. Турфанцы воспользовались особенностями своего воздуха — почти

феноменальною сухостью и часто весьма высокой температурой — и заставляют его пробегать быстрой горячей струей над разложенным в ряды виноградом. Достигается же это с помощью узких, но небольших отверстий, которыми сверху донизу минированы все четыре стены сушильни сравнительно с остальными постройками всегда довольно высокого, двух- и даже трехэтажного здания. В таких сушильнях сушка винограда производится весьма постепенно и к тому же в тени, а не на солнце — обстоятельство немаловажное, если желают сохранить изюму его чудный зеленый цвет, сочность внутри и сухость наружной оболочки, а каждой ягоде его — естественную многогранную форму. Люкчунский (по названию населенного пункта. — *Н. А.)* высший сорт изюма отличается необыкновенной чистотой и настолько сух на ощупь, что не оставляет на руке следов какой бы то ни было сахаристости».

По дороге от городища Гаочан в сторону Огнедышащих гор мы с Ху Дацином останавливались неоднократно, так как хотелось посмотреть, как живут и работают крестьяне. Сначала я с разрешения хозяев пытался разглядеть их усадьбы с жилыми домами, где размещались немногочисленные семьи, состоявшие из представителей трех, как правило, поколений, а также сушильни и другие хозяйственные постройки, виноградники и фруктовые сады. Уйгуры встречали довольно приветливо, хотя нередко возникали проблемы с общением.

Ребятишки от переполнявшего их любопытства стояли с открытыми ртами и не могли произнести что-либо членораздельное. Требовалось продолжительное время, чтобы они пришли в себя. Согласно политике планирования рождаемости, проводимой китайским руководством с 70-х годов прошлого века, уйгурам разрешено иметь двух детей в семье, а ханьцам— одного, однако в деревнях директивы из центра часто нарушаются. В сельской местности женщины рожают до появления наследника мужского пола, а еще лучше — двух.

Пожилые люди были столь же немногословны: дедушки тут же придумывали себе занятие, давая шанс подругам жизни проявить себя; те, в свою очередь, благосклонно и с интересом изучали неожиданно появившегося иностранца, но явно не торопились вступать с ним в разговор.

После нескольких попыток завязать беседу у меня сложилось впечатление, что мы, похоже, учились в разных университетах. Традиционная восточная вежливость не позволяла быстро закончить беседу, поэтому энергичное размахивание руками на фоне обмена простейшими, но все равно непонятными друг для друга словами продолжалось несколько минут. Затем следовало

приглашение к столу с зеленым чаем, лепешками и фруктами, от которых приходилось отказываться из-за очевидного лимита времени.

Вскоре наша «Сантана-2000» выехала на основную трассу, по обеим сторонам которой тянулись бесконечные виноградники. Поблизости располагались специализированные комплексы по переработке спелых ягод. Увидев двух работников у одной из сушилен, я попросил Ху Дацина затормозить и вышел из машины. Молодые люди 18–20 лет как раз приступили к обработке только что собранного кишмиша. Их звали Аяз и Сатлык.

Аяз — очень древнее имя, которое еще в XI веке упоминал Махмуд Кашгарский в «Словаре тюркских языков». На протяжении столетий родители, давая его своим детям, желают им светлой и радостной жизни, в которой не будет места для горя и несчастий. Любопытная история и у имени Сатлык. Древние тюрки так называли младенцев, купленных у бедных родителей, либо собственных мальчиков, которых после рождения отдавали на некоторое время в чужие семьи, чтобы прервать череду детских смертей в собственном доме или избежать сглаза, а затем забирали их, оплатив соответствующие расходы и моральные издержки.

Добродушный Аяз решил не скрывать секретов производства от заезжего туриста из бывшего Советского Союза, к которому, как позднее выяснилось, его родители и он сам испытывают весьма теплые чувства, и без колебаний изъявил желание познакомить меня с технологическим процессом. Разложив плетеные корзины с виноградом на небольшом деревянном помосте, он поочередно опускал гроздья в пластмассовую бочку.

Я сначала решил, что там простая вода, но меня смутил цвет жидкости. В ответ на мой вопрос Аяз показал фирменную упаковку препарата под названием «ускоритель сушения винограда» (кит. путао цуганьцзи). Не поленившись прочитать инструкцию по его применению, я узнал следующее: порошок весом 350 граммов необходимо растворить в 15 литрах воды; когда раствор приобретет характерный белый цвет, туда следует опустить спелый виноград с содержанием сахара 20 и более процентов; через 1 минуту его надо вытащить и встряхнуть, а потом сушить надлежащим образом.

Поскольку, согласно разъяснениям на упаковке, контроль за производством указанного препарата осуществлял сельскохозяйственный институт в городе Урумчи, было бы в высшей степени некорректным рассуждать о целесообразности его использования, хотя у меня и возникла мысль о том, что виноградари Уйгурского государства тысячу лет назад вряд ли

подозревали о существовании некоего «ускорителя». На прощание Аяз подарил несколько гроздей восхитительного кишмиша, который мы с удовольствием съели.

Плодово-ягодное изобилие в оазисе заставляет задуматься о системе орошения обширных сельскохозяйственных угодий. Крупных наземных водоемов поблизости нет, и для непосвященного не совсем понятно, откуда что берется. В Турфанской впадине очень редко выпадают дожди: среднегодовые осадки составляют всего 16–30 миллиметров. Тем не менее ее недра таят в себе богатейшие запасы грунтовых вод, питаемых талыми водами, которые текут с севера, со склонов Тянь-Шаня.

Проникая через подземный галечный слой, они встречают на своем пути естественную преграду — Хояньшань — и бесчисленными родниками дают знать о себе в горных оврагах, а затем сливаются в небольшие реки. Эти воды в итоге и поступают на поля с помощью древних устройств, созданных в процессе накопления местными крестьянами огромного опыта.

Кяризы (перс.) (кит. каньэрцзин) — особые гидротехнические сооружения. Они состоят из вертикальных колодцев, подземных галерей, водоотводных каналов и водосборных штолен. Их преимущество в том, что вода по мере стока с учетом рельефа местности все ближе подходит к поверхности земли. Таким образом грунтовые воды, первоначально находившиеся на глубине нескольких десятков метров, без сложных водоподъемных конструкций фактически выбираются наверх, избегая интенсивного испарения в условиях исключительно жаркого климата.

К настоящему времени в Турфанской впадине действуют более тысячи кяризов, с помощью которых орошается 70 процентов площадей. На них выращивают не только виноград, но и арбузы, дыни, яблоки, гранаты, инжир, грецкие орехи и персики. Общая длина этих сооружений в районах Хами и Турфана составляет свыше 5000 км. Неудивительно, что китайские средства массовой информации окрестили их «подземной Великой стеной».

Много любопытного об устройстве увиденных более ста лет назад кяризов поведал Г. Е. Грумм-Гржимайло, которые у него фигурируют под названием «карысей» («карызей»): «Вместности, известной населению неглубоким сравнительно залеганием водосодержащих слоев, роется головная «дудка», т. е. узкий и глубокий колодезь, который заканчивается в этих слоях; отступя сажени (1 сажень равняется 2,1336 м. — *Н. А.)* четыре, много, если уже пять, роется вторая такая же дудка, потом третья, четвертая, сотая, до тех пор, пока их глубина не дойдет до

сажени; тогда эти дудки, начиная с последней, от которой уже ведется арык, соединяются между собой каналом, прорезающим таким образом во всю их длину водосодержащие почвы. Ясное дело, что тогда в такую трубу устремляется вся вода этих последних, но, разумеется, в пределах, строго ограниченных ее всасывающей способностью. Для того, чтобы увеличить струю карысной воды, в магистральный канал проводятся ветви; если же нет для этого подходящих условий, то или несколько параллельных между собой карысей соединяют в один, или удлиняют его еще новыми дудками. Но данный случай встречается сравнительно редко, так как с удалением от устья карыся глубина колодцев увеличивается постепенно и, наконец, достигает того максимума, который следует считать почти предельным; так, например, головные дудки хандуских (по названию древнего оазиса. — Н. А.) карысей достигают в некоторых случаях глубины большей сорока сажень! Но на такой глубине и поддержка карыся становится уже трудной. Ремонт последнего выполняется при помощи все тех же дудок, которые раньше служили для прокладки канала; потому, в свою очередь, они тщательно поддерживаются и зачастую укрепляются деревянными рамами; тем не менее обвалы в них бывают нередки, а ремонт карысей не прекращается никогда».

О кяризах в оазисах Турфанской впадины писал и известный отечественный геолог, географ и путешественник Владимир Михайлович Обручев (1863–1956 гг.). В составе экспедиции Г. Н. Потанина в Центральную Азию в 1892–1894 годах он занимался изучением горных пород Наньшаня и Восточного Тянь-Шаня, геологического строения Северного Китая и восточной окраины Тибета. Своими наблюдениями В. М. Обручев поделился в книге «От Кяхты до Кульджи»: «Кяриз — это длинная штольня (галерея), которую проводят вглубь толщи рыхлых наносов, чтобы перехватить грунтовую воду, циркулирующую в этой толще, и вывести ее на поверхность. Вода речки, орошавшей Люкчун (оазис неподалеку от Турфана. — Н. А.), вся расходовалась в оазисе вокруг этого города и частью уходила в почву. Кяриз, проведенный с юга в направлении к Люкчуну, опять выводил эту воду на поверхность и способствовал созданию оазиса, конечно, значительно меньшего, чем люкчунский. Кяризы в большом употреблении в Персии у подножия многочисленных горных хребтов. Вокруг Восточного Тянь-Шаня посредством кяризов можно было бы вывести еще много воды и оросить пустующие земли, но проводить кяризы очень трудно, так как эти галереи часто имеют длину в несколько километров. Кяриз, длиной в километр, могущий оросить участок земли, засеваемый

пудами пшеницы, обходился тогда очень дорого. Проводили кяризы целым селением или компанией из нескольких состоятельных людей. Так кяриз оазиса станции (метеорологической. — Н. А.) был проведен четырмя людьми, и один из них, Бешир, получал воду для орошения своего участка на 10 дней через каждые 18 дней».

В 7–8 километрах к западу от города с недавних пор функционирует развлекательный комплекс, наглядно рассказывающий о кяризах в Турфане и об истории их строительства. Судя по тому, что в англоязычных путеводителях, выпущенных на Западе в середине 90-х годов о нем нет ни слова, а в приобретенном мною буклете помещены сразу несколько фотографий прежнего председателя КНР Цзян Цзэминя, побывавшего здесь в июле 1998 года, можно предположить, что его открыли где-то в 1997–1998 годах.

Заплатив по 15 юаней (менее 2 долларов), мы прошли по виноградной аллее и окунулись в атмосферу некоего действа с фольклорными мотивами. На территории всего комплекса царило легкое оживление: под зажигательную музыку грациозно танцевали девушки в национальных костюмах, озорные уйгурские мальчишки бойко объясняли устройство кяризов, а симпатичные парочки имитировали воркование влюбленных, якобы случайно встретившихся у источника. Посетителей было мало, поэтому, вероятно, участники представления исполняли свои роли без надлежащего огонька.

Мои попытки найти удачный ракурс и квалифицированно сфотографировать хотя бы один из трех кяризов не имели результата, поскольку под землей было слишком темно, а с внешней стороны они выглядели как обычные гроты с водой. Осознав всю бесперспективность своей затеи и не спеша ознакомившись с ассортиментом товаров в нескольких торговых точках, я направился в специализированный музей, с детских лет питаю слабость к подобного рода учреждениям.

Там я узнал, что комплекс был открыт по инициативе Синьцзянского общества изучения кяризов (есть, оказывается, и такое). Водохозяйственные сооружения строят и сейчас, о чем свидетельствовали шахтерская амуниция, орудия труда, технические новшества и всевозможные приспособления, позволяющие ускорить производственный процесс. Самый старый из ныне действующих кяризов построен аж в 1593 году. Обычно высота подземного канала составляет 1,5–1,6 м, ширина —0,6–0,7 м, длина — 3–4 км.

Мое внимание привлекла внушительных размеров копия свитка, написанного в первой половине XIX века Линь Цзэсюем. В

таких случаях я даже не пытаюсь прочитать и понять текст целиком, чтобы не испытывать угрызений совести, столкнувшись с обилием незнакомых иероглифов, и прошу музейных работников разрешить мне как иностранцу сфотографировать тот или иной документ; не помню, чтобы получил отказ.

Турфанец Аяз

Сделать квалифицированный перевод в спокойной домашней обстановке уже не составило большого труда. Вот содержание свитка: «Необходимо разрешить копать кяризы, сообразуясь с реальной обстановкой. Судя по имеющимся данным, на территории Турфана существует множество земельных участков, орошаемых водой из уже выкопанных колодцев, которые называются «кяризами». Через каждый чжан (3, 33 метра. — *Н. А.)*

с лишним выкопан колодец. Все они соединены между собой для водостока. Водосток по кяризу приносит много пользы. Этот способ является оригинальным и единственным в Китае».

В данном случае важен не смысл изложенного, а автор документа. Речь идет о видном политическом деятеле и национальном патриоте Линь Цзэсюе (1785–1850 гг.), оставившем заметный след в истории Срединного государства. В Синьцзяне он оказался в ссылке после отчаянной и, увы, безуспешной борьбы с контрабандистами-иностранцами, поставлявшими в страну опиум.

С проблемой наркотиков связаны печальные страницы истории Китая. Особенно она обострилась к середине XIX века, когда на протяжении двадцати лет произошли две опустошительные опиумные войны, развязанные западными державами, и прежде всего Англией. В результате кабальные договоры, подписанные цинскими властями, стали ключевыми вехами на пути превращения великой империи в полуколонию. Что же касается Линь Цзэсюя, то его решительные и последовательные действия в южной провинции Гуандун в 1839–1840 годы, с одной стороны, вызвали широкий резонанс в обществе и всколыхнули народные массы, а с другой, — послужили для англичан оправданием их вооруженной агрессии.

Маньчжурские правители, добившись к концу XVIII века долговременной стабильности внутри государства, в области внешней политики взяли курс на самоизоляцию, игнорируя тем самым глобальные изменения, которые произошли в мире за последние десятилетия. Правящая элита по-прежнему считала, что Поднебесная— единственное средоточие цивилизации и окружена со всех сторон варварами, недостойными внимания императора. Она постоянно заявляла об отсутствии какого-либо интереса к торговле с Западом, которая носила тогда весьма ограниченный характер (через порт Гуанчжоу) и складывалась к тому же в ее пользу, поскольку чай, пряности и другие товары веками пользовались за рубежом неизменным спросом.

В буржуазной Европе довольно быстро обнаружили слабое звено в примитивных экономических представлениях и схоластике традиционных рассуждений китайских мандаринов. Предприимчивым дельцам стала приносить огромные доходы контрабандная торговля опиумом. По имеющимся данным, в 1780–1810 годах они ежегодно ввозили 4–5 тыс. ящиков (по 65 кг в каждом) наркотика; в 30-х годах эта цифра превысила 20 тысяч. Число курильщиков в первой половине XIX века составляло порядка 2 млн. человек, что для 400-миллионного населения Китая, вероятно, не так уж и много, но среди активных

потребителей опасного зелья были представители властных структур, включая высокопоставленных чиновников и военных.

Увеличение закупок опиума привело к негативным изменениям в торговом балансе, все более ощутимой становилась утечка серебра за границу, что в конечном счете вызывало увеличение налогов. Придворные экономисты предлагали два выхода из сложившейся ситуации: либо узаконить торговлю опиумом и взимать соответствующую пошлину, либо ввести на нее действенный запрет. Император остановился на втором варианте и поручил его реализацию Линь Цзэсюю, зарекомендовавшему себя решительным борцом с опиумом на посту наместника провинций Хубэй и Хунань.

Он распорядился изъять у населения Учана, Ханькоу и других городов указанных провинций весь опиум, трубки для курения и иные сопутствующие принадлежности. Энергичный администратор неоднократно докладывал двору о губительном влиянии такой торговли на общество и принятых им конкретных мерах в борьбе со злом. Проанализировав результаты деятельности и высказанные предложения Линь Цзэсюя, император зимой 1838–1839 годов обнародовал указ о его назначении комиссаром по борьбе с контрабандой опиума и одновременно командующим военно-морскими силами в южной провинции Гуандун.

Линь Цзэсюй прибыл в Гуанчжоу 10 марта 1839 года и вскоре отдал приказ о конфискации опиума, находившегося на складах факторий (поселение европейских торговцев) и иностранных судах, — около 20 тыс. ящиков весом порядка 1200 тонн. Большая часть незаконного товара была высыпана в соленую воду и засыпана негашеной известью, а остальное сожгли. За каждый ящик конфискованного опиума местные власти предложили купцам компенсацию в размере примерно 2,5 кг чайного листа. Суда, прибывавшие из-за рубежа, отныне подвергались тщательному досмотру; те, кто пытался ввезти опиум, к торговле не допускались.

В апреле 1839 года Линь Цзэсюй в специальном послании английской королеве сообщил о запрете потребления наркотика в Китае и настаивал на прекращении его производства. В другом письме королеве Виктории от 16 января 1840 года он сообщил о введении в его стране строгого закона против торговли и курения опиума, действовавшего в том числе и в отношении контрабандистов-иностранцев, а также обусловливал внешнеэкономические связи с Англией отказом от преступной торговли опиумом.

Столь решительные и вполне оправданные действия

администрации Гуандуна вызвали истерику и взрыв шовинизма в Англии, чьи суда в поиске новых рынков сбыта британских товаров бороздили воды Индийского океана и энергично осваивали акваторию Южно-Китайского моря. Министр иностранных дел Г. Пальмерстон, активно поддержанный торгово-промышленными и деловыми кругами, разработал план морской операции и фактически с благословения королевы принял решение начать войну против Китая. Уверенные в успехе, англичане стремились заполучить в свою собственность какой-либо порт на его побережье и открыть для торговых операций несколько других. В июне 1840 года у южных берегов Поднебесной появилась британская эскадра.

Несмотря на предпринятые чрезвычайные меры и отдельные эпизоды героического сопротивления агрессору, Линь Цзэсюй, его сподвижники, патриотично настроенные военные и широкие народные массы не могли, в силу объективных причин, отразить натиск немногочисленных, но мощных боевых кораблей и сухопутной армии противника; слишком очевидной была экономическая, политическая и военная отсталость империи.

Монарх, раздосадованный первыми неудачами в возникшем противостоянии, поспешил снять непримиримого борца с опиумом с занимаемых постов и назначил наместником провинций Гуандун и Гуанси Ци Шаня, который, в частности, говорил, что, в отличие от Линь Цзэсюя, «до конца дней своих не станет интересоваться положением дел у иностранцев».

Импульсивные решения Пекина, его непоследовательная политика уступок и воинственных заявлений лишь ускорили неизбежное фиаско. Неравноправный Нанкинский договор 1842 года, подписанный на борту английского корабля «Корнуэлле», стал первым в серии аналогичных документов, навязанных Китаю капиталистическими державами. Что же касается Линь Цзэсюя, то в это время он со свойственной ему целеустремленностью отдавал все силы строительству ирригационных сооружений на северо-западе страны.

Глава 5

НА СЕВЕРЕ ТАРИМСКОЙ ВПАДИНЫ

Кюго-западу от Турфана, примерно в 160 километрах от Урумчи, расположен малоприметный город Токсун. Оттуда мой путь пролегал на юг Синьцзяна, в направлении обширной Таримской впадины, или Кашгарской равнины. Река, давшая ей название, — главная во всем регионе. Она образуется в результате слияния рек Аксу, Хотан и Яркенд и протекает в основном по северной окраине впадины, однако в последние десятилетия ее русло стремительно сокращается. Впрочем, к проблемам Тарима мы еще вернемся.

В непосредственной близости от окруженного горами древнего Карашара автобус проследовал через реку Хайдык-Гол, которая, честно говоря, не произвела на меня особого впечатления, хотя именно эту водную артерию китайцы считают таинственной и трудно преодолимой Тунтяньхэ («Уходящая в небо река»). Ей посвящены многие страницы книги У Чэнъэня «Путешествие на Запад». Героям средневекового романа — танскому монаху Сюаньцзану и его смелым помощникам— пришлось дважды форсировать сложную преграду: на пути в Индию и по дороге обратно. На обратной дороге их покровительница— богиня милосердия Гуаньинь — вынудила паломников спуститься с небес, чтобы в последний раз испытать глубину веры и силу духа обладателей священных книг. Оба эпизода весьма динамичны и заслуживают краткого описания.

Распрощавшись с правителем страны Чэчиго, где путешественники не без труда одолели даосов-оборотней, осенним вечером они подошли к реке. Чжу Бацзе попытался измерить ее глубину, но не сумел, а Сунь Укун — царь обезьян— так и не обнаружил противоположного берега, хотя обычно в темноте мог видеть на 300–500 ли. Зато неподалеку стояла каменная стела с надписью: «Уходящая в небо река. Ширина 800 ли (около 400 км. — *Н. А.)*».

Монах заметно расстроился, да и у остальных настроение было не лучше. Вдруг они услышали звуки гонга. В небольшом селении, похоже, шло богослужение. Путники поспешили к жилью и вскоре повстречали двух опечаленных старцев. Согласно их рассказу, в реке обитал колдун, которому местные жители каждый год вынуждены были отдавать на съедение мальчика и девочку. Только так они могли его умилостивить, ибо «облака

благовещие послушны… магу». Иначе всех крестьян ожидали страшная засуха и неминуемая гибель. Подошла очередь пожилых братьев и им предстояло навсегда расстаться с единственными детыми. Вот почему в вечерние часы в их семьях молились за тех, кто должен был скоро умереть.

Сунь Укун вызвался помочь бедным родителям и превратился в семилетнего мальчугана, а толстого Чжу Бацзе домочадцы, по совету царя обезьян, уговорили стать восьмилетней девочкой. Новоявленных «детишек» усадили в два больших красных блюда и вместе с жертвенными животными отнесли в храм, стоявший на берегу Тунтяньхэ.

Когда колдун-оборотень вознамерился совершить дикарский ритуал, Сунь Укун и Чжу Бацзе приняли прежний вид и намеревались окончательно проучить наглого каннибала, но тот успел превратиться в порыв ветра и исчез в реке. Очутившись в родной стихии, он стал думать, как ему изловить монаха-праведника и полакомиться им. Ему посоветовали сначала вызвать сильную метель и заморозить реку, чтобы паломники, спешащие в Индию, двинулись в путь, а затем быстро растопить лед и схватить их. Оригинальный план очень понравился колдуну, спустя несколько минут в округе резко похолодало и повалил снег.

Сюаньцзана и его спутников не удивила быстрая смена погоды, и они через какое-то время решительно ступили на лед. Увидев, что вся группа удалилась от берега на приличное расстояние, злой волшебник внезапно расколол лед: царь обезьян взмыл вверх, Чжу Бацзе, Ша Сэн и конь-дракон с поклажей, оказавшиеся в воде, добрались до берега, а учитель, не умевший плавать, пошел ко дну. Колдун хотел тут же зажарить и съесть его, чтобы обрести бессмертие, но послушался еще одного совета и приказал упрятать свое ценное приобретение в огромный каменный ящик, решив закатить настоящий пир через пару дней.

Друзья Сюаньцзана предприняли несколько попыток спасти наставника, но им никак не удавалось выманить оборотня на сушу, чтобы сразиться с ним в честном поединке, а в воде они не могли его одолеть. Пришлось Сунь Укуну обратиться за помощью к Гуаньинь, что жила у Южного моря, и они вдвоем отправились спасать танского монаха.

Богиня забросила в реку плетеную корзинку, произнесла некое заклинание и вскоре выловила золотую рыбку. Оказывается, та раньше плавала в священном лотосовом пруду, обрела там волшебную силу и во время мощного морского прилива покинула свою прежнюю обитель, поселившись в Уходящей в небо реке. Все свое умение она, к сожалению,

обратила во зло и постоянно наводила страх на жителей прибрежной деревушки.

На вокзале в Курле

После того, как оборотня благополучно извлекли из воды, Чжу Бацзе и Ша Сэн легко нашли учителя, однако отважные путешественники по-прежнему не знали, как преодолеть водную преграду. В благодарность за освобождение от долго терроризировавшего их колдуна крестьяне предложили построить корабль, но в этот момент к берегу подплыла исполинская белая черепаха. До появления в здешних водах рыбы-оборотня она была хозяйкой реки.

Черепаха любезно предложила свои услуги и за один день перевезла паломников на западный берег Тунтяньхэ. Во время

расставания она попросила учителя при встрече с Буддой узнать, когда исполнится ее сокровенное желание— перевоплощение в человека. Сюаньцзан с готовностью откликнулся на эту просьбу и пообещал все разузнать.

На обратном пути, когда наши герои с заветными сутрами возвращались на облаке из Индии в Китай, небесные чиновники представили Гуаньинь список, где были подробно изложены те тяготы и невзгоды, которые пришлось им преодолеть. Изучив его, богиня не нашла заключительного, 81-го испытания. Пришлось наставнику и его помощникам спускаться на грешную землю.

Судьба опять забросила их в Западный край, на берег хорошо знакомой реки. Неожиданно они услышали чей-то голос, то была белая черепаха, давно их поджидавшая. Приняв «на борт» необычную команду, она поплыла в противоположном направлении и у восточного берега Уходящей к небу реки обратилась к наставнику со своей просьбой. Однако почтенный монах забыл обо всем на свете, когда беседовал с Буддой об основах учения и канонической литературе, ему нечего было сказать черепахе. Поняв причину затянувшейся паузы, она печально вздохнула и ушла под воду.

Никто из ее пассажиров в результате не пострадал, но буддийские сутры сильно намокли. Паломники решили высушить их и разложили на камнях, на которых, потом, якобы, сохранились следы священных текстов. Местные жители устроили гостям восторженный прием и не хотели их отпускать. Глубокой ночью, тайком, ни с кем не простившись, Сюаньцзан и его ученики отправились в путь, чтобы как можно быстрее доставить в столицу Срединного государства уникальные книги и тем самым способствовать распространению нового учения. Путешествие на Запад, продолжавшееся четырнадцать лет, подходило к концу:

Чтобы постигнуть Великую Истину,
спустился в мирскую пыль;
Спутников жадных до самопознанья
сумел на Земле обрести.
Путь на Запад был труден и долог —
рассуждали о правде они;
Сотни лживых бесовских прозваний
не оскверняли их уст.
Переродившись, достигли прозренья,
души восприяли от сна;
Долг свой исполнили, путь завершили —
отринули мира тщету.

Сутры святые теперь в Поднебесной
широко расточают свет;
Взысканы милостью Будды паломники —
достигли врат Пустоты.

Княжество Яньци (Карашар) на протяжении веков играло важную роль на Шелковом пути, через него проходила дорога, связывавшая Гаочан (Турфанский оазис) с Кучей. Особое географическое положение создавало дополнительные возможности для его защиты от внешних угроз. Сложный рельеф местности удивляет не только современных туристов, о нем писали и древние историки. По свидетельству одного из них, вокруг государства «расположены высокие горы», а «труднопроходимые дороги легко оборонять».

О том, насколько уверенно в таких условиях чувствовали себя жители княжества, судить не берусь, но водитель нашего автобуса, несмотря на замысловатый серпантин в горном ущелье, явно опасался подавать предупредительные сигналы встречным автомашинам, неожиданно появлявшимся из-за поворота, дабы не вызвать камнепада. Похоже, он был убежден, что лобовое столкновение— лучшее из двух зол.

Неподалеку от Карашара, в межгорной впадине восточного Тянь-Шаня, находится Баграшкуль (Бостон) — крупнейшее в Китае пресноводное внутриконтинентальное озеро. Оно расположено на высоте 1048 метров, с востока на запад озеро протянулось на 55 км, с севера на юг — на 25. Из него берет начало Кончедарья.

В 2000 году в результате увеличения количества осадков и интенсивного таяния льдов уровень воды в нем поднялся более чем на один метр по сравнению с предыдущим годом, а площадь достигла 1700 кв. км вместо обычных 1400. Поэтому было принято решение в мае и ноябре в нижнее течение реки Тарим перебросить свыше 300 млн. кубометров воды. Аналогичная ситуация возникла и в 2001 году.

Крупномасштабное и неконтролируемое освоение целины, резкий рост забора воды из Тарима в 50—70-е годы прошлого века привели к пересыханию 320-километрового участка в нижнем течении этой реки. С 1950 по 1998 год численность населения, проживающего в ее бассейне, возросла с 1,56 млн. до 3,92 млн. человек, а площадь пахотных земель была расширена с 348 тыс. до 973 тыс. гектаров. В результате, согласно подсчетам китайских специалистов, с I960 по 1996 год поток воды в верхнем течении Тарима уменьшился на 1,3 млрд. тонн, т. е. ежегодное сокращение составляло в среднем более 36 млн. тонн. При

сохранении таких темпов через 110 лет русло реки полностью высохнет.

На 200 км короче стала упоминавшаяся Кончедарья, которая протекает на востоке Синьцзяна. Среднегодовое количество осадков в данном районе составляет лишь 13 миллиметров в год при испаряемости влаги до 4000 миллиметров. Если к этому добавить, что в 70-х годах XX века окончательно исчезло озеро Лобнор, воды которого еще в начале века вызывали бесконечные дискуссии среди путешественников и географов, то картина происходящего становится и вовсе безрадостной. Налицо деградация растительного покрова, опустынивание и засоление почв. Существует реальная опасность слияния двух гигантских пустынь: Гоби и Такла-Макан.

Нынешнее китайское руководство предпринимает огромные усилия по преодолению столь явно выраженных негативных тенденций. За четыре года после принятия программы освоения западных районов страны при энергичной поддержке центрального правительства власти Синьцзян-Уйгурского автономного района значительно увеличили капиталовложения в водное хозяйство. Так, в 2001 году инвестиции в эту сферу составили около 2,7 млрд. юаней (свыше 320 млн. долларов), что почти в два раза больше по сравнению с предыдущим годом. На долю государства пришлось порядка 70 процентов указанной суммы.

В том же году Госсовет КНР решил ассигновать 10, 7 млрд. юаней (примерно 1,3 млрд. долларов) на реализацию проекта по улучшению экологической среды в бассейне Тарима. Введен запрет на дальнейшее освоение здесь целины. По заявлениям официальных лиц соответствующих ведомств в Синьцзяне, в 2002–2003 годах главное внимание будет уделено вопросам обеспечения сельских жителей и домашнего скота качественной питьевой водой, распространения необходимых водосберегающих технологий.

Географическое положение Карашара (Яньци) предопределило основные направления хозяйственной деятельности его населения. Относительно прохладный климат и достаточно плодородные почвы давали возможность активно заниматься земледелием, воды Баграшкуля были всегда богаты рыбными ресурсами. Жители с давних пор разводили верблюдов и лошадей, «шелковичных червей, но не для вышивки шелком, а для изготовления ваты и сырца». Кстати, Сюаньцзан (разумеется, не литературный персонаж) отмечал, что в этих местах множество источников воды, оросительных каналов и земель, весьма благоприятных для разведения озимых и яровых хлебных злаков,

персиков, слив и других садовых культур, винограда.

В китайских исторических документах содержатся сведения о том, что в древнем княжестве использовали письменность, которая «одинакова с брахманской». Действительно, многие тексты V–VIII веков, найденные археологами в районе Карашара, а также Кучи и Турфана, написаны на брахми (одна из древнейших разновидностей индийского слогового письма). Проанализировав полученные материалы, ученые выделили тексты на двух близких языках, обычно называемых «тохарский А» и «тохарский Б».

Нелишне напомнить, что тохары — это народ, который обитал на территории Средней Азии во II веке до н. э. — I тыс. н. э. Они в свое время разгромили Греко-Бактрийское царство и создали собственное государство Тохаристан, занимавшее когда-то территорию южных районов современного Узбекистана, Таджикистана и Северного Афганистана. Что же касается непосредственно тохарских языков, то данное наименование носит во многом условный характер, самоназвание их носителей до сих пор неизвестно. Это вымершие родственные языки, их относят к индоевропейской семье языков.

Главная мечеть г. Куча

Первым в начале 90-х годов XIX века тохарский текст обнародовал Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934 гг.), получивший его от консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского. Последний, отвечая на запрос Русского археологического общества (1891 г.) по поводу наличия древностей на территории Синьцзяна, подтвердил, что «памятники буддийские существуют во всем Восточном Туркестане» и послал для ознакомления приобретенный им два года назад «листок, написанный на неизвестном языке» (тохарский Б), а также другие материалы. Публикуя указанную рукопись, С. Ф. Ольденбург утверждал, что она «заключает в себе новый, доселе не встречавшийся алфавит».

Ключевую роль в дешифровке (1908 г.) текстов сыграли немецкие индологи Э. Зиг и В. Зиглинг. Они установили

индоевропейский характер обоих тохарских языков, издали в своей транскрипции почти все рукописи на тохарском А и тохарском Б, хранящиеся в Берлине, перевели часть текстов на тохарском А и подготовили грамматику этого языка (совместно с В. Шульце).

Самые ранние тохарские письменные источники специалисты датируют V–VI веками. Судя по всему, на тохарском Б говорили на западе Таримского бассейна, т. е. в районе Кучи («западно-тохарский»), а тексты на тохарском А найдены лишь в восточной его части — Карашаре и Турфане («восточно-тохарский»), но там же были обнаружены и документы на тохарском Б. Возможно, тохарский А выполнял функции литературного языка, поскольку на нем написаны исключительно переводные тексты преимущественно буддийского содержания, в том числе одна из наиболее ценных находок — рукопись «Встречи с Майтрейей» на 88 страницах.

В отличие от него тохарский Б был не только языком канонической литературы, но и средством повседневного общения. По сведениям российского востоковеда В. В. Иванова, в Куче и ее окрестностях на нем вели хозяйственную документацию, писали медицинские и магические рецепты, письма (полуофициальные монастырские и частные, включая любовные) и монастырские деловые отчеты, караванные пропуска и сопроводительные документы, др.

В научном мире и среди нумизматов хорошо известны кучинские двуязычные литые монеты, на которых написаны китайская и, вероятно, брахми-кучинская легенды. В пользу именно этой версии высказался крупный знаток тохарских языков, профессор Пекинского университета Цзи Сяньлинь. Правда, полностью расшифровать легенду на брахми пока, к сожалению, не удается. Как считают китайские исследователи, указанные монеты начали выпускать примерно в III–IV веках из-за острой нехватки в Западном крае ханьских «учжу» («пять чжу»), что было обусловлено значительным ослаблением позиций Срединного государства в регионе, а закончили, с учетом изменившейся обстановки, — в VI веке, хотя они и оставались в обращении до эпохи Тан.

Впервой половине VII века правители Карашара активно сотрудничали с танским двором в борьбе против Гаочана (Турфан), который, как уже говорилось в третьей главе, всеми силами противился открытию нового караванного маршрута на Шелковом пути, проходившего через это княжество. Однако в 644 году китайский наместник Го Сяокэ неожиданно атаковал столицу Карашара и захватил в плен его князя. Эти действия

вызвали острый конфликт с западными тюрками, которых поддержала Куча, но последние потерпели поражение.

Караханидами, создавшими примерно на рубеже IX–X веков обширное государство на части территории Синьцзяна, Казахстана и Средней Азии, в Карашар пришел ислам. Вначале XIII века государство караханидов захватили вторгшиеся с востока и северо-востока монголы.

От Карашара (Яньци) до нынешней Курли, что стоит на Кончедарье, около 50 километров по автомобильной дороге среднего качества, но в вечернее время автобус шел очень медленно, а в какой-то момент мы и вовсе остановились, попав в затор. В быстро наступившей темноте оставалось лишь набраться терпения и ждать.

Курлю современные западные путеводители не очень-то жалуют: либо утверждают, что смотреть там особенно нечего, либо игнорируют вовсе. Может быть именно поэтому я так и не смог купить местную карту, хотя пытался это сделать на автобусном и железнодорожном вокзалах, во всех попадавшихся на пути книжных магазинах и газетных киосках. Однако сам город, знаменитый в Китае сладкими и сочными грушами, произвел в целом благоприятное впечатление: широкие проспекты, интересные архитектурные сооружения, много зелени, яркие краски, оригинальные декоративные решения на улицах и площадях.

Поиски исторического музея грозили затянуться надолго, ибо меня посылали куда угодно, но только не в нужном направлении. Интеллигентного вида ханьцы, уйгуры и представители национальности хуэй с удивительным постоянством терялись в догадках или пожимали плечами, услышав один и тот же вопрос. Помог местный любитель старины, которого я отыскал в книжном магазине.

В названии музея озадачили два первых иероглифа — «ба» и «чжоу». Согласно тексту на листке желтой бумаги, врученному мне бесплатно в ответ на пожелание приобрести какие-нибудь справочные материалы, экспозиция посвящена истории области Ба (Бачжоу), о которой, никогда прежде слышать не приходилось. Обескураженный и изрядно заинтригованный, я попросил все-таки открыть входные двери, поскольку остальные граждане, вероятно, бывали здесь неоднократно и явно не испытывали желания в очередной раз приобщаться к тайнам «пустынной Атлантиды».

Экскурсия, как потом выяснилось, имела для меня важное значение, но об этом чуть позже. Известно, что в летописи «Хань шу» (I век н. э.) упоминаются 36 государств Западного края. В

музее с удивлением узнал, что 11 из них отнесены к области Ба, в том числе княжества Лоулань, Яньци (Карашар), Вэйли, Цюйли, Сяовань, Цемо, Улэй и другие. Не скажу, что эта точка зрения является общепринятой в научных кругах. Во всяком случае авторы серии весьма солидных монографий под общим названием «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье», выпущенных в Москве издательством «Наука» в 80—90-е годы, ни словом не обмолвились о Бачжоу.

Получается, что оба маршрута Шелкового пути из Дуньхуана — северный и южный — проходили через указанную область в восточной части Таримского бассейна. На протяжении тысячелетий здесь текли такие реки, как Кончедарья, Цемо и Хайдык-Гол, существовало озеро Лобнор.

Бачжоу играла заметную роль в торгово-экономических и военно-политических связях Поднебесной.

После долгих лет ожесточенного противоборства с сюнну китайская армия потеснила противника и установила контроль над регионом. В 60 году до н. э. по приказу императора был впервые учрежден пост генерал-протектора Западного края (кит. Сиюй духу). Его занял полководец Чжэн Цзи. Резиденция нового должностного лица, имевшего чрезвычайные полномочия, находилась в небольшом княжестве Улэй, на территории нынешнего уезда Лунь тай, что примерно в 170 км к западу от Курли.

Появление протектората империи предполагало комплекс конкретных политико-правовых регламентаций и фиксированных процедур, реализация которых была возложена на соответствующий военно-чиновничий аппарат. Так, правители княжеств получали ханьские печати, что на практике означало выдачу им некоей инвеституры. Печати предоставлялись также высокопоставленным сановникам при дворах князей. В свою очередь, китайские чиновники должны были обеспечивать бесперебойное функционирование обоих торговых маршрутов Шелкового пути, максимально отстаивая интересы Срединного государства.

Китайские друзья — Чжан, Ван и Цянь

Одновременно китайские власти приступили к созданию здесь военизированных земледельческих поселений для снабжения продовольствием войск и административных органов, размещенных в Западном крае. Ранее они хорошо зарекомендовали себя в округах Хэсийского коридора (Увэй, Чжанъе, Цзюцюань и Дуньхуан), что на территории современной провинции Ганьсу. Сановник Сан Хунъян подал специальный доклад императору Уди (89 г. до н. э.), предложив учредить такие поселения в районе Луньтая. Первоначально идею отвергли, но новый император отнесся к ней с большим интересом.

Пост генерал-протектора просуществовал до 23 года н. э., когда в результате внутренних смут в империи Хань ее правители утратили свои позиции в Западном крае. Его, правда, восстановили во второй половине I века, однако саму резиденцию отстроили уже в другом месте.

Размышляя над названием области, я неожиданно для себя решил забавный ребус двухлетней давности. Среди моих любимых мест в Пекине — огромный книжный магазин в начале улицы Сидань, построенный во второй половине 90-х годов прошлого века. На рубеже тысячелетий я регулярно наведывался туда в обеденные часы, поскольку информационное агентство

Синьхуа на Сюаньумэнь, где проработал пять лет, находится в 12–15 минутах ходьбы. Особенно часто знакомился здесь с книжными новинками по интересовавшей меня теме. В то время работал над книгой о современном уголовном законодательстве КНР.

В магазине всегда большой выбор компакт-дисков CD, VCD и DVD. Покупать там наиболее популярные кинофильмы и музыкальные альбомы в оригинальном исполнении не имеет смысла, ибо широко распространенная пиратская продукция неплохого качества стоит значительно дешевле. Зато любители разнообразной экзотики могут существенно расширить кругозор и пополнить свои коллекции.

Я давно хотел приобрести VCD с качественными съемками на маршрутах Шелкового пути по территории Китая и как-то увидел комплект из двух дисков. Согласно аннотации, один из них был посвящен древним памятникам и достопримечательностям провинции Ганьсу, другой — Синьцзян-Уйгурского автономного района. При изучении содержания видеофильма на коробке диска я вдруг наткнулся на четыре сюжета о Баку. Мне всегда нравилась столица бывшей Азербайджанской ССР и нынешнего суверенного Азербайджана, но я никак не мог взять в толк, почему такой интерес проявили к ней создатели данного фильма.

Можно было предположить, что подвел мой китайский, но не до такой же степени! Я отправился в соседний отдел, где стояли энциклопедические издания, и лишний раз убедился, что иероглифы в названии азербайджанского населенного пункта не поменяли. Милые продавщицы пришли на помощь и попытались объяснить, что Баку — это город в бывшем Советском Союзе, но когда я спросил, какое он имеет отношение к Ганьсу или Синьцзяну, быстро стушевались и затихли. Я решил подождать с покупкой и разобраться в странной мистификации. Увы, даже мои китайские друзья-интеллектуалы не смогли помочь, они же порекомендовали купить комплект и устроить его коллективный просмотр с последующим «консилиумом». Однако через день нужные диски исчезли с прилавка магазина, и я тогда остался в полном неведении.

Понадобилось приехать в далекую Курлю и разыскать местный музей, чтобы окончательно прояснить данный вопрос. Иероглиф «ба», как оказалось, связан с упомянутой областью в Западном крае, а «ку» — это первый иероглиф в названии древнего города Куча, расположенного в 282 километрах к западу от Курли. Возникшее сочетание, таким образом, не имеет никакого отношения к столице Азербайджана, хотя и пишется точно также, а обозначает определенный район в бассейне реки

Тарим. Кстати, вернувшись в Пекин из путешествия в конце сентября 2002 года, я купил те самые диски, но уже в другой упаковке.

Музейные экспонаты (более полутысячи единиц) размещены в трех залах: изделия из камня, кости и дерева, металла, фарфор и керамика, буддийская религиозная утварь, надписи на камнях, древние монеты и многое другое, обнаруженное археологами в Карашаре (Яньци) и Мира-не; древние памятники культуры народов, обитавших по берегам озера Лобнор; результаты раскопок в 1985–1997 годах старинных захоронений на территории княжества Цемо, в том числе мумифицированные останки пяти умерших человек, трое из которых жили около 3 тысяч лет назад. Экспозиция, безусловно, интересная, но, похоже, не очень-то востребованная.

Покинув музей и не имея на руках карты города, я попытался сам отыскать что-нибудь интересное. На центральной Народной площади около сотни школьников занимались ушу под руководством инструктора в военной форме. В китайских городах удивительно просто решают проблемы досуга. Молодежь, несмотря на всеобщий компьютерный ажиотаж, активно участвует в подготовке и проведении различных массовых мероприятий, спортивных праздников, а пенсионеры постоянно шлифуют свое мастерство в танцевальном искусстве. Кроме того, многие мужчины преклонного возраста устраивают в парках и скверах свои сходки, слушая пение певчих птиц или играя в мацзян, китайские шахматы либо карты. В утренние часы их всех можно встретить на простейших спортивных тренажерах, смонтированных ныне повсеместно.

На перекрестке Тяньшаньлу и Тянымэньгуаньлу возвышается скульптура воина Народно-освободительной армии Китая (НОАК) с автоматом и кетменем. Памятник поставили относительно недавно, по случаю 40-летия пребывания НОАК в регионе. Ее функции здесь с самого начала несколько отличались от тех задач, которые она выполняла и выполняет в других местах. Дело в том, что вскоре после образования КНР в Синьцзяне из военнослужащих действующей армии был сформирован производственно-строительный корпус (ПСК), который приступил в том числе и к освоению Таримской впадины.

В 50—60-е годы 1-я земледельческая дивизия ПСК создала ряд госхозов в южной, юго-западной и северо-западной ее частях, а 2-я — на северо-востоке впадины. В те годы при непосредственном участии армии резко увеличилось сельскохозяйственное производство, были построены ирригационные сооружения, автомобильные и железные дороги с

лесозащитными полосами, возникли новые населенные пункты.

Конечно, далеко не всегда военные могли решать возникавшие проблемы на должном уровне: у солдат и офицеров было много энтузиазма и желания помочь местному населению, но зачастую не хватало специальных агрономических знаний; регион вместе со всей страной регулярно оказывался в водовороте пагубных социально-экономических экспериментов, ожесточенной политической борьбы и разнузданных идеологических кампаний. Тем не менее к армии и военнослужащим относятся в Синьцзяне, как и во всем Китае, с уважением, а производственно-строительный корпус существует до сих пор.

Переезд Куча (Цюцы) — Курля занял 6 часов, хотя расстояние между городами, как уже говорилось выше, менее 300 км. Кассир на автовокзале подозрительно назойливо предлагала купить билет на более скоростной микроавтобус за 40 с небольшим юаней (примерно 5 долларов), но, выяснив у кучинских водителей, что дорога уже 4 месяца находится в состоянии капитального ремонта и ни о каких ускорениях на ней не может быть и речи, я решил не выступать в роли иностранца, которого в очередной раз обманули на копеечную сумму, а отправился в шумной компании с местными жителями за 25 юаней (3 доллара), тем более что рассчитывал на их комментарии по пути следования.

111 км от Кучи до Луньтая мы преодолели за 3 с лишним часа. При этом автобус находился в постоянном движении, хотя временами оно больше походило на конвульсии или агонию. Моя нелюбовь к завтракам в данном случае оказала неоценимую услугу, так что нелегкое испытание выдержал с честью. Бросилось в глаза обилие вдоль дороги всевозможной техники, из чего можно было заключить, что здесь действительно приступили к осуществлению грандиозного проекта транспортировки синьцзянского природного газа в восточные районы страны.

Летом 2002 года национальные СМИ довольно подробно информировали о начале соответствующих работ в городах Курля, Нанкин (пров. Цзянсу), Чжэнчжоу (пров. Хэнань) и уезде Цзинбянь (пров. Шэньси). Словоохотливый сосед-ханец, приезжавший в Кучу в служебную командировку, рассказал, что ближайшее газовое месторождение находится примерно в 100 км к югу от дороги, которая, к сожалению, продолжала нас терзать и мучить.

В XXI веке Синьцзян-Уйгурский автономный район станет основной в Китае базой добычи нефти и природного газа. По мнению специалистов, на территории 850 тыс. кв. км (около

половины площади региона) имеются геологические предпосылки для залегания нефти. Согласно их оценке, ее запасы превышают 30 млрд. тонн, т. е. одну треть прогнозируемых нефтяных ресурсов КНР. Предполагаемые запасы природного газа составляют 13 трлн. кубометров. В последние годы в разведку и разработку нефтегазовых месторождений вложены огромные средства. Всего их в Синьцзяне обнаружено более 30, разведанные запасы нефти превышают 2 млрд. тонн, природного газа — 700 млрд. кубометров.

Разработка нефти и газа в СУАР— дело весьма непростое: во-первых, их месторождения находятся на высокогорье или в пустынях, где трудные климатические условия и отсутствует развитая инфраструктура; во-вторых, природные ресурсы залегают на большой глубине, дополнительные проблемы создает также сложная структура подземных пластов. Кроме того, необходимо учитывать и сейсмическую обстановку в регионе. В этой связи достаточно вспомнить катастрофические последствия землетрясения 24 февраля 2003 года.

Тем не менее, указанные месторождения остаются привлекательными с точки зрения их промышленной разработки. В частности, для синьцзянской нефти характерны минимальный процент содержания серы и низкая температура застывания, что позволяет производить из нее высококачественные смазочные масла, битум для покрытия скоростных автотрасс, медицинские и косметические препараты.

Недавно агентство Синьхуа сообщило, что разведанные запасы природного газа в бассейне Тарима, площадь которого порядка 530 тыс. кв. км, достигают 526,7 млрд. кубометров, их предполагаемый объем — 8,4 трлн. кубометров. 4 июля 2002 года международный консорциум, основными участниками которого стали отечественный «Газпром», а также «Шелл» и «Экссонмобил», подписал с китайской компанией «Петрочайна» соглашение о создании совместного предприятия по реализации крупнейшего в КНР проекта газопровода «Запад — Восток». Он предусматривает разработку месторождений Таримского бассейна, строительство и эксплуатацию газопровода из Синьцзян-Уйгурского автономного района до Шанхая протяженностью около 4000 км, создание единой торговой компании, которая будет отвечать за доставку газа потребителям в Восточном Китае.

Общий объем инвестиций превысит 140 млрд. юаней (около 17 млрд. долларов). Только строительство газопровода оценивается китайской стороной в 5, 3 млрд. долларов. После его завершения ежегодно планируется переброска с запада 12 млрд. кубометров газа с постепенным выходом на уровень 20 млрд.

Первый газ должен быть направлен в пять китайских провинций уже к концу 2003 года, полностью стройку стороны намерены завершить к 2005 году. Газ будет широко использоваться в коммунальном хозяйстве, промышленности, энергетике и в качестве сырья для химической индустрии.

Лестница в пещеру Тысячи будд

Соглашение рассчитано на 45 лет. В соответствии с подписанным документом, иностранные партнеры имеют равные доли участия в проекте с учетом того, что китайской компании «Петрочайна» принадлежит 55 процентов акций. Таким образом, на долю «Газпрома» вместе с его «младшим» партнером — российским «Стройтрансгазом» — приходится 15 процентов акций.

Российские эксперты и предприниматели полагают, что данный проект заложит основы развития отношений стратегического партнерства между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК), а также компанией «Петрочайна». Они не исключают возможности подключения к транскитайскому газопроводу сибирского природного сырья в 2010 году. Схожие мысли высказывают и поставщики газа из стран Центральной Азии, в том числе Казахстана.

Газопровод возьмет начало на нефтегазовых промыслах Луньнань в Таримской впадине, пройдет через территорию Ганьсу, Нинся-Хуэйского автономного района, провинций Шэньси, Шаньси, Хэнань, Аньхой, Цзянсу и Чжэцзян, закончится в поселке Байхэ, что в пригороде Шанхая. Одновременно природный газ будет поступать и в различные районы Синьцзяна. В августе 2002 года специалисты из упоминавшейся КННК приступили к строительству газопровода в Хотане протяженностью 182 км. После ввода его в эксплуатацию город сможет ежегодно получать 150 млн. кубометров газа. Однако даже самый масштабный и перспективный проект с активным участием иностранных инвесторов пока не может кардинально разрешить накопившиеся проблемы КНР в области энергоресурсов.

Согласно имеющимся прогнозам, к 2005 году ее потребности в природном газе составят 64, 5 млрд. кубометров, к 2010 году— 112 млрд., к 2020 году — 252 млрд. Вместе с тем его добыча в самом Китае достигнет соответственно в 2005 году—62,5 млрд. кубометров, в 2010 году — 96, 8 млрд. и в 2020 году — 142 млрд. Поэтому стратегический план долгосрочного развития газовой индустрии предусматривает удовлетворение растущих потребностей национальной экономики за счет импорта из России и государств Центральной Азии, а также за счет закупок за рубежом сжиженного газа, в частности из Брунея и Индонезии.

За последние годы в стране уже построено несколько газопроводов. Их общая протяженность составила около 3000 км. В южной провинции Гуандун предполагается создать первый в стране морской терминал стоимостью в 616 млн. долларов для приема сжиженного газа, поступающего из-за границы. Операторами всех крупных нефтегазовых проектов являются гигантские полугосударственные коммерческие компании, которые находятся вне жесткого контроля со стороны центрального правительства.

Несмотря на более чем скромный современный вид Куча (Цюцы) может по праву гордиться своим ярким и удивительным

прошлым. Расположенный между южными отрогами Тянь-Шаня и северной оконечностью пустыни Такла — Макан оазис был важным пунктом на северном направлении Шелкового пути. Ханьский историк Бань Гу около двух тысяч лет назад писал о благодатном здешнем климате и «привольных, богатых водой и травой» землях, где местные жители «вели оседлый образ жизни», что делало их непохожими «на сюнну и усуней».

В I веке до н. э. это было самое крупное государство Западного края. На западе оно граничило с Гумо (район совр. Аксу), на юге — с княжествами, расположенными вдоль южного маршрута следования торговых караванов. По подсчетам видного российского специалиста М. В. Крюкова, его население составляло в то время примерно 50 тысяч человек, что в полтора с лишним раза превышало количество жителей во втором по численности государстве Яньци (Карашар).

С 60-х годов I века до н. э. Китай и Куча установили регулярные контакты. Следует в этой связи заметить, что резиденция ханьского генерал-протектора в крепости Улэй находилась всего в 250 ли к востоку от столицы княжества. Однако спустя столетие Куча переходит под контроль сюнну, которые придавали ей ключевое значение в распространении своего влияния в регионе. Наступил этап затяжных войн с Поднебесной. Знаменитый ханьский полководец Бань Чао в 80 году утверждал: «Ныне Цзюйми, Соцзюй, Сулэ, юэчжи, усуни и Канцзюй вновь имеют намерение подчиниться. Я хочу объединить их силы, разбить и уничтожить Кучу. Если Куча будет захвачена, то непокорившихся в Западном крае останется не более одного из ста». Поставленную задачу удалось решить лишь через десять лет.

Оазис этот на протяжении веков знаменит духовными исканиями местной элиты. Буддизм проник сюда еще в

I веке н. э., а в III веке уже существовал крупный центр «западной» религии. Многие прекрасно образованные монахи-подвижники отправлялись в различные районы Китая со своими идеями и проповедями. В исторической хронике династии Цзинь (265–420 гг.) говорится о том, что в городе Куча, который находится в 8280 ли (4140 км) от Лояна (столица государства), сооружено более тысячи буддийских пагод, а постройки дворца правителя настолько великолепны, словно это «приют божественного бытия».

В Куче родился и прожил около 40 лет выдающийся буддийский проповедник Кумараджива (344–413 гг.). Слава о нем шагнула далеко за границы княжества. Отправляя из Чанъани в трудный поход военачальника Люй Гуана, правитель династии Ранняя Цинь Фу Цзянь в 382 году сказал ему буквально

следующее: «Слышал я, что живет в Западном крае Кумараджива. Он глубоко постиг суть Закона и превосходно владеет учением об инь и ян. Я много думал о нем. Ведь мудрецы и философы— величайшая драгоценность государства. Когда покоришь Цюцы, с гонцами доставишь Кумарадживу ко мне». Однако встретиться им не удалось. Фу Цзянь был вскоре убит, а проповедник добрался до Чанъани только в 401 году (403 г.).

Другой особенностью Кучи было музыкальное творчество талантливого народа. Местные музыканты и танцоры в разное время оказывали сильное влияние на китайскую культуру, неизменно вызывая восторженные отклики современников. Один из самых популярных сюжетов трехцветной танской керамики (кит. тансаньцай), очень точно и емко передающей поэтику Шелкового пути, — это многофигурная композиция веселых кучинских музыкантов, удобно расположившихся на спине двугорбого верблюда.

Упомянутый Люй Гуан, разбив армии государств Западного края, вывез из Цюцы не только мудрого Кумарадживу, но и понравившихся ему музыкантов. Во время путешествия в Индию за буддийскими текстами Сюаньцзан прожил в оазисе больше месяца. В своих заметках он писал, что деревянные духовые и струнные инструменты в Куче, так же как и музыка с танцами, затмили все виденное им в других странах.

После прихода к власти в Китае династии Тан правители княжества пытались действовать самостоятельно и даже выступили в поддержку Карашара, атакованного китайским генералом Го Сяокэ, но потерпели поражение. В 648 году танские войска заняли Кучу, что, по свидетельству летописца, «привело в трепет весь Западный край». На протяжении ста лет с небольшими перерывами это была главная опора империи в регионе. В город из Гаочана (Турфанский оазис) переехала резиденция китайского наместника, тут же находилась ставка главнокомандующего армией. Что же касается упомянутых перерывов, то один из них случился во второй половине VII века, когда в течение ряда лет контроль над Кучей и одновременно значительной частью Кашгарии сохраняли воинственные тибетцы.

После эвакуации китайских гарнизонов из региона в результате мятежа Ань Лушаня (755 г.), глубоко потрясшего устои империи, напряженную борьбу за оазис вели уже Тибет и Уйгурский каганат. На первом этапе победу одержали тибетцы, но с разгромом каганата кыргызами в 840 году многие уйгуры устремились в Западный край, где, как уже говорилось выше, возникло Турфанское княжество (866 г.), установившее вскоре протекторат над Кучей. О ее дальнейшей истории мало что

известно. В «Истории династии Сун» (кит. «Сун ши») она упоминается как независимое княжество, которым правит князь с помощью девяти министров.

Куча довольно неожиданно привлекла внимание научной общественности в конце XIX века. Английский лейтенант Бауэр в 1888–1889 годах по приказу своего начальства расследовал дело об убийстве молодого шотландского путешественника Эндрю Далглиша. Офицер, наделенный соответствующими полномочиями, долго искал преступника — афганца Дауда Мохаммеда из Яркенда — сразу в трех странах: России, Китае и Афганистане (убийцу в конце концов схватили на базаре в Самарканде). Бауэр в этой ситуации был вынужден регулярно посещать населенные пункты, некогда игравшие важную роль на Шелковом пути.

В ходе постоянных переездов он добрался до Кучи, где ему поведали о манускриптах, обнаруженных в развалинах городища. Англичанин приобрел один из них и отправил в Калькутту на экспертизу. Специалисты (прежде всего англо-немецкий востоковед и палеограф А. Р. Хернле) установили, что это была написанная на брахми старинная санскритская книга V века, т. е. самая древняя на тот момент рукопись, оказавшаяся в Индии.

Находка вызвала исключительно мощный резонанс в определенных кругах. Выступая на заседании восточного отделения Русского археологического общества 18 октября 1891 года, С. Ф. Ольденбург оценил ее по достоинству и предложил обратиться к консулу в Кашгаре Н. Ф. Петровскому относительно возможности организации в Куче «археологических изысканий». Английский археолог и этнограф Аурел Стейн, осуществивший позднее настоящий прорыв в изучении региона, писал, что с 1891 года, когда ему стал известен манускрипт Бауэра, «мои глаза обратились в сторону Восточного Туркестана, поля археологических исследований».

В древнюю Кучу я приехал из Кашгара. 16-часовой переезд (723 км) на нижней полке в комфортабельном спальном автобусе обошелся ровно в 10 долларов (83 юаня). В дороге познакомился с тремя очень симпатичными и образованными китайцами средних лет, которые самостоятельно отправились в путешествие по северо-западу страны. Чжан приехала из Гуанчжоу, а господа Ван и Цянь живут в Шанхае. Поговорив о перипетиях наших странствий и установив хорошие отношения, мы решили в ближайшие сутки действовать сообща, чтобы существенно сократить расходы на проживание в городе и на многокилометровое автомобильное передвижение по его окрестностям.

Сразу отправились в гостиницу «Транспортная» (кит. Цзяотун бингуань), расположенную в 2 минутах ходьбы от автовокзала. В доме для приезжих с аналогичным названием я, кстати, останавливался и в Ташкургане. Трехместный номер без удобств стоил совсем недорого — по 15 юаней (менее 2 долларов) с человека в сутки. Столько же заплатила и наша дама, поскольку ее подселили к двум другим китаянкам.

На этаже был душ с теплой водой, так что мы быстро привели себя в порядок и довольные отправились изучать город. Однако экскурсия не заладилась с самого начала. Подросток-уйгур с энтузиазмом вызвался довезти на телеге, запряженной ослом, до исторического музея. Сомнения у меня возникли сразу, но решил довериться спутникам, которые периодически показывали вознице карту Кучи на китайском языке. Вскоре он привез нас к главной мечети.

Она построена в 1923 году и расположена в западной части города, примерно в километре от базарной площади. Попасть внутрь нам не удалось, но с учетом современной внешней отделки ее интерьер и внутреннее убранство угадывались довольно легко. Внимание привлекли искусно выполненные узоры в сводчатой нише над основным входом в мечеть, было совершенно очевидно, что она находится под тщательным присмотром и средств на нее не жалеют.

После остановки у мечети уйгурский юноша посчитал свою задачу выполненной. Когда мы напомнили, что хотели бы все-таки посетить музей, он, как и прежде, изъявил готовность отвезти нас туда, в действительности не зная куда. Извозный бизнес, как выяснилось, не предусматривал умения читать по-китайски, поэтому вместо предложенной карты города, куда он с интересом заглядывал, с таким же успехом ему можно было вручить схему московского метрополитена.

Покружив по старой и весьма интересной части Кучи, ослик потихоньку выбрался на оперативный простор и явно намеревался двинуть в сторону Кашгара, но тут вмешались местные жители, и общими усилиями мы отыскали школу, неподалеку от которой и находится музей. О том, как функционирует это учреждение, очень грамотно и точно изложено в объемном путеводителе по Китаю из серии «The Rough Guide», изданном в Лондоне в 1997 году: «Представляется, что часы работы зависят от того, спит или нет в данный момент привратник, а также, вероятно, от наличия нечастых посетителей».

В нашем случае сторожа удалось растолкать, но у него, увы, не было ключей. Он долго названивал по телефону, затем бегал к кому-то домой, в итоге после полутора часов ожидания в музей мы так и не попали, ибо тот, от кого сие зависело, был занят, очевидно, более важными делами.

Изучив все иероглифические надписи на внешних стенах, я пришел к выводу, что авторы упомянутого англоязычного путеводителя явно не разобрались с названием улицы, где расположен музей. Согласно их версии, оно выглядит как Линьцилу (Linqi Lu), где чтение второго иероглифа записано вообще неправильно, а заключительный «лу» переводится в книге как «улица».

У последнего иероглифа действительно есть такое значение, которое является основным, но в данном случае это лишь часть

партийной клички конкретного человека. На самом деле улица названа в честь революционера-коммуниста Линь Цзилу (настоящее имя Линь Вэйлян). В свое время он был начальником уезда в Куче, активно занимался вопросами строительства и «повышал дух сопротивления японцам». В 1942 году его арестовали в Дихуа (совр. Урумчи), 27 августа 1943 года Линь Цзи геройски погиб.

К оставшимся двум достопримечательностям в черте города мы решили идти пешком, уже наученные горьким опытом. Севернее гостиницы «Цюцы» находится могила некоего мусульманского проповедника, прибывшего в Кучу с Ближнего Востока. Арабский теолог жил в XIV веке, мемориальный комплекс возведен в 1867–1871 годах. На его территории действует мечеть, где в вечерние часы было довольно много молящихся.

Откровенно разочаровали руины древнего города. Близкое соседство с центральной магистралью и абсолютно невыразительными зданиями, построенными относительно недавно, отсутствие «опознавательных знаков» и обилие вокруг мусора придают им настолько будничный вид, что лишь при наличии солидной специальной подготовки и богатой фантазии можно представить себе блестящее прошлое замечательной Кучи.

Приезд в город — 21 сентября 2002 года — совпал с праздником Середины осени (кит. Чжунцю), который я очень люблю за неизменно хорошую погоду и роскошные «лунные» пряники. Предложение отметить его с элементами русской традиции, т. е. с водкой, но китайского производства, было принято на ура. Ван и Цянь решительно высказались за ресторан сычуаньской кухни, а Чжан с одобрения мужчин пригласила свою соседку по номеру — эмоциональную и вполне адекватную 27-летнюю Ли, уроженку провинции Гуандун, которая в одиночку путешествовала по Синьцзяну.

Похоже, Чжан устала разговаривать с нами на путунхуа и радостно щебетала на родном южном наречии. Для того чтобы понять, насколько они отличаются друг от друга, достаточно, на мой взгляд, одного примера: «спасибо» на пекинском диалекте произносится как «сесе», на гуандунском — «мгэй».

Упомянутый праздник приходится на 15-е число 8-го месяца по лунному календарю, когда наступает полнолуние. Его календарное значение определяется осенним равноденствием. Это прежде всего традиционный праздник урожая, так как по времени он совпадает с окончанием уборочных работ на значительной части Китая. С ним связаны и многочисленные предания.

Давным-давно на небе было десять солнц. Когда одно из них двигалось с востока на запад, другие девять оставались на краю земли. После того, как оно возвращалось, сделав круг, наступала очередь второго. Однако вскоре гармония была нарушена. Все десять солнц вдруг стали появляться на небосклоне и уходить за горизонт одновременно. Люди изнывали от сумасшедшей жары и быстро умирали, стремительно гибли плоды их труда.

В некоем селении жила тогда замечательная семья — отважный Хоуи (И) и красавица Чанъэ. Местные мужчины, посовещавшись, смастерили огромный лук и попросили лучшего стрелка поразить измучившие всех светила. Хоуи посылал стрелу за стрелой, пока не сбил девять солнц. На небе осталось лишь одно, которое до сих пор освещает землю.

Спустя некоторое время дух реки Хуанхэ по имени Хэбо вызвал ненастную погоду и страшное наводнение, в результате чего погибло большое количество людей. Услышав об этом, Хоуи решил наказать Хэбо. Искусный стрелок тщательно прицелился и попал злодею в левый глаз, отомстив ему таким образом за человеческие страдания. Хоуи совершил много других подвигов и заслужил всеобщее признание.

Вскоре о его славных деяниях узнала владычица Запада — богиня Сиванму. Она решила щедро наградить героя и подарила ему эликсир бессмертия. Выпив его, человек жил вечно, оставаясь молодым, и мог вознестись на небо или луну. Стрелок рассказал о чудесном подарке жене, а сам отправился на охоту.

Красавица Чанъэ, естественно, не хотела стареть и всегда мечтала побывать на луне. 15 августа, в отсутствие супруга, она выпила эликсир и, став легкой как пушинка, взлетела в воздух. Поднимаясь все выше, Чанъэ достигла луны, где увидела дворец, ароматное коричное (кит. гуй) дерево и белого зайца, который толок в ступе порошок бессмертия.

Заяц объявился на небесах при весьма необычных обстоятельствах. Прежде он жил на земле, был очень добр и постоянно призывал своих друзей к милосердию. Узнав, что люди не могут, подобно ему, питаться травой, славный зверек решил пожертвовать собой. О его добродетелях прослышал Будда, который однажды под видом нищего пришел просить подаяние. Заяц решил накормить нуждающегося мясом и смело бросился в огонь. Будда был потрясен этим поступком, спас зверька и отправил его на луну.

Вскоре Чанъэ стало одиноко и скучно, но пути назад у нее уже не было. Поэтому каждый год 15 августа она зажигает светильник и освещает нашу землю в надежде разглядеть на ней любимого. Китайцы довольно часто изображают небожительницу

в виде жабы (нередко трехлапой), в которую ее якобы превратили в наказание за обман собственного мужа.

Перечисленные образы чрезвычайно популярны в национальной поэзии. Патриот и бесстрашный воин Синь Цицзи (1140–1207 гг.) в стихотворении «Пишу в праздник Середины осени в Цзянькане…» так осмыслил старинный сюжет:

Отполированный, холодный диск луны —
Из бронзы зеркало— плывет по небосводу,
В осенние заглядывает воды,
Скользит по гребню золотой волны.
У губ застыла с чаркою рука,
И, глядя вверх, я говорю с луною:
«Чан Э, скажи, как быть мне с сединою,
Что мучит и терзает старика?»
Если б с ветром вспорхнуть,
И на тысячи ли
Оторваться я мог от земли,
И, свершая свой путь,
Мог на горы взглянуть
И на реки в безбрежной дали;
Если б мог я срубить
На луне гуйхуа
С беззаботной звенящей листвой,
Чтобы радостно люди
Воскликнуть могли:
«Как светло нам теперь под луной!»

(пер. М. Басманова)

Главное лакомство и лучший подарок в этот день — идеально круглые печатные пряники, выпеченные из сдобной муки с разнообразной начинкой. Прежде на них сверху изображали персонажей только что рассказанной легенды, и иероглифы «благоприятного содержания», а сейчас кулинары, как правило, с помощью иероглифов сообщают покупателям об основных ингредиентах начинки.

Такая информация имеет исключительно важное значение, поскольку сладким пряником со специфической соевой начинкой, зернами лотоса и желтком куриного яйца, сваренным вкрутую (классическое исполнение), российскому потребителю трудно закусывать даже самогон. Хочу сразу оговориться, что это не только мое личное мнение. Кроме того, в фирменных ресторанах и пекарнях ныне модно класть в пряник по два желтка, как бы еще раз напоминая о чудесном празднике и изысканно круглой

форме луны в этот день, совершенно забывая о состоянии печени и количестве холестерина в человеческом организме.

Однако, говоря выше о «роскошных пряниках», я отнюдь не грешил против истины. В последнее десятилетие их стали делать с ананасовой, клубничной, вишневой, банановой, кокосовой, виноградной, апельсиновой и другими фруктово-ягодными начинками. Особенно вкусны свежие пряники с хамийской дыней, они тают во рту. К сожалению, данная продукция не так дешева, как хотелось бы, но есть маленькая хитрость: если покупать те же самые пряники на следующий после праздника день, то расходы будут минимальными.

С лунными пряниками связано древнее предание на историческую тему, которое, правда, не имеет ничего общего с реальными событиями. В XIV веке монгольские правители Китая, опасавшиеся массовых выступлений, усилили контроль за населением и резко увеличили количество платных осведомителей. Долгое время китайцы никак не могли обмануть их бдительность. Неожиданно кто-то предложил разослать призывы к восстанию с помощью пряников, поскольку их принято дарить накануне и в день праздника Середины осени. Когда наступило 15 августа по лунному календарю, на борьбу с врагом поднялся народ всей страны и в конце концов изгнал ненавистных захватчиков.

Во время вечерней трапезы в Куче мы неоднократно вспоминали о празднике, поднимая рюмки с синьцзянской водкой и призывая друг друга полюбоваться поистине сказочной луной. Однако назавтра нам предстоял не менее сложный и насыщенный день, поэтому веселье было скоротечным.

В соответствии с достигнутой накануне договоренностью к гостинице ранним утром подъехала красная «Сантана» шанхайского производства, на которой нам предстояло объездить наиболее интересные и доступные места в окрестностях Кучи. Энергичный и толковый водитель-ханец предложил сначала направиться по северному маршруту— в Большой каньон у южных склонов Тянь-Шаня, о существовании которого я раньше даже не подозревал. Он расположен в 64 км от города. Дорога здесь хорошая (трасса национального значения № 217) и весьма живописная: значительную часть пути мы ехали по берегу реки Куча.

О каньоне следует сказать несколько слов, поскольку в путеводителях о Срединном государстве, опубликованных на Западе, информации о нем почти нет. Он находится на высоте 1600 м над уровнем моря, длина около 5 км, максимальная ширина прохода 53 м, минимальная—0,4 м. Под воздействием

ветровой эрозии и погодных аномалий многие камни (в основном красный песчаник) приобрели причудливые очертания, и китайцы дали им эффектные названия: «Девичьи слезы», «Пещера холодного ветра», «Пик ангела», «Сунь Укун играет с Чжу Бацзе» и др. Наибольшее впечатление произвел нависший прямо над головой внушительных размеров камень — «Мост тигриного зуба». В какой-то момент, передвигаясь по резко сузившемуся ущелью, я остановился, — не мог найти дорогу среди завалов. Аукаться было бессмысленно, так как поблизости никого не было. Кое-как смог протиснуться между камней и продолжил знакомство с экзотическими красотами каньона.

На отвесной скале примерно в трех километрах от входа, на высоте 35 метров вырублена пещера Тысячи будд. Чтобы посмотреть фрески VIII века (эпоха Тан), необходимо подняться по металлической лестнице, которая при передвижении по ней подозрительно колышется. Мне она сразу напомнила голливудские боевики на шпионскую, ковбойскую, историческую и прочие темы. Если бы рядом был кто-то из родных, то никогда не разрешил бы ему или ей забираться наверх, но в сложившейся ситуации никто не мог запретить мне сделать это самому.

Выудив из памяти очередную американскую чушь с 70-летним Шоном О'Коннери, где он с длинноногой красоткой карабкается по похожей лестнице, я решил: в свои почти 50 вполне могу подняться без какой-либо страховки на 30 с лишним метров и дать достойный «наш ответ Чемберлену». Промелькнула, правда, мысль, что знаменитый актер, сыгравший неуловимого и импозантного Джеймса Бонда, а также не менее сотни иных ролей, имеет огромный опыт, но, с другой стороны, за несколько лет, прожитых в Пекине, я тоже снялся в дюжине китайских художественных фильмов и телевизионных сериалов.

Неожиданный и столь весомый аргумент переполнил меня гордостью и убедил окончательно: надо лезть. К счастью, все обошлось, хотя временами было страшновато. Добравшись до пещеры, по понятным причинам, вначале никак не мог сосредоточиться на фресках. Они там в очень приличном состоянии, однако из-за отсутствия нормального освещения фотографии не получились.

После экскурсии в каньон мы отправились в знаменитый монастырь около Кызыла, что примерно в 75 км к северо-западу от Кучи. В этом уединенном и тихом месте первые художественно оформленные пещеры буддийской обители появились еще в III веке, они остаются самыми древними на территории Китая. Строительство монастыря продолжалось до IX века. Спустя пять столетий монахи его покинули.

Старинная сигнальная башня

К настоящему времени сохранилось 236 пещер. Билет за 35 юаней (более 4 долларов) дает право на посещение 8 пещер в западном секторе комплекса в сопровождении экскурсовода. Еще один билет за аналогичную цену предоставляет возможность увидеть столько же пещер в восточной его части. Можно сказать, что цены сносные. Например, стоимость билета в дуньхуанские пещеры (Могаоку) (совр. провинция Ганьсу) значительно выше. Там за 80 юаней (чуть меньше 10 долларов) покажут лишь 10 пещер. Справедливости ради следует признать, что в Могаоку большинство скульптур и фресок находится в довольно хорошем состоянии, чего никак не скажешь о комплексе близ Кызыла. Со слов нашего водителя, несколько неплохо сохранившихся здесь

пещер можно посмотреть за 500 юаней (каждая).

Разговор о степени сохранности возник не случайно. Древним буддийским монастырям на территории Синьцзяна явно не повезло. Во-первых, многочисленные изображения божеств в мусульманском регионе вызывали очевидную неприязнь уместного населения, резко усиливавшуюся в годы вооруженных мятежей. Они участились во второй половине XIX — первой половине XX века. В результате прежде всего пострадали скульптурные композиции и лики святых на фресковой живописи. Скульптур в пещерах сейчас почти нет, а у немногих оставшихся изображений на стенах и потолках очень часто выщерблены глаза или даже зачищен красочный слой в том месте, где должна быть голова. Кроме того, по свидетельствам иностранцев, посещавших эти места в начале XX века, крестьяне нередко использовали фрески в качестве удобрения.

Свою лепту в процесс разрушения внесли хунвэйбины и цзаофани «великой пролетарской культурной революции», развязанной по инициативе Мао Цзэдуна его ближайшим окружением в середине 60-х годов прошлого века. Следы относительно недавнего вандализма видны повсюду. Кстати, упоминавшиеся выше пещеры в Дуньхуане не подверглись осквернениям в те годы лишь благодаря своевременному вмешательству премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая.

Во-вторых, значительная часть пещер была разграблена зарубежными специалистами, в том числе крупными и уважаемыми во всем мире учеными. Особенно «отличился» тут немец Альберт фон Ле Кок (1860–1930 гг.). Никто не отрицает его больших заслуг в изучении Западного края, но нельзя закрывать глаза и на то, как он со своим подручным Теодором Бартусом «обрабатывал» местные культурно — исторические памятники. Подробнее об этом читатель узнает в следующей главе, а пока стоит, пожалуй, привести несколько цифр только по комплексу в Кызыле.

Согласно официальным данным, в Музее индийского искусства в Берлине хранятся 395 фрагментов настенной живописи из указанного монастыря. Так, в пещере 207 А. фон Ле Кок и Т. Бартус срезали и вывезли сразу 12 таких фрагментов. Ученые ФРГ утверждают, что в настоящее время в музее в общей сложности 32 8 квадратных метров фресок из Кызыла, хотя китайские специалисты полагают, что там должно быть около 470 квадратных метров. В любом случае, размах «деятельности» участников немецких научных экспедиций производит ошеломляющее впечатление. Частыми рассуждениями о «спасении древних шедевров» фон Ле Кок в действительности

прикрывал свои амбиции и откровенное желание привлечь внимание политической элиты Германии к собственной персоне.

Однако вернемся к буддийскому монастырю. Перед входом установлен красивый памятник уже знакомому читателю Кумарадживе. К пещерам ведут удобные лестницы. Из-за них, вернее их отсутствия, до сих пор закрыт для туристов расположенный неподалеку пещерный комплекс в Кумтуре (112 пещер), где также весьма основательно «поработали» фон Ле Кок и Бартус.

Сохранившиеся фрагменты фресок сильно отличаются от всего ранее увиденного на территории Китая. Чувствуется мощное влияние индийского искусства. Специалисты определяют его как «гандхарский стиль», имея в виду древнюю историко-культурную область, что занимала соответственно северо-запад и юго-восток современных Пакистана и Афганистана. Художники прошлого активно использовали очень сочные темные тона, в их живописи много сочетаний голубого и черного цветов. На редкость выразительны фигуры небожителей.

В пещере 17 меня заинтересовал оригинальный авторский прием. Вся фреска на потолке состоит из отдельных ромбов (всего около 40), в каждом из которых отражен самостоятельный эпизод некоей легенды или истории. К сожалению, все разъяснения, в том числе и к конкретным сюжетам, даны исключительно на китайском языке, а разобраться в иероглифической записи индийских имен и названий буддийских сутр достаточно сложно. Кроме того, нигде не указан (хотя бы ориентировочно) период создания той или иной сохранившейся фрески. Представляется, что работникам музейного комплекса в ближайшие годы есть над чем потрудиться.

На обратном пути мы остановились у старинной сигнальной башни и около городища Субаши. Как известно, в древности воины, находившиеся в дозоре, разжигали костер, сообщая главным силам о приближении врага. В качестве топлива они использовали волчий помет, который, в отличие от экскрементов других животных, дает устойчивый вертикальный огонь, выдерживающий мощные порывы ветра и хорошо видимый на большом расстоянии.

Руины Субаши находятся по обеим берегам реки Куча, в 23 км к северу от города. В эпоху династий Вэй (III в.), Цзинь (III–V вв.) и Тан (VII–X вв.) это был крупный центр буддийской культуры. Существует точка зрения, что именно здесь находились два монастыря с одинаковым названием Чжаохули, о которых в первой половине VII века писал Сюаньцзан. Он утверждал, что обители располагались на склонах гор в 40 ли (20 км) к северу от

города, между ними протекала река. По свидетельству паломника, в Чжаохули была установлена выполненная «с большим искусством, превосходящим человеческие способности», и богато украшенная статуя Будды. В зале восточного монастыря (павильон Будды) хранился крупный нефрит, по форме напоминавший морскую раковину. На поверхности минерала якобы можно было увидеть отпечаток ступни основоположника учения.

Глава 6

«ЗАМОРСКИЕ ДЬЯВОЛЫ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ»

Внимательный читатель обратил, надеюсь, внимание на эпизоды, связанные с утратой Китаем уникальных культур-но-исторических памятников на северо-западе страны. Происходило это в силу различных обстоятельств: регион сотрясали и сотрясают вызывающие катастрофические разрушения подземные толчки, подобные тем, что произошли, в частности, в 1916 и 2003 годах; многие культовые сооружения и древние погребения были разграблены и разрушены во время довольно частых массовых волнений на этнической и религиозной почве; на протяжении веков местные жители весьма потребительски или с явным безразличием, а порой и резко негативно относились к окружавшим их сокровищам; свои уродливые шрамы оставила пресловутая «культурная революции» с ее погромами и бесчинствами.

Однако самое сильное впечатление на человека, отправившегося в далекое странствие по Синьцзяну, производит учиненное иностранцами, по определению английского путешественника Бэзила Дэвидсона, «археологическое воровство». От себя могу добавить, что в большинстве случаев имел место скорее откровенный грабеж, поскольку хищение раритетов происходило не тайно и, скажем, глубокой ночью, а совершенно открыто и средь белого дня.

В конце XIX— начале XX века сюда наряду с путешественниками, предпринимателями, военными и чиновниками устремились авторитетные ученые. Нередко и те и другие выполняли задачи, поставленные различными ведомствами. Кучинская рукопись Увека, приобретенная британским офицером Бауэром, всколыхнула интеллектуалов и подтолкнула европейцев к активным действиям. Любопытное признание в этой связи сделал еще один англичанин — Фрэнсис Янгхасбэнд. Путешествуя по Китаю, он познакомился с неким предприимчивым мусульманином, который всеми силами стремился побывать в Лондоне и предлагал организовать «перспективный бизнес» — поставку белых верблюдов на берега туманного Альбиона, которые, как ему казалось, должны были произвести там настоящую сенсацию.

Вместо этого Ф. Янгхасбэнд предложил внимательно покопаться в развалинах городов, находившихся когда-то на караванных маршрутах Шелкового пути и давно засыпанных песком, отыскать интересные древности и переправить их на его родину. Британец гарантировал в таком случае солидные заработки. Перед тем как расстаться, он даже написал от своего имени рекомендательные письма директорам Британского музея и соответствующих учреждений в Калькутте и Бомбее.

Свен Гедин

Трудно, наверное, дать сейчас сбалансированную и достаточно объективную оценку всему тому, что произошло в Синьцзяне и прилегающих к нему районах в последующие 20–30 лет: слишком разными по интеллектуальному потенциалу и

морально-этическим качествам были люди, приезжавшие в эти места со всего света; о некоторых важных событиях того периода сохранилась очень скудная либо на редкость тенденциозная информация; существенную роль играла национальная принадлежность исследователей, представлявших ту или иную научную школу и находившихся в большой зависимости по вопросам финансирования от правительственных структур либо специальных фондов своих стран, которые нередко таким образом решали собственные задачи, и т. д. Тем не менее, побывав в пустынях Гоби и Такла-Макан, посетив многие музеи и древние памятники, ознакомившись с обширной литературой, можно сделать некоторые выводы.

Весомый вклад в изучение региона внес шведский путешественник Свен Гедин (1865–1952 гг.), которого Ю. Н. Рерих называл великим ученым, создавшим себе «бессмертное имя в анналах географии». С точки зрения классической археологии, его изыскания в Центральной Азии в конце XIX— начале XX века, носили весьма поверхностный характер. В частности, абсолютно ненаучной принято считать его методику работы на культурно-исторических памятниках: в поиске интересных находок швед временами предоставлял полную свободу действий своим подчиненным, и те, согласно его собственному признанию, «соблазненные обещанной за какие-нибудь документы наградой, шатались с лопатами и рылись в самых невозможных местах». Путешественник, между прочим, не скрывал, что интерес к этой отрасли науки у него вызвала увиденная в Кашгаре коллекция раритетов, которую собрал русский консул Н. Ф. Петровский.

Однако именно экспедиция С. Гедина в марте 1900 года смогла в районе озера Лобнор отыскать древний и легендарный Лоулань. Выдающемуся открытию способствовало счастливое стечение обстоятельств. Попытка выкопать в пустыне колодец оказалась безуспешной, поскольку единственную лопату нанятый рабочий Эрдек забыл примерно в 20 км от места ночевки. За крайне необходимым для дальнейших поисков орудием труда его отпустили одного с инструкцией идти строго по следам, оставленным экспедицией, но ночью налетела сильная буря, которая замела все следы и породила серьезное беспокойство за судьбу Эрдека. Тот появился с лопатой лишь ближе к вечеру и рассказал потрясающую историю.

Заблудившись во время бури, он наткнулся на холм, где увидел выступившие из-под слоя песка развалины нескольких домов. Вокруг валялись топоры, куски металла, керамическая посуда и старинные монеты; их рабочий счел необходимым захватить с собой. Кроме того, он подобрал две резные доски, но

был вынужден бросить их, так как очень устал и торопился догнать товарищей. Эта информация мгновенно изменила планы С. Гедина на следующий год. Испытывая в тот момент трудности с водой и ввиду быстро приближающегося жаркого сезона, исследователь решил провести лето все-таки в Тибете, а зимой вернуться к Лобнору.

Спустя почти год удалось определить место находок Эрдека. Из 8 построек 3 были в сравнительно хорошем состоянии и располагались как «присутственное место»: одно главное здание и два громадных флигеля, между ними двор, ограниченный забором. Основное сооружение, по мнению шведа, представляло собой буддийский храм, там же нашли деревянное изображение Будды, медные монеты, глиняные чашки, образцы резьбы по дереву, фрагменты материи, обуви и т. д. Особую ценность представляли несколько сот бумажных обрывков и 42 деревянные («в виде линеек») дощечки с надписями. Они и должны были дать достоверные сведения об открытом поселении и живших когда-то там людях.

Собранный материал впоследствии был передан работавшему в Висбадене немецкому синологу Карлу Гимли, который в итоге датировал китайские документы концом III — началом IV века. По его мнению, место, где они были выявлены, с большой долей вероятности принадлежало богатому китайскому купцу, занимавшемуся извозом и пересылкой писем в Дуньхуан (совр. провинция Ганьсу). Это обстоятельство доказывало наличие регулярного почтового сообщения между двумя населенными пунктами. К. Гимли же установил, что обнаруженный С. Гединым город — хорошо известный в истории Лоулань, жители которого таинственным образом покинули свои дома.

Среди интересных находок экспедиции швед выделил два бревна с вырезанными на них стоящими и сидящими изображениями Будды. На одном из орнаментов между листьями и вьющимися растениями была хорошо видна рыба. Как справедливо заметил С. Гедин, художнику, наверное, не пришло бы в голову ее запечатлеть, если бы она не имела особого значения в данной местности и «не составляла важную часть пропитания народонаселения». Путешественник утверждал, что административный центр древней страны находился около открытых им башен, а рыбацкие хижины располагались вдоль берегов и «исчезли в гораздо более короткий промежуток времени».

Любопытно, что в 1901 году удивительное место в безбрежной пустыне сумел отыскать казак Забайкальского казачьего войска Шагдуров, он же нашел и первую дощечку с

непонятными письменами. Позднее выяснилось, что это индийские надписи, выполненные письмом кхарошти. Вообще казаки сыграли значительную роль в далеких странствиях С. Гедина. Не случайно, например, описание экспедиции шведа по маршруту Тарим— Лобнор — Тибет (1899–1902 гг.) посвящено «данным в мое распоряжение по всемилостивейшему повелению Его Императорского Величества императора Николая Второго четырем казакам— Сыркину и Чернову из Верного (до 1921 г. название города Алма-Ата. — Н. А.), Шагдурову и Чердонову Забайкальского казачьего войска — в знак дружбы и искренней благодарности за молодецкую их службу, за понесенные труды и за преданность, оказанную ими в течение всего нашего совместного путешествия».

Заслуживает внимание и тот факт, что царь Николай II благосклонно отнесся к предприятию, затеянному шведом, «всемилостивейше разрешил беспошлинный ввоз багажа в пределы империи и бесплатный проезд по российским дорогам», что в значительной степени сократило его расходы. В данной ситуации остается только сожалеть, что слава первооткрывателей, обнаруживших «затерянный мир» Ло-уланя, досталась отнюдь не россиянам.

В дальнейшем работы в этом удивительном уголке пустыни продолжили экспедиции англичанина Аурела Стейна (1906 г. и 1914 г.) и шведа Фольке Бергмана (1934 г.). Последний работал в Центральной Азии под руководством Свена Гедина еще во время совместной китайско-шведс-кой экспедиции 1927–1932 годов.

Выдающимся исследователем уникальных памятников Срединной Азии стал гражданин Великобритании венгерского происхождения Аурел Стейн (1862–1943 гг.). Он родился в Будапеште, где закончил начальную школу. Затем учился также в Дрездене, Вене, Лейпциге. А. Стейн уделял тогда особое внимание изучению западноевропейских и восточных языков. Весной 1883 года в Тюбингене (Германия) получил диплом доктора филологии. Позднее он занимался проблемами истории и культуры ираноязычных народов в Кембридже и Оксфорде, изучал топографию и картографию в военной академии у себя на родине, много работал в Британском музее, где познакомился с его богатейшими коллекциями.

В конце 1887 года А. Стейн перебрался в далекую Индию, которая многие годы была в центре внимания его научных изысканий и публикаций. Однако со временем все больший интерес у него вызывала Центральная Азия с ее загадочным и малоизученным прошлым. В 1900–1901 годах он возглавлял экспедицию в район Хотана, где обследовал исчезнувшие в

пустыне культурно-исторические памятники эпохи Шелкового пути. После этого были еще две экспедиции в китайские провинции Синьцзян и Ганьсу (1906–1908 гг. и 1913–1915 гг.). Им опубликованы около 20 книг, принесшие ученому мировую известность.

Вот что пишет венгерский автор Л. Рошаньи в работе «Аурел Стейн и его наследие»: «Как бы ни была богата открытиями огромного археологического и культурного значения первая половина XX в., едва ли найдется еще такая территория, исследование которой зажгло бы для специалистов столько огоньков в темноте прошлого, как исследования Восточного Туркестана. Горизонты истории… в значительной степени расширились. Однако и по сравнению с этими масштабами поразительно богатство тех открытий, благодаря которым стала известна ранняя история бассейна реки Тарим и представилась возможность оценить ее значение в истории общей цивилизации. Львиная доля этих открытий принадлежит А. Стейну».

Закончив в начале века интенсивные и на редкость успешные раскопки в южной части Такла-Макан, А. Стейн направился через Кашгар в сторону российской границы. Он проехал город Ош (совр. Кыргызстан) и прибыл в Андижан (совр. Узбекистан), откуда по железной дороге отправил 12 больших ящиков с находками в адрес Британского музея. Летом 1901 года в Лондоне ученый успешно отчитался перед Королевским географическим обществом о результатах экспедиции.

Аурел Стейн

Попутно следует обратить внимание на то, что указанное общество было основано в 1830 году и формально являлось полуправительственной организацией, но в действительности было тесно связано с политическими кругами Англии. В частности, оно приняло активное участие в синьцзянских событиях 60—70-х годов XIX века, когда там в результате восстания мусульман против маньчжурской династии Цин возникла весьма запутанная военно-политическая ситуация. Общество на протяжении многих лет располагало значительными финансовыми возможностями для организации экспедиций, проведения работ по геодезии и картографии, публикации научно-практических материалов. Направленные в регион на его средства специалисты собирали разнообразную информацию, в

том числе и разведывательного характера.

Вскоре вышла большая и увлекательная книга с иллюстрациями А. Стейна под названием «Погребенные в песках руины Хотана», а несколько позже он выпустил двухтомный научный отчет о своем путешествии — «Древний Хотан». Оба издания вызвали широкий резонанс в научном мире. Что же касается самого ученого, то в 1904 году он принял британское подданство и поменял место работы.

Расходы на вторую экспедицию, которая продолжалась около двух с половиной лет, взяли на себя англо-индийское правительство и Британский музей. На этот раз А. Стейн искал и нашел древние развалины в юго-западной части Кашгарии, обследовал руины Лоуланя и Мирана в районе озера Лобнор, тщательно изучал буддийские храмы в Куче, Карашаре и ряде других мест, повсюду пополняя свой багаж поразительными находками.

В марте 1907 года А. Стейн прибыл в Дуньхуан (провинция Ганьсу), где, как ему сообщили, были обнаружены древние манускрипты. Действительно, летом 1900 года даос Ван Юаньлу, возглавлявший в то время немногочисленную монашескую братию в буддийском монастыре пещерного комплекса Могао (в 25 километрах к юго-востоку от города), совершенно случайно в одной из пещер наткнулся на хранилище уникальных книг, рукописей, музыкальных инструментов, живописных полотен, вышивок на шелке, принадлежностей для религиозных обрядов и других исторических ценностей, датируемых IV–XII веками и спрятанных монахами много веков назад. Собрание древних раритетов, число которых превысило 50 тысяч единиц, получило в дальнейшем название Дуньхуанская библиотека.

В своих воспоминаниях знаменитый археолог и этнограф писал: «Можно ли было вообще изобрести место более пригодное для сохранения такого рода реликвий, чем камера, вырубленная прямо в камне этих чудовищно бесплодных холмов и герметически изолированная даже от того ничтожного количества влаги, которое могло находиться в этой пустынной долине? Даже в самой сухой почве на месте развалин какого-нибудь поселения эти сокровища не могли бы настолько избежать разрушения, насколько это удалось им здесь — в предусмотрительно выбранной для данной цели скальной камере, где скрытые за кирпичной стеной и защищенные также толщей песчаных наносов массы рукописей пролежали не потревоженными целые века».

Узнав о существовании таинственной пещеры, а тем более увидев хранилище Дуньхуанской библиотеки, он сразу осознал грандиозность открытия и откровенно нацелился на вывоз

значительной ее части в Великобританию, но одновременно возник вопрос: как это сделать «законным путем», не вступая в конфронтацию с «исключительно пугливым и нервным» даосским монахом и местными властями?

Тут ему помог случай. Однажды в неторопливом разговоре он упомянул своего «ангела-хранителя» Сюаньцзана, к памяти которого никогда не уставал обращаться. Выдающийся буддийский наставник и проповедник эпохи Тан как бы вел его за собой в масштабных исследованиях Централь — ной Азии, постоянно давал мощный импульс кропотливому научному поиску реальных подтверждений интенсивного культурного обмена между Китаем и Индией в древности и раннем средневековье. Кстати, именно с легкой руки англичанина в западной научно-популярной литературе начала XX века, посвященной исследованиям далекого прошлого Синьцзяна, активно использовался термин Сериндия (античные авторы, как известно, называли Поднебесную Серикой), который довольно оригинально определял географическое положение этого региона и историко-культурное взаимопроникновение двух великих цивилизаций.

Имя Сюаньцзана сразу вызвало, со слов А. Стейна, «блеск живого интереса» в глазах даоса, и спустя несколько дней он передал для ознакомления ученому очень старые тексты. Вскоре выяснилось, что это были переводы буддийских сутр, выполненные непосредственно танским монахом. Указанный жест свидетельствовал об установлении доверительных отношений.

По мере изучения материалов библиотеки А. Стейн при содействии своего переводчика Цзян Сяованя тщательно отбирал манускрипты и произведения искусства для отправки их в Великобританию. Проблема, однако, осложнялась тем, что англичанин не владел китайским языком, а его расторопный помощник слабо ориентировался в буддийских рукописях. Поэтому в дуньхуанской коллекции Британского музея оказалось довольно много идентичных древних текстов, выполненных различными переписчиками. Ученый обнаружил и довез до далекого Лондона иероглифическую версию «Алмазной сутры» — первой известной в мире печатной книги, которая датируется 868 годом.

В беседах с Ван Юаньлу «возникла идея» отправить документы «для глубокого изучения» в другую страну «в обмен на солидные пожертвования монастырю». Особенно энергично эксплуатировался тезис «о предстоящей рано или поздно утрате старинных буддийских рукописей при очевидном безразличном отношении властей». Монах, находившийся под жестким и в то же

время достаточно корректным прессингом, постоянно испытывал сомнения и однажды даже уехал из монастыря, закрыв на ключ обнаруженную им пещеру-хранилище (кит. Цанцзиндун), но затем, на условиях полной секретности совершенной сделки, все-таки продал внушительную часть раритетов за 200 лянов серебра. Британский подданный покинул Дуньхуан с 24 ящиками древних манускриптов, а также 5 ящиками картин, вышивок и других реликвий. Через несколько лет А. Стейн вновь приехал в монастырь и купил у даоса еще 570 текстов.

Необходимо отметить, что его усилия увенчались успехом во многом благодаря активной поддержке со стороны Цзян Сяованя, которого в КНР современные авторы считают «национальным преступником». Тот регулярно давал дельные советы с учетом особенностей китайского менталитета, на редкость гибко и деликатно переводил высказывания своего шефа, в беседах с монахом выдвигал собственные аргументы в пользу продажи документов. Англичанин, к слову сказать, высоко оценил действия верного помощника и выполнил его просьбу, поспособствовав его назначению на должность секретаря консульства Великобритании в Кашгаре.

По итогам экспедиции ученый подготовил несколько солидных монографий и популярных изданий, в том числе «Тысяча будд», «Сериндия» и др. Удивительные открытия и фундаментальные труды А. Стейна в Центральной Азии были по достоинству оценены в научном мире и правительственными чиновниками. В 1904 и 1910 годах Оксфордский и Кембриджский университеты присвоили ему почетную степень доктора, в 1912 году его посвятили в рыцари.

Не менее плодотворной оказалась самая продолжительная третья экспедиция, в ходе которой англичанин вновь работал на юге Такла-Макан, провел комплексные исследования в районе древнего тангутского города Хара-Хото, обнаруженного в 1908 году экспедицией нашего соотечественника П. К. Козлова, совершил длительный переход в Турфанский оазис, а затем вдоль отрогов Тянь-Шаня направился в Среднюю Азию и далее в Иран.

С годами А. Стейн стал действовать более агрессивно в отношении древних памятников, чему, безусловно, способствовала возросшая конкуренция среди исследователей Центральной Азии. Он явно опасался серьезных соперников с большими амбициями и с нескрываемым раздражением писал, в частности, своему лондонскому другу о неожиданно возникших трудностях: «Ценой долгой борьбы удалось вырвать у государственных органов средства и разрешение для продолжения моих китайско-туркестанских исследований.

Однако власти сочли необходимым задержать мое отправление, поставив такие условия, выполнение которых было связано с риском для здоровья и заняло целый год. Вследствие этой задержки мне теперь необходимо бороться со многими немецкими и французскими конкурентами в той области, изучение которой я считал первоочередной задачей в течение ряда лет».

В поле его зрения отныне регулярно попадают старинные буддийские храмы и монастыри. Не испытывая каких-либо угрызений совести, в Турфане, Хотане и других местах ученый активно использует нож, молоток и пилу, срезая со стен наиболее ценные и довольно крупные фрагменты фресковой живописи. Комплексные исследования и пространные научные публикации будут потом, а пока, по мнению англичанина, надо торопиться, поскольку в регионе уже несколько лет работают высококвалифицированные специалисты из Германии, вдохновляемые самим кайзером.

Альберт фон Ле Кок /слева/ и Теодор Бартус /справа/

Немецкие ученые особенно энергично осваивали древние

памятники Синьцзяна в 1902–1914 годах. Первую экспедицию, организованную берлинским Музеем этнологии и финансировавшуюся в основном военным магнатом Фридрихом Круппом, возглавил Альберт Грюнведель — видный индолог и талантливый художник, знаток буддийского искусства Индии, Юго-Восточной Азии, Монголии и Тибета. В ее состав вошли лингвист и этнограф Георг Хут, а также музейный мастер на все руки Теодор Бартус, сопровождавший в итоге каждую из четырех германских экспедиций тех лет. Они пробыли в Турфанском оазисе с ноября 1902 по март 1903 года и привезли на родину 46 ящиков со всевозможными находками. Результаты их работы получили высокую оценку со стороны ученых и привлекли внимание Вильгельма II.

Неудивительно, что политики и промышленники приняли самое деятельное участие в создании специального комитета и соответствующего фонда, которые, в свою очередь, представили амбициозную программу многолетних исследований в рассматриваемом регионе. Из-за болезни А. Грюнведеля и внезапной смерти Г. Хута ее временным руководителем был назначен Альберт фон Ле Кок, о котором стоит рассказать поподробнее.

Он родился в Берлине 8 сентября 1860 года в семье купца, торговавшего вином. Отец рассчитывал, что сын пойдет по его стопам. В школе у мальчика возникли серьезные проблемы, но позднее его все-таки отправили учиться семейному бизнесу в Англию и США, параллельно в Америке он изучал медицину. В 27 лет вернулся в Германию и начал работать в Дармштадте на фирме по торговле вином, созданной еще его дедом. Со временем А. фон Ле Кок осознал, что это не его призвание и, продав дело, перебрался в Берлин, где в течение нескольких лет изучал восточные языки, в том числе арабский, турецкий и персидский. В возрасте 42 лет он пришел в индийскую секцию Музея этнологии.

В сентябре 1904 года А. фон Ле Кок и Т. Бартус через Петербург, Москву, Омск, Семипалатинск, Чугучак и Урумчи отправились во вторую немецкую экспедицию, которая продолжалась больше года, по декабрь 1905 года. Основную часть времени они провели в Турфанском оазисе. Входе этой и последовавших затем экспедиций (декабрь 1905 г. — январь 1907 г.; апрель 1913 г. — май 1914 г.) специалисты из Германии, прежде всего, разумеется, А. фон Ле Кок, собрали и привезли на родину огромное количество памятников искусства, письменности и материальной культуры. А. Грюнведель и А. фон Ле Кок самым тщательным образом обследовали древние погребения и городища, храмы и монастыри, изучили

разнообразные археологические объекты, обработали собственные наблюдения и привезенные материалы, выпустили серию прекрасных книг и статей, не утративших научного значения и в наши дни. Их вклад в изучение далекого прошлого Срединной Азии поистине сложно переоценить.

Но метод работы с уникальными памятниками старины, постоянно применявшийся А. фон Ле Коком и Т. Бартусом, вызывал и вызывает у многих чувство неприязни. Речь идет о поставленном на поток профессиональном отделении от стен монастырей и храмов практически всех понравившихся им фресок и отправке их в Германию. Происходило это следующим образом.

Наиболее трудную и ответственную работу выполнял физически крепкий Т. Бартус. Сначала, используя очень острый нож, напильник и молоток, ученые определяли контуры и вырезали кусок настенной живописи нужного размера, с тем чтобы его можно было разместить в специально изготовленном ящике. С учетом способа перевозки ящики делали в трех вариантах: самый большой для транспортировки в повозке, поменьше — на верблюде, еще меньше — на лошади.

Затем киркой они пробивали сбоку либо чуть в стороне отверстие в стене; камень был «к счастью, в основном мягкий». Покрытую войлоком доску накладывали на красочный слой и с помощью пилы, протиснутой через образовавшуюся дырку под фреску, производили обрушение; «физические усилия, связанные с этой работой, особенно велики, в то же время данный процесс требует легкости и ловкости рук».

Доску, которую в конце концов помещали на дно ящика, готовили так: на нее стелили два слоя сухого камыша, войлок и тщательно отобранный хлопок (волокно). На такую «подушку» укладывали первый фрагмент (рисунком вниз), еще слой хлопка, второй фрагмент и т. д., всего 6 кусков. Последний фрагмент накрывали опять хлопком, войлоком, двумя слоями камыша и второй доской. Обе доски по всему периметру были на 3–4 дюйма длиннее или шире срезанных фресок. Образовавшиеся пустоты максимально заполняли льном, поскольку «все другие упаковочные материалы стираются чересчур легко».

Верхнюю и нижнюю доски аккуратно связывали и полученную конструкцию в горизонтальном положении убирали в ящик, стенки которого отстояли от нее еще на 3–4 дюйма. Свободное пространство также засыпали льном, после чего гвоздями прибивали крышку; «у нас никогда не было каких-либо повреждений в ящиках, упакованных таким способом».

Подобным образом А. фон Ле Кок и Т. Бартус при полном попустительстве чиновников-ханьцев, почитавших исключительно

Конфуция, и при абсолютно индифферентном отношении мусульманского населения срезали фрески в пещерных монастырях и храмах Кызыла и Безеклыка, Кумтуры и Субаши, Туюка и Тумшука, Шорчука и Долдур-Ахура…

Первоначально эти и другие привезенные из Синьцзяна сокровища хранились в Музее этнологии, но в конце Второй мировой войны при очередном налете авиации союзников его главное здание было разрушено, значительная часть реликвий погибла. Оставшееся перевезли в относительно безопасное место. Некоторые документы и предметы исчезли во время и после взятия Берлина.

Сомневаюсь, что они привлекли внимание советских военнослужащих, хотя ряд зарубежных авторов считают такое развитие событий наиболее вероятным. Об этом, например, пишет в предисловии к книге А. фон Ле Кока, вышедшей в Пекине в 2002 году под названием «Записки о сокровищах Синьцзяна», китайский переводчик Лю Цзянь-тай. В царской России старинными манускриптами на экзотических языках и непонятными древностями из тех мест интересовался крайне ограниченный круг выдающихся ученых-интеллектуалов, поэтому заявления о причастности офицеров Красной Армии к пропаже делают честь системе образования в Советском Союзе.

В августе 1905 года А. фон Ле Кок и Т. Бартус прибыли в Хами, где вскоре торговец из Ташкента сообщил им об обнаруженных в Дуньхуане таинственных рукописях, которые «никто не может прочитать». Они были хорошо осведомлены о крупном буддийском комплексе Могаоку и знали, что ранее там побывала лишь горстка путешественников из Европы. Одновременно немцы прекрасно понимали: местные жители считают эти пещеры святыней и вряд ли позволят им действовать в таком же ключе, как и в Синьцзяне. Однако библиотека, если она на самом деле существует, представляла бесспорный интерес.

Согласно поступившей из Берлина информации, в середине октября в Кашгар должен был прибыть А. Грюнведель — официальный руководитель проекта, который просил встретить его и обсудить дальнейшие перспективы научных исследований. Чрезвычайно сложный переход Хами — Дуньхуан через пустыню в противоположном направлении занял бы 17 дней, а уже наступил конец августа. В сложившейся ситуации добраться до Кашгара (1250 миль) к установленному сроку было немыслимо. Не зная, как поступить, А. фон Ле Кок решил довериться слепому жребию. Он вытащил китайскую серебряную монету и загадал: орел — Дуньхуан, решка — Кашгар. Выпал второй вариант.

В итоге первым из иностранцев увидел Дуньхуанскую

библиотеку и получил доступ к ней англичанин А. Стейн, о чем уже было сказано выше. Для российского читателя вопрос первенства в данном случае не имеет, на мой взгляд, принципиального значения. Другое дело, если бы квалифицированные специалисты из Германии, прибыв в Дуньхуан, стали срезать замечательные фрески пещер Могао, ибо трудно представить, что они устояли бы против соблазна. При таком развитии событий уникальный памятник очень скоро разделил бы участь многих ограбленных монастырей и храмов.

Знаменитый русский живописец и разносторонне образованный интеллигент Н. К. Рерих (1874–1947 гг.), в начале апреля 1926 года направлявшийся во главе экспедиции из Карашара в Урумчи, долго размышлял об опустевших храмах и монастырях, о мотивах, побудивших ученых с мировым именем принять самое активное участие в разрушении древних памятников: «В пути думалось: не правы европейцы, разрушая монументальные концепции Ближнего и Дальнего Востока. Вот мы видели обобранные и ободранные пещеры. Но когда придет время обновления Азии, разве она не спросит: «Кто же это обобрал наши сокровища, сложенные творчеством наших предков?» Не лучше было бы во имя знания изучить эти памятники, заботливо поддержать их и создать условия истинного бережливого охранения. Вместо того фрагменты фресок перенесены в Дели, на погибель от индусского климата. В Берлине целые ящики фресок были съедены крысами. Иногда части монументальных сооружений нагромождены в музее, не передавая их первоначального назначения и смысла. Прав наш друг Пельо, не разрушая монументальных сооружений, а изучая и издавая их. Пусть свободно обращаются по нашей планете отдельные предметы творчества, но глубоко обдуманная композиция сооружений не должна быть разрушаема. В Хотане мы видели части фресок из храмов, исследованных Стейном, а остальные куски увезены им в Лондон и Дели. Голова бодхисатвы — в Лондоне, а расписные сапоги его— в Хотане. Где же тут беспристрастное знание, которое прежде всего очищает и сберегает, и восстанавливает? Что же сказал бы ученый мир, если бы фрески Гоццоли или Мантеньи были бы распределены таким «научным» образом по различным странам? Скоро по всему миру полетят быстрые стальные птицы. Все расстояния станут доступными, и не ободранные скелеты, но знаки высокого творчества должны встретить этих крылатых гостей». Комментарии здесь, как говорится, излишни.

А. фон Ле Кок постоянно отправлял ящики с древностями и отчеты о проделанной работе в Берлин. Спонсоры были в

восторге, большой интерес к реликвиям проявил кайзер Вильгельм II. Амбициозный ученый, возглавивший экспедицию в силу весьма неординарных обстоятельств, явно спешил сделать себе имя. Его планам в какой-то мере мешали указания А. Грюнведеля, который предлагал отложить на более поздний срок раскопки в особо интересных местах. Получив очередное письмо, где сообщалось о задержке отъезда А. Грюнвиделя из Германии, А. фон Ле Кок решил рискнуть и направился к пещерному комплексу Безеклык, нарушив все инструкции. О том, что произошло в этом монастыре, читатель узнал в третьей главе.

Лэнгдон Уорнер

Следует подчеркнуть, что у А. фон Ле Кока с А. Грюнведелем сложились натянутые отношения. Во многом это было

обусловлено подспудным соперничеством за руководство указанными экспедициями, но главной причиной конфликта стал описанный выше метод работы.

А. Грюнведель, для которого каждый археологический объект существовал в едином пространстве, полагал, что «изъятие фресок ничуть не лучше охоты за сокровищами и грабежа». В своей деятельности он преследовал сугубо научные цели, поэтому всегда очень тщательно срисовывал фрагменты настенной живописи, аккуратно составлял топографические схемы пещерных комплексов.

А. фон Ле Коку мешал не только А. Грюнведель, раздражение у него вызывали и специалисты из России, работавшие во время второй немецкой экспедиции в районе Лэнгдон Уорнер города Куча (вторая половина 1905 г.), — М. М. и Н. М. Березовские. Любопытно, что братья довольно успешно сотрудничали с французской экспедицией во главе с П. Пельо.

Они в основном активно собирали древние монеты, снимали схематические планы, делали фотографии, акварельные копии и кальки с настенных росписей. Поскольку Н. М. Березовский был по профессии художником, братья подготовили альбом, озаглавленный «Орнаменты на фресках. Китайский Туркестан. Кучарский округ». Он включает акварельные зарисовки фресок и их деталей. В развалинах буддийских храмов они обнаружили следы древних фресок, обломки большой глиняной фигуры, фрагменты терракотовых скульптур. В Кызыле М. М. Березовский собрал обломки статуй и деревянной резьбы, фрагменты рукописей, обрывки шелковых тканей, бляшки и бусы, др. Там же он нашел алебастровые формы для изготовления деталей скульптур. Интересные находки были сделаны в Субаши, Кумтуре, Кирише. Представленные материалы поступили в Музей антропологии и этнографии АН СССР, а в 1934 году были переданы в ленинградский Эрмитаж.

Не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто русские ученые, проводившие исследования в Синьцзяне, выглядели стопроцентными «чистюлями» на фоне европейских «монстров». Так, участники экспедиции Д. А. Клеменца 1898 года, побывавшие в Турфанском оазисе и обследовавшие за несколько месяцев не менее полутора десятков комплексов, привезли в том числе и ограниченное количество небольших фрагментов древних росписей, отделенных от стен пещерных монастырей и храмов. А. Грюнведель, кстати, позднее отмечал, что первоначальный план его экспедиции (осень 1902 г. — весна 1903 г.) был разработан в 1899 году «непосредственно после посещения Берлина русскими академиками В. В. Радловым и

К. Г. Залеманом, а также путешественником по Турфану Д. А. Клеменцем».

Очень помогла специалистам из Германии и изданная Д. А. Клеменцем в 1899 году на немецком языке книга о результатах изысканий с многочисленными фотографиями и большой складной картой, где были точно указаны все выявленные объекты. Как считают западные авторы, «русские фактически преподнесли немцам Турфан в качестве подарка».

Объективности ради надо признать, что объем работ в Синьцзяне ученых-археологов из России в те годы не шел ни в какое сравнение с масштабом деятельности экспедиций из Германии, Англии, Франции, а также Японии (три экспедиции в августе 1902 г. — феврале 1904 г., октябре 1908 г. — сентябре 1909 г. и октябре 1910 г. — ноябре 1914 г.). По сложившейся в нашей стране давней традиции, на науке решили в очередной раз сэкономить. Академик Щербатской, например, писал: «К сожалению, тогдашнее правительство не нашло возможным сразу же ассигновать средства на осуществление… русской экспедиции, между тем как экспедиции английская, французская, три германских и несколько японских одна за другой избороздили Сериндию вдоль и поперек. Результатом этого было то, что, когда наконец явилась на место русская экспедиция, значительная часть древностей оказалась увезенной в разные музеи Европы и Японии, а много памятников оказались просто разрушенными при попытке снятия их с места для перевозки».

Ему вторил С. Ф. Ольденбург: «Русским ученым и на этот раз, как бывало и бывает нередко, пришлось отойти на время от начатого ими вполне успешного дела, которое перешло в руки иностранных, в первую очередь немецких, ученых, получивших в своей стране средства на экспедицию. Только много лет спустя, при условиях гораздо менее благоприятных, русским ученым удалось продолжить дело Д. А. (Клеменца. — *Н. А.)*».

«Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан» под руководством С. Ф. Ольденбурга состоялась лишь в 1909–1910 годах. Подобно А. Грюнведелю он всегда осуждал тотальное обрушение фресок в монастырях и храмах, хладнокровное изъятие культурно-исторических памятников из реально существующей среды. Выступив с докладом по итогам поездки, ученый говорил о необходимости покупки старинных предметов и рукописей на местах, для чего предлагал снабдить соответствующими средствами русских консулов в Урумчи и Кашгаре.

Более плодотворной была его экспедиция в Дуньхуан (май 1914 г. — апрель 1915 г.). Ее участники приобрели у местных

жителей и вывезли в Россию большую коллекцию прежде всего фрагментов различных текстов из Дуньхуанской библиотеки, которые в настоящее время хранятся в Санкт-Петербурге. Формально она самая объемная— около 12 тысяч единиц, однако значительно уступает другим сопоставимым собраниям по количеству крупных и цельных рукописей, а также качеству имеющихся материалов.

Приходится констатировать, что отечественным ученым-археологам так и не удалось сделать крупных и ярких открытий в Синьцзяне, в отличие, скажем, от раскопок на территории нынешнего китайского автономного района Внутренняя Монголия. Возглавляемая видным исследователем Центральной Азии Петром Кузьмичем Козловым (1863–1935 гг.) монголо-сычуаньская экспедиция (1907–1909 гг.) в низовьях реки Эдзин-Гол обнаружила тогда руины древнего тангутского города Хара-Хото, упоминавшегося еще в документах первой половины XI века и разрушенного Чингисханом в 1226 году.

В то же время никто не может и предъявить им серьезных обвинений в хищении древних сокровищ данного региона. С точки зрения сегодняшнего дня это немаловажный фактор в добрососедских отношениях наших двух стран.

16 апреля 1926 года Николай Константинович Рерих сделал в своем дневнике еще одну интересную запись: «Дошли странные сведения о разграблении фресок Дуньхуана. Если эти сведения верны, то такое вандальство должно быть расследовано, как совершенно недопустимый факт разрушения почти единственного сохраненного памятника. Рассказывается, что «приехали какие-то «американские» торговцы, вырезали куски фресок и успели увезти много ящиков». Будто бы китайцы гнались за похитителями, но по обыкновению были неудачны. И в результате — искалеченный памятник. Ученый мир не должен оставить без расследования разрушение единственного памятника. Конечно, Прист (приятель семьи Рерихов. — Н. *А.*), бывший осенью в Дуньхуане, может дать достоверные и подробные сведения. Мы же можем лишь занести этот факт для сведения. Как будет возмущен Пельо, узнав о разрушении изученного и описанного им памятника. Здесь вся иностранная колония знает о случившемся».

События, о которых с неподдельным возмущением сообщает Н. К. Рерих, на самом деле произошли в Дуньхуане значительно раньше и в контексте темы, затронутой в настоящей главе, заслуживают более подробного описания.

Американцы оказались последними в сумасшедшей гонке за сокровищами пещерного комплекса Могао в провинции Ганьсу. К

тому времени рукописи из найденной почти четверть века назад библиотеки уже покинули Дуньхуан, поэтому внимание заокеанских визитеров привлекли настенные росписи и статуи буддийского монастыря. Похоже, лавры А. фон Ле Кока и позднего А. Стейна не давали им спать спокойно, хотя, как мы знаем, немец все-таки опасался заниматься своим привычным делом в местах, где мусульманское население составляло явное меньшинство.

4 сентября 1923 года из города Сиань (административный центр провинции Шэньси) в сопровождении эскорта из 10 китайцев в западном направлении двинулись официальные представители музеев Гарварда и Пенсильвании — Лэнгдон Уорнер и Горац Джейн. Это была первая американская экспедиция в Центральную Азию со стороны Китая.

Мировая война и сложная внутриполитическая ситуация в Поднебесной, возникшая вскоре после свержения власти императора в 1911 году, создали значительные трудности на пути тех, кто пытался проникнуть в регион. Пока европейцы переживали страшные последствия чудовищной «мясорубки» и приходили в себя от потрясений, связанных со свержением царизма и победой большевиков в России, американцы, заметно разбогатевшие на военных поставках, обратили свои взоры на духовное достояние мировой культуры.

Перед указанными специалистами была поставлена задача — выяснить, что сохранилось на древних маршрутах Шелкового пути в Китае, если осталось вообще, после экспедиций из Европы и Японии. Мощный и рыжеволосый Лэнгдон Уорнер (1881–1955 гг.) — выпускник Гарвардского университета 1903 года — до этого много лет проработал в царской России, путешествуя по Средней Азии. Из восточных стран он уже посетил Китай и Японию, был знаком со многими известными ориенталистами. Командировавший и финансировавший его Художественный музей Фогга дал указание привезти для лабораторных исследований фрагменты древних фресок, прежде всего танского периода. В случае успеха вполне реальным становился грандиозный проект их крупномасштабных изъятий из пещер.

Достигнув Сучжоу (совр. Цзюцюань), американцы первоначально взяли курс на северо-восток, в район Хара-Хото, где в свое время активно работали экспедиции П. К. Козлова и А. Стейна, но там их поиски оказались малопродуктивными. Вскоре в пустыне Гоби выпал снег, явно не способствовавший запланированным изысканиям. Г. Джейн сильно обморозился, едва остался жив и был вынужден вернуться в Пекин. После всех злоключений Л. Уорнер смог выехать в Дуньхуан лишь в

сопровождении китайского переводчика Вана.

Судя по письмам американца, его до глубины души потрясли и возмутили многочисленные следы вандализма, оставленные белогвардейцами из России. Действительно, в начале 20-х годов их отступавший отряд, численностью около 550 человек, перешел границу с Китаем и добрался в конце концов до Дуньхуана. Местные чиновники не смогли придумать ничего лучше, как разместить их в пещерах Могао. Конечно, душевное состояние офицеров можно понять: досада и злость, внутренняя опустошенность после кровавой бойни и жестокого поражения. Тем не менее это не оправдывает варварства, учиненного в культовом месте. Замазанными оказались древние фрески и статуи, во многих местах появились непристойные надписи, были вскрыты и разграблены древние мощи, из-за костров, на которых готовили пищу, почернели потолки. Следы их полугодового пребывания в монастыре можно увидеть и сейчас.

Однако страстное негодование и несколько истеричные восклицания в устах Л. Уорнера абсолютно неуместны: не ему рассуждать о подлинной ценности и безопасности культурно-исторических памятников. В письме к жене он подчеркивал: «Моя задача— сделать все от меня зависящее, чтобы спасти и сохранить то, что смогу, от быстрого разрушения». Осматривая поврежденные скульптуры и настенную живопись, американец с пафосом вопрошает: «Где гарантия того, что после русских тут не будут размещены китайские солдаты? И, что еще того хуже, как долго осталось до восстания мусульман, которого здесь все ждут?» Подобными сентенциями и словесными ухищрениями он всячески подзадоривал себя и заодно был не прочь покуражиться в облике этакого «спасителя» высокого искусства.

На самом деле дипломированный профессор заблаговременно подготовился к поездке в дальние края и специально привез в Дуньхуан ранее опробованный в Италии химический состав, позволявший отделять фрески от их основы. Выбрав в пещерах приглянувшиеся ему сюжеты, он с помощью кисти наносил его на конкретную поверхность. Единственное, что беспокоило Л. Уорнера, это низкие температуры наступившей середины зимы. Состав на морозе затвердевал до того, как фреска успевала им пропитаться. Замоченные в клее куски марли он прикладывал к ранее обработанному живописному слою, а потом отрывал их от стены. Вскоре таким образом были получены 12 (по другим данным 26) фрагментов росписей, в основном VIII века, довольно приличных размеров, общей площадью 3,2 квадратных метра.

Тщательно упаковав награбленное, американец напоследок

выкрал превосходно выполненную коленопреклоненную статую бодхисатвы танского периода, которая ныне экспонируется в одном из выставочных центров Гарварда. Он обрядил ее в собственную одежду, включая нижнее белье, брюки и носки, завернул в шерстяные одеяла, чтобы не разбить на ухабистых дорогах Китая и довезти целой до спонсоров в США. Л. Уорнер не сомневался, что администрация музея Фогга будет довольна, и собирался вернуться в пещеры Могао в самое ближайшее время.

Так оно и случилось. Жители оазиса весной 1925 года увидели старого знакомого в компании шести иностранцев. Среди них был и молодой Дэниел Томпсон — автор химической формулы указанного раствора, намеревавшийся на месте усовершенствовать свое изобретение. Л. Уорнер и его подельники предполагали активно «поработать» в пещерах 8 месяцев. Однако на этот раз местные власти при энергичной поддержке населения решили встать на защиту национальных сокровищ.

Большую помощь им в этом оказал доктор Чэнь, ученый и врач, которого члены экспедиции наняли в Пекине. После приезда в Дуньхуан он подробно рассказал соотечественникам о планах иностранцев и спустя два дня попросился обратно, сославшись на болезнь матери. Попав в плотное и враждебное окружение, при организованном и неусыпном контроле со стороны крестьян и чиновников, взбешенный американец не рискнул действовать в прежнем ключе и вскоре со своей командой покинул район. Древние фрески и скульптуры удалось сохранить, «ограбление по фон Ле Коку» на этот раз не состоялось.

Откровенно наглые и бесцеремонные действия Л. Уорнера во многом послужили основой занимательного дунь-хуанского предания первой половины XX века. Вот вкратце его содержание.

Колоссальное по своим размерам изображение будды Майтрейи в одной из пещер Могао с давних времен называли «большим Буддой». Во лбу 35,5-метровой статуи некогда сверкал крупный драгоценный камень, который при ее сооружении подарил монах, живший в Западном крае.

После того как были обнаружены древние реликвии, сюда устремились многочисленные иностранцы с целью их приобретения и вывоза. Когда в Дуньхуан из-за океана приехал еще один искатель сокровищ, то от библиотеки уже ничего не осталось. Он долго ходил по пещерам в поисках чего-нибудь драгоценного и нетяжелого, когда неожиданно, оказавшись в многоярусной центральной части монастыря, заметил яркий и переливающийся источник света на голове «большого Будды». Взволнованный иностранец поднялся наверх и с радостью увидел

роскошный камень, который мог бы принести ему богатство и славу.

Однако его кража представлялась весьма сложной задачей, поскольку днем в пещере слишком много людей, а ночью— чрезвычайно опасно карабкаться на огромную высоту. Проанализировав ситуацию, иностранец придумал довольно хитроумный план. Глубокой ночью он забрался на верхний ярус старого сооружения и вступил на поперечную балку, находившуюся над головой божества. Закрепив на ней один конец веревки и обмотав вокруг себя другой, похититель стал медленно спускаться.

Наконец ему удалось достичь лика «большого Будды». Вытащив заранее приготовленные молоток и зубило, он нанес несколько аккуратных ударов, стараясь не повредить драгоценность. Вдруг раздался странный голос: «Вор, остановись!» Иностранца прошиб холодный пот. Надо было бежать, но бешенство и злоба душили его. Он решил уничтожить то, что ему не принадлежало. От страшного удара осколки камня брызнули во все стороны. В ту же секунду веревка оборвалась, преступник, пролетев несколько десятков метров, рухнул на землю и погиб.

Ранним утром в сопровождении монашеской братии в пещеру пришел настоятель монастыря. Он подошел к бездыханному телу и тихо произнес: «Милосердный Будда». Рассказывают, что алчного иностранца выследил молодой монах. Следуя всюду за ним по пятам, он взобрался на пресловутую балку и, увидев неслыханное злодейство, перерезал веревку. Позднее в образовавшееся во лбу «большого Будды» пустое пространство вставили кусок красного стекла, но прежний блеск был утрачен навсегда.

Уважаемый читатель, вероятно, заметил частое упоминание в высказываниях Н. К. Рериха имени французского синолога П. Пельо (1878–1945 гг.), о котором автор еще ни слова не сказал в данной главе. Метод работы этого ученого в провинциях Синьцзян и Ганьсу существенно отличался от действий других западных исследователей, в том числе и весьма именитых, хотя и его китайцы занесли все-таки в условный «черный список» лиц, вывезших из страны национальное достояние. Однако представляется, что в данном случае мы имеем дело с принципиально иной ситуацией.

Блестяще образованный специалист, свободно владевший почти полутора десятками языков, в том числе и русским, по молодости нередко вел себя вызывающе и эпатировал окружающих, легко наживая врагов, но его научный талант,

разносторонняя эрудиция и глубокие профессиональные знания ни у кого не вызывали сомнений. По мнению французских исследователей, практически не представляется возможным составить полную библиографию его необъятных печатных трудов и рукописного наследия. Феноменальный дар к изучению различных языков настолько расширил научный потенциал Поля Пельо, что его с полным на то основанием называют не только китаистом, но и монголистом, тибетологом, тюркологом, индологом, иранистом. В частности, при работе над переводом фрагмента «Суварнапрабхаса сутры», написанной на одном из древнеиранских языков, ученый-полиглот параллельно сверял текст с китайской, тибетской, уйгурской, монгольской и калмыцкой версиями.

Поль Пельо

Основоположник современной школы китаеведения в России В. М. Алексеев (1881–1951 гг.) писал о нем: «Профессор Пельо является самым крупным из всех синологов, когда-либо бывших в Европе и когда-либо писавших на не-китайском языке, да и среди китайцев-китаистов он завоевал себе столь почетное место (его труды по синологии постоянно переводятся на кит. яз.), что говорить о нем следует, как о китаисте абсолютно мирового размаха». П. Пельо Поль Пельо несколько раз бывал в нашей стране. В 1922 году он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, а 25 сентября 1925 года выступил с приветственным словом от Французской Академии на торжественном открытии юбилейной сессии в честь 200-летия АН СССР.

В далеком 1906 году ему было 28 лет, к тому времени он уже несколько лет проработал во французском институте Дальнего Востока в Ханое (Вьетнам). После впечатляющих археологических находок и открытий в пустынях Гоби и Такла-Макан в начале XX века Франция вдруг осознала себя заметно отставшей от Великобритании, Швеции, Германии, России и Японии в изучении данного региона. Ориенталисты одной из ведущих в мире школ забили тревогу по поводу возможного «предательства великолепных традиций» и настойчиво требовали от правительства принятия быстрых и решительных мер. Под мощным давлением национальной академии на высоком уровне было принято решение об отправке экспедиции в составе трех человек. Выбор пал на П. Пельо, его старого друга, офицера-медика Луи Вайана и Шарля Нуэта, ученого и фотографа.

Летом 1906 года они через Москву и Ташкент достигли Синьцзяна, где на протяжении почти двух лет вели интенсивные и в целом плодотворные исследования на территории оазисов древнего Шелкового пути. Например, в Куче французы провели около восьми месяцев. Им удалось обнаружить внушительное собрание буддийских текстов, многие из которых были написаны на неизвестных прежде мертвых языках.

Прибыв в Урумчи, П. Пельо совершенно случайно встретил старого знакомого по Пекину и от него впервые узнал о существовании Дуньхуанской библиотеки. Приятель подарил ему манускрипт, найденный несколько лет назад в пещерном комплексе Могао. По словам Л. Вайана, когда синолог развернул свиток, то сразу определил ориентировочную дату его написания — ранее VIII века. После этого эпизода вопросов относительно дальнейшего маршрута экспедиции у ее членов не возникало.

Добравшись до Дуньхуана весной 1908 года, в течение трех

недель П. Пельо практически не покидал пещеры с манускриптами, куда Ван Юаньлу без особых колебаний согласился его отвести. Действия монаха на сей раз разительно отличались от недавних мучительных раздумий и продолжительных переговоров с настырным англичанином. Водном из своих писем француз отметил, что в первые десять дней «атаковал по тысяче свитков в сутки», поэтому «через мои руки прошел не только каждый свиток, но и всякий клочок бумаги. Только Бог знает, как много там было фрагментов и обрывков».

Тщательно ознакомившись с фондами библиотеки, он приступил к изучению статуй и фресок монастыря. В пещерах Могао до сих пор нетрудно заметить краткие записи, сделанные его рукой, — цифры (порядковый номер) и иероглифы, почти безошибочно фиксирующие исторический период, когда древними мастерами были выполнены скульптурные изображения и настенная живопись. П. Пельо не только впервые осуществил своеобразную инвентаризацию пещер, но и попросил Ш. Нуэта сфотографировать в них то, что, на его взгляд, представляло наибольший интерес. По возвращении в Париж они опубликовали в шести томах под общим названием «Пещеры Дуньхуана» несколько сотен черно-белых фотографий, которые на протяжении длительного времени оставались единственными для читательской аудитории иллюстрациями, дающими наглядное представление об удивительном искусстве буддийского монастыря. Вначале 80-х годов XX века этот альбом был переиздан.

Учитывая особый характер доверительных взаимоотношений, сложившихся у П. Пельо с Ван Юаньлу, исследователь без особых затруднений уговорил даоса продать ему, по различным оценкам, от трех с половиной до шести тысяч единиц Дуньхуанской библиотеки, представлявших особую ценность. В настоящее время полученные таким образом рукописи хранятся в Национальной библиотеке в Париже, великолепные произведения искусства были переданы им в Лувр, откуда позднее часть из них перевели в столичный Музей Гимэ. В отчете о трехлетней экспедиции в Синьцзян и Ганьсу П. Пельо особо подчеркивал: «Мы привезли… целую библиотеку китайских изданий, такую, какой до сих пор не было в Европе, а также коллекцию китайских рукописей, которой нет равных даже в самом Китае».

Вернувшись в начале лета 1909 года во Францию, ученый обнаружил, что некоторые тексты частично повреждены, и решил восстановить рукописи в Китае. В Пекине он поселился в гостинице неподалеку от императорского Запретного города, а

для проведения квалифицированных реставрационных работ выбрал небольшую мастерскую, расположенную рядом с нынешним центральным железнодорожным вокзалом.

Вскоре туда зашел известный специалист, признанный знаток древнекитайской письменности Ло Чжэнью и был крайне удивлен, увидев бесценные книги по истории. Он не стал узнавать, откуда эти рукописи, а лишь попросил познакомить его с их хозяином. Через несколько дней П. Пельо пригласил к себе в номер Ло Чжэнью и его коллег, в том числе Ван Жэньцзюня, Цзян Фу и Дун Кана. Воодушевленный своими приобретениями молодой человек показал им некоторые тексты, рассказал об их происхождении и даже подарил отдельные экземпляры. Ведущие китайские ученые, абсолютно ничего не знавшие о рукописях, найденных в Дуньхуане, испытали подлинный шок, услышав повествование француза.

Дело в том, что еще в 1900 году даосский монах, обнаружив библиотеку, уведомил об этом местную администрацию и передал несколько свитков начальнику уезда Ван Цзунханю, человеку весьма далекому от учености. Позднее они попались на глаза знакомому этого чиновника Е Чан-чжи, на протяжении многих лет увлекавшемуся проблемами древней истории. Он организовал запрос в адрес властей провинции Ганьсу и предложил перевезти документы в ее административный центр — город Ланьчжоу.

Сославшись на нехватку нужных средств (не удалось отыскать 10 тысяч лянов серебра), в марте 1904 года губернатор приказал начальнику уезда внимательно пересчитать рукописи и обеспечить их сохранность, но тот посчитал указанные распоряжения чудачеством руководства и не стал его выполнять должным образом. Вход в пещеру перегородили досками и кирпичами, что никак не отразилось на регулярности ее посещения Ван Юаньлу.

Узнав от П. Пельо, что в пещере хранятся еще несколько десятков тысяч документов, Ло Чжэнью доложил центральным властям о сложившейся ситуации и убедил высокопоставленных лиц направить местному руководству на северо-западе страны телеграмму с требованием как можно скорее закрыть хранилище и не подпускать к нему иностранцев. Одновременно правительство выделило начальнику уезда 6 тысяч лянов серебра для проведения подготовительных работ, а губернатору Синьцзяна был отдан приказ в максимально сжатые сроки отправить рукописи в столицу.

Получается, что именно П. Пельо на определенном этапе инициировал процесс вывоза китайцами манускриптов из

буддийского монастыря и не его вина, что в дальнейшем из-за нерадивости чиновников и откровенного воровства до Пекинской библиотеки дошла лишь часть из них. Француз, безусловно, сыграл важную роль в судьбе древних реликвий, которую можно оценивать по-разному. Однако не вызывает сомнений тот факт, что именно его обширные и разнообразные по тематике исследования на основе привезенных раритетов стали толчком к зарождению нового направления в источниковедческой науке в глобальном масштабе — дуньхуановедения.

П. Пельо уделил особое внимание распространению буддийской культуры, в том числе и в Китае, деятельности паломников, привозивших в Поднебесную соответствующую литературу. Он проанализировал обстоятельства перевода танским монахом Сюаньцзаном на древнеиндийский литературный язык (санскрит) главного даосского «Канона о дао и дэ» (кит. «Дао дэ цзин»), подготовил весьма насыщенный и пространный комментарий к путешествиям венецианца Марко Поло.

В области этих и многих других исследований он остается и по сей день крупнейшим научным авторитетом. Академик В. М. Алексеев так отзывался о его публикациях: «Все та же картина: сильная, в полном расцвете научная продукция, не имеющая равной; широта интересов, невиданная в синологии; точность, впервые ставящая синологию в ряд европейских наук и выводящая ее из extarporalia».

Интересно, что сразу после окончательного возвращения во Францию в октябре 1909 года П. Пельо подвергся внутри страны резкой критике со стороны некоторых ученых, которую, отчасти, спровоцировал сам своими непродуманными высказываниями и опрометчивыми шагами. Размах и продолжительность кампании по дискредитации молодого синолога перешли все мыслимые границы. Нашлись даже такие, кто обвинял его в нерациональном использовании общественных средств, выделенных на экспедицию.

Абсурдность такого рода заявлений не вызывала сомнений у настоящих специалистов, между тем поток порочащих его имя публикаций ничуть не ослабевал. В защиту француза выступил А. Стейн, высоко оценив научные достижения ученого и выразив восхищение качеством проведенных им археологических раскопок, с которыми он позднее столкнулся в Куче, но в полемическом ажиотаже и к мнению прославленного британца особенно не прислушались. Представляется, что в основе этой постыдной акции были откровенные зависть и некомпетентность ее инициаторов. Талант и интеллект П. Пельо, естественно,

выдержали данное испытание, однако в составе экспедиций, работавших в Центральной Азии, его с тех пор уже больше не встречали.

Глава 7

ЧАРУЮЩИЙ КАШГАР

«Если не побывал в Кашгаре, значит, не увидел Синьцзяна». В этом народном афоризме очень точно передан особый колорит восточного города, расположенного на западе автономного района. После 10-часового переезда из Хотана я сразу окунулся в атмосферу шумных улиц и оригинальных строений, пестрой толпы и бесконечных торговых рядов, национальной уйгурской музыки и базарного гула. Экзотический Кашгар (кит. Каши) живет ярко и эмоционально.

Нынешний город находится на территории небольшого древнего княжества Шулэ (Сулэ), существовавшего на Шелковом пути еще более двух тысяч лет назад. Отсюда торговый тракт шел через Памир в государства Средней Азии. Как считают историки, через Шулэ в 104 году до н. э. проходила одна из армий ханьского генерала Ли Гуанли, отправившегося в поход на Фергану за «потевшими кровью» конями.

Могила Юсуфа Баласагунского

В 1994–1996 годах на юго-востоке Кашгара был разбит парк в честь полководца и дипломата Бань Чао (32—102 гг.), который внес выдающийся вклад в укрепление позиций империи в Западном крае. Именно благодаря его усилиям Китай сумел резко активизировать здесь свою внешнюю политику. Бань Чао, кстати, — младший брат знаменитого историка Бань Гу, автора летописного свода династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.).

Под командованием военачальника Доу Гу в начале 70-х годов он сражался с кочевниками, а затем по его приказу отправился на запад, где провел в общей сложности около 30 лет. Бань Чао без всяких промедлений включился во внутриполитическую борьбу в Лоулане и Хотане (73 г.). Оба правителя, имевшие ранее тесные контакты с сюнну, были вынуждены ему подчиниться и перешли на сторону Срединного государства.

Из Хотана генерал во главе небольшого отряда (36 воинов) двинулся в Шулэ. Накануне похода сторонники сюнну убили правителя этого княжества и привели к власти своего ставленника Доути. Бань Чао решил стать лагерем возле главного города Паньто. Вскоре ему удалось захватить в плен Доути, деморализованным сановникам он объявил о своем намерении сделать князем племянника недавно убитого правителя. С тех пор на протяжении 18 лет полководец оставался в Шулэ, обеспечивая китайские интересы и стабильное функционирование одного из ключевых маршрутов Шелкового пути.

Успешные действия Бань Чао позволили официально воссоздать ханьский протекторат над Западным краем. Резиденция нового генерал-протектора (Чэнь Му) находилась в Лючжуне (на севере региона). Однако уже в 75 году в результате стремительного наступления сюнну он был убит, прибывшие военные поселенцы оказались отрезанными от Китая. Бань Чао приказали вернуться на родину, но генерал не подчинился и решил действовать на свой страх и риск.

В 78 году, объединив усилия нескольких княжеств, он нанес сокрушительное поражение соседнему с Шулэ государству Гумо, ориентировавшемуся на сюнну. Спустя два года против него поднял бунт военачальник Пань Чэнь, но к тому времени к Бань Чао прибыло подкрепление в тысячу солдат, с их помощью выступление было подавлено. В 80-е годы возник крупномасштабный конфликт в Шулэ. К противникам Бань Чао примкнул местный князь, которого полководец в свое время привел к власти. Мятежники укрылись в городе Уцзи.

При осаде города (84 г.) Бань Чао обратился к юэчжи (кушаны) за дипломатической поддержкой. Дело в том, что на стороне восставших сражались воины из государства Канцзюй. Незадолго до этого юэчжи установили с его правителем брачные связи. Направив к кушанскому царю посольство с богатыми дарами, Бань Чао попросил оказать максимальное воздействие на Канцзюй, что в конечном счете и произошло. Союзники покинули город, Уцзи был взят штурмом, а мятежного князя обезглавили.

Вскоре уже юэчжи направили в Китай посольство «с драгоценными камнями, антилопами и львами» с поручением сосватать ханьскую принцессу, но генерал задержал его и отправил обратно, после чего стороны «прониклись враждой». В 90 году он сумел на дальних подступах империи отразить поход 70-тысячного войска кушан во главе с наместником Се, пришедших из Средней Азии.

Через год китайская армия окончательно разбила кочевников. Сюнну утратили свои позиции в Центральной Азии и «удалились неизвестно куда». Согласно императорскому указу, Бань Чао получил назначение на пост генерал-протектора, покинул Шулэ и перебрался на восток — в Цзюй-цзы. Заслуживает также упоминания эпизод с отправкой им некоего Гань Ина в качестве специального посланника в далекий Рим. К сожалению, сведения об этой миссии очень скудны. Известно, что тот сумел добраться лишь до Персидского залива.

На склоне лет полководец и дипломат, проживший в Западном крае долгие годы, сыгравший большую роль в укреплении китайского влияния в регионе и мечтавший умереть на родине, писал императору: «Не надеюсь на возвращение в Цзюцюань, хотел бы добраться до Юймэньгуаня, пока жив». Город Цзюцюань и руины древней заставы Юймэнь расположены к востоку от Синьцзяна, в западной части нынешней провинции Ганьсу. В 102 году Бань Чао, измученный многолетней службой в экстремальных условиях, вернулся в Лоян (столица империи) и в том же году скончался. Спустя двадцать с лишним лет на должность верховного администратора Западного края был назначен его сын — Бань Юн.

Осенью 2002 года стоимость входного билета в парк составляла 10 юаней (чуть больше 1 доллара). По мнению ученых, где-то здесь находилась столица княжества Шулэ, куда в первой половине 70-х годов прибыл Бань Чао. Совсем недавно отстроенный комплекс меня не заинтересовал, и я ограничился тем, что сфотографировал центральные ворота с надписью «город Паньто» и приобрел на память красочный буклет.

Некогда в Кашгаре был храм Бань Чао. О его

многострадальной судьбе я узнал из книги индийского автора К. П. Шивашанкары Менона «Древней тропою». Со слов путешественника и дипломата, храм «каждый раз разрушали вторгавшиеся враги». В 70-е годы XIX века его сравнял с землей Якуб-бек. Когда китайцы взяли город под свой контроль, они восстановили здание. Однако в 1933 году его разломали уже восставшие дунгане. Рассуждая об уничтоженной могиле и выброшенных из нее останках Якуб-бека, ранее находившихся на территории мавзолея Апак-ходжи, индиец мудро замечает: «Разрушая храм Бань Чао, Якуб-бек менее всего рассчитывал, что его могила подвергнется той же участи».

В городе родился ученый-энциклопедист Махмуд Кашгарский, собравший и систематизировавший в 70—80-е годы XI века бесценные сведения о тюрках, их языке, фольклоре, литературе, культуре, истории и этнографии. О нем и его знаменитом сочинении «Диван лугат ат-турк» подробно будет рассказано в девятой главе, а сейчас совершим небольшой экскурс в историю древних тюрок, сыгравших важную роль в судьбах народов Срединной Азии.

Слово «тюрк» (кит. туцзюе) появилось в VI веке как название союза местных кочевых племен на Алтае, куда переселились возглавившие его хунны из племени ашина, ранее обитавшие в Западном крае, к северу от реки Тарим. Китайские исторические источники сообщают: «Туцзюе есть особое племя сюнну. Их родовое имя ашина». Датский лингвист Вильгельм Томсен (1842–1927 гг.), расшифровавший в 1893 году древнетюркские рунические письмена, считал, что слово «тюрк» имеет значение «сила», «мощь» и первоначально было «названием какого-нибудь отдельного племени или, что еще более вероятно, названием княжеского рода». Оно также наполнялось скорее политическим, чем этнографическим содержанием; на это указывает, в частности, выражение «мои тюрки, мой народ».

Полуденный намаз

Существует интересная легенда о происхождении тюрок. Когда-то их предки жили на краю большого болота, но в войне с соседним племенем они погибли. Выжил лишь изуродованный десятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги. Его выкормила волчица, ставшая затем его женой. Мальчика убили. Волчица, скрываясь, убежала в район Турфана. В пещере она родила зачатых от человека десятерых сыновей. Возмужав, они взяли в жены турфанских женщин. Одного из них звали Ашина. Он возглавил племя и дал ему свое имя. Спустя годы вожди ашина увели свой народ на Алтай, где возглавили местные племена и стали называть себя «тюрками». По свидетельству китайского летописца, они «жили из рода в род у гор Цзинь-шань (Алтай. — Н. А.) и занимались обработкой железа». В 1968 году на территории Монголии была обнаружена стела времен Тюркского каганата, точнее — его начального этапа. В верхней ее части изображена волчица, у которой под брюхом видна человеческая фигурка с обрубленными ногами и руками.

Успешные боевые действия племенного союза по всему периметру весьма условных в те времена границ привели к созданию в Центральной и Восточной Азии Тюркского каганата (551–745 гг.), занимавшего в период своего расцвета территорию

от Бохайского залива до Керченского пролива, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Как считает известный отечественный востоковед С. Г. Кляшторный, тюркские каганы фактически создали первую евразийскую империю, политическое и культурное наследие которой оказало значительное влияние на историю Центральной Азии и Юго-Восточной Европы.

Основателем государства считается Бумын, принявший титул кагана в 551 году. Ставка правителя находилась в верховьях реки Орхон. По мнению академика В. В. Бартольда (1869–1930 гг.), между тюркскими словами «хан» (царь) и «каган» (император) первоначально различия не существовало, да и впоследствии оно «соблюдалось далеко не всегда». Оба встречаются в широко известных орхоно-енисейских надписях VIII–XI веков — древнейших рунических письменных памятниках тюркоязычных народов.

В результате продолжительных завоевательных войн относительно недавно возникший агрессивный этнос, который, согласно известной теории Л. Н. Гумилева, вступил в фазу «пассионарного подъема», установил жесткий контроль над значительной частью Шелкового пути, существенно ограничив торговые связи своих соседей. Правители каганата в союзе с Византией вели ожесточенную борьбу с сасанидским Ираном, в результате чего им удалось выйти к Амударье, а затем присоединить некоторые области на западном берегу этой реки. В 576 году тюрки взяли Боспор (Керчь), спустя четыре года осадили Херсонес.

Их движение на запад было не только завоеванием новых территорий, но и мощной миграцией тюркоязычных племен, шел процесс активного заселения ими обширных районов на севере Западного края и востоке Средней Азии. Тюрки, как правило, не меняли уклада жизни коренного населения на захваченных землях и ограничивались утверждением своего сюзеренитета и получением дани.

В результате острого внутриполитического кризиса, затянувшихся междоусобиц и эффективного вмешательства китайских императоров династии Суй (581–618 гг.) гигантское государство тюрок распалось на Восточный и Западный каганаты, которые вели между собой изнурительные войны. В VII веке они поочередно (в 630 и 658 гг.) потерпели жестокие поражения в войнах с танским Китаем и прекратили свое существование. Как метко заметил историк, в Западном крае «после 658 г. по степям кочевали уже лишь разрозненные орды».

Тюрки воссоздали Восточный каганат к концу VII века, подчинив племена уйгуров и киданей, разгромив карлуков и

енисейских кыргызов, оказав энергичное сопротивление императорской армии танского Китая. Каганом стал Кутлуг (Ильтерес-каган), главным советником у него был Тоньюкук, о деяниях которого известно из пространного описания, выполненного древнетюркским руническим письмом на обнаруженной в Монголии каменной стеле. При следующем правителе — Капаган-кагане (6 91—716 гг.) — второй Восточный каганат достиг наивысшего подъема.

Древние тюрки в рунических надписях называли китайцев «народом табгач». Упомянутый Тоньюкук утверждал, например, что «получил воспитание под влиянием культуры народа табгач, (так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач». Оригинальную точку зрения на сей счет высказал Л. Н. Гумилев. Он полагал, что древнекитайский этнос в V–VI веках «раздвоился с тем, чтобы дать начало северокитайскому и южнокитайскому этносам», а тюрки этноним «табгач» применяли для обозначения северокитайского народа. Однако с его гипотезой не согласны другие исследователи, отрицающие факт существования двух самостоятельных этносов непосредственно на территории Срединного государства.

Восточные тюрки в начале VIII века попытались противодействовать арабским завоевателям, вторгшимся в Среднюю Азию, но затем, потерпев поражение под Самаркандом, отступили. Их правители еще на протяжении полувека отстаивали независимость в тяжелых войнах с империей Тан и ее союзниками. Однако после смерти Бильге-кагана и его брата Кюльтегина тюрки утратили инициативу и перешли к оборонительным действиям. В 1889 году русский исследователь Н. М. Ядринцев на реке Орхон обнаружил памятники этим двум политическим деятелям. Позднее выяснилось, что памятники изготовлены при непосредственном участии мастеров, присланных императором Поднебесной Сюаньцзуном, возможно поэтому тексты эпитафий выполнены на двух языках.

В китайской династийной хронике «Тан шу» дано описание обряда погребения древних тюрок: «В избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он использовал, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начинает желтеть и опадать, умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают раскрываться… В сооружении, возведенном при могиле, устанавливают изображение покойного и перечисляют сражения, в которых он принимал участие в продолжении жизни.

Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один

камень. У иных число таких камней доходит до ста и даже до тысячи».

Между тем главную опасность для каганата представляли тюркоязычные уйгуры, которые входили в объединение «девяти племен». Вначале VII века они, как уже отмечалось ранее, обосновались в Северной Монголии и спустя какое-то время играли заметную роль в Центральной Азии. Члены указанного союза в орхонских текстах именуются как токуз-огузы.

В 80-х годах VII века уйгуры были разбиты восточными тюрками, но через 60 с лишним лет взяли убедительный реванш. Объединившись с соседними племенами (карлуками и басмылами), они сокрушили второй Восточный каганат. Необходимо в этой связи добавить, что его неизбежный крах ускорили обострившиеся внутренние противоречия и раздоры.

На месте указанного государственного образования в 745 году возник Уйгурский каганат, просуществовавший до 840 года. Тюркский каганат в целом имел огромное консолидирующее значение для тюркоязычного населения Евразии и способствовал дальнейшему развитию различных этнических групп, составивших впоследствии основу народов, говорящих на различных тюркских языках.

Со временем арабы, энергично распространявшие по миру идеи ислама, заметили: многие народы говорят на том же языке, что и тюрки, с которыми они столкнулись в Средней Азии в VII–VIII веках. Их историки и географы стали называть словом «тюрк» уже целые группы народов и языков. В арабской научной литературе сформировалось единое представление о генетической связи языков тюркских племен и генетическом родстве последних. Таким образом, термин «тюрк» распространился на пол-Азии.

Следует подчеркнуть, что при наличии древнего языкового родства у самих тюркоязычных племен «тюркское» этническое самосознание отсутствовало, как не было и общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековье государственных образований (С. Г. Кляшторный). Однако по мере принятия ислама эти народы сами стали себя так называть.

Доверившись скромному путеводителю и довольно подробной карте города, я отправился к расположенной на Спортивной улице (кит. Тиюйлу) могиле некоего Юсуфа, о котором, как мне казалось, не имел ни малейшего представления. Купив за 10 юаней входной билет, стал расспрашивать о личности усопшего, поскольку никаких проспектов или буклетов ознакомительного характера в кассе не было. Служители

мемориального комплекса добавляли к имени слово «хасс-хаджиб», на слух для непосвященного воспринимавшееся как весьма распространенная в подобных случаях нисба (литературное имя, данное по месту рождения), неожиданно оно заставило задуматься.

Вскоре я добрался до англоязычного щита с разъяснениями и в следующий момент стало даже как-то неловко за минуты сомнений. Ничего особенного в этом тексте не было, но упоминание о поэме XI века все расставило на свои места. Очередной пеший маршрут по Кашгару привел меня к мавзолею знаменитого Юсуфа Баласагунского, который когда-то преподнес созданное им удивительное произведение «хану ханов» Бограханиду, или Табгач-Богра-Караха-кану (на самом деле его имя и титулы еще длиннее). Тот в знак благодарности и расположения к поэту пожаловал ему высокое придворное звание, известное как «хасс-хаджиб».

Мавзолей Апак-ходжи

Юсуф, в свою очередь, воспринял это решение как огромную честь, поскольку считал, что человеку на такой должности необходимы десять качеств: острый глаз, чуткое ухо, щедрое сердце, приятное лицо, хорошая одежда, высокий стан, приятная речь, разум, ум, знание. Вряд ли стоит сомневаться, что он обладал ими в должной мере. Впрочем, давно пора

непосредственно обратиться к указанному сочинению и его автору.

«Благодатное знание» (тюрк. «Кутадгу билиг») — величайший тюркский литературный памятник средневековья — был написан Юсуфом Баласагунским в 1069–1070 годах. О жизни поэта известно очень мало. В основном это отдельные упоминания, разбросанные по тексту произведения, и весьма краткая информация в двух предисловиях к поэме, из которых одно написано в прозе, а другое — в стихах. Некоторые сведения о себе Юсуф Баласагунский сообщает в заключительных главах поэмы: «Сожаление о прошедшей молодости и о старости», «О порочности эпохи и неверности друзей», «Сочинитель сей книги, Юсуф, великий хад-жиб дает себе наставление».

Поэт родился в Баласагуне, точное местоположение которого до сих пор не установлено, хотя он и упоминается в исторических сочинениях. По некоторым данным, город находился в Чуйской долине, неподалеку от Токма-ка. Ученые до сих пор спорят о том, когда произошло знаменательное событие— в 1015–1016 или 1018 году. Для создателей мемориала проблема, похоже, давно решена: согласно их информации, поэт родился в 1019 году.

В зрелом возрасте Юсуф отправился в Кашгар, где и написал свою поэму, о чем сообщает в обоих предисловиях: «Сочинитель сей книги— уроженец Баласагуна, муж воздержанный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана»; «Он все написал, твердо двигаясь к цели /И труд завершен был в Кашгарском пределе». По словам автора, он сочинил ее за восемнадцать месяцев.

Все исследователи «Кутадгу билиг» переводили название примерно одинаково и связывали его, как правило, со «знанием, приносящим счастье». Только что упомянутый вариант предложил С. Н. Иванов, в начале 80-х годов XX века издавший полный перевод данного сочинения в популярной тогда среди гуманитарной интеллигенции серии «Литературные памятники». Приобретя с большим трудом экземпляр данной книги вскоре после ее выхода в свет, я и подумать не мог, что спустя почти два десятка лет окажусь на могиле средневекового поэта в центре Кашгара.

Поэма написана в стихах, каждый из которых состоит из двух полустиший, рифмующихся между собой. В арабской, персидско-таджикской и тюркоязычной литературах они называются «бейтами» (от араб, bajt— «дом»). Вот, например, краткое повествование о том, «как должно обходиться с людьми учеными и знающими»:

Еще род людей есть, кто знаньем богат, —
Их знанья звездой путеводной горят.
Любезен, учтив будь с такими людьми,
Хоть малое знанье от них перейми.
Где зло, где добро — различают они,
Известен им праведный путь искони.
Стремись мудрость знанья от них перенять,
Дары подноси им, слов лишних не трать.

Сюжет «Благодатного знания» незамысловат. Четыре ее героя — правитель некоего государства Кюнтогды, его визирь Айтолды, сын Айтолды Огдюльмиш и брат визиря— отшельник Одгурмыш — ведут продолжительные беседы, часто спорят и поучают друг друга, превозносят и осуждают мысли и поступки людей.

Мудрый и справедливый элик (государь) принимает на службу талантливого и честолюбивого Айтолды, который становится его ближайшим советником и сподвижником. После смерти чиновника его место занимает одаренный и трудолюбивый Огдюльмиш. О незаурядных способностях сына визиря свидетельствует его ответ на вопрос правителя, «каким должен быть главный повар, стольничий»:

А то, чему люди всю жизнь посвятят,
Как самую жизнь они любят стократ.
И жизнь не тяжка, тяжки муки труда,
Но жизнь без забот и усилий худа.

Руководствуясь государственными интересами, Огдюльмиш всячески стремится привлечь на службу своего родственника Одгурмыша, но тот не соглашается и вскоре умирает. Оставшиеся в живых искренне печалятся об усопшем, прославляя его высокие добродетели и нравственные идеалы.

Идейной основой данного сочинения следует считать философию ортодоксального ислама и этику шариата — свода опирающихся на Коран юридических норм, принципов и правил поведения. Единственным следом доисламской идеологии, по мнению С. Н. Иванова, является упоминание древнетюркского эпического героя Алп Тонга:

Среди тюркских беков есть множество славных,
Славней они многих владык предержавных.
Меж них есть прославленный муж— Алп Тонга,
И всем его слава вовек дорога.
Велик был сей избранный, доблестью славен,
Умом и премудростью был он державен.

До сих пор неясно, на каком языке творил и каким алфавитом пользовался Юсуф Баласагунский при создании поэмы, поскольку ее оригинал давно утрачен. В предисловии говорится о книге, «сочиненной на языке богрохановском и тюркской речью», однако для современной идентификации языка этой информации недостаточно. Знакомясь с дискуссией в кругах тюркологов по конкретному вопросу, можно отметить, что большинство специалистов высказываются все-таки в пользу уйгурского языка эпохи Караханидов, хотя существуют и иные точки зрения.

К настоящему времени сохранились три старинных текста поэмы. Одна из рукописей (XV в.) написана уйгурскими буквами, это список с неизвестного науке арабского текста. Две другие — Каирская и Наманганская (по месту их обнаружения) — написаны арабским письмом. В середине XX века турецкий филолог Решид Рахмети Арат выпустил по всем трем известным версиям факсимиле, критический текст и перевод литературного памятника. С. Н. Иванов, кстати, при подготовке своего перевода использовал это издание.

О том, каким письмом пользовался средневековый автор, можно лишь гадать. Жители Кашгара, принявшие ислам и успевшие приобщиться к мусульманскому миру, в XI веке владели уже не только уйгурским, но и арабским алфавитом. Академик В. В. Радлов (1837–1918 гг.), долгие годы занимавшийся переводом и изданием «Кутадгу билиг», утверждал: «Как уроженец города Баласагун (в Семиречье), автор первоначально написал свою поэму арабскими буквами, вне влияния уйгурского письменного языка, но поэма подверглась этому влиянию в Кашгаре, где была закончена и поднесена хану, который велел переписать ее, для распространения в народе, уйгурским алфавитом».

Мазар Али Арслан-хана

Сложно спорить с теми, кто считает, что данное произведение не для быстрого чтения. Его назидательный тон, бесконечные сентенции на морально-нравственные темы со ссылками на изречения «доблестных мужей», долгие рассуждения о неотвратимости смерти, бессмысленности мирских соблазнов и суетных благ создают определенные трудности для современного читателя. Тем не менее нельзя не признать, что это уникальное сочинение тюркоязычной поэзии в высокохудожественной форме отражает общечеловеческие ценности и занимает достойное место в мировой литературе эпохи средневековья.

Юсуф Баласагунский скончался в 1085 году. Как трезво мыслящий человек и истинный мудрец, он философски относился к наступившей старости и предстоящей кончине, хотя весьма эмоционально сожалел о молодости, которая пронеслась «тучей летучей». Поэт завещал свой труд благодарным потомкам:

Писал я, мечту и надежду храня,
Что доброй молитвой вспомянут меня.
Писала рука, а слова вела речь,
От смерти ни руку, ни речь не сберечь!
И память о них — мой вот этот рассказ,

Его для тебя я, о мудрый, припас.
Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!

Всю свою жизнь Юсуф Баласагунский прожил в мусульманском Караханидском государстве, история которого изобилует «белыми пятнами». Достаточно сказать, что в нем почти не было своих летописцев, а имена правителей, по едкому, но абсолютно верному замечанию одного персидского литератора XII века, «сохранились только благодаря поэтам». Между тем известно, что решающую роль в его появлении сыграли тюркоязычные племена карлуков.

Уже говорилось о том, что в середине VIII века они вместе с уйгурами и басмылами положили конец существованию второго Восточного каганата. Чуть позже уйгуры разгромили бывших союзников и создали собственное государственное образование. Часть карлуков подчинилась им, но большинство бежали в Джунгарию и Семиречье, где активно контактировали с западными тюрками, поскольку их обычаи и языки имели много общего.

Постепенно карлуки стали выступать как самостоятельная сила в сложной военно-политической борьбе в регионе. Во время ожесточенной битвы на реке Талас (751 г.), когда в первый и последний раз в эпоху средневековья столкнулись китайская и арабская армии, карлуки считались союзниками китайцев, но ухитрились в разгар сражения ударить им в тыл. Китайская армия потерпела поражение. Самое любопытное, что после этого предательства карлуки отнюдь не отказались от дипломатических отношений с императорским двором Поднебесной: через год в Чанъань прибыло посольство их правителя (ябгу).

Зато на протяжении долгих лет не прекращалась вражда с уйгурами. Ябгу привлек на свою сторону племена енисейских кыргызов, басмылов, тюргешей и др., однако победить в кровопролитном и изматывавшем обе стороны противоборстве так и не сумел. С тех пор основное внимание карлуки сосредоточили на Семиречье и прилегающих к нему территориях.

Вытеснив оттуда огузов, которые ушли в западном направлении, и отбив несколько атак арабов, они утвердились на этих землях и вскоре смогли увеличить размеры своих владений. Крах Уйгурского каганата (840 г.) заметно укрепил их влияние, идея нового государственного образования приобрела вполне реальные очертания.

Государство Караханидов возникло, вероятно, во второй половине IX— начале X века. Его территория со временем

простиралась от Кашгара и Хотана на востоке до Амударьи на западе, но ни о каком внутреннем единстве не могло быть и речи, так как уже на ранней стадии оно разделилось на две части: восточную с центром в Кашгаре и западную — в Таразе (на территории совр. Казахстана), а затем в Самарканде. Таким образом, на востоке Караханиды вышли на границу с Уйгурским государством, созданным в Турфанском оазисе (Турфанское княжество) после крушения каганата.

Несмотря на имеющиеся разногласия в востоковедной среде, многие ученые полагают, что в обоих государствах «была общность этнического субстрата, основа для развития единого языка». Особую роль в этом процессе сыграло племя или племенной союз ягма. Они жили к западу от уйгуров, занимая обширное пространство в бассейне реки Или и контролируя район Кашгара. Ягма когда-то входили в уже неоднократно упоминавшееся объединение токуз-огузов, где ключевую роль играли уйгурские племена, но потом присоединились к карлукам.

Частое общение и смешение племен уйгуров, ягма и карлуков способствовали установлению их этнической и языковой близости. Однако не следует забывать и о качественных различиях в области культуры и идеологии, нравах и обычаях, поскольку на повседневную и духовную жизнь местного населения оказывали существенное влияние религиозные предпочтения (ислам и буддизм) правителей упомянутых государств.

Появление на территории Семиречья в первой половине XII века государства каракитаев — Западное Ляо — изменило ситуацию в регионе. Восточные Караханиды, как и Турфанское княжество, превратились в его вассалов и регулярно выплачивали дань. Впоследствии стало ясно, что это было только начало грандиозных перемен. Империя монголов во главе с Чингисханом привела в движение колоссальные людские и материальные ресурсы, потрясла основы существовавшего миропорядка, вызвала цепную реакцию тотальных разрушений и бессмысленной жестокости.

В сложившейся обстановке карлуки и их правитель Арслан-хан последовали примеру уйгуров и поспешили присягнуть на верность новому властелину. Однако в 1210–1211 годах вторгшиеся найманы (крупное монгольское племя), возглавляемые ханом Кучлуком, поочередно разгромили восточных Караханидов и государство каракитаев. В их уничтожении хану активно помогал хорезмшах Мухаммед (правитель Хорезма, захвативший к тому времени обширные территории, включая Мавераннахр). Буквально через несколько

месяцев хорезмшах в Самарканде положил конец династии западных Караханидов. История загадочного государства на этом закончилась.

В Кашгаре и Семиречье возникло новое государственное образование, которым управлял Кучлук. Любопытно, что ему лишь чудом удалось спастись в 1204 году, когда обострился конфликт между набиравшим силу Тэмуджином (Чингисхан) и найманами, кочевавшими на Алтае и в верховьях Иртыша. Будущий великий завоеватель нанес им тогда сокрушительное поражение.

Мечеть Идках

У найманов получило распространение христианство несторианского толка. Принял его и Кучлук. По свидетельству персидского историка Рашид ад-Дина, он «ежегодно посылал (воинов) в мусульманские области той стороны (Кашгарии. — Н. А.) травить и сжигать зерновой хлеб… В жилище каждого кадхуда («владыки дома». — Н. А.) был оставлен на постой один из воинов (Кучлука). Среди (самих) мусульман начались вражда и разлад. Многобожники делали все, что хотели… Оттуда (Кучлук) отправился во владения Хотана и захватил (их). Он принудил население тех округов отступить от веры Мухаммеда и насильно

предоставил (ему) выбор между двумя деяниями: либо принять христианскую веру (с учением) о троице, либо язычество (буддизм. — Н. А.)…» В свою очередь Джувейни отмечал, что Кучлук исповедовал христианство, но под влиянием жены, дочери гурхана, правителя каракитаев, принял буддизм.

До начала похода в Среднюю Азию Чингисхан отправил на покорение Кучлука 20-тысячную армию во главе с талантливым полководцем и метким стрелком Джэбэ (Чжебе) (1218 г.). Рассказывают, что во время одной из битв на заре становления империи, сражаясь на стороне противника, он выстрелом из лука ранил в шею ее будущего основателя. Джэбэ попал в плен и признался в содеянном. Узнав об этом, Тэмуджин якобы сказал: «Заклятый враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он держит свой язык за зубами. Что же сказать об этом? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает с головой. Он достоин быть товарищем!»

Будучи хорошо осведомлен о преследованиях Кучлуком мусульман, Джэбэ на подступах к Кашгару, где находилась ставка найманского хана, объявил, «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил бы в религии путь своих предков». Неудивительно, что исламское население без раздумий подняло восстание и активно поддержало монголов. Кучлук бежал в Бадахшан, но вскоре был схвачен и убит.

После успешной военной операции Джэбэ монголам был открыт прямой путь в государство хорезмшаха Мухаммеда. Согласно оценками. П. Петрушевского, оно объединяло большую часть Средней Азии, весь Афганистан и Иран (кроме Хузистана); простиралось от Аральского моря и низовьев Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, от Памира и Сулеймановых гор на востоке до гор Загроса на западе.

Используя чрезвычайно выгодное стратегическое положение, местные мусульманские купцы контролировали всю торговлю региона не только с Китаем, но и с Восточной Европой (в том числе с Киевской Русью). Хорезм играл ключевую роль на всем протяжении Шелкового пути и стал центром транзитной торговли, поскольку именно здесь сходились караванные маршруты из многих стран Евразии.

Между Чингисханом и «владыкой запада» Мухаммедом сложились весьма непростые отношения. Отечественные и зарубежные специалисты давно спорят и высказывают различные точки зрения относительно того, кто в большей степени причастен к возникшему конфликту. Сейчас, как представляется, вряд ли удастся найти главного виновника трагических событий.

Трудно допустить, что государи-соседи со столь неуемными амбициями сумели бы долго жить «в мире и согласии».

Любой повод мог взорвать зыбкое равновесие, что и произошло, когда правитель города Отрар (на среднем течении Сырдарьи) то ли из-за собственной жадности, то ли по приказу хорезмшаха обвинил в шпионаже мусульманских купцов, отправленных Чингисханом в Среднюю Азию с богатым товаром, и дал указание всех их перебить. Из 450 человек спасся лишь один погонщик верблюдов, который и сообщил великому хану о расправе. Впоследствии Джувейни, автор «Истории завоевателя мира» (1260 г.), охарактеризовал случившееся следующим образом: «За каждую каплю их (купцов. — Н. А.) крови там потекли целые реки, кажется, что в воздаяние за каждый волос с их голов сотни тысяч голов валялись в пыли на перекрестках дорог».

Чингисхан и Мухаммед обменялись жесткими и оскорбительными друг для друга демаршами (хорезмшах, например, приказал убить монгольского посла и выразил твердое намерение поступить точно так же с великим ханом), после чего война стала неизбежной. В 1219 году Чингисхан собрал войско примерно в 150–200 тыс. человек и вместе со всеми своими сыновьями выступил в западном направлении.

В поход с ним отправились также уйгуры и карлуки во главе с идикутом Барчуком и Арслан-ханом. Монголам и их союзникам противостояла армия, практически не уступавшая им по численности, но значительно менее организованная и сплоченная. Перипетии войны, продолжавшейся несколько лет, вероятно, известны читателю из довольно обширной литературы на эту тему, да и шла она далеко за пределами рассматриваемого региона. Что же касается хорезмшаха, сыгравшего роковую роль в гибели династии западных Караханидов, то, убежав от преследователей из отряда Джэбэ и Субэдэя, Мухаммед укрылся на одном из островов в южной части Каспийского моря, где и умер в декабре 1220 года.

Кому же после долгих лет монгольских завоеваний достались земли нынешнего Синьцзяна? Со времен курултая 1206 года всем лояльным сородичам основателя империи выделялись уделы. По мнению российского историка Б. Я. Владимирцова, данная система «основывалась на том принципе, что государство (улус-ирген) являлось достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же как род и его ответвления владеют определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены-урухи и владеют людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами… совершенно так же

род является владельцем народа-государства (улус), проживающего на определенной территории».

Значительная часть региона первоначально вошла в улус третьего сына Чингисхана, будущего великого хана Угэдэя. Однако его потомки выступили решительно против прихода к власти Мункэ, сына Толуя (четвертый сын Чингисхана). В самый разгар борьбы за престол в Каракоруме (столица империи) небезызвестный в истории Руси золотоордынский хан Батый направил в Монголию 30-тысячную армию под командованием своего брата Берке и сына Сар-така (1251 г.), чтобы обеспечить победу Мункэ. Став великим ханом, Мункэ фактически ликвидировал улус Угэдэя, в результате чего Чагатаиды (правители Чагатайского улуса) смогли существенно расширить свое владение.

Но их государство оказалось непрочным. В середине XIV века в борьбе с оппозицией в Мавераннахре погиб Казан-хан — последний из Чагатаидов, чья власть признавалась во всем улусе. Через год (1347 г.) в восточной его части престол занял потомок Чагатая Туглук Тимур-хан. Он основал Могольское ханство, куда вошли Моголистан («страна монголов»), часть Кашгарии, Джунгарии, Южной Сибири и др. Вскоре один из его преемников присоединил земли Уйгурского государства (Турфанское княжество). Вслед за этим произошло обращение в ислам местных жителей, исповедовавших в значительной своей массе, как уже отмечалось на страницах настоящей книги, буддизм. Территория нынешнего Синьцзяна, таким образом, была объединена в рамках нового государственного образования.

С одной стороны, ликвидация границ, разделявших «единый этнический субстрат» (Д. И. Тихонов), имела определенное позитивное значение для сближения интеллектуальных устремлений и стирания различий в сфере материальной культуры у населения восточной и западной частей региона; с другой — монгольские правители, принявшие ислам, и мусульманское население (сунниты ханафитского толка) фактически игнорировали доисламский период в истории коренной народности, что постепенно привело к почти полной утрате этнонима «уйгур», а арабский алфавит окончательно вытеснил уйгурскую письменность. Со временем недавних уйгуров стали называть исключительно по месту жительства — кашгарлык (кашгарец), хотанлык (хотанец), турфанлык (турфанец) и т. д., либо по роду занятий, например, таранчи (земледелец).

Отечественный востоковед Л. Н. Чвырь считает, что мусульмане сменили старый этноним, поскольку и у них, и у

турфанцев, и у окружавших их народов он «ассоциировался с этноконфессиональной группой уйгуров-буддистов». Однако с XV века, когда буддизм окончательно утратил прежние позиции в регионе, а все предки современных уйгуров стали мусульманами, «они прониклись осознанием своего этнокультурного и конфессионального (религиозного. — Н. А.) единства», что было обусловлено многими причинами, в том числе и политическими. Следует добавить: процесс в целом носил затяжной и далеко неоднозначный характер.

В XX веке уйгуры (кит. вэйуэр) уже четко определяли себя в качестве единого этноса. Древнее самоназвание было восстановлено в 1921 году. Тогда же язык, на котором разговаривали уйгуры, получил наименование «уйгурский» (по инициативе тюрколога С. Е. Малова), хотя генетически он отнюдь не является продолжением древнеуйгурского языка.

Из-за бесконечных войн и междоусобиц границы Могольского ханства регулярно менялись, непрочными были и созданные там институты власти. В XV веке его правители утратили контроль над Джунгарией, в XVI веке потеряли Семиречье, но вскоре овладели районом Хами. Яркенд стал основной, а Кашгар— второй по значению (резиденция наследника престола) столицей этого государственного образования.

В XVII веке на территории ханства резко возросла роль мусульманских лидеров — ходжей. Они возглавляли две основные религиозные группировки так называемых бело-горцев и черногорцев. Как считает современный российский историк О. В. Зотов, «поскольку их последователями были даже ханы и царевичи, ходжи вскоре обрели… и огромную светскую власть». Со временем они узурпировали ее. Вначале 80-х годов белогорский Апак-ходжа отстранил Исмаил-хана и встал во главе государства. Заключительные десятилетия XVII века прошли в непрерывной борьбе ханов и ходжей, победителями в ней оказались религиозные деятели. В свою очередь жесткое противостояние белогор-цев и черногорцев с переменным успехом сохранялось до середины XVIII века, когда в регион прибыла маньчжурокитайская императорская армия.

Ранее, к концу XVII века, ханский двор фактически стал вассалом ойратского Джунгарского ханства, о котором говорилось в первой главе. Государство продолжало существовать только потому, что соперничавшие группировки опирались на различные противоборствующие силы ойратов. Светские правители Турфана, так и не допустившие к власти ходжей и добившиеся определенной самостоятельности, устанавливали особые отношения со своими соседями, но продолжалось это

лишь до поры до времени.

Примерно в 5 километрах к северо-востоку от города расположен мавзолей (мазар) вышеупомянутого теолога и политического деятеля Апак-ходжи, это одна из основных достопримечательностей Кашгара. Добирался я до мавзолея на двух автобусах, хотя проще было воспользоваться велосипедом. Построили его еще в конце XVII века, но затем неоднократно ремонтировали, последний раз в 1996 году. Неудивительно, что комплекс выглядит в настоящее время довольно эффектно. Минимальная плата за вход на его территорию— 15 юаней (менее 2 долларов), стоимость полного билета — 30 юаней.

Мавзолей окружает действующее мусульманское кладбище внушительных размеров. Изучая между делом ассортимент сувенирных киосков, я подошел к фотографу. Он показал мне любопытный снимок главного входа, сделанный в I960 году. На нем отчетливо видны многочисленные могилы, ныне отсутствующие. По его словам, в 1977 году их (свыше 300) перенесли на новое место в пределах комплекса. В 2003 году исчезнет в ее современном виде и площадь, где мы беседовали, поскольку в непосредственной близости завершается строительство автотрассы.

История мазара окутана тайной, до сих пор волнующей не только обывателей, но и специалистов в различных странах мира. Предлагают несколько версий событий, разыгравшихся более двух веков назад.

Существует старинное предание, согласно которому в мавзолее погребена любимая наложница императора Цянь-луна, правившего Китаем почти 60 лет в XVIII веке. В детстве внучатая племянница Апак-ходжи получила имя Иперехан, что буквально означает «душистая девушка», за восхитительный аромат, который исходил от ее тела. Со временем она вышла замуж за одного из местных правителей.

В конце 1759 года цинские войска, овладевшие Кашга-рией, пленили красавицу и с почестями доставили в Пекин. Цяньлун был очарован прекрасной магометанкой и приказал оставить ее во дворце. Очень скоро Сянфэй (Благоухающая наложница), как ее отныне стали называть, затмила других женщин в гареме императора, но решительно отвергала его притязания.

Для нее специально построили двухэтажный павильон и небольшую мечеть, прислуживали ей исключительно единоверцы. Напротив павильона, за стенами дворца, вырос мусульманский квартал, радовавший взор восточной красавицы. Однако все старания Цяньлуна были напрасны. Более того, когда кто-нибудь приходил от правителя Поднебесной, Сянфэй вытаскивала

кинжал и произносила: «Если он дотронется до меня пальцем, я всажу ему в сердце кинжал, а потом убью *себя*».

Узнав о конфликте сына с наложницей, мать императора пригласила женщину в свои покои. Сянфэй сказала ей, что не покорится человеку иной религии и навсегда «останется чистой». «Тебе действительно лучше покончить с собой», — согласилась якобы в конце беседы старая женщина. Вскоре непреклонная мусульманка повесилась.

Потрясенный Цяньлун велел облачить ее в богатые траурные одежды, отвезти на родину и торжественно похоронить в Кашгаре. В мавзолее Апак-ходжи можно увидеть гроб с арабскими письменами и паланкин красного цвета, в котором привезли останки Сянфэй.

Кашгарские базары

Впрочем, у этой истории есть и более оптимистическая версия. Фаворитка императора благополучно прожила во дворце 28 лет и умерла в 1788 году от болезни (55 лет от роду). Она постоянно носила национальные костюмы и часто сопровождала Цяньлуна в поездках по стране. Могила Благоухающей наложницы находится на территории Восточных гробниц императоров династии Цин (кит. Цин-дунлин), что в 125 км к востоку от Пекина. В одном из павильонов обширного комплекса в настоящее время размещена экспозиция, посвященная Сянфэй. Ее склеп, как и гробница императора Цяньлуна, был осквернен и разграблен в 1928 году, когда под предлогом проведения военных учений солдаты милитариста Сун Дяньина с помощью динамита разрушили несколько подземных усыпальниц, скрытно вывезли и затем распродали хранившиеся там бесценные сокровища.

Облик кашгарской чаровницы запечатлел итальянский миссионер и художник Джузеппе Кастильоне (1688–1766 гг.), служивший поочередно у трех маньчжурских правителей Китая— Канси, Юнчжэна и Цяньлуна. Ему принадлежит большое количество полотен, на которых нашли отражение важные события из жизни императорского двора.

Итальянец-иезуит (китайское имя Лан Шинин) родился в Милане, где прошел хорошую школу живописи. В 1715 году, по указанию церковных чиновников, он прибыл в Аомэнь (Макао), а затем в Пекин. Познакомившись с работами талантливого мастера, император назначил его придворным художником.

Творчество Дж. Кастильоне оказало серьезное влияние на традиционную живопись Срединного государства.

После его приезда в императорском дворце появились картины, написанные маслом, а также замечательные медные гравюры (всего 16), сделанные при участии других европейских мастеров. Изысканный свиток итальянца «Ваза с цветами» — фактически первый натюрморт, выполненный на китайской земле. Его одаренный ученик Чжан Вэйбан, вдохновленный новаторскими идеями и оригинальными приемами наставника, создал собственный шедевр, картину «Цветы к Новому году». Обе работы сейчас хранятся в Музее Гугун в Пекине.

Дж. Кастильоне предложил при оформлении дворцов и павильонов использовать плафонную роспись, которой в Европе украшали своды соборов и храмов. Художник также принял участие в планировании и строительстве императорского парка Юаныминъюань на северо-западе столицы, разрушенного и сожженного англо-французскими войсками в I860 году.

Возвращаясь к Кашгару, следует заметить, что в его восточной части есть мазар еще одного местного правителя — Али Арслан-хана. Рассказывают, что он огнем и мечом насаждал ислам у своих соседей. Буддийское княжество Хотан не собиралось менять вероучение и всячески сопротивлялось наступлению агрессивных кашгарцев. Сражение, в котором Али Арслан-хан погиб, хотанцы выиграли благодаря совету несторианского священника. Христианин предложил напасть на мусульман рано утром, когда те будут совершать намаз (молитву). Буддисты сумели разбить противника и на какое-то время отсрочили принятие ислама.

Тело правителя похоронили на поле битвы, а голову привезли в Кашгар и поместили в специально отстроенную гробницу. В сентябре 2002 года она находилась в довольно плачевном состоянии: одно из сооружений облюбовали местные «бомжи», многие могилы были разрушены. При передвижении по территории комплекса приходилось постоянно думать о сохранении равновесия, перепрыгивая или обходя самые сложные участки маршрута. Возможно, это связано со строительством шоссе, которое при мне как раз заканчивалось, и у городской администрации просто руки не дошли до памятника старины.

Около полугода во второй половине 50-х годов XIX века пробыл в Кашгаре известный казахский ученый, а также офицер по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири Ч. Ч. Валиханов. Он стал одним из первых представителей России, кто сумел добраться до этих мест, правда, под видом мусульманского купца. По его словам, город активно вовлечен в

торговлю, поскольку через него Средняя и Южная Азия сбывают свои товары в Тибет, Китай и Джунгарию. В продолжение всего года сюда приходят и уходят многочисленные караваны из разных стран, а китайское правительство «при всем своем нетерпении чужеземного наводнения исключило Кашгар из-под общего закона империи».

Торговлю с городом в основном ведут андижанцы, т. е. жители Коканда, Андижана, Намангана и Ташкента, а также бухарцы, персы, индийцы, кашмирские купцы, афганцы и тибетцы. Андижанцы привозят российские товары: изделия из чугуна и железа, сукно, юфть (сорт прочной и мягкой кожи), ситцы и продают их с большой выгодой. Бухарцы специализируются на сушеных фруктах, включая изюм и урюк, винограде и фисташках, полушелковых изделиях, черных и серых каракулевых смушках (шкурка ягненка), мелких мерлушках (мех из шкурки ягненка, молодой овцы) и т. д. Персы поставляют английские ситцы, шелковые материи и ковры, а индийские купцы везут кисею (прозрачная тонкая ткань), камку (старинная шелковая узорчатая ткань) и кашмирские шали. Из Тибета получают пух и медь.

В Кашгаре купцы закупают прежде всего зеленый чай, кожаные изделия, китайский шелк и серебро. Андижанцы приобретают «особый чай в плетушках, называемый сабет, употребляемый с молоком и солью». Ч. Ч. Валиханов отмечал, что жители Средней Азии весьма заинтересованы в связях с Кашгаром, а его торговый оборот «должен быть очень велик» и составляет порядка 10 млн. рублей. Перевозка товаров между Кашгаром и российскими владениями производилась с помощью вьючных животных— лошадей и верблюдов.

Согласно описаниям русских путешественников, Кашгар в XIX веке был главным пунктом торговли России с Синьцзяном. Одновременно здесь осуществлялось наблюдение за активностью англичан в регионе и за контактами местных жителей и администрации с индийскими властями. В 1882 году для решения всего комплекса накопившихся проблем и в соответствии с ранее достигнутой с китайской стороной договоренностью в городе было учреждено русское консульство. Его возглавил авторитетный дипломат и видный ученый-востоковед Николай Федорович Петровский (1837–1908 гг.).

В то время Кашгар, насчитывавший около 20 тысяч домов, окружала глинобитная стена высотой более 10 метров и длиной порядка 12 километров. Ее значительный фрагмент сохранился до сих пор и находится в районе бывшего русского консульства, размещавшегося в северном предместье. Из-за сухости воздуха

улицы были довольно чисты, но узки и неправильной формы, лишь по двум из них, которые считались главными, могли проезжать двухколесные арбы. Ханьцы и уйгуры жили раздельно. Каждая часть города была обнесена стеной. В ханьском, или, новом, городе (тюрк. Янгишаар), проживали немногие купцы и местная администрация, располагался военный гарнизон. В старой части (Кунешаар) на севере обосновались значительно преобладавшие по численности мусульмане, там же была сосредоточена вся торговля.

Важную роль в повседневной жизни Кашгара играли многочисленные караван-сараи (постоялый и торговый двор для караванов в городах и на дорогах). Самый большой был построен на центральной площади Идках, до сих пор примыкающей к соборной мечети с тем же названием, и именовался Андижан-сараем, при нем действовала кокандская таможня. Кунак-сарай занимали маргеланцы, купцы из Шахрисабза и афганцы. Из других караван-сараев наиболее известными были Уратюбинский, занятый бухарцами и таджиками, Яркендский, Аксуйский и еврейский. Скот продавали за городской стеной. Полиция обеспечивала общественный порядок и «благочиние на улицах», а правонарушителей и преступников отправляли в единственную на весь город тюрьму.

Консул Н. Ф. Петровский, внимательно следивший за повседневной жизнью и бытом кашгарцев, отмечал, что в качестве платежных средств они используют монеты и русские кредитные бумаги. Золотая монета — тилля — ходила в двух видах: кокандская и кашгарская; серебряная — теньга — исключительно кашгарская, но в трех вариантах, выпущенных различными местными правителями; китайская медная монета с отверстием посередине — далчина. Кроме того, особой популярностью у торговцев из России пользовались серебряные слитки— ямбы, которые присылали из Пекина в качестве жалованья чиновникам и войскам. Их увозили затем в Кяхту, где покупали у китайцев чай.

Русский кредитный рубль принимали в городе за 8 с половиной тенег, а серебряный рубль — за 9. Российские и местные купцы охотно приобретали кредитные билеты: во-первых, в странах-соседях курсы указанных платежных средств несколько отличались друг от друга; во-вторых, из-за сложной и часто меняющейся внутриполитической ситуации в регионе их было легче хранить и пересылать. Что же касается причины появления в городе серебряных рублей, то ими выплачивалось денежное содержание работникам консульства и конвойной команде, его охранявшей.

Около южных ворот Кашгара находилась шведская духовная миссия в составе 2–3 миссионеров с семьями. Они основали школу для мусульманских детей и больницу. Религиозная пропаганда и обучение, по свидетельствам современников, шли плохо, но врачебная помощь, несмотря на слабую медицинскую подготовку самих миссионеров, была поставлена хорошо и вызывала одобрение со стороны местных жителей.

Город после дождя

Надо сказать, что и православные, жившие в основном у северных ворот города, сталкивались с проблемами религиозного характера. Неподалеку от казарм конвойной полусотни долгое время стояла недостроенная церковь. Со слов подполковника генерального штаба царской армии Л. Г. Корнилова (1870–1918 гг.), «недостаток средств и неуспех ходатайства консула о назначении в Кашгаре православного священника не дали закончить постройки, и в настоящее время (начало XX века. — Н. А.) русская церковь… доведенная уже до куполов, начинает постепенно разрушаться. Для исполнения треб (богослужебный обряд, совершаемый по просьбе самих верующих. — Н. А.) и удовлетворения религиозных потребностей конвоя и русской колонии, численность которой мало-помалу растет, приезжает раз в два года, иногда и реже, священник из Нарынского

укрепления».

Рядом с многострадальной церковью располагалась больница, построенная в 1900 году на пожертвования русских и китайских местных торговцев. Первоначально хотели «открыть для госпитального и амбулаторного лечения» три отделения: мужское, женское и инфекционное, но из-за отсутствия необходимых средств пришлось ограничиться лишь амбулаторией.

Русская колония в Кашгаре проживала на небольшом участке земли между городской стеной и берегом реки Тумень (кит. Туманьхэ). По мнению военных, в оборонительном плане ее расположение было крайне невыгодным, вследствие чего во время восстания ихэтуаней (1898–1901 гг.), изрядно напугавшего всех без исключения иностранцев в Китае, на территории консульства разрушили часть старых зданий и несколько стен, чтобы «немного расширить обстрел».

Зимой 1926 года в город прибыли участники экспедиции Н. К. Рериха, разместившиеся в здании Русско-Азиатского банка. Философ и художник передал их настроение следующим образом: «Люди ждут Кашгар. Все хорошее в Кашгаре называется русским. Хорошие дома— русские; хорошие сапоги — русские; хорошие кони — русские; хорошие телеги — русские».

По свидетельству его сына, видного ученого-востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902–1960 гг.), местные базары, с навесами из мешковины и соломенных циновок, с их шумными и пестрыми толпами, непрерывно перемещающимися вдоль узких рядов, создают впечатление настоящего музея, где исследователь всегда найдет что-нибудь интересное: бухарские и хивинские товары, самаркандские ковры и индийские специи; разноцветные сундуки, которые напоминают аналогичный товар «раннего Ренессанса в городах Италии», активно торговавшей со странами Востока; старомодные очки в массивной оправе, являющиеся обязательным атрибутом престижа и приобретаемые аксакалами независимо от того, нужны они им или нет; россыпи монет и кучи бумажных денег, в том числе индийские рупии, старые русские рубли, китайские банкноты..

С большим чувством юмора описана одна из лавок. Ее владелец специализировался на военных мундирах, в которых любят щеголять местные чиновники и почтенные старцы. Среди множества выставленных сюртуков, кителей, френчей, мундиров Ю. Н. Рерих обнаружил форму учащегося русской высшей школы и «подумал, в какой горный аул или кочевое селение суждено ей попасть, чтобы привести в замешательство этнографа».

Современные городские базары по-прежнему в центре

внимания местного и приезжего люда. Крупнейший из них расположен рядом с соборной мечетью Идках, фотографии которой можно увидеть в любом издании с иллюстрациями, посвященном Кашгару. Возвели ее в 1426 (1442) году, но затем здание много раз расширяли и перестраивали. Нынешнее название она получила в 1798 году.

Самая большая в Китае мечеть занимает площадь 16800 кв. м, ее планировка и оформление достаточно типичны для арабского культового зодчества. Каждую пятницу сюда приходят около 10 тыс. мусульман, на религиозные праздники собирается до 120 тыс. При этом молитвенный зал вмещает 500 человек, а на территории мечети одновременно могут находиться порядка 20 тыс. верующих.

По своему обыкновению я подошел к воротам рано утром. Они были уже открыты, но входной билет приобрести было негде, поскольку кассир еще не подошел.

В просторном дворе посажены цветы и деревья, есть бассейн с водой. Вдоль северной и южной стен отведены специальные помещения для чтения Корана. Для того, чтобы попасть во внутрь молитвенного зала, следовало обратиться к служителю мечети, который охотно откликнулся на прозвучавшую просьбу и буквально через минуту принес ключи. Он обратил мое внимание на резные опорные столбы, изготовленные из дерева: с одной стороны, они создают впечатление прочности и надежности всего здания; с другой — высокое качество обработки строительного материала вызывает ощущение его легкости.

К тому времени, когда я покинул стены старой мечети, проснулся главный городской базар. Торговля стремительно набирала обороты, покупателей становилось все больше. Местные жители-уйгуры — мужчины в подпоясанных чапанах (халат с широкими рукавами, без застежек и воротника) и женщины в закрытых и длинных платьях свободного покроя (многие носят чадру) — не спеша обходили торговые ряды, заглядывали в мастерские по производству всевозможных бытовых предметов. Ю. Н. Рерих отмечал, что Кашгар славится мастерскими, где делают крытые экипажи старинного образца: «Эти причудливые кареты окрашивают в яркие цвета: зеленый, голубой или под охру — и обычно обивают внутри фиолетовым или тем-но-красным бархатом».

Крытых экипажей не увидел, но покидать такой базар с пустыми руками — дело, на мой взгляд, абсолютно несерьезное. В то же время создавать себе дополнительные трудности в дальнейшем передвижении по городам и весям тоже не хотелось, поэтому остановил свой выбор на функциональном товаре —

головном уборе.

Аккуратно расшитые уйгурские тюбетейки очень симпатичны и удобны, однако летом в них немного жарковато. Выбрал сразу две, так как до отъезда в Синьцзян обещал дочери привезти тюбетейку именно из Кашгара. Торг с продавцом занял минут десять. Итоговая сумма — 40 юаней (менее 5 долларов) — в большей или меньшей степени удовлетворила, похоже, обе стороны.

Вспомнив о трудностях холостяцкой жизни и постоянной нехватке кухонного инвентаря, решил прикупить что-нибудь из меди. Мне приглянулся небольшой изящно орнаментированный чайник, к которому тут же подобрал поднос с аналогичным рисунком. Разнообразная медная посуда кашгарского производства не только прочна и долговечна, но и на редкость красива. На базарах ее делают в присутствии посетителей. Правда, если верить гравировке, выполненной на дне приобретенного мною чайника, он изготовлен в Пешаваре (Пакистан), но медник клялся, что сделал его собственными руками. Весь комплект обошелся в 70 юаней. Частенько в московской квартире, бросая взгляд на чудесный чайничек, мысленно возвращаюсь к насыщенным яркими впечатлениями дням, прожитым в радушном Кашгаре.

ГЛАВА 8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ ВОКРУГ СИНЬЦЗЯНА

В Кашгаре предполагал заночевать дважды: до поездки в Ташкурган и накануне отъезда в Кучу. Вопрос выбора места проживания передо мной не стоял, поскольку уже заранее знал, что один из городских отелей, где обычно селятся иностранцы, возведен на территории бывшего русского консульства, а другой — британского дипломатического представительства. О длительном и запутанном противостоянии в регионе Англии и России написано немало интересных книг, поэтому твердо решил остановиться поочередно в обеих гостиницах, чтобы почувствовать атмосферу увлекательных и драматических событий относительно недавнего прошлого и заодно посмотреть, как выглядят старинные здания, если они, разумеется, сохранились.

Гостиница «Цинивак»

Известный в отечественной истории прежде всего по событиям 1917–1918 годов боевой генерал Лавр Георгиевич Корнилов, командированный в чине подполковника в конце 1899 года штабом Туркестанского военного округа в Кашгарию, писал: «В последнюю четверть прошлого столетия Россия и Англия, расширив свои азиатские владения, приблизились к границам Восточного Туркестана. Поэтому история последнего за указанный период тесно связана с историей нашего поступательного движения в Средней Азии и нашего политического соперничества с Англией».

Обширный регион стал ареной ожесточенного политического и торгово-экономического противоборства двух мощных держав. В то же время следует подчеркнуть, что столкновение российско-английских интересов не привело здесь к военному противостоянию, поскольку стороны прекрасно понимали: любой вооруженный конфликт может существенно ослабить позиции обеих сторон.

У отечественных политиков не было каких-либо сомнений относительно того, что Великобритания стремится к созданию в Центральной Азии формально независимых, но находящихся под ее влиянием буферных государств. Их роль в силу особого географического положения должны были выполнять Восточный Туркестан (Синьцзян) и Афганистан. В период правления Якуб-бека в 60—70-х годы XIX века Англия настойчиво старалась сблизиться с ним, пообещав поддержку в борьбе против Китая и России, а затем пыталась максимально усилить его армию с помощью оружия и финансов, для чего в 1870 и 1873–1874 годах были организованы две военные миссии Т. Д. Форсайта.

Во втором случае Якуб-бек, получив крупную партию оружия (до 2200 скорострельных ружей, восемь горных нарезных орудий трехфунтового калибра и др.), заключил со своими западными покровителями договор о свободном передвижении в торговых и иных целях британских подданных с предоставлением прав экстерриториальности в созданном им мусульманском государстве Йеттишар (Семиградье) с центром в Кашгаре. Русские газеты в те дни писали, что «обнародование договора с Якуб-беком кашгарским подтолкнуло большое число английских торговцев на отправление своих товаров в Яркенд, причем купцы надеялись исключить с джетышарских (йеттишарских. — Н. А.) рынков русских фабрикантов, хотя бы для этого им пришлось на первое время и понести убытки».

До своей первой миссии, в октябре 1869 года, Т. Д. Форсайт побывал в Санкт-Петербурге, где провел консультации с канцлером А. М. Горчаковым. Анализ соответствующих

документов показывает: царское правительство тогда очень осторожно подходило к проблеме Синьцзяна. Так, видный русский дипломат и политический деятель отмечал, что «Россия не имеет никаких завоевательских намерений в отношении Кашгара и желает развивать с ним дружеские торговые и соседские отношения, но признать его не может из-за неуверенности в прочности его власти и потому, что он не признан Китаем».

В дальнейшем поставки английского оружия в регион существенно увеличились. По информации капитана генерального штаба русской армии А. Н. Куропаткина (впоследствии генерал от инфантерии), возглавлявшего в 1876–1877 годах дипломатическую миссию в Синьцзян и позднее издавшего интересную книгу «Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля» (была награждена золотой медалью Русского географического общества), в армии Якуб-бека имелось до 8000 энфильских нарезных ружей со штыками и около 4000 скорострельных ружей, поступивших из Англии.

В отчетах посольств и миссий, в разное время побывавших у Якуб-бека, много упоминаний о британских военных инструкторах в его армии, но нет точных сведений об их общей численности. Колониальные власти в Индии всячески пытались сохранить в тайне какую-либо информацию о деятельности своих агентов в Синьцзяне. С этой целью англичане, как правило, направляли туда квалифицированных военных инструкторов из числа местных жителей северо-запада Индии и Афганистана.

Сбором разведывательных данных занимались пандиты (санскр. пандита, букв, — ученый), т. е. лица, завербованные в странах Центральной Азии и прошедшие специальную подготовку в Восточной Индии. Под видом торговцев, паломников или странствующих монахов они присоединялись к караванам, следовавшим в нужном для них направлении, и с помощью искусно спрятанных геодезических приборов производили топографические съемки, вели разведку. Такая работа шла не только в Синьцзяне, но и в Тибете, Афганистане, других соседних регионах. В целях конспирации пандиты не имели имен и фамилий, у них были лишь порядковые номера и инициалы.

Англичане также активно содействовали сближению Османской империи с Якуб-беком. Из Стамбула в Кашгар были направлены военные инструкторы и значительные партии оружия. Например, в 1875 году посланник Якуб-бека получил в подарок от турецкого султана 1000 ружей. Русские офицеры собственными глазами видели в Кашгаре занимавшихся

обучением местных артиллеристов и кавалеристов турецких инструкторов. Они были одеты в мундиры с контрпогонами и галунами-наугольниками от локтей до обшлагов, белые брюки, европейские сапоги, на их бритых головах были надеты меховые остроконечные шапки. Указанные события происходили накануне русско-ту-рецкой войны 1877–1878 годов и по понятным причинам вызывали дополнительную нервозность в Санкт-Петербурге.

Нелишне в данной связи напомнить, что в стремлении предотвратить захват Якуб-беком Таранчинского ханства с центром в Кульдже (Инин) и не допустить расширения английского влияния на территорию Средней Азии русская армия летом 1871 года заняла Илийский край. Войска затем почти полностью покинули его в соответствии с Петербургским договором, подписанным Россией и Китаем в 1881 году. Согласно этому документу и соответствующим торговым соглашениям, русские купцы получили значительные льготы в Синьцзяне.

С падением Якуб-бека и по мере укрепления в регионе китайских позиций активность англичан здесь несколько поутихла. Однако уже в 1890 году в Кашгар прибыла миссия во главе с капитаном Фрэнсисом Янгхасбэндом. Ее главными задачами были учреждение консульства для упрочения в регионе британского влияния и, как докладывал Л. Г. Корнилов, «завершение идеи создания из Кашгарии и Афганистана непрерывного буфера между Индией и нашими владениями» путем раздела «китайцами и афганцами» Памира. Консульство тогда не удалось открыть по причинам бюрократического характера, а проблему Памира отложили на более поздний срок после энергичных шагов, предпринятых царским правительством.

Вынужден признать, что расположенный на территории бывшего британского консульства гостиничный комплекс «Цинивак» (кит. Цинивакэ биньгуань), название которого мне перевели как «красивый сад», понравился больше. Он находится в северной части города, совсем неподалеку от того места, где размещалось русское дипломатической представительство. Главное здание отеля немного пугает количеством звезд, роскошными коврами и завораживающим комфортом, которые турист с рюкзаком, постоянно переезжающий из одного населенного пункта в другой, как правило, не готов оплатить. Однако в ста метрах от него призывно белеет весьма демократичное пятиэтажное здание, построенное не так давно, а значит, с относительно удобными и недорогими номерами.

Стоимость трехместного номера со стандартным набором услуг в сутки составляет 120 юаней (чуть менее 15 долларов); при

путешествии в хорошей компании можно считать, что даром. Внутри корпуса есть очень симпатичный холл, прозрачные лифты, поддерживаемая на определенном уровне чистота, любезный и квалифицированный персонал.

После знакомства с одним из работников администрации я мучительно долго задавал ему вопросы о расположении старинных памятников и транспортных развязках в городе на китайском и английском языках с использованием отдельных татаро-уйгурских слов, пока он, наконец, выяснив, что я приехал из Москвы, не предложил поговорить на русском, который несколько лет назад изучал в университете, но стал забывать. К сожалению, воспользоваться в полном объеме столь неожиданным подарком судьбы мне не удалось, так как вскоре надо было уезжать.

Ближе к вечеру, устроившись в гостинице, я отправился на поиски зданий конца XIX— начала XX века. Во время вышеупомянутой миссии Ф. Янгхасбэнда у англичан возникли некоторые проблемы с определением статуса британского представительства в Кашгаре, которые, вероятно, любопытны для специалистов, но вряд ли заинтересуют читателя. С учетом данного фактора можно смело утверждать, что реальным генеральным консулом Англии в те годы был Джордж Макартни, выполнявший надлежащие функции в течение 28 лет — с 1891 по 1919 год.

Многие европейцы, останавливавшиеся в резиденции, называли ее Чини Баг (англ. Chini Bagh), отсюда, похоже, и нынешнее наименование гостиницы. Здесь в конце 1905 года жили А. фон Ле Кок и Т. Бартус, участники же первой немецкой научной экспедиции (1902–1903 гг.) во главе с А. Грюнведелем предпочли русское консульство. Одной из причин указанного решения А. фон Ле Кока было то обстоятельство, что он неплохо знал английский язык, поскольку учился в Великобритании, но не умел говорить по-русски. Кроме того, немец, по его словам, «не имел желания отдавать себя во власть такого правителя-тирана», имея в виду консула Николая Федоровича Петровского.

В начале XX века это было единственное британское консульство в Синьцзяне. Формально оно прекратило свое существование в 1945 году, на самом деле англичане лишь сменили на нем вывеску. В результате появилось «Консульство Индии и Пакистана». Несмотря на освобождение этих стран в 1947 году от английского господства и провозглашение их независимости, указанное представительство продолжало функционировать до 1954 года.

Китайский ресторан в британском консульстве

Мне трудно судить, как выглядело консульство сто лет назад, но в настоящее время на обширной территории уже гостиничного комплекса есть одноэтажное старое здание, построенное в европейском стиле. В нем размещены несколько залов, кухня и подсобные помещения престижного ресторана. Рядом установлена табличка на китайском и английском языках, а в 15–20 метрах растет огромное дерево— свидетель очень важных событий, который, увы, никогда не расскажет о том, что происходило вокруг.

Гостиничные корпуса, возведенные на земле, где некогда располагалось русское консульство, на английском языке называют «Seman» (кит. Сэмань биньгуань). Здесь большой выбор дешевых комнат от 15 юаней (менее 2 долларов) за койку и выше,

но более или менее приличных двухместных номеров с удобствами в пределах 10–12 долларов за сутки практически нет. В то же время обслуживающий персонал и в этой гостинице демонстрирует максимум корректности и доброжелательности.

Узнав, что я приехал из России, администратор предложил посмотреть два одноэтажных здания бывшего русского представительства. Неплохо отреставрированный дом отдан под VIP-гостиницу. В ней всего семь номеров, стилизованных под старину: два из них — апартаменты (по 500 юаней), еще пять — стандартные двухместные номера (по 200 юаней). Цены вполне приемлемые, но открыта она прежде всего для клиентов, приезжающих в составе организованных групп. В последние годы, например, здесь останавливались американские и британские дипломаты. Особенно впечатлила просторная гостиная с добротной мебелью. Только вот написанная на сюжет из древнегреческой мифологии (очередной подвиг Тесея) картина, которая там висит, — весьма посредственна. Что же касается другого здания, то в нем, со слов моего спутника, расположились прачечная и туристическая фирма.

В русском консульстве регулярно останавливался Свен Гедин. Так, после неудачной попытки штурмовать вершину Мустагаты в Восточном Памире, когда у шведа началось острое воспаление глаз, сопровождавшееся сильными болями, в мае-июне 1894 года он жил в доме консула Н. Ф. Петровского, которого хорошо знал и всегда восторженно о нем отзывался. По его словам, «Петровский — один из милейших и любезнейших людей в свете; беседа с ним доставляла мне столько же пользы, сколько удовольствия, так как он человек науки в полном смысле слова, и сделанные им в окрестностях Кашгара открытия… имеют большое значение для археологии и истории».

К тому времени Н. Ф. Петровский проработал в Кашгаре уже 12 лет. Высокопоставленный дипломат и ученый активно интересовался прошлым региона, археологическими памятниками и находками, собрал превосходную коллекцию древних реликвий, прекрасную библиотеку русских и западноевропейских изданий по Востоку, поддерживал тесные контакты с ведущими отечественными востоковедами, в частности с В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом. Последний считал консула первым специалистом, который заставил ученый мир обратить деятельное внимание на научные памятники Восточного Туркестана. Согласно свидетельствам современников, Н. Ф. Петровский полюбил Кашгар «за его неисчерпаемые археологические и исторические сокровища».

Большинство европейцев, обитавших в округе, частенько

посещали дом консула— «лучшую точку опоры для путешественника по внутренней Азии». «Я занимал, — пишет С. Гедин, — уютный павильон в саду и после завтрака бродил в тени тутовых деревьев и платанов по террасе, с которой виднелись пустынные области, через которые лежал мой путь далеко на восток. Моими постоянными сотоварищами были ласточки, которые свили себе гнезда под крышей и свободно влетали в комнаты и вылетали из них в открытые окна и двери; погода стояла такая теплая, что окна и двери не закрывались ни днем, ни ночью… Я прилежно работал в своем павильоне и написал несколько статей. Вообще я чувствовал себя превосходно».

Персонал российского консульства в те годы состоял из самого консула, его супруги, секретаря, двух офицеров, таможенного чиновника и 50 казаков. Интересно, что когда путешественник был принят главой местной администрации (кит. даотай) господином Шанем, то тот подчеркнул: в Кашгаре есть два начальника, — он и русский консул. Поэтому он предлагал С. Гедину, поселившемуся по прибытии в город в консульстве, остановиться и у него, как того «требовала справедливость». Однако ученый лишь поблагодарил за оказанную честь.

В августе 1899 года Н. Ф. Петровский, проживавшие в Кашгаре русские, а также конвой казаков встречали его на подъезде к городу. С. Гедин направлялся тогда в район озера Лобнор и был озабочен проблемами завершающего этапа подготовки к длительному переходу. В очередной раз «благодаря опытности и всесильному влиянию генерального консула… и его чрезвычайной любезности, все устроилось как нельзя лучше». С разрешения туркестанского генерал-губернатора для сопровождения главного каравана из консульского конвоя были выделены казаки Сыркин и Чернов, оказавшие в дальнейшем неоценимую помощь экспедиции.

После свержения царизма и Октябрьской революции 1917 года в России ситуация вокруг Синьцзяна оставалась достаточно сложной. В условиях революционного подъема в Средней Азии и заметной напряженности в отношениях между неханьским населением и китайскими властями в соседнем регионе ряд руководителей партии большевиков и военачальники Красной Армии ратовали за активизацию действий в восточном и южном направлениях. По их мнению, Синьцзян мог сыграть важную роль в расширении борьбы угнетенных народов Центральной и Южной Азии против английских колонизаторов.

В августе 1919 года Л. Троцкий выступил за организацию военного похода в Индию и Афганистан, чтобы инициировать

«пожар мировой революции». Как бы развивая данную тему, в 1921 году российские дипломаты, направившие из Кашгара отчет ташкентскому представительству Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), подчеркивали, что «упорное стремление в Индию обусловлено общеизвестными задачами… Кашгария в настоящий момент служит для английского капитала заслоном против красного поветрия в Северо-Западной Индии, а для нас воротами в нее». Далеко идущие планы не были реализованы, поскольку в конечном счете возобладала точка зрения здравомыслящих политиков.

Так, члены политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании 4 июня 1921 года рассмотрели «предложение Я. Э. Рудзутака об образовании республик Кашгарской и Джунгарской». Оно возникло в связи с тем, что в ходе операции частей Красной Армии по разгрому остатков колчаковских войск, отступивших на территорию Синьцзяна, местные революционно настроенные силы, «стремившиеся сбросить гнет милитаристов, выдвинули идею создания отдельных Кашгарской и Джунгарской республик». Против указанного предложения решительно высказался нарком Г. В. Чичерин, поддержанный В. И. Лениным. Вопрос тогда был закрыт, но сторонники «экспорта революции» в многонациональную провинцию уступать не собирались.

Особое упорство здесь проявили отдельные представители Коминтерна. Они способствовали организации в сентябре 1922 года 1-го съезда уйгурских коммунистов Семиречья и 2-го областного съезда революционных союзов «Уйгур», состоявшихся в Алма-Ате. Участники акций избрали и направили общую делегацию на 4-й конгресс Коминтерна. Предпринимались попытки через лиц, прибывших из Синьцзяна в советские учебные заведения, установить более тесные связи с регионом, создать там подпольные структуры с последующим преобразованием их в революционную партию. На 1923 год было запланировано проведение «съезда революционеров Синьцзянской провинции Китая», но от затеи пришлось отказаться.

О взвешенности и четкости позиции НКИД свидетельствуют материалы дипломатической миссии, которая вела переговоры с главой администрации Кашгара. Согласно представленному докладу, восстание «вызвать легко», имея в виду «особенно исламистов», однако «насколько легко вызвать взрыв, настолько же трудно будет направить социально-политическую стихию в соответствующее русло»; «население Кашгарии отличается феноменальной темнотой… и ненавистью ко всему, что связано с «кяфирами» (неверными. — Н. А.); «не нужно быть пророком, дабы предсказать, что национально-революционный удар пан-

тюркистов обрушится не только на китайцев, но и на нас».

НКИД, естественно, действовал строго в соответствии с указаниями руководства компартии. В этой связи заслуживает внимание пункт соответствующего постановления политбюро ЦКВКП(б) от 17 февраля 1927 года, который гласил: «Считать совершенно вредными недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции». Избранный курс на поддержание стабильных и взаимовыгодных связей с регионом позволил СССР гибко реагировать на бурные изменения, происходившие в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века как в Синьцзяне, так и в Китае в целом.

Переворот 12 апреля 1927 года, осуществленный Чан Кайши, и сформирование в Нанкине правительства под его руководством, оказали непосредственное воздействие на советско-китайские отношения. От гоминьдановских лидеров на различных уровнях поступили указания о свертывании и ликвидации всех форм сотрудничества между двумя странами. Столь резкие метаморфозы не могли не сказаться и на внешних связях Синьцзяна, но местные власти не торопились выполнять сомнительные директивы из центра.

Генеральный консул СССР в Синьцзяне Гавро информировал Москву: губернатор провинции Ян Цзэнсинь в частной беседе заявил, что никакие приказы, идущие вразрез с интересами региона, он выполнять не будет и намеревается «укрепить еще больше нашу дружбу». С его слов «ни о каких разрывах наших отношений речи не может быть. Синьцзян настолько связан тесно экономически и географически с Советским Союзом, что надо быть очень недалеким для того, чтобы самому окружить себя неприятелями вместо друзей. Если этого не понимают гоминьдановцы и наши враги-англичане, которых я считаю инициаторами данного дела, то мне, во всяком случае, это понятно».

Такого рода высказывания подтверждались конкретными делами. Одновременно следует подчеркнуть, что личные качества Ян Цзэсиня вызывали неоднозначные оценки у современников. Многие представители интеллигенции отзывались о нем весьма негативно. Рассказывали о его самодурстве и страсти к политизированным петушиным боям, о совершаемых по приказу губернатора злодейских убийствах и жестоких пытках, а Н. К. Рерих, например, считал, что методы его управления «не должны быть забыты в курьезах истории».

7 июля 1928 года в результате обострившейся междоусобной борьбы Ян Цзэнсинь был убит. Сменивший его Цзинь Шужэнь не

имел соответствующего влияния и необходимой поддержки в Синьцзяне, но сумел сохранить преемственность в принятии важных политических решений, непосредственно затрагивавших отношения с Советским Союзом.

В 1931–1934 годах регион уже охвачен восстанием, поднятым значительной частью мусульманского населения. Большинство повстанцев на первом этапе составляли уйгуры, но в дальнейшем к ним присоединились представители дунган, казахов, киргизов, узбеков и других национальностей. Возникшую ситуацию попытались использовать в собственных интересах прежде всего Англия и Япония, а также Турция и ряд арабских государств.

Как писала американская пресса в те дни, «японцы посылают деньги и оружие мусульманским северным племенам», а «южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают директивы от английских агентов в Кашгаре». Французская «Эр нувель» в статье, опубликованной 8 апреля 1934 года, утверждала, что инсценировка «пантюркистского движения» в Синьцзяне — работа «британских и японских агентов».

К восставшим примкнули отряды известных деятелей басмаческого движения, в свое время бежавших под ударами Красной Армии на территорию Китая, в том числе Джаныбека, Кушмата, Саты Волды и др. В районе Кашгара активность проявляли несколько десятков тысяч киргизов, эмигрировавших из СССР в начале 30-х годов. После того как во главе движения встал молодой и самолюбивый генерал Ма Чжунъин из соседней провинции Ганьсу, ранее объединивший под своим командованием значительные силы дунган, правительственные войска в Синьцзяне потерпели ряд чувствительных поражений и отступили к Урумчи.

Город оказался в чрезвычайно сложном положении. Вот как описывает те дни участник сражения: «В январе буря разразилась, и на Урумчи обрушились мусульманские полчища. Произошло страшное побоище, и общественные здания были использованы как лазареты для раненых… Бой продолжался много дней; и когда город был осажден десятью тысячами мятежников, в него не было доступа в течение шести недель. Рассказывали, что там были убиты тысячи людей, а поле битвы вокруг города являло собой зрелище, которое невозможно забыть».

Важную роль в обороне Урумчи и всей Джунгарии на первом этапе мусульманского восстания сыграли бывшие белогвардейцы, перешедшие границу с Китаем после поражения в гражданской войне, а также русские беженцы, которые, по свидетельствам очевидцев, «беспрерывным потоком» в 30-е годы прошлого века (до зимы 1933 года) шли из голодавшей тогда России. Многие из

них осели в трех округах Синьцзяна— Илийском, Тарбагатайском и Алтайском, где «рынок изобиловал товарами», «была, хотя и отсталая, но мирная, спокойная жизнь».

В условиях непрекращающихся массовых выступлений мусульман Цзинь Шужэнь обратился за помощью к офицерам из армии небезызвестного атамана А. И. Дутова (убит в Синьцзяне в 1921 г.). Вскоре возник первый отряд добровольцев, получавших от местных властей специальные пособия. Летом 1932 года его командование приняло решение сформировать еще два полка и объявило всеобщую мобилизацию русских в возрасте от 18 до 55 лет. Эти войска сумели отбить мощное наступление на приграничный Чугучак и усмирить восставших в Кульдже. В упомянутых городах колонии русскоязычного населения были особенно многочисленны.

События в Синьцзяне приняли для центра еще более угрожающий характер в феврале 1933 года, когда действовавший в Хотане «Уйгурский комитет за национальную революцию» образовал так называемое временное правительство; его возглавил некий Сабит Дамолла — панисламист, связанный с англичанами. Еще в 20-х годах он совершил паломничество в Мекку и на обратном пути задержался в Каире, где установил тесные контакты с британской разведкой.

Перебравшись в Кашгар, 12 ноября 1933 года новоявленные функционеры провозгласили создание «независимой Тюрко-Исламской Республики Восточного Туркестана» (ТИРВТ) и тут же развернули масштабную работу по обеспечению ее дипломатического признания со стороны Великобритании и соседних мусульманских стран.

Сепаратисты не без оснований полагали, что реальную помощь им может оказать именно Англия, заинтересованная в создании своеобразного санитарного кордона между Индией и Советским Союзом, а также в укреплении своих позиций в регионе, богатом природными ресурсами. В свое время Сабит Дамолла и его соратники в послании британскому консулу в Кашгаре Томпсон-Гловеру клятвенно заверяли, что «всегда готовы наряду с другими находиться под тенью великого британского правительства». Однако скорое фиаско сорвало их планы. Кстати, супруга англичанина была ранена в плечо во время уличных боев в Кашгаре весной 1934 года. Тогда же погиб врач дипломатического представительства Великобритании.

Восстание в Синьцзяне не было полной неожиданностью для советских руководителей. Следует отметить, что оно с самого начала создавало для них объективные трудности, ибо СССР, с одной стороны, стремился к поддержанию стабильности на своих

границах, с другой — не хотел терять недавно приобретенное лидерство в мировом революционном и национально-освободительном движении. Последний тезис особенно энергично эксплуатировали в Коминтерне.

Современный отечественный историк В. А. Бармин считает, что именно поэтому возникла некоторая заминка с определением позиции. Однако она вовсе не означала перехода советской дипломатии к тактике пассивного выжидания. Тем более, что комплексный анализ ситуации в регионе очень скоро позволил сделать четкие выводы и предпринять конкретные шаги.

Прогнозируя ход событий в случае успеха восстания, разведывательное управление Красной Армии докладывало: «Дальнейшее развитие повстанческого движения может привести к уничтожению китайской власти в Синьцзяне и попыткам создания мусульманского государства. Необходимо иметь в виду, что такие попытки неизбежно приведут к длительной борьбе за автономии (казахские, монгольские, киргизские, дунганские, уйгурские), причем не исключена борьба за автономию и среди уйгуров — между Хота-ном и Кашгаром. Подобная обстановка будет использована англичанами для расширения их влияния в Кашгаре, ликвидации нашего влияния в Синьцзяне и создания угроз нашим границам».

Реагируя на эту и аналогичную информацию, поступавшую от спецслужб и дипломатических представительств, политическое руководство СССР во второй половине 1931 и первой половине 1932 года предоставило синьцзянскому правительству крупные партии оружия, в том числе боевые самолеты, окончательно закрыв вопрос об оказании какой-либо помощи повстанцам.

Зимой 1932/1933 года Москва предприняла неординарные шаги, позволившие в решающий момент отбить наступление на Урумчи. По решению политбюро ЦКВКП(б) с Дальнего Востока были переброшены 4 тысячи китайских кадровых военных под командованием генерала Сун Бин-вэя, которые ранее сражались с японцами в Маньчжурии и отступили на территорию Советского Союза, где их интернировали. Маневр оказался удачным, опытные войска помогли отстоять административный центр провинции.

Весной 1933 года в регионе произошла очередная смена власти. Согласно официальной версии, армейские чины отстранили Цзинь Шужэня, а пост главы администрации занял дубань (начальник) Шэнь Шицай, человек, как потом стало ясно, небесталанный и предприимчивый. Однако участники боевых действий из числа белогвардейцев не без оснований полагали, что именно они организовали удавшийся переворот, поскольку

прежний губернатор «не выполнял условий по снабжению русского отряда оружием и боеприпасами».

В книге Ю. Понькина «Путь отца», опубликованной в конце 90-х годов прошлого века в Сиднее (Австралия), описаны дальнейшие шаги командира отряда П. П. Папенгуда и его штаба: «Их выбор пал на молодого, недавно произведенного в генералы Шэнь Шицая, окончившего японское военное училище… Предложение стать дубанем Синьцзяна, которое ему, вероятно, и не снилось, он сразу же принял, но для Папенгуда и его штаба их выбор оказался роковым».

Новый правитель сразу объявил о шести принципах политики своего правительства, предусматривавших борьбу с империализмом, дружбу с СССР, расовое и национальное равенство, борьбу с произволом и взяточничеством, борьбу за мир и строительство новой экономики Синьцзяна. Затем последовали обнародование программы действий и переговоры с влиятельным лидером повстанцев Ходжой Ниязом. Выполнив ряд первоочередных требований уйгуров, дубань сумел заметно ослабить позиции восставших и добился раскола в их рядах.

Вскоре он обратился за военной помощью к Москве, которая фактически уже сделала свой выбор. Вместе с тем она приветствовала заявление новой администрации о готовности осуществить серьезные преобразования, и ей, разумеется, импонировала просоветская риторика Шэнь Шицая. В ноябре 1933 года в провинцию была направлена Алтайская добровольческая армия, куда вошли части различных родов войск Красной Армии. Ее командованию подчинялись также части «натурализовавшихся русских» из бывших белогвардейцев и беженцев периода насильственной коллективизации в деревне, которым обещали амнистию, возвращение на родину и советское гражданство в случае успешного завершения операции.

Основные силы повстанцев были разгромлены за полгода. Отступая на юг, армия Ма Чжунъина в начале 1934 года вступила в Кашгар — оплот сепаратистов из ТИРВТ, после чего самопровозглашенная республика практически прекратила свое существование. Ее руководство позднее было окончательно разогнано или арестовано уйгурами Ходжи Нияза, который шел по пятам Ма Чжунъина и вслед за ним занял Кашгар.

В апреле 1934 года правительство СССР приступило к выводу Алтайской добровольческой армии, но, «учитывая настойчивую просьбу» Шэнь Шицая и его намерение «в кратчайший срок закрепить результаты победы», политбюро ЦКВКП(б) согласилось оставить в регионе на непродолжительный срок «конную группу с батареей» общей численностью в 350 человек.

Войска, покидая Синьцзян, передали китайской армии всю материальную часть. Кроме того, большую помощь местным властям на заключительном этапе боевых действий против повстанцев оказали советские военные советники и инструкторы. К началу 1935 года последние подразделения Красной Армии покинули провинцию.

Летом 1937 года японские милитаристы приступили к широкомасштабной агрессии против Китая. В соответствии с принципами своей внешней политики СССР уже 21 августа заключил с ним договор о ненападении, который создавал международно-правовую базу для оказания советской стороной чрезвычайной помощи ближайшему соседу.

Китайское руководство вскоре обратилось с просьбой о содействии в строительстве автомобильной трассы Сары-Озек (Казахстан) — Урумчи — Ланьчжоу (административный центр провинции Ганьсу) протяженностью около 3 тысяч километров. Эта транспортная артерия должна была стать основным маршрутом переброски военно-стратегических грузов из СССР во внутренние районы Китая. Несмотря на огромные трудности природно-климатического и производственного характера китайские рабочие под руководством советских специалистов завершили ее строительство к концу 1937 года, что позволило своевременно организовать доставку на советских автомобилях всего самого необходимого.

Длина участка по территории СССР не превышала 250 километров — от Сары-Озека через Джаркент (Панфилов) до поселка Хоргос на границе с Синьцзяном. По воспоминаниям моего отца, служившего в Казахстане в 1945–1949 годах, даже после окончания Великой Отечественной войны его бесперебойное функционирование обеспечивало крупный воинский контингент, и дорога отнюдь не утратила своего стратегического значения.

Для выполнения подписанных двумя государствами соглашений о предоставлении помощи Китаю в Синьцзяне в конце 30-х— начале 40-х годов находились несколько тысяч советских граждан, в том числе военнослужащие. Они строили там заводы, работали на оборонных предприятиях, участвовали в разработке нефтяных месторождений, занимались подготовкой квалифицированных кадров для китайской армии, обслуживали и охраняли упомянутую автотрассу, выполняли другие поставленные задачи. Когда на юге провинции в апреле 1937 года вспыхнул очередной вооруженный мятеж на национальной почве, по просьбе китайской стороны в район противостояния были срочно переброшены несколько полков НКВД и Красной Армии, которые в течение лета и осени разгромили силы повстанцев, а в январе 1938 года покинули Синьцзян.

На фоне весьма объемной и разносторонней помощи, оказываемой СССР, местная китайская администрация всячески демонстрировала лояльность к Москве, но при этом максимально учитывала происходившие там внутриполитические изменения. Шэн Шицай, хорошо осведомленный о сталинских репрессиях, поспешил развернуть борьбу с «троцкистами» и у себя в регионе, объявив руководителем троцкистской организации генерального консула Советского Союза в Синьцзяне. Среди арестованных оказались авторитетные провинциальные работники, представители компартии Китая.

Любопытный эпизод произошел во время конфиденциальной беседы советского руководства (И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов) с Шэн Шицаем в Кремле 2 сентября 1938 года. И. Сталин, ознакомившись с развитием ситуации в провинции, спросил, «есть ли в Синьцзяне троцкисты». Дубань уверенно ответил, что «троцкисты были, но он всех их арестовал».

На указанной встрече китайский чиновник обратился с

просьбой о вступлении в ВКП(б), заявив, что это его «давнишняя мечта». Неожиданный поворот в разговоре вызвал у его собеседников некоторое замешательство. И. Сталин в принципе не возражал, однако К. Ворошилов подчеркнул, что данное обстоятельств может повредить Шэн Шицаю, поскольку «и Чан Кайши, и посол Ян (китайский посол в Москве. — Н. А.), узнав об этом, будут очень недовольны». Правитель Синьцзяна обещал хранить тайну и в обстановке строгой секретности стал членом коммунистической партии СССР.

Военные неудачи Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны вызвали неадекватную реакцию у многих гоминьдановских лидеров, включая Чан Кайши. Они, видимо, посчитали, что поражение СССР неизбежно, и решили всецело переориентироваться на США. Советская сторона в тот период не могла осуществлять поставки оружия в Китай на прежнем уровне, хотя предпринимала большие усилия по выполнению обязательств, предусмотренных соглашениями 1938–1939 годов.

Правительство Чан Кайши резко активизировало свою деятельность в Синьцзяне, продемонстрировав намерение усилить роль центрального руководства. Оно решило кардинально перестроить сложившиеся в регионе советско-китайские отношения, изменить структуру управления совместными предприятиями, отказаться от выполнения ряда давно заключенных и эффективно действовавших контрактов, ослабить советские позиции в торговле.

Шэн Шицай, увидев, что гоминьдановская верхушка ему не доверяет и готова в любой момент убрать его из Синьцзяна, быстро перестроился и от прежних заверений в любви и преданности Советскому Союзу перешел к откровенно враждебным действиям. По его приказу были арестованы и казнены видные деятели КПК, в том числе брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь и др.; последовала серия наглых выходок в отношении граждан СССР, включая работников советских учреждений и представительств; местные власти запретили продажу им промышленных товаров и продовольствия; обострилась обстановка на границе.

Однако антисоветское усердие дубаня не принесло ему заметных дивидендов, 31 августа 1944 года Чан Кайши убрал его из Синьцзяна, поставив другого губернатора, а спустя некоторое время направил в регион с особой миссией опытного генерала Чжан Чжичжуна. Генерал попытался рассеять возникшие в Москве опасения по поводу проникновения в регион американцев и англичан, их подрывной деятельности против СССР. Еще раньше, 12 мая 1944 года, Чан Кайши в беседе с советским послом

А. С. Панюшкиным признал, что в Синьцзяне «наделано много досадных ошибок», и выразил уверенность, что наступят перемены, все недоразумения постепенно будут урегулированы.

Изменения в риторике гоминьдановцев легко объяснимы. Победа Советского Союза в войне уже ни у кого не вызывала сомнений, а провинция вновь оказалась на пороге грандиозных социальных потрясений. Очередное восстание началось осенью 1944 года после того, как местная администрация издала указ о реквизиции у населения 10 тысяч лошадей на военные нужды. Он затрагивал в первую очередь интересы кочевников-скотоводов, чье недовольство активно поддержали представители уйгуров, дунган, узбеков и других национальностей.

На территории Илийского, а позднее Тарбагатайского и Алтайского округов было провозглашено создание Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) и образовано временное правительство. Движение охватило Яркендский и Кашгарский округа, повстанцы реально угрожали провинциальному центру, положение китайских властей в Синьцзяне стало критическим.

Советское руководство с учетом возникшей ситуации в регионе и складывавшихся отношений с правительством Чан Кайши в целом достаточно позитивно отреагировало на выступление коренных народов провинции, но в то же время постоянно контролировало деятельность их политических лидеров. После вступления в войну против Японии 8 августа 1945 года и подписания спустя шесть дней договора о дружбе и союзе с Китайской Республикой оно призвало повстанцев отказаться от чрезмерных требований и предприняло ряд конкретных шагов в этом направлении.

17 сентября 1945 года враждующие стороны прекратили военные действия, что создало благоприятную обстановку для переговоров, начавшихся в октябре того же года в Урумчи. Они шли очень сложно и продолжались с перерывами около восьми месяцев, в июне 1946 года было подписано мирное соглашение из 11 пунктов.

Документ предусматривал выборность местных органов власти в Синьцзяне, полную свободу развития национальной культуры и языков, свободу печати, собраний и слова, формирование национальных воинских частей, прекращение гонений на прогрессивные и демократические элементы, свободу религий и т. д., а также создание коалиционного правительства в провинции в составе 25 человек. Из них 15 — выдвигались коренным населением и подлежали окончательному утверждению центральным правительством Китая, на остальные 10 мест оно назначало ханьцев. Возглавил местную администрацию Чжан

Чжичжун, заместителями стали Ахмеджан Касымов и Бурхан Шахиди. В ее состав вошли и другие лидеры повстанцев.

В соответствии с мирным соглашением временное правительство ВТР передало свои полномочия вновь образованной управленческой структуре. Вооруженные силы бывшей республики предполагалось сократить на треть и перевести под командование провинциальных властей. Шесть ее полков были размещены в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах. В дальнейшем на развитие событий в регионе решающее влияние оказал перелом в ходе гражданской войны в Китае 1946–1949 годов. Как заявляли позднее китайские коммунисты, восстание нанесло «сокрушительный удар по реакционному господству гоминьдана» в регионе и способствовало «мирному освобождению всех народов Синьцзяна».

Теракты, совершенные 11 сентября 2001 года в США, вызвали мощнейший резонанс в мире. Они привели не только к созданию антитеррористической коалиции в глобальном масштабе с последующим военным вторжением и боевыми действиями в Афганистане, но и интенсивной разработке ключевых международных конвенций, принятию региональных деклараций, внесению существенных корректив в национальные законы. Пекинское руководство решительно поддержало усилия мирового сообщества в борьбе с терроризмом и одновременно обратило самое пристальное внимание на внутриполитические проблемы аналогичного содержания.

КНР на протяжении длительного времени сталкивается с мусульманским экстремизмом на северо-западе. Власти не скрывают, что острие нынешней борьбы с терроризмом направлено против уйгурских сепаратистов, выступающих за создание на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района независимого исламского государства «Восточный Туркестан». Сабит Дамолла и его сообщники в 1933 году действительно создали опасный прецедент, воодушевивший и, к сожалению, вдохновляющий до сих пор местных раскольников.

В 90-е годы сепаратисты резко активизировали свою деятельность. Китайские лидеры убеждены, что автономный район стал объектом постоянной противоправной деятельности мусульманских экстремистов, находящихся как внутри страны, так и за ее пределами. Летом 2000 года российские СМИ сообщали о китайских уйгурах, воевавших на стороне чеченских бандформирований. Постоянно поступают сведения об их причастности к различным преступлениям в странах Центральной и Южной Азии.

Осенью 2000 года правоохранительные органы Казахстана в ходе оперативно-следственных мероприятий по раскрытию убийства двух офицеров полиции, совершенного в Алма-Ате 23 сентября, вышли на четырех уйгуров — граждан КНР, которые снимали квартиру на первом этаже жилого дома в центре города. Во время операции по задержанию те оказали отчаянное сопротивление с применением автоматического оружия, гранатомета и ручных гранат, ранив шестерых полицейских. Сдаваться они не собирались, поэтому было принято решение об их физическом уничтожении. Китайская сторона полностью поддержала предпринятые действия.

Индийская газета «Хиндустан тайме» 21 февраля 2001 года писала, что национальные силы безопасности столкнулись в штате Джамму и Кашмир с исламскими боевиками из Синьцзяна. В плен попали сразу несколько фундаменталистов, которые на допросах показали, что являются мусульманами-уйгурами. После военного обучения в Афганистане и Пакистане они были заброшены на север Индии в составе отряда базирующейся на пакистанской территории группировки «Лашкар-э-Тайба».

Ни для кого не секрет, что сотни синьцзянских сепаратистов, избравших своей тактикой террор, прошли специальную подготовку в тренировочных лагерях талибов и организации «Аль-Каида» в Афганистане. Во время антитеррористической операции в этой стране в конце 2001 — начале 2002 года многие из них были захвачены в плен.

В ночь с 29 на 30 июня 2002 года в центре столицы Кыргызстана были застрелены консул КНР в Бишкеке Ван Цзяньпин и уроженец СУАР, китайский гражданин Нур-мухамед Умар. Спустя месяц местные власти передали их убийц — гражданина Кыргызстана Маматкерима Кудоярова и турецкого подданного Мустафу Кару — китайской стороне в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями о взаимодействии и сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью.

По данным МВД Кыргызстана, М. Кудояров и М. Кара— уйгуры по национальности, активные члены подпольной экстремистской организации «ШАТ» («Свободный Туркестан»), добивающейся отделения Синьцзяна от КНР. Ее боевики для достижения своих целей регулярно используют теракты. Летом 1996 года они совершили несколько нападений в городе Ош, где взорвали микроавтобус с пассажирами и дом местного предпринимателя. Ими убит лидер уйгурской диаспоры в этой стране Нимат Баззаков за отказ сотрудничать и отчислять деньги на нужды «ШАТ». В 2000 году сепаратисты обстреляли китайскую

делегацию, приехавшую в Бишкек, тогда погибли два человека.

М. Кара долгое время разыскивался Интерполом за совершенные в КНР преступления, он несколько лет провел в лагерях по подготовке боевиков на территории Чечни и Афганистана. При обыске у М. Кудоярова и М. Кары сотрудники милиции обнаружили около десятка паспортов.

По оценкам китайских специалистов, в начале третьего тысячелетия в стране и за ее пределами насчитывалось свыше 50 различных группировок, выступающих за отделение СУАР. К числу более влиятельных можно отнести «Исламское движение Восточного Туркестана» во главе с Хасаном Махсумом, основанное, как утверждают национальные СМИ, «при энергичном содействии Усамы бен Ладена — с некоторых пор самого знаменитого террориста в мире», «Свободный Туркестан», «Оппозиционная партия Восточного Туркестана», «Организация за освобождение уйгуров», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Международный комитет Восточного Туркестана» и др.

В августе 2002 года официальный Вашингтон решил включить в список террористических организаций «Исламское движение Восточного Туркестана». Посольство США в Пекине заявило в связи с этим, что члены организации готовили атаки против Соединенных Штатов за рубежом, включая американское посольство в Кыргызстане. В частности, было названо имя руководителя боевой группы— Хасана Махсума, который «поддерживался и направлялся» непосредственно бен Ладеном.

В попытках дестабилизировать обстановку в Синьцзяне указанные структуры прибегают к мерам откровенного насилия и запугивания. Согласно неполным данным, с 1990 по 2001 год ими было совершено свыше 200 преступлений, при этом погибли 162 человека, около 450 получили ранения. Их террористическая деятельность включает взрывы в людных местах, убийства соотечественников-уйгуров, занимающих высокие посты в представительных, административных и правоохранительных органах, вооруженные налеты на отделения полиции и правительственные учреждения, отравления и поджоги, создание лагерей для подготовки террористов, сбор и изготовление оружия и боеприпасов, организация провокаций и волнений, создание атмосферы террора.

Неудивительно, что власти настроены весьма решительно. Весной 1999 года в регионе по приговору суда были казнены 10 преступников, являвшихся членами запрещенной группировки. 12 июля 2000 года газета «Синьцзян жибао» сообщила о расстреле 6 уйгурских сепаратистов. Суд года Урумчи признал их виновными

в «деятельности, направленной на раскол страны», и в принадлежности к «реакционной исламской организации».

После известных событий второй половины 2001 года китайские юристы и законодатели, привыкшие своевременно и четко реагировать на происходящие изменения в стране и мире, в кратчайшие сроки подготовили поправки к Уголовному кодексу (УК), которые были одобрены в конце декабря того же года. Их авторы без обиняков подчеркивали, что дополнения и изменения вносятся в закон в целях ужесточения уголовного преследования за преступления, связанные с террористической деятельностью, а также для обеспечения безопасности государства и жизни людей, охраны собственности и общественного порядка.

В ныне действующем УК КНР, принятом Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) в 1997 году, слово «терроризм» первоначально упоминалось всего один раз — в статье 120 (организация, руководство и участие в террористической организации), хотя конкретные положения, раскрывающие суть столь опасной формы преступного посягательства, закреплены в целом ряде статей. Выступая в декабре 2001 года на заседании Постоянного комитета ВСНП, заместитель председателя его рабочей комиссии по вопросам законодательства Ху Каншэн настаивал на значительном усилении наказания главарей террористов.

В результате организация или руководство соответствующим формированием отныне карается лишением свободы на 10 и более лет либо пожизненным заключением (ранее до 10 лет). Представляется, что отсутствие высшей меры наказания вызвано в какой-то степени «внешним фактором»: нередко лидеры террористов скрываются за рубежом, но многие государства категорически отказываются выдавать преступников, если за совершенные деяния им по приговору суда в другой стране угрожает смертная казнь. Китайские власти в данном случае подстраховались и исключили возможность использования формального предлога в переговорах по дипломатическим каналам.

Статья 120 дополнена еще одной нормой, она устанавливает санкции за материальную поддержку террористической организации или отдельных лиц, занимающихся террористической деятельностью. Максимальное наказание — 5 и более лет тюремного заключения, предусмотрена уголовная ответственность юридического лица.

В упомянутых поправках к УК особый акцент сделан на преследовании преступных действий, связанных с токсичными, радиоактивными и прочими веществами, возбудителями

инфекционных заболеваний. Очевидно, что события осени-зимы 2001/2002 года в мире, в том числе ажиотаж и паника вокруг спор сибирской язвы в США, оказали решающее воздействие на внесение корректив в китайское законодательство, но не только они… Как выяснилось, «во-сточно-туркестанские» террористы неоднократно использовали токсичные и другие опасные вещества для обострения ситуации в регионе.

По данным агентства Синьхуа, с 30 января по 18 февраля 1998 года в городе Кашгар они предприняли свыше 20 попыток массовых отравлений, что привело к человеческим жертвам, пали тысячи голов скота. 23 мая того же года экстремисты, прибывшие из-за рубежа, установили в многолюдных районах Урумчи более 40 специальных устройств «с химическим возгоранием». Серьезных последствий удалось избежать лишь благодаря бдительности местного населения и сотрудников правоохранительных органов.

Обязательства, вытекающие из присоединения официального Пекина к таким международно — правовым документам, как Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция о борьбе с финансированием терроризма и Конвенция о недопущении террористических взрывов, которые относительно недавно были приняты в Шанхае и Нью-Йорке, также нашли отражение в изменениях, внесенных в УК.

Например, к числу уголовно наказуемых операций в банковской сфере и на фондовом рынке с финансовыми средствами, имеющими какое-либо отношение к террористам и их покровителям, отнесены предоставление счетов, содействие в переводе собственности в наличные деньги или финансовые векселя, оказание помощи в денежных трансфертах путем перевода со счета на счет или иными способами, услуги по переводу капитала за границу и др. На фоне развернутой по всему миру грандиозной «охоты» за источниками финансирования террористических организаций, позиция китайских властей заявлена твердо и недвусмысленно.

Глава 9

ДОРОГА В КАРАКОРУМ, ИЛИ «ЛЕСТНИЦА В НЕБО»

Одним из ключевых и, пожалуй, наиболее сложным в путешествии должен был стать переезд в сторону китайско-пакистанской границы и обратно. Дорога проходит по высокогорному и довольно рискованному Каракорумскому шоссе, о котором в западных путеводителях написано, что «оно отнюдь небезопасно, но трудно представить себе более возбуждающий маршрут внутри и за пределами Китая».

В Кашгаре есть международный автовокзал, связывающий город с Пакистаном и некоторыми государствами Центральной Азии. Иностранцы, двигающиеся в указанных направлениях, обязаны уезжать именно отсюда, даже если они не покидают пределов КНР. Что касается местных жителей, то в аналогичных ситуациях они пользуются другими вариантами, предполагающими более дешевые тарифы.

Для любого пассажира, прибывшего на автовокзал, очевидно: главными действующими лицами здесь являются пакистанские «челноки», скупающие в соседнем Китае все подряд. Мне это сразу напомнило нашествие «пылесосов» из России и других стран СНГ в начале 90-х годов, когда в ряде районов Пекина сновали исключительно наши сограждане и бывшие соотечественники, а китайские торговцы на Ябаолу в спешном порядке изучали русский язык. Основное различие между ними — отсутствие среди пакистанцев женщин; в этой мусульманской стране таким бизнесом, похоже, занимаются представители лишь сильного пола.

Согласно расписанию, единственный в течение суток автобус до города Сует, что на территории Пакистана, должен отправляться 12.00 по местному времени, но на практике все выглядит иначе. Загрузка объемного и тяжелого товара растягивается на долгие часы, и туристы с рюкзаками вынуждены подолгу созерцать неторопливые движения грузчиков, бесконечные перебранки коммерсантов с работниками администрации по поводу неоплаченных счетов и перевеса, нарушения каких-то инструкций и распоряжений.

В конце концов мне так и не удалось покинуть Кашгар с первой попытки, хотя билет приобрел заранее. Неожиданно

пошел мелкий дождь, который вскоре заметно усилился. Удобно устроившись в автобусе, я быстро заснул, поскольку изрядно намотался в предыдущие дни. Меня разбудил водитель, уверявший, что ехать в такую погоду чрезвычайно опасно, поскольку дорога размыта и в горах возможны оползни, необходимо подождать до завтра. Окончательно проснувшись, вспомнил глубоко уважаемого Владимира Семеновича Высоцкого с его «на «разойтись» я сразу ж согласился», но не «разошелся», а отправился сначала в ближайшую харчевню и затем в городской Музей Шелкового пути.

Пакистанские «челноки»

Музей (входной билет 6 юаней) не произвел яркого впечатления. Виной всему, вероятно, был сильный дождь, из-за

которого во многих местах протекал потолок, и вода фактически заливала некоторые экспонаты— и все это в здании, построенном недавно, в 1992 году. Довольно интересны в музее сведения о мусульманском Караханидском государстве и раздел об истории ислама в Синьцзяне.

С полчаса изучал бумажные деньги царской и большевистской России, имевшие хождение в этих местах. Меня заинтересовал Временный кредитный билет Туркестанского края номиналом в 500 рублей, выпущенный Народным банком в Ташкенте в 1919 году. Надписи на нем сделаны русским алфавитом и арабским письмом. В абсолютно пустых залах музея невольно ощутил себя одновременно и участником тех далеких событий, и действующим лицом нашего легендарного фильма «Белое солнце пустыни».

На следующий день распогодилось. Возросло количество путешествующих туристов. К нам (канадец, россиянин, француз и словенец) присоединились три экзотических японца, две строгие и правильные немки, экспансивная колумбийка и симпатичная бельгийка, перебравшийся в Германию поляк, еще один канадец. Особенно колоритно выглядела итальянка.

Ее появление у автобуса не прошло незамеченным прежде всего по двум причинам: экстравагантный внешний вид и наличие щенка в пластмассовой корзинке. Елена Мария-Луиза, именно так звали художницу из Милана, рассказала, что купила его на границе Юньнани и Сычуани — двух провинций на юго-западе Китая. Одна из лап собачки была шестипалой. По ее словам, китайцы неоднократно проявляли гастрономический интерес к весьма упитанному животному, но она жестко пресекала эти поползновения. Щенок изредка вылезал из корзинки и вертелся около хозяйки.

Преодолев к тому времени большую часть пути, я был доволен своим физическим состоянием и даже испытывал некое чувство гордости, ибо считал, что немногие мои российские сверстники смогли бы отправиться в подобные странствия. Елена Мария-Луиза невольно заставила меня иначе взглянуть на собственные достижения. Она три месяца в одиночку моталась по стране без знания китайского языка и с ограниченным английским, уже месяц ей компанию составлял «друг человека», которого надо постоянно поить и кормить, а последние десять дней уверенно ощущала себя в регионе с устойчивыми мусульманскими традициями, где на улицах очень многие женщины, пожилые и молодые, носят закрытую одежду и чадру (наряд итальянки был, мягко говоря, не столь строгим).

Несмотря на то, что расписание вновь трещало по швам,

сомнений в нашем отъезде не возникало. Решил купить в дорогу что-нибудь съестное и заодно посмотреть на прибывающую и отъезжающую публику. Бесцельная и явно затянувшаяся прогулка по обширной территории международного автовокзала привела к довольно неожиданному результату: среди многочисленных комфортабельных автобусов известных и престижных марок, произведенных в Китае в последние годы с участием зарубежных компаний, заметно выделялся потрепанный «пазик» морковного цвета — популярнейший представитель общественного транспорта бывшего Советского Союза в 70—80-е годы. Рядом с ним возвышался некогда могучий, но сейчас изрядно разбитый грузовой «КАМАЗ». Номера были отнюдь не российские, тем не менее от них повеяло чем-то хорошо знакомым, даже родным.

Приближаясь к группе стоявших около машин людей, я уже четко знал, что в ближайшие полчаса впервые за две с лишним недели своего путешествия буду разговаривать на русском языке, если, конечно, собеседники не сочтут мои вопросы откровенным чудачеством праздно шатающегося бездельника. В итоге жители независимого Кыргызстана, также занимавшиеся «челночным» бизнесом и приехавшие в Кашгар за очередной партией товара, в один голос пожурили меня за старомодные обороты речи, но общались легко и с видимым удовольствием.

Все с ностальгией вспоминали об СССР: стабильном заработке и фиксированных выходных днях, профсоюзных путевках для себя и пионерских лагерях для детей, оплачиваемых бюллетенях по болезни и бесплатном образовании. Регулярные поездки за границу, о чем мечтали еще полтора десятка лет назад, ни у кого не вызывали энтузиазма, поскольку людей, похоже, угнетал сомнительный статус мелких торговцев, постоянно рискующих мнимым благополучием и реально убывающим здоровьем. Словно в оправдание, которого от них никто не требовал, они отпускали реплики типа «жить ведь как-то надо».

Киргизы, русские и узбеки приехали в Кашгар из замечательного города Ош, где до сих пор периодически происходят политические разборки, которыми в России давно пресытились. Впервой половине 80-х годов меня дважды командировали туда по линии общества «Знание» для чтения лекций, согласно официальной формулировке, «в трудовых коллективах». Такого рода выступления заметно отличались от преподавания в университете.

Если студенты хотя бы изредка прислушиваются к тому, о чем вещают с кафедры, ибо спустя месяц-другой им предстоит сдавать зачет или экзамен, то иная ситуация складывалась на

производстве в городах и сельской местности, в различных конторах и НИИ, где после 10–15 минут монотонного изложения лектором прописных истин присутствовавшие с легкостью могли заснуть, начать активно обсуждать собственные семейно-бытовые проблемы или результаты прошедшего тура футбольного чемпионата страны, а то и просто покинуть «красный уголок». Излишне, наверное, напоминать, что такие лекции должны были в полной мере отражать «линию партии и правительства» на международной арене.

Отличительная черта различных аудиторий тех лет — устойчивый интерес к событиям, происходившим за рубежом: от мыса Доброй Надежды до Гренландии и от Гваделупы до Восточного Тимора. Что же касается выступлений по внутренней и внешней политике КНР, то протяженная граница с великим соседом, запутанные советско-китайские отношения и тенденциозно подобранные сообщения в отечественных СМИ гарантировали внимание слушателей в первую четверть часа. Поэтому методом проб и ошибок я избрал схему своеобразных 7—8-минутных блоков, неизменно предлагая вначале выслушать нудную и маловразумительную информацию о проблемах китайской экономики.

Выполнив идейно-пропагандистский минимум и почувствовав явный спад интереса к себе, сразу переходил к беспроигрышному варианту— официальной политике планирования рождаемости. Зал мгновенно оживал: мужчины делали вид, что прячут улыбки и сдерживают смешки, а женщины периодически охали-ахали и искренне переживали за молодых китаянок.

Развивая запланированный успех, приступал к изложению особенностей национальной психологии. Мужскую часть аудитории, например, повергал в легкий шок рассказ о правилах до сих пор распространенной в харчевнях и закусочных китайской глубинки игры «цайцюань» (доел, с кит. «отгадай пальцы»). Известны несколько ее версий. По самой распространенной из них, участники одновременно выбрасывают пальцы на одной руке, пытаясь отгадать их количество. Игроки поддерживают высокий темп, сопровождая действо трудно переводимыми остротами, и вскоре определяется промежуточный победитель, который чисто внешне не извлекает из этого какой-либо выгоды. Зато проигравший выпивает рюмку водки, и игра возобновляется. В конечном счете побеждает тот, кто оказался трезвее, поскольку напившийся оппонент «потерял лицо». Расходы на спиртное, естественно, значения не имеют.

Елена Мария-Луиза со своим Дружком

Слушатели, как правило, не могли взять в толк неудобства поражения в указанном состязании, кроме утреннего похмелья, и решительно отвергали лавры победителя. Обычно тут же высказывались предположения о целесообразности заведомого проигрыша и игры в поддавки. После столь занимательных историй необходимо было снизить накал эмоций и остановить безудержное веселье, наступала очередь официоза в виде обильного цитирования высказываний руководителей КПСС и материалов партийных съездов относительно состояния и перспектив советско-китайских отношений.

Лекция приобретала сбалансированный характер и становилась менее уязвимой для «телег» в адрес вышестоящего начальства. Командировки приносили ощутимый доход и

позволяли вести в меру беспечный образ жизни, так что терять стабильный дополнительный заработок было неразумно.

Кстати, поездки в Среднюю Азию оплачивались, за редким исключением, довольно скромно, поэтому многие ездили туда в основном в мае-июне и сентябре-октябре — за фруктами, любителей же старины манили уникальные памятники далекого прошлого. В этом смысле Ош с его заметной ролью в истории Шелкового пути представлял особый интерес.

В киргизском городе со мной произошел забавный эпизод. Прочитав несколько лекций в привычных аудиториях, я очутился в некоем медицинском учреждении, где предстояло выступить перед… глухонемыми. Женщина-сурдопереводчик, очевидно, неплохо справлялась со своими обязанностями, поскольку присутствовавшие слушали очень внимательно и временами искренне улыбались, да и мне пришлось серьезно перестроиться и внести коррективы в домашние заготовки. Однако в конце выступления я не удержался и произнес банальную фразу: «У кого будут ко мне вопросы?» По глазам переводчицы тут же понял, что сказал глупость. Тем временем одна из слушательниц уверенно подняла руку и стала с помощью манипуляций объяснять суть интересующей ее проблемы.

Моя помощница слабо ориентировалась в китайских реалиях, а я не имел прежде опыта контакта с глухонемыми. Единственное, что бросилось в глаза, — это показанные в какой-то момент четыре пальца. Мелькнула догадка о суде над «бандой четырех» во главе с вдовой Мао Цзэдуна Цзян Цин, которую я и поспешил озвучить. Слушательница радостно закивала, а переводчица несколько обиженно бросила: «Может, мне уйти?» Я клятвенно заверил ее, что подобных озарений у меня больше не предвидится, и мы исправно ответили еще на несколько вопросов. Когда через два года лекторская стезя вновь привела в Сш, то ответственный секретарь местного отделения общества «Знание» загадочно сообщил мне об уже поступившей заявке на лекцию, а затем не без юмора спросил, нуждаюсь ли я в сурдопереводчике.

Случайная встреча и доброжелательный разговор с прежними соотечественниками вызвали в памяти описание событий более чем столетней давности, когда в Ош прибыл небезызвестный Свен Гедин. Произошло это летом 1899 года, в самом начале его очередного путешествия по Центральной Азии. Ученый предполагал решить здесь ряд организационных вопросов и остановился на две недели у своего старого приятеля по Памиру, в то время ошского уездного начальника, полковника Зайцева.

В своих заметках он с теплотой написал о древнем городе, как, впрочем, и о киргизах, с которыми много работал в условиях

высокогорья, на степных просторах и в безлюдной пустыне. На протяжении четырех месяцев в 1894 году С. Гедин постоянно «жил в их юртах, ел их пищу, ездил на их яках, переходил подобно им с места на место», «ни в чем не отставал от них». Они охотно делили трудности «скитальческой жизни» шведа, поскольку скоро поняли, что он смотрит на них как на друзей.

По его убеждению, киргизы очень способный, здоровый и добродушный народ. Они страстно любят унылую степь, где вольно жили их предки; находят ее красивой и разнообразной, хотя иной чужестранец не знает, на чем остановить свой взгляд. Для него степь подобна морю, величественна и безгранична, но на редкость скучна и вызывает тоскливое настроение.

В автобусе мы с итальянкой оказались рядом. При посадке она попросила помочь и, с трудом разместив собачку и рюкзаки, мы втиснулись в пространство, еще свободное от сумок, коробок и свертков пакистанцев. Елена Мария-Луиза легко нашла тему для общения и предложила мне рассказать что-нибудь из истории Китая. Дальнейшее можно охарактеризовать двумя словами: «Остапа несло».

К счастью, экскурсы в древность и раннее средневековье на английском примерно такого же качества, как и у нее, регулярно прерывались непредвиденными остановками. Похоже, водитель, нагонявший на меня страх накануне, был прав. Бурные потоки грязной воды, спускавшиеся с гор, перекрывали шоссе. В таких случаях бульдозеры, находившиеся поблизости, расширяли их русло, что позволяло несколько замедлить быстрое течение. Автобус успевал проскочить очередную водную преграду и какое-то время ехал спокойно. На дорогу изредка сыпались камни, мелкие и покрупнее, но хотелось верить, что с нами ничего не случится.

Несколько слов о водителе. Судя по всему, у него были свои счеты с пакистанцами, поскольку, отъехав от Кашгара на приличное расстояние, он включил индийскую музыку, проверяя, вероятно, толерантность пассажиров. Вскоре автобус опять замедлил ход. Мы пешком пересекли контрольно-пропускной пункт, где у нас проверили документы. Я не совсем понял для чего, поскольку у многих иностранцев, и у меня в том числе, все равно не было виз, дающих право на пересечение границы.

Светская беседа с очаровательной соседкой в автобусе, перегруженном пакистанскими обновками китайского производства, не могла отвлечь от мысли, что мучительно долго петляя, в лабиринте горного ущелья, мы можем и не выбраться из него. Поэтому неожиданно замаячившие впереди главные вершины Кашгарского хребта вызвали у пассажиров вздох

облегчения.

На бесконечно голубом фоне они производят впечатление отважных рыцарей, решительно вставших на защиту удивительной и суровой красоты окружающей природы. Горы Конгур (7719 метров), Конгур-тюбе-таг (7595) и Музтагата (7546) выстроились с севера на юг строго по росту. В этом солидном и грозном построении присутствовали и элементы комичного. Так, в лучах быстро заходящего солнца их огромные снежные шапки в какой-то момент выглядели как взбитые сливки на гигантском корже из песочного теста, создавая иллюзию праздничного стола. Эффектно дополняли горных исполинов соседние вершины, слегка запутавшиеся в вате неизвестно откуда набежавших облаков.

Каракорумское шоссе

Столь неожиданно возникающие монументальные полотна первозданной природы я видел лишь в Центральном Тибете весной 1987 года. Мы с приятелем направлялись тогда из Лхасы в Гьянцзе. Наш рассыпавшийся на ходу автобус из последних сил карабкался по головокружительному серпантину на перевал Кхамбала и при этом постоянно ломался. Водитель спокойно выходил из машины, подкладывал два булыжника под задние колеса и приступал к ремонту, а немногочисленные пассажиры могли созерцать находившуюся в двух шагах бездонную пропасть, размышляя о вечном и молиться о том, чтобы не показался встречный транспорт, разъехаться с которым у нас не было никаких шансов, или медитировать, поскольку высокогорье, разреженный воздух и весьма неопределенные перспективы на ближайшее будущее способствовали такого рода времяпрепровождению.

Всевышнему, похоже, изрядно надоели автобусные конвульсии и наша «не езда, а ерзанье». Иначе трудно объяснить тот факт, что мы без особых потерь достигли 4900 метров. До и после на длинном пути были перевалы и повыше, но они дались нам несоизмеримо легче. Зато все волнения и страхи исчезли в одно мгновение, когда с высшей точки Кхамбала открылись сказочные пейзажи вокруг озера Ямдог-ямцо. Его овеянные древними легендами темные воды не спеша огибали горный массив и тянулись на многие километры. Окружавшие нас яркие и сочные краски выглядели именно так, как на мистических картинах Н. К. Рериха.

С не меньшим восторгом я приобщался к красотам Кашгарского хребта. Между заоблачными снежными вершинами блестела зеркальная гладь Малого Каракуля (3800 м). Слово «каракуль» в переводе с тюркского означает «черное озеро». Как известно, глубоководное бессточное озеро с таким названием расположено на высоте около 4 тысяч метров в северной части Памира, на территории Таджикистана. Водоем у подножия наших семитысячников значительно меньше по размерам, тем не менее он неизменно вызывает массу положительных эмоций у путешественников.

Большинство моих попутчиков из западных стран покинули автобус, чтобы провести несколько дней на его живописных берегах. Их ожидали холодные ночи в киргизских юртах либо в плохонькой гостинице, — но завораживающая дикая природа, ослепительно голубое небо и восхитительный аромат горного воздуха с лихвой компенсировали временные неудобства. Из-за вечных проблем со временем мне оставалось лишь опустить руки

в прохладные воды Малого Каракуля, сфотографировать тамошние достопримечательности, подышать несколько минут полной грудью и вновь отправиться в путь.

Судя по всему, высокогорное озеро, что примерно в 200 км от Кашгара, обязано своим происхождением моренам, которые в давние времена перекрыли путь ледниковым водам. Важную роль в поддержании экологического баланса играют многочисленные подземные ключи, пополняющие его водные запасы. В прошлом мощный ледник целиком накрывал имеющееся пространство, о чем свидетельствуют огромные валуны и кучи щебня, рассеянные повсеместно. Специалисты полагают, что озеро сильно обмелело и в будущем перестанет существовать, а река, ныне вытекающая из него, устремится с гор в долину непрерывным потоком.

Пока же есть прекрасная возможность увидеть в его бирюзово-синих водах отражение медленно плывущих по небу облаков, величественных снежных вершин, массивных горных склонов. Прекрасен силуэт таинственной Музтагаты. Это священная для местных жителей гора. На протяжении веков люди считали, что там погребены 70 святых, в том числе библейский Моисей и мусульманин Али, племянник Мухаммеда.

Существует любопытная легенда, согласно которой давным-давно некоему страннику удалось взобраться на гору. Он нашел там озеро и речку, на ее берегу пасся белый верблюд. Поблизости находился большой сад, где росли сливы и степенно расхаживали почтенные старцы. Усталый путник сорвал и съел несколько плодов. Тогда один из старцев подошел к нему и сказал, что тот действовал абсолютно правильно. Если бы он пренебрег сливами, как поступили те, кто их в тот момент окружал, то навсегда остался бы на горе и был бы обречен впустую слоняться по саду.

По другому старинному киргизскому преданию, на вершине Музтагаты стоит древний город Джанайдар, построенный еще в те годы, когда на земле царили мир и процветание. Спустя некоторое время общение между городом и остальным миром оказалось прерванным. Жители его с тех пор пребывают в состоянии неги и блаженства. Там растут роскошные фруктовые деревья, приносящие из года в год изумительные плоды, никогда не увядают цветы, живут не стареющие женщины удивительной красоты. Смерть, холод и мрак навсегда покинули это место.

Остается только гадать, какими именно соображениями руководствовался Свен Гедин, весьма настойчиво и, к сожалению, безуспешно штурмовавший Музтагату. Весной 1894 года, благополучно преодолев Сарыкольский хребет, по которому совсем недавно проходила граница между СССР и КНР, а сейчас — Таджикистана и Китая, и оказавшись в Восточном Памире,

швед впервые решил совершить восхождение. Местные киргизы попытались отговорить его от чрезвычайно рискованного предприятия, но без особого результата.

Несмотря на сложные метеорологические условия малочисленная штурмовая группа тщательно обследовала ледник Ямбулак и достигла высоты порядка 5500 метров, когда, со слов путешественника, у него «началось воспаление глаз», из-за чего «грандиозный план разрушился». В результате он рассчитался со своими помощниками, а Мустагата, «вся залитая теперь солнечным блеском и представлявшая чудное зрелище — для тех, кто не страдает глазами, — была оставлена на этот раз в покое».

Летом того же года С. Гедин вернулся в район Кашгарского хребта и около месяца провел на берегах Малого Каракуля и среди ледников Музтагаты. Дождавшись все-таки хорошей погоды, он предпринял очередную попытку добраться до вершины. С высоты примерно 6300 метров открывался замечательный вид: «Вся долина Сарыкол расстилалась внизу, словно географическая карта… Озера казались блестящими синевато-зелеными пятнами на сером фоне морен и представлялись нам небольшими лужицами.

Ямбулак указывал своим ледяным пальцем на долину, далеко впереди виднелись полукружия его прежних конечных морен… Вверху виднелись еще четыре уступа скал, а за ними вершина горы, казавшаяся нам совсем близко».

К сожалению, и на сей раз неутомимому исследователю не удалось выполнить поставленную задачу. Неудачей закончились также его последующие попытки покорить Музтагату. Горный великан не захотел сдаваться отважным людям, у которых было огромное желание совершить восхождение, но отсутствовало элементарное альпинистское снаряжение.

Каракорум— название гигантской горной системы в Центральной Азии— переводится с тюркского как «Черные каменные горы». Его величавые хребты, протянувшиеся между Памиром и Куньлунем на севере, Гималаями и Гандисышанем (Трансгималаи) на юге, разделяют бассейны рек Инд и Тарим, высочайшие горы— четыре восьмитысячника плюс восемь вершин выше 7500 метров — устремлены далеко в небо, а мощные ледники простираются на многие километры, покрывая обширные пространства.

Восстановительные работы

В первый момент бросается в глаза отсутствие растительности в горах, не поражает разнообразием и фауна. Каракорум довольно беден осадками. Лишь на южные склоны в какой-то степени воздействует муссон, влажный и теплый воздух, приносящий дожди в Индию; в то же время для северных склонов характерна исключительная сухость (аридность). Чтобы встретить лесной массив, необходимо спуститься на высоту 3000–3500 метров в южном направлении, где растут сосны, гималайские кедры и некоторые другие деревья. На северной стороне уже после 2500 метров растительный покров — большая редкость.

Не следует полагать, что Каракорум выше указанных высот повсюду имеет пустынный ландшафт. У горной системы значительные запасы воды: ее долины и ущелья прорезают быстрые реки и ревущие водопады, в межгорных котловинах можно встретить бессточные озера и соленые болота. Талые воды сезонных и вечных снегов и ледников служат основным источником пополнения рек. Грунтовые воды накапливаются в осыпях и способствуют более равномерному стоку в течение года.

Часто люди, оказавшись среди каракорумских великанов, скептически оценивают тамошние красоты. Горы выглядят безрадостными и неприступными, как бы полностью оправдывая

свое мрачное название. Но не будем чересчур строги: меняются погода, время и наше настроение. Вот как, например, передал собственные впечатления индийский дипломат и путешественник К. П. Шиваншакара Менон: «В три часа утра я проснулся и увидел горы Каракорума. Они приняли новое обличье. Сияла луна — была четвертая ночь после полнолуния. Лунный свет, подобно сари, скрадывает угловатость и придает грациозность. И обычно столь суровый… Каракорум, казалось, улыбался при свете луны, подобно чопорной учительнице, оттаивающей в ночные часы в объятиях возлюбленного».

Количество пассажиров в нашем автобусе заметно сократилось. Елену Мария-Луизу окружили пакистанцы, оживившиеся, вероятно, в связи с приближением родных просторов, а я предался воспоминаниям студенческой поры и попытался напеть бессмертный хит начала 70-х годов прошлого века «Stairway to Heaven» («Лестница в небо») английской группы «Led Zeppelin».

В те годы, когда поездка в Китай казалась недосягаемой мечтой, я и подумать не мог, что когда-нибудь доберусь до Каракорумского шоссе. Зато много и довольно напряженно учился, с трудом вникая в тарабарскую грамоту в виде древнекитайского языка, зачитываясь книгами по истории, литературе и культуре Срединного государства и других стран Востока, сдавая бесконечные зачеты и экзамены.

Конспекты по истории КПСС, политэкономии капитализма и социализма, диалектическому и историческому материализму, научному коммунизму я, в отличие от большинства своих однокурсников, обычно писал в весьма комфортных условиях, поскольку труды классиков марксизма-ленинизма были в домашней библиотеке. Перед тем как штудировать основоположников, ставил магнитофонную запись и включал максимальную громкость, которую могла выдать старенькая, но надежная «Комета».

Проучившись в детстве и отрочестве пять мучительных лет в музыкальной школе по классу скрипки и отыграв за это время с полдюжины концертов А. Вивальди, я всей душой полюбил хард-рок, или, как тогда говорили, «забой»; даже великие «битлы» и «роллинги», сводившие с ума сверстников, казались мне чересчур академичными. Моими кумирами долгие годы были «Deep Purple» с Ричардом Блэкмором и Яном Гилланом, упомянутые «цеппелины» с Джимом Пэйджем и Робертом Плантом, а также «Black Sabbath» с Оззи Осборном.

Их композиции звучали обычно в пределах десяти минут, поэтому, прослушивая каждую из них в сотый раз, я успевал

законспектировать сразу несколько страниц из «Происхождения семьи, частной собственности и государства» либо «Детской болезни «левизны» в коммунизме», но не более странички из «Капитала». Обычно диска «Deep Purple in Rock» или второго альбома «цеппелинов» вполне хватало, чтобы достойно подготовиться к очередному семинару.

Летом 1974 года наиболее спаянная группа молодых людей нашего курса решила в третий раз поехать в составе строительного отряда, на этот раз на Сахалин. С учетом музыкальных пристрастий мы договорились взять с собой любимые кассеты и слушать их по очереди. Прихватив несколько пленок, отправился в аэропорт. Позднее выяснилось, что этот почин никто в стройотряде почему-то не поддержал.

В Тьмовском районе Сахалинской области, где предстояло построить очередной коровник, нас разместили в огромной бревенчатой избе. Спустя несколько часов удалось наладить аппаратуру и установить мощный динамик, который позволял при попутном ветре слушать «мелодии и ритмы зарубежной эстрады» в радиусе примерно 2–3 км. До строительного объекта было 10–15 минут пешком, так что состояние внутреннего комфорта, обусловленное в немалой степени привычной гармонией звуков (кое-кто по недомыслию называл это какофонией), не покидало на протяжении всего 12-часового рабочего дня.

Администрация района с самого начала не скрывала своего удовлетворения в связи с нашим приездом. Когда ее глава и заместители, директор близлежащего совхоза, представители парткома и комсомольской организации через несколько дней появились в обеденной время возле скромного студенческого жилища, мы решили, что нас опять будут благодарить. Ожидания оправдались лишь отчасти.

Руководство выразило искреннюю признательность за эмоциональный порыв и желание помочь сельским жителям, за намерение организовать встречи со школьниками старших классов и устроить несколько концертов художественной самодеятельности; особо был отмечен энтузиазм местных женщин, давно уставших от пьянства и матерщины доморощенных ухажеров.

Неожиданно слово предоставили директору совхоза. Он был в сильном замешательстве и с большим трудом изложил суть своей просьбы. Выяснилось, что в подчиненном ему хозяйстве резко упали надои молока. Зоотехник напрямую связал это с децибелами ревущих электрогитар, грохочущих ударных инструментов и истошных воплей вокалистов, которые в

последнее время оглашали всю округу. Директор деликатно попросил убавить по возможности громкость и скромно поинтересовался, нет ли у нас другой музыки, в частности классики, на что однокашники без раздумий предложили скинуться, купить скрипку и отправить меня в гастрольный тур по фермам Сахалина.

Бедные коровы из далекой глубинки, явно неподготовленные к приезду столичной молодежи, вызвали всеобщий приступ жалости. После визита районного начальства никто, естественно, уже не возражал против того, чтобы «замолкли звуки чудных песен». Отныне любое включение магнитофона в нашем стройотрядовском общежитии сопровождалось более или менее удачными остротами. По возвращении в Москву мы еще долго вспоминали милых животных и клеймили позором наиболее ретивых меломанов.

Вершины Кашгарского хребта

Между тем интерес к «тяжелому року» остался. Конечно современные «звезды» в основной своей массе кажутся примитивными шарлатанами на фоне талантливых музыкантов недавнего прошлого, однако подобные сравнения скорее свидетельствуют о возрастных подвижках ворчуна, чем отражают реальную ситуацию в мире шоу-бизнеса. Каждое поколение предпочитает создавать и поклоняться собственным идолам, а не

пользоваться проверенными рецептами своих родителей.

Спустившись с гор и приехав в Москву осенью 2002 года, с радостью узнал о предстоящем концерте в спортивном комплексе «Олимпийский» солиста «Led Zeppelin» Роберта Планта. Никаких иллюзий относительно его нынешнего вокала я не питал. Его голос в пору моей юности звучал феноменально и сохранить это великолепие спустя тридцать с лишним лет представлялось невозможным. Хотелось услышать хорошо знакомые аккорды, еще раз ощутить мощную энергетику «цеппелиновских» композиций и заодно приобщить дочь к старым увлечениям ее отца.

Концерт, безусловно, удался. Мои сверстники заводились с пол-оборота, танцевальная «торсида» у сцены бесновалась два часа без перерыва. Правда, «Лестница в небо» так и не прозвучала, что легко объяснимо: слишком сложна для исполнения ее вторая часть, а выступать под фонограмму у корифеев рок-музыки не принято. С годами, увы, становится все труднее устремляться в небо и достигать заоблачных высот.

К юго-востоку от перевала Хунджераб (4700 м), на границе Китая с Кашмиром— бывшим горным княжеством, ставшим с 1947 года основным источником напряженности в индо-пакистанских отношениях, расположена высшая точка Каракорума и вторая вершина мира — Чогори (Голдуин-Остен, Дапсанг), высота которой составляет 8611 метров. Ее также называют «К2». Дело в том, что сотрудники индийской топографической службы в свое время для регистрации большого числа безымянных вершин этой горной системы использовали ее начальную букву и порядковый номер, откуда и появились комбинации К1, К2, К3 и т. д.

Чогори сложена гранитами и гнейсами (массивный кристаллический сланец гранитоидного состава). Вдоль ее южного склона несколькими языками до высоты около 3500 метров в сторону долины реки Шайок (правый приток Инда) спускается ледник Балторо, длина которого превышает 60 километров, а площадь — 770 квадратных километров. Это второй по величине ледник в Каракоруме, его опережает лишь Сиачен, имеющий длину 75 километров и занимающий площадь 1180 квадратных километров.

Несмотря на впечатляющие размеры, указанные ледники представляют собой остаточные явления своих гигантских предшественников, следы которых можно встретить в различных долинах хребта. Их моренные отложения, подобно каменной ленте, опоясывают склоны гор значительно выше уровня современных глетчеров. Столь мощные скопления льда атмосферного происхождения, спускающиеся с больших высот,

возникли в тени и на склонах уникальных горных вершин, вполне сопоставимых с гималайскими.

Вопрос, является Каракорум самостоятельной горной системой или составной частью Гималайского хребта, до сих пор окончательно не решен. В связи с тем, что географические названия больших горных массивов земного шара часто объединяют несколько хребтов, многие привыкли рассматривать Каракорум в рамках орографии (описание различных элементов рельефа и их классификация по внешним признакам вне зависимости от происхождения) Гималаев.

После того, как в конце 90-х годов XIX века для покорителей горных вершин наступила эпоха грандиозной схватки с восьмитысячниками, итальянец Луиджи Амедео Савойский герцог Абруццкий в 1909 году при поддержке проводников и носильщиков в числе первых предпринял попытку штурмовать Чогори. После всесторонней подготовки герцог в сопровождении помощников поднялся на высоту 5400 метров по одному из скальных гребней, позднее получившему название «ребро Абруццкого». Его проводники продолжали вести детальную разведку, но отказ носильщиков участвовать в восхождении вынудил итальянца прекратить подъем.

Американские экспедиции 1938 года под руководством Хаустона и 1939 года— Висснера, пытавшиеся покорить К2, шли по маршруту герцога Абруццкого, но всякий раз терпели неудачу. Висснер трижды ночевал на высоте порядка 8100 метров и даже достиг 8384 метров, однако в силу сложившихся обстоятельств был вынужден повернуть обратно.

Как известно, французские альпинисты Морис Эрцог и Луи Лашеналь в 1950 году совершили восхождение на Аннапурну (8072 метра). Покорение первого из 14 восьмитысячников вызвало огромный резонанс в мире и позволило преодолеть психологический барьер своеобразной «зоны смерти». Вдохновленные этим успехом американцы попытались вновь штурмовать Чогори в 1953 году, но экспедиция Хаустона закончилась трагически: на опасном ледовом склоне сорвался и погиб геолог Гилкей, тело которого тогда найти не удалось.

Только в 1954 году итальянцы Ахилле Компаньони и Лино Лачеделли из многочисленной команды во главе с Ардито Дезио подняли национальный флаг на недоступной ранее вершине. Однако и в этой экспедиции не обошлось без потерь: на этапе активной подготовки к восхождению от воспаления легких скоропостижно скончался 36-летний Марио Пухоц. Его похоронили у подножия К2, где ранее американцы установили памятник погибшему Гилкею. По мнению Ардито Дезио, М. Пухоц

был одним из сильнейших в группе альпинистов, имел прекрасные показатели при врачебном осмотре и лучше всех выдержал психологические испытания.

Созерцая запредельные по своим масштабам горные хребты и одновременно вспоминая тех, кто стремился покорить Чогори и другие высочайшие вершины планеты, невольно задумываешься о потенциальных возможностях человека, способного и готового поспорить с природной стихией. Откуда берутся сверхъестественные физические силы, «как закалялась сталь» неукротимого характера, кто воспитал феноменальную волю к победе, где живительный источник неуемной жажды новых свершений? Оказывается, люди могут достичь невозможного во имя благородных целей и высоких нравственных идеалов, максимально мобилизуя и используя собственные внутренние ресурсы.

Тогда почему внизу, на равнине, мы живем в обществе лихорадочного потребления и перманентного криминала, навязываем друг другу сомнительные догмы и бессмысленные императивы, легко забываем об искренних душевных порывах своей молодости? Впрочем, ответить на эти вопросы намного сложнее, чем их задать. Свежий горный воздух, вероятно, прочищает не только легкие, но и мозги, поэтому и возникает естественное желание пофилософствовать, в какой-то степени попытаться осмыслить прожитое и увиденное.

31 июля 1954 года А. Компаньони и Л. Лачеделли покинули миниатюрную палатку, приютившую их на одну ночь на высоте 8100 метров, и вступили в решающую схватку с К2. Крутые скалы, ледовые стены, рыхлый снег крайне затрудняли восхождение. Вскоре опустели кислородные баллоны, но и это не смутило отважных людей. Каждые четыре шага они останавливались и, полулежа на воткнутых в снег ледорубах, отдыхали, стараясь восстановить дыхание. Северный ветер пронизывал до костей, температура воздуха в тот момент опустилась до 40 градусов. Вдруг словно из небытия возник горизонтальный участок пути, где лежал плотный снег, и стало сразу ясно, что выше идти уже некуда, впереди только небо! Прекрасно экипированная по тем временам итальянская экспедиция несколько месяцев поднималась на Чогори, преодолевая капризы непогоды и исключительно сложный горный рельеф, но в конце концов сумела одержать решающую победу.

Музтагата /7546 м/

Уставшие и счастливые после многочасового успешного штурма вершины А. Компаньони и Л. Лачеделли сравнили ее с большой ледяной шапкой, где «сто человек могли бы расположиться с удобствами». Альпинистов со всех сторон окружали фантастические монстры Каракорума, но все они были ниже покорителей второй вершины мира.

Нынешний Ташкурган предстал тихим и невыразительным городком. Он находится на высоте порядка 3600 м над уровнем моря. Это главный населенный пункт образованного 17 сентября 1954 года Ташкурган-Таджикского автономного уезда, административный, культурный и экономический центр Сарыкола. О далекой земле в Восточном Памире и ее людях писали англичанин А. Стейн, кропотливо обследовавший близлежащее городище — возможно, ее древнюю столицу; швед С. Гедин, длительное время кочевавший вместе с местными жителями; русский путешественник М. В. Певцов, интересовавшийся ираноязычным населением юго-западной Кашгарии.

Летом 642 года в Ташкургане на три недели остановился знаменитый Сюаньцзан, нагруженный буддийскими рукописями, которые вез из Индии. Трудно объяснить почему, но обитатели Сарыкола произвели на него неблагоприятное впечатление. Со

слов танского монаха, они «грубы и несдержанны по природе», хотя «смелы и мужественны», «умеют говорить правдиво и высоко чтят закон Будды».

Проживающие здесь сарыкольцы относятся к группе так называемых памирских таджиков. Это единственная припамирская народность, живущая только на территории Синьцзяна. Они расселены по долинам реки Ташкурган и ее притоков. Район отделен от остального мира высокими хребтами, поэтому связь сарыкольцев с соседями весьма затруднена. Они в основном ведут оседлый образ жизни, возделывая пшеницу, ячмень, горох. В то же время значительное место в системе хозяйствования занимает скотоводство, что отмечали многие путешествовавшие в этих местах иностранцы еще в конце XIX— начале XX века. В Сарыколе живут и собственно таджики, но их численность невелика.

Сарыкольцы— мусульмане-исмаилиты, ислам начали исповедовать в X веке. Правда, они не торопятся строить мечети, а почитают мазары— культовые сооружения над могилами святых. Несмотря на свою отдаленность от единоверцев, обусловленную чисто объективными причинами, до недавнего времени они поддерживали с ними тесные контакты. Рассказывают, что даже в 50-е годы прошлого века представители Ага-хана, духовного лидера исмаилитов, обосновавшегося в Бомбее (Индия) в середине XIX века, приезжали в Ташкурган для сбора податей.

Известна легенда о том, как в этих труднодоступных местах появились первые поселенцы. В эпоху Хань (III век до н. э. — III век н. э.) некая китайская принцесса должна была выйти замуж за персидского принца. Когда большая процессия направлялась в далекую страну, на родину жениха, грянула война, и принцессе вместе со слугами и сопровождавшими ее придворными персидского шаха пришлось сделать остановку в Сарыколе. В качестве укрытия они выбрали гору, расположенную в тихой долине и в стороне от основного хребта.

Чогори /К2/ /8611 м/

Бог Солнца, узнав о необыкновенной красоте девушки, ночью проник к ней в спальню. Спустя некоторое время у нее родился удивительно симпатичный и смышленый мальчик. Посланники шаха, узнав о случившемся, пришли в ужас и решили не возвращаться в Персию, где их ждала верная смерть. Общими усилиями на горе был построен дворец-крепость, позднее здесь возникло царство, которым стал править сын Бога солнца и принцессы.

Сейчас в 70–80 км к югу от Ташкургана на горной вершине стоит древняя крепость, занимающая площадь около 2000 квадратных метров. По преданию, она была построена непосредственно во время описанных событий. Историки считают, что ее возвели позже, во времена Южных и Северных династий (386–589 гг.).

Крепость под Ташкурганом

Символом памирских таджиков Синьцзяна стал орел. У них весьма популярен традиционный танец, в котором исполнитель повторяет движения красивой хищной птицы. Из костей ее крыльев местные жители делают национальный музыкальный инструмент, внешне напоминающий флейту. По всему чувствуется, что народ здесь импульсивный и очень эмоциональный.

Меня особенно поразило то, как здороваются мужчины. Сначала они протягивают и пожимают друг другу руки, а затем одновременно подносят их, не разжимая, к губам и целуют чужую руку. Что касается женщин, то они приветствуют друг друга и знакомых мужчин значительно скромнее.

До Ташкургана после 10-часового напряженного переезда мы

добрались глубокой ночью и даже не смогли толком поужинать. В единственном функционировавшем в эти часы ресторане от души гуляли сарыкольцы, говорившие на абсолютно непонятном языке. Нас они встретили без энтузиазма, да и кухня уже прекратила работу.

Вблизи китайско-пакистанской границы наши дороги с Еленой Мария-Луизой разошлись: с четвероногим Дружком она намеревалась теперь путешествовать по странам Южной Азии, а мне предстояло возвращение в Кашгар. Расставаться всегда грустно, даже если познакомились накануне.

Обратная дорога заняла значительно меньше времени, хотя из-за меня произошла небольшая задержка, о чем расскажу чуть позже. Автобус довольно быстро оказался переполненным, водитель подбирал всех, кто хотел к нам присоединиться. Среди них, кстати, были и мои недавние попутчики из стран Запада, которые вышли у Музтагаты и Малого Каракуля.

Во время кратковременных стоянок водитель охотно отвечал на все вопросы и иногда просвещал меня уже по собственной инициативе. От него я узнал, что от Ташкургана напрямую 150 км до Афганистана, 100— до Пакистана (до Суета 220 км, но по шоссе), 60 — до Таджикистана. В какой-то момент он показал на грунтовую дорогу, уходившую резко влево от нашей трассы и внешне очень похожую на караванную тропу. По его словам, до границы с Таджикистаном от указанной развилки всего 14 км.

Когда до Кашгара оставалось около 50 километров, автобус сделал запланированную остановку в поселке. Местные жители называли его почему-то по-разному, возможно, не всегда понимали, чего от них хотят. В конце концов я идентифицировал его с населенным пунктом, обозначенным на карте автономного района иероглифами, которые читаются как Упоэр, поскольку уйгуры чаще других использовали слово «Опал». Однако сомнения на сей счет все-таки оставались.

Согласно сведениям, почерпнутым в одном из справочников, где-то неподалеку должен был находиться мемориальный комплекс, построенный в честь Махмуда Кашгарского. Соседи-иностранцы о могиле ничего не слышали, как, впрочем, и о самом ученом. После непродолжительного общения с коренным населением относительно названия места их проживания я понял, что нужно искать иной источник информации. Возникла мысль обратиться к водителю. Он произвел впечатление грамотного и общительного человека, к тому же уверенно объяснялся на китайском языке, поэтому я и решил задать ему вопрос о местонахождении интересующего меня памятника.

Интуиция не обманула. Он темпераментно и доходчиво

объяснил, как туда добраться, но подчеркнул, что автобус должен отправляться через 10–15 минут. Тут уж меня захлестнули эмоции. Оказаться на краю света и упустить возможность посетить места, каким-то образом связанные с выдающимся основоположником тюркологии, о котором столько слышал в университете, я, естественно, не мог. В то же время не прельщала и перспектива провести ночь в деревне: солнце уверенно клонилось к закату, а наш маршрут никак нельзя было отнести к числу особо популярных среди туристов. Узнав, что на машине смогу доехать до мемориала за десять минут, реанимировал все свои познания в области восточного этикета и доверительного общения без «потери лица». Водитель понимающе закивал и выделил 45 минут, заявив, что «остальные пассажиры пока погуляют».

Окрестные жители тесными рядами обступили старенькую малолитражку в надежде стать свидетелями традиционно продолжительного спора вокруг стоимости проезда. Их ожиданиям не суждено было сбыться. Ее владелец заговорил о 20 юанях в оба конца, я сбросил пять. По тому, как он быстро согласился, понял, что переплатил, но мысли в тот момент были заняты другим. Водитель автомобиля, окрыленный удачной сделкой, хотел покрасоваться перед земляками и ехать не торопился, но после того, как иностранный клиент решительно заявил о намерении отказаться от его услуг, схватился за баранку.

Махмуд Кашгарский— намного опередивший свою эпоху автор «Словаря тюркских языков» (тюрк. «Диван лугат ат-турк»), написанного в Багдаде на арабском языке в 1072–1083 годах. Он стал первым в мире ученым, описавшим лексику и грамматический строй тюркских языков в свете достижений арабского языкознания. До нашего времени сохранилась копия рукописи, выполненная в 1266 году. Ее обнаружил и приобрел в Турции в 1914 году видный коллекционер восточных манускриптов Али Амир Даирбакирский. Находка была настолько неожиданной, что какое-то время специалисты высказывали сомнения относительно подлинности текста.

Это уникальный по сложности поставленных и решаемых задач труд, где представлены: лексика тюркских языков с указанием ее племенной принадлежности; сведения о расселении тюркских племен; классификация их языков; данные по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрок; самая старая тюркская карта мира.

По мнению некоторых ученых, Махмуд Кашгарский был вынужден спасаться от политических преследований (согласно

другой версии, он отправился в путешествие с познавательными целями) и почти десять лет скитался по областям, где проживали тюрки. За это время он собрал весьма обширный материал и записал связанные тексты, которые помогли ему в дальнейшей работе. Переселившись в Багдад, он почувствовал, что его поистине энциклопедические знания могут быть востребованы. Так появился на свет «Диван лугат ат-турк».

Основное внимание Махмуд уделил языку кашгарских тюрок — тюрки хакани. Кстати, Кашгар и Семиречье он сделал центром мира на своей карте. В то же время ученый высказал множество важных соображений по языкам других тюркских племен. Им были предложены два критерия классификации тюркских языков и диалектов: по степени «чистоты» языка и по их фонетико-морфологическим особенностям. Махмуд Кашгарский полагал, что правильной и чистой следует считать речь людей, «говорящих только на тюркском языке и не смешавшихся с иранцами». Как считают специалисты, его классификация тюркских языков и диалектов по степени иноязычного влияния на них до сих пор остается единственной в тюркологии. На уровне современной науки она отсутствует, хотя выявление степени влияния языков того или иного семейства на конкретные тюркские языки представляет для тюркологии определенный интерес.

Рассуждения Махмуда Кашгарского по вопросам грамматики сопровождаются многочисленными лексическими примерами. В качестве иллюстраций к тюркским словам в своем сочинении он привел большое количество поэтических отрывков из тюркоязычных произведений. Вот фрагмент из «Кашгарских песен» в переводе С. Е. Малова:

Держи гостя в почете!
Да распространится в народе о тебе слава!
Аза врагом зорко наблюдай, держа свой кинжал!
Если случится, что он придет к тебе,
То выступай в поход против!

Суммируя высказываемые в научной литературе точки зрения относительно стихов в исследовании Махмуда Кашгарского, отечественный тюрколог И. В. Стеблева считает, что «Словарь» содержит образцы как тюркского фольклора, так и литературы; тексты восходят к доисламскому периоду, но несут на себе печать мусульманского влияния. По ее мнению, следующий этап в развитии тюркоязычной поэзии — классический период — складывался уже под непосредственным влиянием арабской и персидско-таджикской литератур.

Мемориальный комплекс Махмуда Кашгарского

Все примеры в указанном сочинении переведены на арабский язык. Большой лексический запас (свыше 9 тысяч тюркских слов) и наличие точного перевода в дальнейшем намного облегчили специалистам чтение памятников уйгурской письменности, в частности произведение Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание», о котором рассказывалось в главе 7. С помощью «Словаря» стало возможным внесение поправок и исправлений в прежние переводы с уйгурского языка.

До мемориального комплекса я действительно доехал очень быстро, но затем стали возникать мелкие заминки: поскольку других посетителей давно, не было, следовало найти кассира; вход на территорию был закрыт, поэтому несколько минут ушло на поиск ключей. Заплатив 8 юаней (5 — за могилу и 3 — за выставку национального костюма), на ходу сфотографировал памятник Махмуду Кашгарскому и устремился вверх по лестнице.

Комплекс состоит из двух зданий, реконструированных в 1985 году: молитвенного зала (мусалля) и собственно мавзолея (дарих, кубба). По своей архитектуре и внутреннему убранству они мало чем отличаются от аналогичных памятников в других

местах. Обратил внимание, например, что, в отличие от основания гробницы Юсуфа Баласагунского, покрытого бело-голубой плиткой, здесь оно оформлено значительно проще— побеленная штукатурка. Небольшая экспозиция рассказывает об известных фактах из жизни прославленного ученого и его уникальном произведении. Из нее узнал, что родился он в населенном пункте Опал, где в данный момент я и находился. Об обстоятельствах его смерти ничего выяснить не смог.

На выходе успел выразить свое недовольство подошедшим представителям администрации музея: иностранцы приезжают Бог знает откуда, чтобы отдать дань уважения их соотечественнику и узнать о нем что-то новое, познакомиться с последними исследованиями его биографии и творчества, а вместо этого надо бегать по деревне в поиске музейных работников, не говоря уже о полном отсутствии какой-либо печатной продукции о мемориальном комплексе или самом Махмуде Кашгарском.

Глава 10

НЕФРИТОВОЕ ВЕЛИКОЛЕПИЕ

Вначале XX века зарубежные ученые в ходе интенсивных археологических раскопок обнаружили в Хотане и прилегающих районах большое количество относящихся к I тыс. н. э. письменных источников не только на китайском, тибетском и индийских языках, но и на языке основной части населения оазиса — хотано-сакском. Довольно часто в древних памятниках практически на всех упомянутых языках можно встретить пересказ занимательной легенды о возникновении Хотана и становлении здесь государства. В текстах много несоответствий и разночтений, но основная сюжетная линия выглядит примерно следующим образом.

Будда Шакьямуни по совету своих ближайших сподвижников осветил своими лучами страну Ли (так в тибетских документах именуется Хотан), которая к тому времени стала озером, и воссоздал ее с помощью 363 лотосов. На месте водоема неприятного темно-фиолетового цвета вырос холм, где основоположник буддизма провел в молитвах целую неделю. Спустя какое-то время супруга великого Ашоки, правившего Индией в середине III века до н. э., купаясь в пруду, заметила тень бодхисатвы Вайшраваны (Ваджрапани), вскоре она родила сына. Приглашенный по сему поводу предсказатель сказал, что мальчик станет царем еще до того, как трон покинет его отец. Разгневанный Ашока приказал убить младенца, но мать-земля спасла будущего правителя и вскормила его молоком. Кстати, в ряде хотано-сакских источников говорится о стране с названием Гостана, которое толкуется там как «грудь земли».

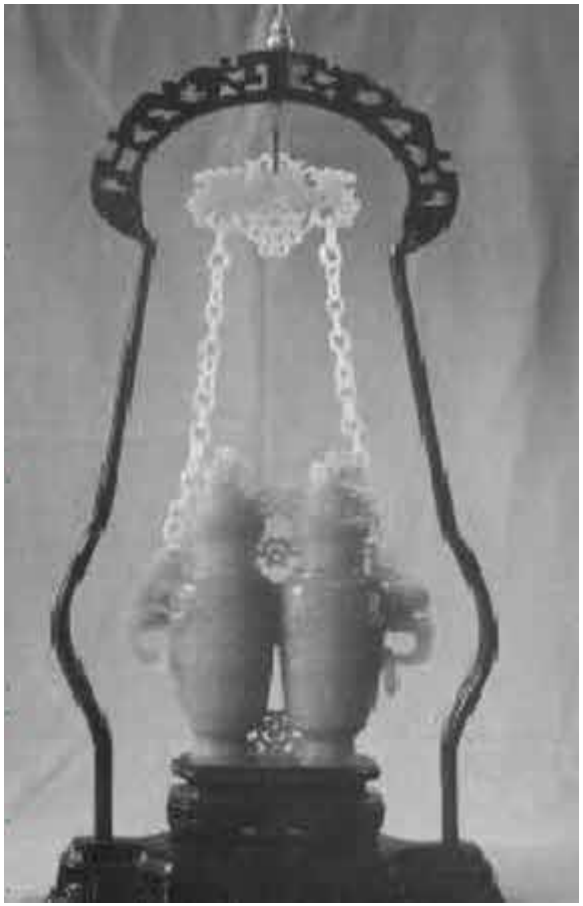
Вайшравана нашел мальчика, получившего имя Сану («сосущий землю»), и передал его благочестивому и глубокоуважаемому китайскому императору, имевшему много собственных сыновей. Когда они повзрослели, то отказались признавать Сану своим братом. Тогда император выделил ему 10-тысячное войско и отправил на поиск территорий, которыми тот смог бы управлять.

Вскоре армия Сану достигла пределов Хотана. В это время Ашока, недовольный своим министром Яшасом, изгнал его с семьей, слугами и войском из Индии. С опальным министром ушли около 7 тысяч человек. В дороге он узнал об удивительной судьбе Сану и направил к нему гонцов, предложив свои услуги на

административной службе. Отряды двинулись навстречу друг другу, после радостной встречи их военачальники стали спорить, где создать будущее государство. Как часто бывает в таких случаях, понадобилось вмешательство богов, чтобы прекратить затянувшийся спор. Объединенная армия в конечном итоге оказалась в стране Ли; Сану стал князем, а Яшас — его главным министром.

Нетрудно заметить, что, согласно легенде, новое княжество совместно основали индийцы и китайцы. Эти данные в определенной степени находят подтверждение в исторических документах. Китайские авторы в самых ранних летописных сводах сообщают о присутствии в Хотане двух указанных общин. Одновременно нельзя забывать, что наиболее многочисленной группой местного населения в рассматриваемый период были все-таки иранцы, говорившие на восточноиранском языке, который и получил условное название хотано-сакского.

Длительное время правителям древнего Хотана (Юйтянь) удавалось проявлять относительную независимость на фоне чрезвычайно жесткого военного противоборства кочевников и китайской армии в Западном крае. После прибытия туда в 73 году во главе небольшого отряда легендарного Бань Чао князь Гуандэ отказался платить дань сюнну и признал власть династии Хань. В 78 году хотанцы в коалиции с войсками Шулэ и Цзюйми разгромили армию государства Гумо, поддерживавшего сюнну, а в 84 году участвовали в успешном походе ханьских сил против княжества Соцзюй.



Хотанский нефрит

Правитель Хотана Фанцянь подтвердил преемственность политики верности китайским императорам и в 131 году отправил своего сына заложником ко двору Шуньди. Однако в середине II века эти отношения заметно ухудшились. В Хотане неожиданно скончался верховный администратор Западного края, подчинявшийся наместнику Дуньхуана (совр. провинция Ганьсу). Сын отправился за телом родителя и в дороге узнал, что того якобы умертвили по приказу хотанского князя Цзяня.

Вскоре это известие дошло до дуньхуанского наместника, который поручил новому верховному администратору Ван Цзину отомстить за предшественника. Тот выполнил приказ и выставил голову Цзяня на городской стене. Возмущенные местные жители напали на резиденцию Ван Цзина, и вскоре уже его голова была выставлена на всеобщее обозрение, а правителем княжества стал Аньго, сын Цзяня.

В конфликт был вынужден вмешаться китайский император Хуаньди. Он сместил наместника Дуньхуана и отменил карательную экспедицию против Хотана. По мере ослабления ханьской династии Хотан проявлял все большую

самостоятельность, но затем, как считает ряд авторитетных специалистов, ненадолго вошел в состав Кушанского царства, которое в период своего расцвета (конец I–III вв. н. э.) занимало значительную часть территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и, возможно, Синьцзяна. Согласно их мнению, в пользу указанной версии свидетельствуют найденные на территории княжества чеканные двуязычные (сино-кхарошти) монеты.

Данные денежные знаки— удивительный синтез мировых цивилизаций. Как известно, в Срединном государстве монеты на протяжении тысячелетий только отливали, самая ранняя чеканка появилась в Греции. Однако на обратной стороне находок есть иероглифическая надпись на китайском языке, определяющая их номинал. Изображение человека или животного — исконная традиция западных монет; для китайских аналогов, находившихся в обращении, она нехарактерна. Между тем на лицевой стороне хотанских монет помещены изображения коня или двугорбого верблюда.

Первые экземпляры были обнаружены сотрудниками миссии англичанина Т. Д. Форсайта в 1874 году. Вначале 90-х годов прошлого века насчитывалось более 350 таких монет, из них около 20 — с верблюдом. В КНР в настоящее время известны лишь 13 монет сино-кхарошти, с верблюдом всего одна.

Хотанские двуязычные монеты отчеканены из меди характерного красного цвета (известны, правда, две серебряные). Они достаточно четко различаются как по номиналу, так и по весу. Наиболее полновесные экземпляры достоинством в 6 чжу весят 4,70—5,07, в 24–16,00—17,40 грамма. Расположенная по кругу лицевой стороны надпись письмом кхарошти на монетах в 6 чжу с изображением коня переводится как «великий правитель», а на всех монетах в 24 чжу и на монетах в 6 чжу с изображением верблюда — «великий царь, правитель правителей». Указывается также имя правителя и, возможно, место правления.

Китайская легенда, определяющая номинал, находится на другой стороне рассматриваемых денежных знаков. Иероглифическая надпись на более мелких занимает все пространство — «медная монета в б чжу». На крупных она расположена по кругу — «медная монета весом в 24 чжу». Ученые расходятся в установлении исторических рамок ее обращения. Обобщив высказанные ими точки зрения, можно условно говорить о I–III веках. Любопытно, что примерно к этому периоду относятся и обнаруженные здесь монеты китайского образца, но хотанского производства с прямоугольным отверстием — «юйфан» (?), отлитые из свинца либо со значительной его

примесью. Известно всего несколько таких монет, и вопрос с их датировкой еще более запутанный.

В III–IV веках местные правители считали себя независимыми и соперничали с Лоуланем за преобладающее влияние на южном участке Шелкового пути. Стороны периодически возобновляли переговоры о границах, которые затем перерастали в боевые действия. Княжество заметно окрепло, в нем было, по свидетельству историка, «пять больших и несколько десятков малых городов».

О Хотане весьма эмоционально отзывался известный буддийский монах Фасянь (337 (?) — 422 (?) гг.), совершивший паломничество из Китая в Индию в 3 99—412 годах и проживший в княжестве три месяца в 401 году. В город он прибыл после того, как дважды преодолел Тянь-Шань и пересек Такла-Макан с севера на юг. По его словам, это «приятное и благоденствующее государство с многочисленным преуспевающим населением. Все жители чтят наш Закон и с наслаждением внемлют его божественной музыке. Монахов там несметное множество, большинство из них — последователи махаяны». Для приема прибывающих монахов построены специальные дома, где их снабжают всем тем, в чем они нуждаются.

Правители в те годы были ревностными буддистами, и Фасянь приходит в восторг от недавно возведенного монастыря: «В семи-восьми ли западнее города стоит так называемый новый княжеский монастырь, строительство которого отняло восемьдесят лет и растянулось на три правления. Высота его двести пятьдесят чи (единица длины, равная 0,32 метра. — Н. А.), он богато изукрашен тонкой резьбой и мозаикой, покрыт золотом и серебром, заставлен драгоценной утварью. За манговой рощей выстроен храм Будды, поражающий пышностью и красотой: балки, колонны, венецианские окна — все покрыто листовым золотом. Рядом расположены монастырские кельи, кои не описать словами». Монах стал свидетелем весеннего религиозного празднества, во время которого на великолепных колесницах, «напоминающих большие монастырские залы», по городу возили изображения святых.

Более подробное описание древнего государства оставил Сюаньцзан, возвращавшийся из Индии и прибывший в Хотан из Каргалыка. Молва опережала знаменитого паломника и мудреца, на границе своих владений его торжественно встретил и проводил до столицы местный правитель. Восемь месяцев провел в этих местах танский монах.

Цюйсаданьна (Хотан), согласно его рассказу, большая и богатая страна, «значительная часть ее— один песок и гравий, а

пахотной земли совсем мало». Она «пригодна для выращивания хлебных злаков и родит в изобилии фрукты. Вырабатывают здесь ковры, войлок высокого качества и легкие шелка. Еще добывают здесь белый и черный нефрит. Климат мягкий и приятный, но случаются бури, которые несут с собой тучи песка. Нравы и обычаи говорят о пристойности и справедливости. Жители мягки по натуре и почтительны; они любят изучать литературу и искусны в ремеслах. Люди беззаботны, предаются наслаждениями довольны своей участью. В стране широко распространена музыка, и народ любит песни и танцы. Мало кто носит платье из шерсти и меха, больше одеваются в легкие шелка и белую ткань. У жителей изысканный вид, они умеренны в своих привычках, ведут летопись. Их письмена напоминают индийские; формы несколько изменены, но различия невелики. Разговорный язык отличается от языка других стран. Почитают закон Будды. Там есть сто буддийских святынь и около пяти тысяч монахов. В основном следуют учению о «большой колеснице». Правитель отважен и мудр, доблестен в бою и высоко почитает достойных».

Воскресный базар

Сюаньцзан рассказал и легенду о проникновении буддизма в Хотан. Много лет назад некий монах, прибывший из Кашмира,

встретился с местным князем и обратился с просьбой построить культовое здание. Правитель не верил в учение, но согласился исполнить просьбу, если монах покажет ему «подвиги Будды». Однако монах все-таки настоял, чтобы сначала воздвигли храм. Неожиданно пропал гханча — священный колокольчик. В ответ на вновь заданный вопрос о вероятности появления Шакьямуни монах призвал следовать учению, чтобы приблизиться к великому божеству духовно. В этот момент сам Будда вдруг спустился с небес и вручил ранее сомневавшемуся князю колокольчик, утвердив его в вере, которую правитель и распространил на территории государства.

Буддизм сохранял прочные позиции в Хотане на протяжении многих веков и был вытеснен исламом только в начале XI века, т. е. значительно позже, чем это произошло в Кашгаре, Куче и других оазисах на западе Синьцзяна. Город оставался центром философско-религиозной мысли и буддийского искусства. В исторической литературе довольно часто можно встретить упоминания о доставке в столицу империи и самые известные обители уникальных скульптурных и живописных произведений хотанских мастеров.

Из китайских источников известно, что контакты между Хотаном и династией Тан были установлены в 632 году, когда князь Виша Санграма направил послов ко двору императора Тайцзуна. Спустя семь лет он же прислал в Чанъань — столицу Поднебесной — своего сына в качестве заложника. Так же поступил и новый правитель Виша Симхья, подарив 300 верблюдов. Вскоре он явился в столицу империи, где прожил несколько месяцев, прежде чем был отпущен домой.

В 674 году Чанъань встречала очередного хотанского князя со свитой из 70 его родственников и приближенных.

В династийной хронике записано, что посольство, которое возглавлял Виша Киртти, прибыло в связи с услугами, оказанными Хотаном танской армии в борьбе с тибетцами. Одновременно своим указом император объявил о проведении в отдаленном владении административных преобразований.

Затяжные тибето-китайские войны во второй половине VII века и на протяжении всего VIII века в Западном крае предопределили политическую нестабильность в княжестве. Его правители, судя по всему, смогли укрепить свои позиции только после распада тибетского государства, но сведений об этом историческом периоде чрезвычайно мало. На рубеже X–XI веков Хотан вошел в состав государства Караханидов, а в начале XIII века был завоеван монголами.

Хотан (Юйтянь) еще в I тыс. до н. э. был знаменит своим

нефритом. Камень, твердый как сталь, полупрозрачный и необыкновенно гладкий после шлифовки, ценился в Китае дороже золота и слоновой кости. Жители Срединного государства обозначали его иероглифом «юй», который имел и другие значения: «драгоценный», «прекрасный», «чистый»… Не случайно княжество, в котором, по словам ханьского историка Бань Гу, «изобилие нефрита», получило название Юйтянь («Нефритовое поле»). Ученые считают его китайской транскрипцией местного наименования.

В конце II века до н. э. императорский посол Чжан Цянь сообщал о большом количестве хотанского нефрита, «который привозят в Китай». Из него в Поднебесной изготавливали самые разнообразные предметы— от женских украшений до статуй Будды; в погребальных церемониях он считался камнем, достойным внимания богов; нефрит нашел активное применение в императорской фармакопее; чаши для вина в виде драконов и других мифологических персонажей, фигурки птиц и животных из «небесного камня» неизменно воспринимались как поистине царские подарки. Нефрит широко использовали в дворцовых церемониях, он символизировал благородство и достоинство императоров и высокопоставленных сановников. Великий

Конфуций видел в нем «все красоты и добродетели господина», включая ум, гуманность, преданность и правдивость.

Многих правителей и их ближайших родственников в ханьскую эпоху хоронили в своеобразных саванах из нефритовых пластин, поскольку считалось, что этот камень предотвращает процесс разложения умершего. Китайский документ того времени гласит: «Князей наследственных владений хоронят в нефритовых одеждах, скрепленных серебряными нитями». В отдельных случаях подобные нефритовые одеяния посылали в подарок иноземным правителям.

Археологи обнаружили уже несколько десятков таких «костюмов» во внутренних районах Китая. На их изготовление уходило до 2–2,5 тыс. нефритовых пластин. Зачастую минералогические анализы подтверждают хотанское происхождение нефрита. В последний раз мы с дочерью тщательно рассматривали нефритовый саван, сделанный около 2 тыс. лет назад, летом 2002 года в Историческом музее Янчжоу, расположенном на Великом канале в провинции Цзянсу. Этим городом в 80-х годах XIII века «три года управлял» Марко Поло.

Знаменитый венецианец на пути в Ханбалык (совр. Пекин) — ставку Хубилая— побывал в средневековом Хотане, но о местном нефрите его «Книга» умалчивает: «Хотанская область на восток и северо-восток; тянется она на восемь дней пути и принадлежит

великому хану; живут тут мусульмане, и много здесь городов и городков. Самый знатный город и столица всего царства называется Хотаном, и страна зовется так же. Здесь всего вдоволь: хлопку родится много, у жителей есть виноградники и много садов; народ смирный, занимается торговлею и ремеслами». Любопытно на сей счет высказывание Ю. Н. Рериха, который в составе экспедиции отца прожил в городе несколько месяцев зимой 1925/1926 года. Он полагал, что сведения, оставленные знаменитым венецианцем, «и по сей день верно отражают образ жизни и обычаи хотанцев».

Исторические хроники, рассказы путешественников и другие источники свидетельствуют о том, что в княжестве всегда было много белого и цветного нефрита. Знаменитый ученый-энциклопедист Абу Рейхан аль-Бируни (973— 1050 гг.). в своем уникальном труде по минералогии указал, что нефрит добывается в двух долинах рек области Хотан: в одной— белый камень высшего качества, крупные куски остаются собственностью правителя, а мелкие — его подданных; в другой долине нефрит мутной окраски, но иногда встречаются совершенно черные куски. Аль-Бируни сообщает, что потоки приносят нефрит с гор в одну долину, камни «разрезают алмазом и… вытачивают поясные пряжки и перстни».

По старинным поверьям, хотанский минерал — это лунный свет, превратившийся в кристалл, а прекрасный нефрит можно найти там, где его много. Автор «Словаря тюркских языков» Махмуд Кашгарский в XI веке утверждал, что «если у кого будет с собой нефрит, (того) не убьет молния». Согласно его высказываниям, древние тюрки, некогда жившие в регионе, представляли себе небо в виде зеленой бирюзы, по которой рассыпан белый нефрит, т. е. звезды. Кроме того, тюрки считали нефрит камнем победы, в связи с чем им украшали конское снаряжение, мечи и иное оружие.

Приехав в Хотан, я поселился по своему обыкновению рядом с автовокзалом— в гостинице «Дорожная» (кит. Гунлу биньгуань). Она открылась всего два месяца назад и производила приятное впечатление своей чистотой. Расселение в ней напомнило мне старую советскую практику, когда в двухместный стандартный номер с удобствами селили абсолютно незнакомых людей, обычно командировочных.

Администратор уверенно заявила, что мой сосед — мужчина, а дежурная по этажу говорила уже о женщине. Последняя информация несколько обескуражила: я совершенно не возражал против восточной красавицы или симпатичной квартирантки, но был удивлен проявлением работниками отеля подобной широты

взглядов в городе с явно преобладающим мусульманским населением.

Позднее пришел к выводу, что таким образом дежурная барышня выразила свое отношение к нетрадиционной сексуальной ориентации молодого человека, с которым мне предстояло прожить двое суток. Сосед по номеру давно приехал из Кашгара на строительство автомобильной дороги и имел в городе массу знакомых, поэтому в гостинице появлялся крайне редко и не докучал.

Ранним утром по Пекинской улице (кит. Бэйцзинлу) я отправился в сторону краеведческого музея, заранее уведомленный о «нерегулярном характере» его работы. Вход в трехэтажное здание действительно был закрыт, но удалось выяснить, что через 1,5–2 часа сотрудники, возможно, появятся. В двух шагах от музея располагается своеобразный нефритовый центр с соответствующими магазинами, мастерской и рынком.

Местные жители на улицах постоянно предлагают купить довольно красивые экземпляры. Яне отношу себя к тонким ценителям и знатокам этого минерала, но каждый раз рассматривал его с интересом. До сих пор население Хотана активно собирает белый нефрит в реке Юрункаш, которая протекает в восточной части города.

Во второй половине дня я отправился туда на микроавтобусе; двигала мной не жажда легкой наживы, а попытка, увы, неудачная, посетить расположенную на берегу ковровую фабрику. Вдоль частично пересохшего русла двигались два-три десятка людей и внимательно изучали речную гальку. Не берусь судить, насколько успешным был их поиск.

Зато на нефритовом рынке в воскресный день глаза разбегались. Там впервые узнал, что местный белый нефрит нельзя путать с аналогичным минералом из провинции Цинхай, который по качеству значительно уступает хотанскому. Необыкновенно понравились мне крупные камни, которые мужчина средних лет собирал, по его словам, в предгорьях Куньлуня. Многие из них, похоже, не имели отношения к нефриту, хотя выглядели бесподобно. Мелькнула мысль о покупке приглянувшихся образцов, но я ее тут же решительно прогнал, представив себе изрядно потяжелевший в таком случае рюкзак и впереди дальнюю дорогу.

Как полагают специалисты, в горах Куньлуня и Алтынтага, на участке от Ташкургана до Чарклыка протяженное-тью 1100 км, залегает 210 тыс. — 280 тыс. тонн хотанского нефрита, что составляет весьма существенную часть мировых запасов минерала. В настоящее время годовая добыча этого камня

составляет 120–150 тонн, большая его часть отправляется во внутренние районы страны на переработку. В столичном Музее Гугун, например, хранится удивительная резная композиция «Да Юй покоряет водную стихию», выполненная на целом куске хотанского нефрита весом несколько тонн. На транспортировку камня, его обработку и уникальную резку ушло около 10 лет.

Специализированная мастерская в связи с выходным днем была закрыта. Однако в одном из магазинов чрезвычайно любезные дамы в течение часа показывали всю коллекцию, несмотря на то, что я предупредил их: ничего покупать не буду. На прощание они подарили красочный набор открыток с лучшими работами местных умельцев.

Пришла пора посмотреть местный музей, где выставлены мумифицированные останки людей, населявших оазисы сотни и тысячи лет назад. Для посетителя, хотя бы поверхностно знакомого с обширной литературой о древних памятниках, обнаруженных в оазисе, несколько музейных залов особого интереса не представляют. Как известно, в районе Хотана много и исключительно эффективно работал англичанин А. Стейн. Вначале XX века он обследовал развалины Йоткана (11 км к западу от современного города), который, по мнению ряда ученых, был столицей древнего княжества, и Дандан-уйлыка (в пустыне Такла-Макан), раскопал ступу в Раваке, выявил буддийские святилища в Домоко и т. д.

С середины XX века по настоящее время в Хотанском оазисе трудятся китайские археологи. В 1979 году они вели раскопки в Маликавати (25 км к югу от Хотана), в 90-х годах прошлого века к ним присоединились японские специалисты. Скромная экспозиция рассказывает лишь о некоторых находках последних десятилетий.

В конце XIX— начале XX века Хотан постоянно привлекал внимание иностранных путешественников и ученых.

Согласно сведениями. М. Пржевальского, побывавшего в этих местах во второй половине 1885 года, обширный оазис «лежит на абсолютной высоте 4400 футов (примерно 1340 метров. — Н. А.) и орошается водой двух рек — Юрункаш и Каракаш, соединяющихся верст за сотню ниже в одну реку», т. е. р. Хотан. Кроме окрестных деревень, он включает три города: собственно Хотан, Юрункаш и Каракаш. В Хотане, на левом берегу реки Юрункаш, находится администрация округа, Юрункаш расположен на ее правом берегу, а Каракаш — в западной части оазиса, на левом берегу реки Каракаш. Население оазиса — «около 300 тысяч душ обоего пола», «все магометане — сунниты».

Много интересного о жизни в старом Хотане поведал

С. Гедин, неоднократно приезжавший туда во время экспедиции 1893–1897 годов. Особенно впечатлил его эпизод, наглядно проиллюстрировавший особенности китайского правосудия.

Весной 1895 года путешественник обследовал западную часть Такла-Макан, где в условиях продолжительного отсутствия воды стал пленником «царства могильной тишины», потерял практически весь караван, а сам выжил лишь благодаря личному мужеству и счастливому стечению обстоятельств. Последующие странствия и приключения в какой-то степени заслонили драматические события недавнего прошлого, но они напомнили о себе летом 1896 года. Прибыв в Хотан, ученый обнаружил на квартире значительную часть походного багажа, пропавшего в пустыне. Его прислал местный правитель (маньчж. амбань) по фамилии Лю.

За год до этого неожиданно объявился револьвер шведского производства. Некий торговец Юсуф пытался подарить его аксакалу (старейшина) западно-туркестанских купцов, чтобы склонить его на свою сторону. Однако тот не принял щедрого подношения и строго допросил Юсуфа относительно происхождения огнестрельного оружия. В процессе длительного расследования были выявлены две группы лиц, подозревавшихся в причастности к похищению дорогостоящего снаряжения экспедиции. Чиновники нашли также некоторые предметы, считавшиеся навсегда утраченными.

Подозреваемых на допросах регулярно секли, добиваясь от них исчерпывающих признаний и разъяснений. Когда приехал С. Гедин, следствие заметно активизировалось. Амбань решил прибегнуть к пыткам, но швед твердо воспротивился этому, подчеркнув, что у него на родине не допускается жестокое обращение даже с преступниками; если подозреваемые будут подвержены телесным наказаниям, то он немедленно покинет город. Господин Лю уступил требованию иностранца и вскоре вынес приговор, который заслуживает того, чтобы быть процитированным: «Одна из двух обвиняемых сторон лжет, но так как следствием не установлено, которая именно, то я приговариваю обе стороны уплатить нашему гостю в течение двух дней стоимость пропавших вещей».

«Есть и ситцы, и парча»

Путешественник попробовал было отказаться от денег, но хотанский правитель категорично заявил: «Возможно, деньги Вам не нужны, но для китайского правительства очень важно показать своим подданным, что они не могут безнаказанно грабить проезжих европейцев; в противном случае грабежи могут повториться, когда прибудут новые путешественники». По мнению С. Гедина, проявленные высокопоставленным администратором справедливость и энергия «были поистине необычными для китайского чиновника», но представляется, что он был неправ.

Тысячелетиями государство в этой стране добивалось от населения полного и беспрекословного подчинения. Менялись эпохи и династии, происходили социальные взрывы и потрясения, но неизменным был курс правящей элиты на жесткое преследование тех, кто своими действиями создавал угрозу устоям общества или его безопасности. Конечно, всегда оставалось место для злоупотреблений и самодурства во властных структурах, нерадивости и продажности чиновничьего сословия, убийств и насилия, разбойных нападений, грабежей и краж, но китайцы в массе своей всегда с опаской относились к суду и поэтому не торопились преступать закон.

Нечто подобное можно наблюдать и в современном Китае. После нескольких десятилетий топтания на месте КНР бурно финишировала во втором тысячелетии и на всех парусах устремилась в XXI век. Становление мощной и влиятельной державы, возвращение Сянгана (Гонконг) и Аомэня (Макао), вступление в ВТО в целом на весьма благоприятных условиях, триумфальное завоевание права на проведение летних Олимпийских игр в 2008 году и ЭКСП0-2010, другие яркие достижения на фоне политической стабильности и устойчивого экономического роста в стране заслуживают самой высокой оценки.

Феномен реформируемого Китая особенно отчетливо дал о себе знать во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов, когда у его соседей бушевали нешуточные социально-экономические и политические страсти, и даже такой мировой колосс, как Япония, столкнулся с немалыми трудностями. КНР смогла безболезненно решить возникшие «факторы неустойчивости» и оказала определенную помощь ряду государств.

Между тем начавшиеся с конца 70-х годов прошлого века реформы не только привели к удивительным и грандиозным переменам в обществе, но и спровоцировали появление абсолютно новых для социалистического Китая видов преступлений, заставили по-иному взглянуть на криминогенную ситуацию в стране. Если раньше о совершаемых преступлениях узнавали в основном из средств массовой информации, то в последние годы с ними приходится сталкиваться и в быту. В этой связи достаточно обратиться к личному опыту.

На протяжении ряда лет мы с дочерью 1–2 недели проводили в замечательном курортном городе Циндао (провинция Шаньдун), расположенном на берегу Желтого моря. Живописные бухты и песчаные пляжи, удивительная архитектура в немецком стиле начала XX века, комфортное проживание в пансионате агентства Синьхуа, роскошные морепродукты и пиво давали возможность прекрасно отдохнуть и существенно повышали жизненный тонус. Однако ежегодно (с 2000 по 2002 г.) нас обкрадывали на пляже, а однажды унесли абсолютно все вещи, оставив бедных иностранцев в купальных костюмах. Стоит, пожалуй, напомнить, что Циндао— это будущий олимпийский город, там запланировано проведение парусной регаты. Полицейские из раза в раз исправно выполняли предписанные формальности, выражали искреннее сочувствие, а в наиболее критический момент даже выделили одну майку на двоих и деньги на такси, но воров так и не поймали.

Безусловно, подобные эпизоды негативно влияют на настроение, тем не менее следует признать, что преступность в Китае находится под контролем властей, поэтому вечерние прогулки в различных районах любых городов, полуночные трапезы на свежем воздухе, возвращения дочери из дискотеки в предрассветные часы во время летних каникул не вызывали опасений.

Немаловажную роль в обеспечении и поддержании общественного порядка и социальной стабильности играют суровые наказания, которые предусмотрены для нарушителей закона. Руководство страны требует от правоохранительных органов целенаправленной и бескомпромиссной борьбы с преступниками, невзирая на чины должностных лиц. Относительно недавно по приговору суда расстреляны бывшие заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (национальный парламент) Чэн Кэцзе и вице-губернатор провинции Цзянси Ху Чанцин; смертную казнь с двухлетней отсрочкой исполнения приговора получили прежние мэр индустриального Шэньяна (административный центр провинции Ляонин) Му Суйсинь и заместитель министра общественной безопасности КНР Ли Цзичжоу; 16 лет проведет в тюрьме некогда всесильный член политбюро ЦК КПК, секретарь пекинского горкома и мэр столицы Чэнь Ситун и т. д.

Китайских лидеров мало волнуют либеральные рассуждения в Совете Европы о недопустимости применения смертной казни. Они чувствуют поддержку со стороны широкой общественности и убеждены: принимаемые нормы права должны в первую очередь отражать конкретные реалии их страны и защищать интересы законопослушных граждан. Неудивительно, что иностранцы ощущают себя здесь в безопасности и достаточно комфортно.

После знакомства с экспонатами исторического музея я отправился на центральный базар, ибо из опыта регулярных поездок по Средней Азии времен Советского Союза давно знаю, что значительную часть воскресного дня лучше всего проводить именно там. На Востоке о более или менее крупных населенных пунктах с давними традициями трудно составить целостное представление, не окунувшись в праздничную атмосферу обилия и разнообразия ассортимента товаров, оживленной и динамичной торговли, красочных семейных выходов, предусматривающих посещение ресторана либо харчевни, эмоциональных встреч родственников и старых знакомых с обязательным обменом новостями и т. д. В большинстве синьцзянских городов, в которых удалось побывать, базарным также объявлен седьмой день

недели, хотя кое-где удивительное по своему размаху и колориту действо происходит в пятницу.

В Хотане главный базар расположен на востоке, куда из центра надо добираться на микроавтобусе (в пределах 7— 10 минут). Если подъезжать к нему со стороны окрестных сел, то можно легко оказаться в компании с овечками и домашней птицей, хотя строгие женщины-контролеры в таких случаях выражают явное неудовольствие. Большую часть своих грузов местные жители везут все-таки на арбах— двухколесных повозках, запряженных ослами.

У нас обычно довольно скептически относятся к этим животным-трудягам, почему-то сразу обращая внимание на их умственные способности. Можно подумать, что другой домашний скот стоит на принципиально иной ступени интеллектуального развития. Крестьяне Срединного государства активно задействуют ослов в качестве тягловой силы по всей стране, включая и пригороды Пекина. Что же касается засушливых районов, то тут эти неприхотливые животные попросту незаменимы. Они не требуют много корма, мобильны и выносливы, неплохо переносят жару, да и на вкус ослятина, на мой взгляд, ничуть не уступает говядине, а в холодном виде она явно предпочтительнее.

На базарной площади кипела бурная жизнь: кто-то только еще разгружал свои повозки с привезенным на продажу товаром; другие, наоборот, уже закупили все самое необходимое.

В конце XIX века Н. М. Пржевальский писал, что торговля на хотанском базаре, который он, кстати, оценивал как «большой», по сравнению с другими в округе, «до крайности мелочная: в одной лавчонке сидит продавец с десятком дынь и арбузов, маленькой кучкой персиков или каких-либо овощей; в другой высыпано на мешках по пуду, или того меньше пшеницы, риса, кукурузы, несколько пригоршней каких-то семян, связка чесноку, сушеные абрикосы, шептала (сушеные персики или абрикосы с косточкой. — Н. А.) и изюм; в третьей продаются пирожки, пельмени, суп, жареное мясо, все это тут же и стряпают; в четвертой выставлено несколько фунтов белого сахара, рядом с которым лежат — стручковый перец, табак и зажигательные спички; в пятой разложена кучка железного хлама, и при нем работает кузнец; в шестой продают и тут же шьют сапоги; в седьмой висит баранья туша; в восьмой торгуют меховыми шапками, халатами и другой одеждой как мужской, так и женской; в девятой разложены русские красные товары— ситцы, кумач, плис (хлопчатобумажный бархат. — Н. А.), тесемки и т. п.; в десятой продаются серебряные браслеты, серьги, кольца,

гребенки, зеркальца, румяна, пудра и другие принадлежности женского туалета; в одиннадцатой сидит цирюльник, совершающий публично свои операции — подстригание усов и бороды, а также бритье головы или волос в ноздрях и ушах; в двенадцатой продают глиняную посуду и сухие тыквы для воды; словом, до последней лавчонки все в том же роде. Кроме того, по базару снуют разносчики с разными мелочами (булки, фрукты, спички и т. п.) и выкрикивают о своих товарах…»

По его словам, на базаре всегда невообразимая толкотня, для местных жителей это «настоящий клуб, где передаются все новости». Многие приходят издалека исключительно для того, «чтобы поболтать и узнать что-нибудь новенькое». Торгуют мужчины и женщины, цен больших не запрашивают.

Спустя сто с лишним лет выявить здесь какие-то принципиальные изменения довольно трудно, если не обращать особого внимания на немногочисленные предметы, в той или иной степени связанные с научно-техническими достижениями XX века, — сомнительного качества бытовую аудио- и видеотехнику, электроприборы и т. п. За таким товаром уважающий себя покупатель идет, как правило, в универмаг, а не на базар.

В силу понятных причин исчезли «русские красные товары», зато у торговцев сейчас неизменно богатый выбор ковров, изделий из шелка и войлока. Странно, что они не попались на глаза знаменитому путешественнику. Его современники, посещавшие оазис примерно в те же годы и несколько позже, обращали на них внимание в первую очередь.

Неожиданно много оказалось на базаре дров. При стабильных 35 градусах тепла в середине сентября и постоянно ощущавшемся соседстве знойной пустыни Такла-Макан было крайне сложно определить конкретные причины массового спроса на них.

Палочкой-выручалочкой для обитателей безжалостной пустыни на протяжении тысячелетий являются евразийские тополя (кит. хуяншу). Их родина — Синьцзян, про эти деревья говорят, что они могут прожить около тысячи лет, потом твердо стоят другую тысячу лет и остаются неповрежденными еще одну тысячу лет, пока лежат на песке. Их ключевую роль в жизни местного населения при всем желании переоценить невозможно. Иногда даже кажется, что евразийские тополя — это Божий дар людям, волею судеб оказавшимся в чрезвычайно суровой среде обитания.

Удивительные деревья пришли на помощь и исследователям данного региона. Все деревянные находки, начиная от обычных ложек и кончая гробами усопших, оказались в хорошем

состоянии, что позволило археологам получить бесценный материал для своих научных изысканий. С помощью погибших, но не упавших хуяншу удавалось и удается разыскивать следы древних государств и поселений, отдельные захоронения и могильники.

Ковровый бизнес

Особый разговор о деревянных дощечках с письменами. Это, пожалуй, одни из самых ценных находок, поскольку они озвучили голоса далекого прошлого. С тех пор, как в начале XX века в Синьцзяне обнаружили первые экземпляры, к настоящему времени их общее число перевалило за десятки тысяч единиц. Они найдены на караванных путях и в оазисах пустыни; среди них послания и указы правителей, личная переписка, распоряжения по хозяйству, долговые расписки и многое другое. Тексты на различных языках дали возможность почувствовать пульс и ритм жизни древнего Шелкового пути.

Потихоньку подкралось обеденное время, и я охотно представил себе раскаленный тандыр с нежнейшей бараниной и хрустящими лепешками внутри, других вариантов по части применения в этих местах дров у меня не возникало. Однако хотанцы в один голос уверяли, что зимой в их краях очень

холодно. Заглянув в китайский справочник, я отчасти признал свою неправоту, но сомнения в душе россиянина, не понаслышке знакомого с настоящими морозами, остались.

Поскольку с предстоящей трапезой захотелось отведать алкоголя хотанского производства, предварительно следовало найти достаточно солидный продовольственный магазин с соответствующим ассортиментом. В мусульманском городе, даже в Китае, возникают частые заминки с приобретением напитков более крепких, нежели пиво.

Поиски растянулись примерно на четверть часа, пока я не наткнулся на хорошие местные вина. Взгляд остановился на бутылке (0,7 литра) с броской черно-красно-золотистой этикеткой, которую уже видел в Урумчи. Еще тогда я решил купить ее в Хотане, отдав предпочтение спиртным напиткам, изготовленным в административном центре. Заодно сэкономил полдоллара, она обошлась в 8 юаней, а в Урумчи указанная бутылка стоила 12.

Вино по-китайски называлось «мэйгуй» (роза), но, к счастью, оно не имело ничего общего с дешевым розовым «портвейном» замечательной студенческой поры. Порадовали его приятный аромат, темно-красный цвет и небольшое количество сахара; на этикетке бутылки художник запечатлел китайскую традиционную чарку из бронзы на трех ножках, памятник которой пекинские власти недавно по-чему-то поставили неподалеку от посольства России в КНР.

Через минуту к столику подошел изрядно выпивший, грязный и полураздетый человек, явно смахивавший на отечественных алкашей или «бомжей», и стал просить милостыню. В первый момент я даже чуть опешил, так как никак не ожидал увидеть здесь подобной экзотики. Мужчина не походил на ханьца или уйгура, но уверенно говорил на обоих языках.

Нищих в современном Китае немало. Зачастую это уроженцы наиболее отсталой провинции Хэнань, где проживают всего около 100 млн. человек. Они весьма назойливо попрошайничают на вокзалах и улицах крупных городов. Ближе к национальным праздникам либо накануне важных политических мероприятий полиция быстро и четко решает эту проблему, но со временем все возвращается на круги своя.

В городах Синьцзяна я изредка встречал совершенно иных нищих, хотя не уверен, что данное слово к ним вообще применимо. Это были скорее настоящие дервишы— члены своеобразного суфийского (от араб, суф— грубая шерстяная ткань) братства, нищенствующие бродячие аскеты, осознанно не имеющие какого-либо личного имущества. Подобным образом

они подчеркивают тот особый смысл, который придается в суфизме учению о добровольной бедности и довольствовании ничтожно малым.

Первые аскеты были еще среди сподвижников Мухаммеда. Своей конечной целью суфии считали и считают уничтожение личностных качеств и замену их божественными либо прямое соединение с божественной истиной. Эта философия оказала мощное влияние на классическую поэзию исламского мира. Прославленный поэт-суфий Джалаладдин Руми, живший в XIII веке, писал:

О друг, умей страдания сносить,
Чтоб сердце светом жизни просветить.
Тем, чья душа от плотских уз вольна,
Покорны звезды, солнце и луна.
Тому, кто похоть в сердце победил,
Покорны тучи и круги светил.
И зноем дня не будет опален
Тот, кто в терпеньи гордом закален.

(пер. В. Державина)

Другой выдающийся персидский поэт и современник Руми Муслихиддин Саади более двадцати лет в рубище дервиша скитался по мусульманским странам. В его знаменитой поэме «Бустан» есть рассказ о долгих молитвах мистика-аскета, которому сначала некий голос, а затем мюрид (послушник) пытаются внушить, что все устремления тщетны, не для него «небесные врата», на что дервиш дал такой ответ:

От этих врат мне некуда уйти,
Другого нет передо мной пути.
Не думай, коль от пира ты отбился,
Что я и сам от бога отвратился.
Лишь попрошайка, получив отказ,
В другую дверь стучать бежит тотчас.
Пусть я отвержен, но в любви и вере
Я тверд. И я другой не знаю двери!

(пер. В. Державина)

Большим авторитетом у своих современников пользовался Абдурахман Джами (1414–1492 гг.) — ученый, философ-суфий, аскет, наставник государственных деятелей и поэтов. О нем великий поэт и его большой друг Алишер Навои сказал:

Дервишеской одеждою своей
Он затмевает блеск земных царей.
Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

(пер. В. Державина)

Абдурахман Джами в жизни и стихах самым решительным образом отвергал любое проявление лицемерия и говорил, что «потакать лжецам и трусам в сочиненьях не привык». Вот одна из его газелей:

Что видел в мире этот шейх, укрывшись в своем дому,
Отрекшийся от нужд людских, себе лишь нужный самому?
Он сам живую с миром связь, как пуповину, перегрыз,
И словно шелковичный червь, ушел в свой кокон
— чужд всему.
Зачем, живой среди живых, бежит он от людских тревог?
От всех избавясь, от себя куда уйти? В какую тьму?
Он в зрелости, исполнен сил, достойных дел не совершил.
Ты, как неверному, ему не доверяйся потому…
Ведь он верблюжьих бубенцов не слышал
средь степных песков.
Ты, внемля проповедь его, не верь и слову одному.
Влюбленный в ложный внешний блеск,
он груду раковин купил.
Бесценный жемчуг свой за них отдав неведомо кому.
Джами, не спрашивай его о чаше истинной любви, —
Из чаши той не довелось и полглотка отпить ему.

(пер. В. Державина)

Современные синьцзянские дервиши выглядели весьма импозантно: довольно высокий рост, развевающаяся грубая одежда, всклоченные длинные и густые волосы, крепкий деревянный посох, — все это каждый раз привлекало внимание окружающих. Что же касается вышеупомянутого хотанского маргинала, то общение с ним никак не входило в мои планы, и мы очень скоро расстались.

Напротив харчевни шла бойкая торговля изделиями из атласа

и парчи. Отвести глаза от буйства сочных красок было невозможно, сказочно выглядели в лучах яркого солнца золотые и серебряные нити.

Шелковые ткани получили широкое распространение в Западном крае уже в первые века нашей эры. Чрезвычайно высокие цены и ажиотажный спрос на них наблюдались тогда практически повсеместно за пределами Поднебесной. Так, в эдикте римского императора Диоклетиана о ценах (301 г.) стоимость фунта чистого золота в слитках оценивалась в 50 тыс. денариев (серебряная монета), а фунт шелка-сырца, окрашенного в пурпур, — в 150 тыс. Фантастические доходы китайских императоров, чиновников и купцов не давали спокойно спать правителям многих стран и их приближенным, мечтавшим о сказочных богатствах и роскоши. Им тоже хотелось красиво и изысканно одеваться, не растрачивая благородный металл, и самим торговать дефицитным товаром.

Хорошо известно, сколько усилий было потрачено на то, чтобы выведать у китайцев тайну производства шелка. Самое, пожалуй, знаменитое предание о его похищении имеет непосредственное отношение к Хотану.

Местный правитель никак не мог узнать об исходных материалах и способе изготовления дорогостоящего товара. Тогда по совету своего министра по имени Юйчи Му он решил схитрить и посватался к китайской принцессе. Когда предложение было принято, посланец хотанского князя шепнул принцессе, что на родине ее будущего супруга много превосходного нефрита, но нет изысканного шелка и, если она хочет носить такие же красивые одежды, как и до свадьбы, ей следует привезти с собой яйца шелковичных червей и семена тутового дерева. Трудно предположить, что девушку одолевали мучительные сомнения относительно государственных секретов: выдавать или не выдавать. Все, что требовалось, она привезла в Хотан, спрятав яйца в замысловатой прическе, которую пограничная стража не имела права досмотреть, а необходимые семена — в багаже со всевозможными травами и снадобьями.

Любопытно, что предприимчивая невеста мыслила значительно масштабнее своего жениха и взяла с собой под видом домашней прислуги специалистов по разведению шелкопряда, выращиванию тутовых деревьев и шелкоткачеству. Сырье и технология производства, контрабандой вывезенные из Китая, оказались вскоре и в других государствах Западного края, получили распространение в Индии и т. д.

Так гласит легенда. А. Стейн и другие исследователи связывают с ней соответствующие изображения, обнаруженные в

Дандан-уйлыке (Хотанский оазис). Китайские археологи при раскопках в 1980 году развалин Нии, расположенной восточнее Хотана, нашли шелковичный кокон и фрагменты засохших шелковичных деревьев. Поскольку население оставило Нию к началу IV века, то можно утверждать: шелководство — разведение гусениц бабочки тутового шелкопряда — появилось в оазисе не позднее III века. Ученые также считают вполне доказанным, что уже в середине V века в регионе существовало несколько центров по изготовлению шелковых полихромных тканей.

Перед дальней дорогой

Путешественники конца XIX— начала XX века практически единодушно отмечали большой объем шелкоткачества в Хотане и

высокое качество производившегося там шелка. Об этом довольно подробно писали К. Риттер и С. Гедин, А. Стейн и М. В. Певцов. Судя по изобилию и разнообразному ассортименту шелковых изделий на городском рынке осенью 2002 года, местные жители не утратили приобретенных некогда навыков и вполне успешно продолжают дело своих предков.

К сожалению, моя попытка посетить шелкоткацкую фабрику, что примерно в 4 км к северу от центра, оказалась безрезультатной. Автобус № 1 исправно довез меня до конечной остановки, однако в воскресный день ее корпуса были закрыты. Побродив с полчаса среди крепких, но несколько обшарпанных зданий, построенных где-то в середине прошлого века (вполне вероятно, с помощью Советского Союза), я решил-таки отправиться на ковровую фабрику в другой части города, хотя прекрасно понимал, что и там меня ожидают замки на дверях, но другого выбора не было: следующим утром я покидал древний Хотан.

Производство ковров имеет здесь давние традиции. Оно упоминается еще в текстах кхарошти на деревянных дощечках, раскопанных в этих местах экспедициями С. Гедина и А. Стейна. Стейн также поведал о своей находке в городище Ния фрагмента шерстяного ковра с орнаментом из лент и геометрических фигур синего, желтого, темно-желтого и красного цветов. В 1959 году археологи КНР во вскрытом парном погребении II — начала III века н. э. обнаружили части двух ковров с оригинальными узорами.

Согласно мнению авторитетных специалистов в данной области, хотанские ковры на протяжении столетий были лучшими в Восточном Туркестане и прилегающих районах Азии, по красоте и качеству они уступали лишь персидским и туркменским аналогам. Хотанцы изготавливали шерстяные и шелковые ковры, которые вывозились как в центральные районы Китая, так и в Западный Туркестан. Англичанин Т. Д. Форсайт, посетивший Хотан в первой половине 70-х годов XIX века, особо выделил великолепные шерстяные ковры с металлической (серебряной и золотой) нитью.

Мне трудно судить, насколько сильны позиции хотанских ковроделов в настоящее время, но при посадке в междугородный автобус, следовавший по маршруту Хотан — Кашгар (509 км), я чувствовал себя полным идиотом, который упускает прекрасный шанс неплохо подзаработать на качественном товаре. Водитель красноречиво покачал головой, увидев скромный рюкзак путешествующего иностранца, а в это время остальные пассажиры энергично и по-деловому заполняли солидными шерстяными

коврами всевозможные пустоты в машине. Мое предложение снять двигатель и положить на освободившееся место еще несколько единиц товара вызвало смешанную реакцию, похоже, кто-то воспринял его всерьез.

Двое коммерсантов в считанные минуты загрузили полтора десятка разноцветных ковров, предварительно обговорив с водителем стоимость их транспортировки. Как потом выяснилось, в Каргалыке товар принял третий компаньон. Точно так же поступила и семейная пара, с той лишь разницей, что их ковры сняли чуть позже— в Яркенде. Сразу возникла мысль о своеобразном разделе предпринимателями «сфер влияния», хотя, возможно, это только досужие домыслы постороннего.

Вскоре стало ясно: рюкзаку с его нестандартными в сложившейся ситуации габаритами может не хватить места в автобусе, вследствие чего пришлось покинуть весьма занятный наблюдательный пункт. Даже если бы я не смог в силу тех или иных причин посетить воскресный базар, у меня была отличная возможность получить некоторое представление о ковровых предпочтениях хотанцев и их соседей. В основном это изделия внушительных размеров, выполненные, как правило, в ярких красно-синих тонах, с орнаментом из геометрических и стилизованных фигур, встречаются и крупные цветы— опять же красные на синем фоне. Внимание привлек эффектный белый ковер с узором в виде растительного орнамента, однако выяснить, с какой целью он приобретен, так и не удалось.

Глава 11

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУСТЫНЮ ТАКЛА-МАКАН

Пересечение обширной пустыни— дело достаточно рискованное и в наши дни, когда в песках можно передвигаться на мощных транспортных средствах и пользоваться новейшими средствами связи. Всегда надо быть готовым к тому, что в результате внезапно налетевшей бури исчезнет дорога, казавшаяся чем-то незыблемым, заглохнет мотор самого надежного автомобиля и выйдет из строя всегда выручавшая рация либо спутниковый телефон. Если это, не дай Бог, произойдет, то многое становится понятным в высказываниях людей, непосредственно столкнувшихся со стихией, и есть время по достоинству оценить мужество тех, кто тысячелетия назад с риском для жизни смело вступал в единоборство с природой.

Для отправившихся в долгий путь на северо-запад Китая особую угрозу представляла и представляет пустыня Такла-Макан. Столь необычное название переводится с тюркского как «Пойти и не вернуться». Шведский исследователь С. Гедин, едва не погибший в ее песках, считал ее «самой коварной и опасной пустыней мира». Трудно даже представить, сколько она принесла несчастья воинам и купцам, путешественникам и пилигримам!

Танский монах Сюаньцзан в VII веке так описывал эти места: «Пески, подобно широкому потоку, расстилаются далеко вокруг, ветер то наносит, то разметает их. Никаких следов не остается после путников, а часто путь теряется, и тогда они растерянно кидаются из стороны в сторону, утратив всякое представление о направлении. Нигде ни воды, ни травы, и часто дуют горячие ветры. Когда поднимается ветер, человек и зверь теряют голову и доходят до полного изнеможения. Временами слышатся печальные, заунывные звуки, жалобные крики, и от вида и звуков пустыни люди приходят в замешательство и не знают, куда они идут. Вот почему столько народу гибнет в пути».

Не меньше драматизма и в рассказе венецианца Марко Поло, побывавшего здесь спустя шесть с половиной веков: «А пустыня та, скажу вам, великая: в целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь сутки, так найдешь довольно пресной воды, человек на пятьдесят или сто хватит ее; так и во всей пустыне: пройдешь сутки и найдешь воду. В трех-четырех местах вода дурная, а в других хорошая, всего

двадцать восемь источников. Ни птиц, ни зверей тут нет, потому что нечего им там есть. Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за каким другим делом, и как станет тот человек нагонять своих, заслышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он и погибает. И вот еще что: и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане».

Общая площадь загадочной пустыни превышает 300 тыс. кв. км, что несколько больше территории Новой Зеландии. Такла-Макан занимает по величине второе место в мире, уступая лишь африканской Сахаре. Высота отдельных песчаных кряжей достигает 1600 и более метров. Согласно недавно опубликованным исследованиям китайских ученых, крупнейшая в стране пустыня появилась 4,5 млн. лет тому назад. Долгие годы идут нескончаемые споры относительно причин ее формирования, но до сих пор высказываются самые различные и противоречивые точки зрения.

В одном из селений по дороге из Яркенда в Хотан русскому путешественнику, астроному, геодезисту и исследователю Центральной Азии Михаилу Васильевичу Певцову (1843–1902 гг.) рассказали интересную легенду о возникновении пустыни, напоминающую по сюжету библейское предание о Содоме и Гоморре.

Некогда Такла-Макан была процветающей страной, где текли многоводные реки, росли густые леса, люди жили в городах и деревнях. Ее обитатели сначала были набожны и добродетельны, но потом стали вести нечестивую жизнь. Господь (Аллах), по милосердию своему, долго терпел грехи жителей страны, все более совращавшихся с пути благочестия, и конце концов решил их наказать.

В темную ночь с неба посыпался песок, стихия бушевала несколько дней. Люди, застигнутые врасплох, были в конце концов погребены под его толщей. Спаслась только семья праведника Вали, которого Аллах предупредил об угрожавшей опасности и повелел ему покинуть эти земли. Благочестивый Вали со своим семейством заблаговременно отправился на север, в окрестности города Аксу, где и провел остаток своей жизни.

Великая пустыня

По словам исследователя, местные жители до сих пор называют Такла-Макан «страной погибших или наказанных городов». Кроме того, их пылкая, необузданная фантазия создала поверья о чудесах, будто бы наблюдаемых в песках. В частности, некоторые селяне слышали в пустыне пение петухов и видели в лунные ночи людей, восставших из земли и блуждавших по

барханам. Другие очевидцы якобы встречали неведомых лиц, которые, заметив их, поспешно удалялись в сторону песчаных гор, и совершенно одичалый скот, точно также убегавший в глубь Такла-Макан. М. В. Певцов весьма логично в этой связи утверждал, что фантастические сказания «проникнуты суеверным ужасом туземцев к соседней безжизненной пустыне, действующей на их умы своим легендарным прошлым и современной мертвенностью».

Офицер царской армии Л. Г. Корнилов, побывавший в Синьцзяне в конце XIX— начале XX века, отмечал, что жизнь в пустыне сосредоточена лишь в долинах рек, где встречаются древесная и травянистая растительность и редкое население — полукочевые пастухи стад. На всем остальном протяжении Такла-Макан представляет совершенно мертвую землю, бесплодную и безлюдную. Высохшие реки и почвы «уже давно погасили в ней культурную и органическую жизнь», о которой свидетельствуют развалины больших городов и остатки лесов, погребенных под песками.

Мне предстояло пересечь великую пустыню, своими глазами увидеть «апофеоз безжизненности», омертвивший «серединную часть Азии», и испытать на себе магические чары таинственного безмолвия.

Билет от Урумчи до Хотана я приобрел за 265 юаней (32 доллара). Это был относительно удобный автобус китайско-американского производства со спальными местами в два этажа (стоимость верхней полки составляла 233 юаня). Поездка в более комфортабельном «Мерседесе» обошлась бы в 360 юаней, но автобусы этой марки отправляются в Хотан нерегулярно, ибо местные жители предпочитают вариант подешевле.

Во многих солидных западных путеводителях говорится о том, что, путешествуя по Синьцзяну, иностранные туристы существенно переплачивают за передвижение на автотранспорте. Я столкнулся с похожей ситуацией только на маршруте Кашгар — Ташкурган — Кашгар, где каждый из двух переездов стоил мне лишних 20 юаней при цене билета около 40.

До середины 90-х годов прошлого века расстояние по шоссе между Урумчи и Хотаном (по северу Таримской впадины на запад, до Кашгара, и далее на восток) составляло 1777 км. Однако в 1995 году была открыта уникальная трасса через Такла-Макан, сократившая его на 26 8 км (сейчас 1509 км).

Она связала административные центры уездов Луньтай и Миньфэн (580 км), расположенные соответственно к северу и югу от пустыни. Примерно 300 км пути — это дорога, проложенная в безлюдных песках. Рейсовый междугородный автобус при

благоприятных условиях преодолевает данный участок за 6–8 часов. Обычно перед решающим броском в Такла-Макан автомашины «сбиваются в стаю», таким образом водители подстраховываются на случай серьезной поломки и непредвиденных обстоятельств.

Неподалеку от Луньтая наш автобус резко повернул на юг и устремился навстречу пустыне. Впервые об этом населенном пункте я узнал на втором курсе института в начале 70-х годов, когда занимался в семинаре замечательной Ларисы Васильевны Симоновской и готовил некое подобие научного сообщения по проблеме частых войн между древними китайцами и кочевниками-сюнну. В итоге он фигурировал у меня в выступлении дважды: в связи с рескриптом ранее упоминавшегося императора Уди и по поводу учреждения поста генерал-протектора Западного края (60 г. до н. э.). Поскольку о последнем событии уже рассказывал в главе 5, остановлюсь вкратце на истории появления Лунь тайского указа.

В результате многолетних войн с кочевниками экономическая ситуация в древнем Китае обострилась. Для улучшения положения населения Уди пришлось отказаться от наступательной внешней политики и затяжных боевых действий на западе. Отныне он уделяет особое внимание внутренним проблемам страны, вскоре было заявлено о необходимости «стремиться к запрещению жестоких притеснений и прекращению случаев самовольного установления податей, усиленно заниматься земледелием как основным занятием».

В 89 году до н. э. высокопоставленный сановник Сан Хунъян представил ему доклад, в котором, в частности, говорилось: «Считаем., что в земли, находящиеся к востоку от бывшего (владения) Луньтай, следует послать пахотных воинов, поставить для надзора над ними трех полковников, каждый из которых должен представить карту рельефа местности, проложить оросительные каналы и стараться своевременно производить увеличенные посевы пяти видов злаков… После первого года обработки полей, когда появятся запасы зерна, надо собрать не боящихся переселения молодых и сильных людей, имеющих семей и имущество, и послать их в места обрабатываемых полей, где, используя накопленные запасы, они займутся земледелием, расширят посевы орошаемых полей и постепенно построят сторожевые башни, цепь которых будет тянуться на запад от города…»

В ответ император издал вышеназванный указ, где подверг критике свои прежние действия в регионе и выразил негативное отношение к новым предложениям: «В прошлом я по

недоразумению… двинул войска и послал Эршис-кого военачальника (генерала Ли Гуанли, потерпевшего в 90 года до н. э. тяжелое поражение и сдавшегося сюнну. — Н. А.), желая показать этим свое величие… Ныне меня просят об обработке далеких земель в Луньтае и хотят построить там сторожевые башни и сигнальные маяки, что только утомит Поднебесную, но не принесет изобилия народу. Не могу слышать об этом».

Однако после его смерти, в период правления Чжаоди (86–74 гг. до н. э.), проект Сан Хунъяна получил полную поддержку, и Ханьская империя значительно активизировала свои действия в западном направлении. В 77 году до н. э. китайцы все-таки основали колонию военных поселенцев в Луньтае.

Вспомнив события далекого прошлого и учебу в университете, я расслабился и задремал, в наступившей темноте уже ничего нельзя было различить. Неожиданно всех пассажиров разбудили и попросили выйти из автобуса. Судя по всему, мы были в дельте Тарима, поскольку повсюду нас окружала вода; причем ее было столько, что первой пришла в голову мысль о возможном прорыве дамбы или плотины. Психологически я уже настроился на созерцание безбрежных и безлюдных песков, а вместо этого надо было, похоже, эвакуироваться из зоны наводнения, в которой беспрерывно сновали озабоченные военнослужащие и люди в штатском.

Они предложили нам идти по наполовину затопленному понтонному мосту. Во время затянувшегося перехода вода периодически заливала ноги. Выбравшись на сухое место, мы стали ждать автобуса.

Из Луньтая в Миньфэн

О том, что у водителя непростая задача, наглядно свидетельствовало аналогичное нашему транспортное средство, на две трети погруженное в воды озера, которое образовалось в русле реки. Силуэт завалившегося набок автобуса, точнее его выступавшей части, заметно выделялся в середине водоема на фоне кромешной тьмы. Про пассажиров никто не спрашивал, но хотелось верить, что все обошлось. Прождав с четверть часа, мы с облегчением вздохнули, увидев автомашину и ее водителя целыми и невредимыми.

Проблема дорожно-транспортных происшествий для Китая чрезвычайно актуальна. Местные СМИ регулярно оповещают население об автомобильных авариях в различных районах страны со значительным количеством человеческих жертв. Частота подобных сообщений вызывает удивление. Качество дорог в последнее время значительно повысилось, автотранспорт постоянно совершенствуется и обновляется, да и водители, хотя к ним куча претензий, обычно не любят мчаться на огромной скорости, алкоголь за рулем практически не употребляют и у них неплохо развито чувство дистанции.

По крайней мере я не видел кошмарных лобовых столкновений, после которых остаются лишь изуродованные тела погибших и груда металла; машины не врезаются в стоящие на

обочине столбы, деревья и т. п. на скорости 120–150 км в час. В районе Сучжоу (провинция Цзянсу) был эпизод, когда наш автомобиль в дождливый день и на высокой скорости при въезде на мост выскочил на встречную полосу. На родине в такой ситуации можно надеяться лишь на чудо, а китайские водители, и без того ехавшие неторопливо, спокойно притормозили и с нескрываемым интересом смотрели на дорожные пируэты чудных иностранцев.

Конечно, горные перевалы и сложные участки трасс в Тибете, Сычуани, Юньнани, Гуйчжоу, Синьцзяне и других местах всегда представляют повышенную опасность. Нередко аварии там вызваны природными катаклизмами, что и произошло с автобусом, опережавшим нас по расписанию. Поэтому неудивительно, что именно в указанных регионах чаще всего происходят катастрофы.

Оставляет желать лучшего и физическое состояние многих водителей, измученных каждодневным (практически без выходных) трудом при отсутствии полноценного отдыха в очень скромных домашних условиях. Можно перечислить и иные причины, но одной из ключевых является все-таки их безудержное стремление заработать любой ценой. В погоне за мифическим золотым тельцом вопросы безопасности отступают на задний план, что часто приводит к печальным последствиям. К сожалению, и в Синьцзяне большинство водителей на междугородных трассах готовы часами подбирать голосующих на шоссе, чтобы максимально загрузить салон.

Например, 10 августа 2001 года пассажирский автобус, следовавший по непростому и популярному среди иностранных туристов маршруту Урумчи — Кашгар, упал в реку с 9-метровой высоты на территории уезда Синьхэ. Из машины успели выскочить лишь водитель и шесть пассажиров, всех остальных унесло течением. В результате погибли 32 человека, в том числе пакистанец, трое пропали без вести. Согласно данным предварительного следствия, причинами аварии стали усталость водителя и перегруженность автобуса. Вместо 29 человек в нем находились 42.

В связи с этим трагическим инцидентом возникла явная неразбериха в китайской прессе. Подробности о нем были опубликованы 13 августа 2001 года, в том числе в англоязычной «Чайна дейли». Ровно через год, 13 августа 2002 года, та же газета на первой странице сообщила об упавшем в реку с моста автобусе, направлявшимся из Урумчи в Кашгар. Катастрофа якобы стала причиной смерти 34 человек. Данную информацию передали также журналисты ряда зарубежных агентств, включая

корреспондента ИТАР-ТАСС, но не в Пекине, а в Сянгане (Гонконг).

Накануне отъезда в Синьцзян я чрезвычайно внимательно просматривал все публикации о регионе, поэтому очередная авария, в результате которой погибло много людей, наводила на серьезные размышления. Прекрасно помню, как о газетной заметке при встрече заговорили сразу несколько знакомых иностранцев, проживавших со мной в гостинице «Дружба» в Пекине и осведомленных о предстоящем путешествии.

Несколько смутило известие, что среди жертв вновь оказался пакистанец. Сначала подумал о напасти, ежегодно преследующей жителей данной страны на одном и том же месте, но затем появилось подозрение: журналисты что-то напутали. Наконец агентство Синьхуа внесло полную ясность.

Со ссылкой на официальное лицо в Урумчи было заявлено, что сообщения некоторых средств информации о произошедшем крупном ДТП 10 августа 2002 года в районе города Аксу Синьцзян-Уйгурского автономного района — чистой воды вымысел. По словам этого представителя, указанный инцидент действительно имел место, но ровно год назад. Прочитав текст, я порадовался за пассажиров, с которыми, слава Богу, ничего не случилось, и пожелал себе счастливого пути.

Песок Такла-Макан

Наш автобус, следовавший через Такла-Макан в Хотан, ломался дважды. Первый раз это произошло глубокой ночью, где-то в самом центре пустыни. Водитель и его напарник не менее двух часов занимались ремонтом. Стыдно сказать, но меня это очень обрадовало. Выяснив, что ничего страшного с автобусом не произошло и погодных аномалий не предвидится, я мысленно торопил восход солнца, чтобы успеть сфотографировать безлюдные пески.

Лопнувшая в районе уезда Чира камера заднего колеса вызвала лишь раздражение. Шел 28-й час автопробега, дорога к тому времени окончательно утратила элемент неожиданности и хотелось скорее добраться до конечного пункта. Отбросив сомнения, водитель решил ехать со спущенным колесом. Через пару часов мы благополучно прибыли в Хотан.

Из-за чрезмерных перегрузок первых дней путешествия и некоторых неудобств в автобусе разболелось правое колено. В юности я переломал себе все, что можно и нельзя. Помнится, в конце 60-х только за один год умудрился надорвать мышцу на руке, перенес операцию по удалению аппендицита и сломал обе ноги. Бедная матушка, когда в очередной раз увидела, как одноклассники после игры в футбол несут ее чадо, встретила любимого сыночка с деревянной скалкой в руках… Неудивительно, что старые травмы нет-нет, да и напоминают о прежних забавах.

Сосед, увидев мои попытки массировать ноющую ногу, предложил свои услуги, хотя ранее говорил, что по профессии инженер. Одной рукой он зафиксировал колено, а указательным и средним пальцами другой нащупал точку чуть ниже, после чего я сразу почувствовал собственные голень и стопу. Через несколько минут боль утихла. Новоявленный доктор рекомендовал мне периодически самому проделывать аналогичные манипуляции, чтобы закрепить достигнутый результат. В течение дня, четко выполняя его предписания, я избавился от неприятных ощущений.

Подобные случаи в Китае случались со мной и прежде. Жители этой страны легко приходят на помощь заболевшему человеку и действуют весьма эффективно; сказываются, вероятно, традиции древней медицины. Для нее, как известно, характерен комплексный подход, подразумевающий органическую связь между имеющимися знаниями о физиологии, патологии, диагностике, медикаментозном воздействии, а также способами лечения и профилактики.

Согласно традиционной медицине, решающую роль в

функционировании организма играют сердце, печень, селезенка, легкие и почки. Возникшие перебои в работе того или иного органа неизбежно влекут за собой нарушения в деятельности других.

Китайская медицина рассматривает человеческий организм в качестве единого целого, любой дисбаланс в котором непременно приводит к внешним проявлениям. Так, летом 2000 года мы с дочерью поехали в Юньнань и в один из дней отправились в пригород Кунымина— административного центра провинции, чтобы посмотреть знаменитый Каменный лес (кит. Шилинь). На обратном пути водитель микроавтобуса привез нас и еще несколько китайцев в недавно открывшийся медицинский центр. Экскурсия, по его словам, входила в стоимость поездки. Заместитель директора поведал о задачах и планах нового учреждения и предложил пройти сеанс традиционной диагностики.

Я прекрасно понимал, что ничего не пойму в рассуждениях уважаемого доктора о «двух разновидностях первозданного эфира», «пяти стихиях человеческого организма» и «меридианах жизненной энергии», но отказ мог быть воспринят как недоверие местным эскулапам. Следует заметить, что у дочери в то время были незначительные проблемы с желудком, у меня буквально за неделю до отъезда из Пекина врачи обнаружили избыточный холестерин. Они выписали тогда лекарство, которое я собирался начать пить через месяц-другой.

Доктор из упомянутого медицинского центра внимательно осмотрел наши правые ладони, ногти и высунутые языки, послушал пульсы и предложил приобрести у них необходимые нам лекарства: дочери — для стабилизации работы желудка, мне — для снижения холестерина. Надо ли говорить о том, что мы испытали, выслушав его. Сразу после возвращения в столицу я достал свои капсулы, а дочь безропотно начала пить лечебный чай.

Лекарства традиционной медицины обычно состоят из природных трав, органов животных и некоторых минералов. Применяются, естественно, и препараты, изготовленные на основе химии и биотехнологий. Особенно популярны лекарства из трав. Согласно древним преданиям, легендарный создатель китайской медицины Шэньнунши на себе испробовал сто трав, зачастую рискуя отравиться.

Самый ранний трактат по фармакологии, где представлены свыше 350 видов целебных трав, был написан во II веке н. э. В дальнейшем появились различные травники и руководства по применению лекарственных трав, составленные как

официальными ведомствами, так и конкретными авторами. Наиболее известный из них — «Полный перечень основных трав» (кит. «Бэньцао ганму»), составленный в XVI веке при династии Мин. В него включены 1892 вида трав и иного лекарственного сырья. К настоящему времени специалисты подтвердили целебные свойства около 6000 китайских растений.

Поскольку для традиционной медицины характерен комплексный подход к человеку, врачи прежде всего стремятся восстановить нарушенный баланс в организме и улучшить общее состояние больного, не ограничиваются лечением мигрени или снятием возникшей боли в отдельных частях тела. Не случайно многие китайские препараты применяются при наличии казалось бы разных, но в действительности тесно взаимосвязанных заболеваний. Хочется верить, что помогут они и в борьбе с захлестнувшей страну эпидемией атипичной пневмонии.

Особый разговор об иглоукалывании и прижигании (кит. чжэньцзю). Давным-давно китайцы заметили, что раздражение на теле определенных точек (кит. сюэвэй) утоляет боль и в какой-то мере лечит недуг. Со временем медики разработали и усовершенствовали метод борьбы со сложными болезнями с помощью специальных игл и своеобразных полынных свечей, который сейчас успешно применяется не только в КНР, но и по всему миру.

Осенью 1986 года я в составе большой группы научных сотрудников, практических работников, преподавателей и студентов впервые приехал в Китай; предстояла десятимесячная стажировка в Шаньдунском университете города Цзинань (административный центр провинции Шаньдун). Эмоции захлестывали меня, хотелось своими глазами увидеть то, о чем раньше мог лишь читать в книгах. Как нередко бывает в таких случаях, желание все посмотреть, всюду побывать и везде поучаствовать привело к печальным последствиям.

Китайские студенты выступили с инициативой сыграть товарищеский баскетбольный матч. Молодые люди из числа советских стажеров в основной своей массе игровыми видами спорта не увлекались, но среди более старших товарищей нашлись несколько человек, которые в свое время играли за факультетские и даже институтские команды. Однако они не учли, что их физические кондиции и возраст уже не те, чтобы поспевать за подтянутыми, на удивление высокорослыми и хорошо сыгранными двадцатилетними китайцами.

Мы безнадежно проигрывали, когда я неудачно приземлился после прыжка под своим щитом. Нога в районе голеностопа хрустнула так, что у меня не было никаких сомнений в очередном

переломе. Врачи городской больницы, куда меня привезли на «скорой помощи» со стадиона, сделав рентген, перелома, к счастью, не обнаружили.

Посчитав миссию выполненной, они пожелали скорейшего выздоровления и рекомендовали поправлять здоровье в университетской поликлинике. В общежитии я не мог передвигаться самостоятельно, нога болела.

Однажды во дворе грелся на солнышке и размышлял о собственной дури, которая привела на спортивную площадку. Пожилой китаец по фамилии Чжэнь, охранявший территорию, расспросил о причине моего гнусного настроения и сразу вызвался помочь. Изучив состояние ноги, он начал аккуратно массировать какие-то точки, после чего мне заметно полегчало. На следующий день я был у него с первыми петухами.

Чжэнь вытащил огромные иголки, от одного вида которых стало сразу плохо, и протер их кусочком ваты сомнительной стерильности. На вопрос о наличии медицинского образовании он с пафосом ответил, что лет 30–40 назад его учил этим премудростям дедушка и посоветовал не паниковать. После совершенно неожиданного и первого в своей жизни сеанса иглотерапии, сопровождавшегося страшными предчувствиями и чуть-чуть неприятными ощущениями, я был в состоянии прострации, но после непродолжительного сна понял, что нахожусь на пути к выздоровлению. Через неделю наша интернациональная группа отправилась на родину великого Конфуция в г. Цюй-фу и мы поднялись на вершину священной для китайцев горы Тяньшань.

В процессе дальнейшего лечения Чжэнь дал мне довольно крупные шарики собственного приготовления. Славный доктор, увидев кислую физиономию пациента, попробовавшего его снадобье, предложил три раза в день запивать его… национальной водкой!

Дама с собачкой

Ребята быстро сбегали в ближайший магазин и принесли водку под названием «Ду Кан». Честно говоря, запивал я лекарство с некоторым усилием, поскольку в те годы никак не мог привыкнуть к крепкому китайскому алкоголю со специфическим вкусом и запахом, но меня утешала мысль о том, что пью не первый попавшийся самогон, а напиток, вошедший в историю Срединного государства и упоминаемый в классической литературе. Дело в том, что «Ду Кан» любил употреблять Цао Цао — крупный политик и полководец эпохи Троецарствия (кит. Сань го) (220–280 гг.).

После распада империи Хань (начало III в.) возникли три царства — Вэй, У и Шу, долго воевавшие между собой. Ими управляли знаменитые люди, о которых многие современные

китайцы знают, по моему, практически все. Участники драмы, разыгравшейся примерно две тысячи лет назад, настолько популярны до сих пор, что любые новые теле- и кинофильмы, радиопостановки, спектакли пекинской оперы и т. д. на данную тему вызывают широкий резонанс и энергичные споры в обществе.

Сложные перипетии того времени стали сюжетной основой классического романа «Троецарствие». Во второй половине XIV века хронику событий в беллетризованной форме воссоздал Ло Гуаньчжун. Так, в главе 48 Цао Цао накануне важного сражения устроил на корабле пир для своих военачальников и в результате сам изрядно захмелел. Опершись на копье, он встал на носу судна, поднял наполненный кубок, низко поклонился реке и, осушив сосуд сказал своим генералам: «..л чувствую такой подъем духа, что мне захотелось петь. Подпевайте мне!» После этого вступления полководец затянул песню:

За чашей вина нам хочется петь и смеяться,
Не думать о том, что мало живет человек,
Что словно роса в лучах восходящего солнца,
Пройдет наша жизнь, растает недолгий наш век.
Веселье души в согласье живет с вдохновеньем,
Ас думой лихой забота живет заодно.
Я средство нашел от дум и забот отрешиться:
Советую всем это верное средство — вино.

(пер. В. Панасюка)

В опубликованном переводе текста песни есть маленькая неточность. Если в начальной строке оригинала сказано об абстрактном алкогольном напитке (кит. цзю), то в заключительной — о вполне конкретном «Ду Кане». От себя все-таки добавлю: не могу присоединиться к восторгам Цао Цао и не готов советовать другим «это верное средство».

Спустя несколько дней Чжэнь прекратил мои водочные возлияния и накатал новых шариков. Их предстояло запивать уже разогретым шаосинским вином, что также не вызвало каких-либо возражений. Когда боли в ноге окончательно утихли, мне даже немного взгрустнулось. В 1998 году специально заехал в Цзинань, чтобы повидаться с удивительным доктором. Увы, товарищ Чжэнь, как мне сказали, серьезно болел и никого вокруг не узнавал. Из разговора с представителем международного отдела университета стало ясно: настаивать на посещении тяжело больного человека неразумно, ибо появление иностранца могло вызвать смешанную реакцию у его родственников.

В Такла-Макан пришло утро. Кроме узкой полосы дороги, нас со всех сторон окружали бесконечные песчаные горы и барханы. Они находятся в постоянном движении: меняют свои очертания, разрушаются и вновь возрождаются. О том, что пески наступают, наглядно свидетельствовали наполовину засыпанные во многих местах нейлоновые заграждения-«ловушки» в виде треугольников, основания которых выставлены с учетом направления дующих ветров, и кустарники, специально посаженные для защиты трассы и проезжающих по ней автомашин. Кое-где их уже не было видно вовсе.

Согласно официально опубликованным данным, с октября 2000 по май 2001 года вдоль шоссе в пустыне посадили свыше 2 млн. засухоустойчивых деревьев (кустарников?), которые «эффективно обеспечивают нормальное движение транспорта». Однако мне показалось, что проблема еще далека от окончательного решения. Такла-Макан явно настроена потеснить человека и вернуть утраченное пространство.

Китайские специалисты давно бьют тревогу по поводу опустынивания. В настоящее время им охвачено примерно 20 процентов территории страны, ежегодно эта площадь увеличивается почти на 3,5 тыс. кв. км. Власти в этой связи даже приняли общегосударственный закон. Одновременно они заявили, что только в 2010 году удастся взять под контроль процесс распространения песков, а к 2030 будут созданы надежные защитные экосистемы в пустынных регионах.

На остановках и по ходу следования я пытался снимать местные ландшафты. Сфотографировав замечательную пару из числа пассажиров автобуса— даму с собачкой, вдруг вспомнил не героиню рассказа А. П. Чехова, а несчастного Меджнуна из поэмы Алишера Навои «Лейли и Меджнун». Влюбленному юноше запретили приближаться к шатру любимой Лейли и посадили на цепь, как обычно поступали с безумными людьми. Меджнун сумел разорвать цепи, бежал в пустыню и жил отшельником. Его уединение делил с ним верный пес, которому молодой человек поверял свои горести и муки.

Спустя какое-то время он вновь вернулся в пустыню, где неутолимая тоска по Лейли пробудила в нем поэтический дар. В окружении бедных крестьян и диких зверей юноша слагал страстные газели в честь Лейли:

…Когда мольбу любви Меджнун исторг,
Привел он всех в смятенье и восторг,
Оцепенели жители пустынь,
И каждый повторял: «Аминь! Аминь!»

(пер. С. Липкина)

Выдающийся поэт, мыслитель и государственный деятель Алишер Навои (1441–1501 гг.) жил и творил в эпоху распада некогда могущественной державы Тимуридов, созданной во второй половине XIV века знаменитым полководцем Тамерланом. Долгие годы поэт служил при дворе султана Хусейна Байкары, правившего в Герате — тогдашней столице провинции Хорасан, и занимал посты хранителя печати, визиря, «приближенного его величества султана».

Уже в юношеском возрасте Навои приобрел известность в поэтическом мире. Его лирические стихи собраны в четыре дивана (сборники стихов). Достигнув сорокалетия и накопив богатый жизненный опыт, он приступил в 1483 году к осуществлению грандиозного замысла, который вынашивал много лет. Поэт создал колоссальный эпический памятник «Хамса» («Пятерица», включает пять поэм: «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Стена Искандера»»), ставший вершиной его творчества.

Алишер Навои всей душой воспринял и творчески развил традиции своих прославленных предшественников Низами Ганджеви и Амира Хосрова Дехлеви. О них он, в частности, говорил, что ганджиец «мысли на престолы красоты явил в словах, что как алмаз чисты», а делиец (Амир Хосров Дехлеви— индийский поэт, писал на персидском языке, урду и хинди) своими стихами «сотни душ высоких полонил».

В поэме «Смятение праведных» названо еще одно имя — Абдурахман Джами, который «единственный» «равен тем двоим». Современного ему поэта и ученого-суфия Навои признал в качестве своего шейха — духовного наставника и именно под его влиянием вступил в суфийский орден. Однако, по мнению видного советского востоковеда Е. Э. Бертель са, Навои был «суфием в душе и знатоком этого учения, но суфием-практиком он не стал».

В отличие от упомянутых поэтов Алишер Навои творил и на языке тюрки:

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни.
Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.
Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

(пер. В. Державина)

С середины XV века в Центральной Азии происходил своеобразный творческий процесс, который академик Н. И. Конрад (1891–1970 гг.) назвал «литературным размежеванием». Поэт очень тонко прочувствовал его и вполне определенно заявил о своей позиции:

Где б ни был тюрк, под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов.
И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук,
Всем собственным невзгодам вопреки,
Я изложил на языке тюрки.

(пер. Л. Пеньковского)

Более того, он написал лингвистический трактат «Мухакамат ал-лугатайн» («Суждение о двух языках»), где изложил собственное видение проблемы создания литературы на

тюркском языке: «…и дано мне было приготовить себя к служению почетному, гордому и высокому. И с годами проник я в суть языка тюркского, в правила и основы стихосложения его, кои были неведомы мне дотоле, и превозмог затруднения мои на пути преданнейшего разрешения трудностей, и я обрел великие преимущества и узрел высшие свершения». Как считает известный отечественный тюрколог Д. М. Насилов, появился яркий и талантливый реформатор, способный «своей литературной и общественной деятельностью утвердить в жизни новую форму литературно-письменного языка» на основе старых традиций, конкретных реалий и требований культурно-историческо-го процесса.

Алишера Навои обычно называют «великим узбекским поэтом», однако ряд ученых, учитывая очевидную близость узбекского и уйгурского языков, культур и быта двух этносов, относит его и к узбекскому, и к уйгурскому народам. Так, отдельные специалисты указывают, что поэт «происходил из уйгурских бахшей, т. е. из секретарей-письмоводителей уйгуров, писавших некоторые официальные бумаги». Не будем вмешиваться в сей научный спор, но в то же время отметим огромный авторитет Навои в уйгурской среде и его бесценный вклад в развитие национальной литературы.

В поэме «Фархад и Ширин» он обращается к теме Китая и весьма восторженно отзывается об этой стране. Отважный и целеустремленный главный герой его знаменитого произведения — сын правителя процветающего Срединного государства:

Да, живописным мастерством Китай
Пленяет мир и обольщает рай!
Был некогда в Китае хан,
Не просто хан, — великий был хакан.
Коль этот мир и тот соединить,
Я знал бы, с чем его страну сравнить.
Был до седьмого неба высотой
Хаканский трон роскошный, золотой.
Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счесть его войска.

(пер. Л. Пеньковского)

Комментируя довольно неожиданный поворот в поэме, Е. Э. Бертельс писал: «Интересно отметить, как Навои использовал связь Фархада с Китаем, уже имевшуюся у его предшественников. Китай у Навои, конечно, — не Дальний Восток. Он подразумевает под этим Китайский Туркестан, и герои

его— не китайцы, а восточные тюрки, что видно, хотя бы из того, что правитель носит титул хакан, а не фагуфур, как обычно звали мусульмане китайского императора». Возможно, ученый и прав, но эмоциональные строки поэта о роскошных шелках— своеобразном символе Поднебесной— в описании празднеств по случаю рождения наследника престола вызывают определенные сомнения в категоричности такого утверждения:

Издал хакан указ: дома должны
Шелками, по обычаю страны,
Так быть украшены, чтоб уголка
Не оставалось без шелков… Шелка —
Узорные, тяжелые, пестрят,
Украсили за домом дом подряд.
Китай разубран, разрисован весь,
Народ ликует — он взволнован весь.

(пер. Л. Пеньковского)

Универсализм и многогранность творчества Алишера Навои поражали его современников и вызывают неизменный интерес у нынешних читателей, увлеченных таинственным и чарующим колоритом восточной поэзии.

Между тем автобус приближался к южной оконечности Такла-Макан. Где-то здесь в древности существовало небольшое государство Цзинцзюэ (Ния). К началу IV века его население, на редкость миролюбивое и занимавшееся в основном земледелием, из-за наступления пустыни было вынуждено покинуть свои жилища.

Первые археологические раскопки в развалинах древнего города, расположенного у высохшего русла реки Ния, что в 100 км к северу от Миньфэна, А. Стейн произвел еще во время свой первой экспедиции в Хотан в 1900–1901 годах. Позднее он неоднократно возвращался в этот уголок пустыни и каждый раз находил что-то новое.

Так, в начале века англичанин обнаружил около 300 деревянных табличек и несколько рукописей кхарошти, выполненных на коже. Табличка состоит из двух одинаковых клинообразных дощечек, соединенных таким образом, что верхняя является крышкой для нижней. Они скреплялись шнуром. Текст написан на внутренних сторонах обеих дощечек. На крышке есть углубление для глиняной печати отправителя и указан конкретный адресат.

В 1906 году один из местных жителей, участвовавших в экспедиции А. Стейна, выявил ранее неизвестные руины. Ученый

и его помощники извлекли из песка архитектурные деревянные детали, предметы домашнего обихода, фрагменты текстильных изделий, монеты, украшения и т. д. В одном из помещений был открыт архив с документами, ставший подлинной сенсацией в научном мире.

Китайские археологи приступили к активным раскопкам в Ние после образования КНР, в конце 50-х годов. В 1959 году они нашли могильник, где были вскрыты парные захоронения. Причем в результате процесса интенсивного выветривания верхняя часть одного из гробов оказалась фактически на поверхности. Специалисты датировали погребение периодом Восточная Хань (25—220 гг.).

В 1995 году китайско-японская экспедиция обнаружила захоронение одного из правителей древнего государства. Как часто бывает в таких случаях, ей немного повезло. В районе раскопок к вечеру разразилась страшная буря. Когда на утро участники экспедиции вышли из палаток, они увидели освободившиеся от песка древние могилы и развалины храма, где позднее были найдены буддийские тексты на деревянных дощечках.

«Пустынный король» Цзинцзюэ и его супруга были погребены вместе, хотя жена умерла раньше мужа. По оценке экспертов, в момент смерти ему было около 45 лет, рост — 164 см. В гробу лежал также полутораметровый лук, изготовленный из дерева и костей животных с тетивой из грубой веревки. Данное обстоятельство свидетельствует о незаурядной физической силе правителя, это имело важное значение для его подданных.

Венценосные супруги оказались одеты в красивые многоцветные шелковые и шерстяные наряды, изумительно сохранившиеся на протяжении тысячелетий. На международной выставке в Музее национального китайского шелка в Ханчжоу (административный центр провинции Чжэцзян) в конце 2000 года их погребальные одежды вызвали неподдельный интерес у посетителей из разных стран.

Среди множества предметов, обнаруженных в Ние, следует выделить сразу несколько изделий из шелка с китайскими иероглифами. Водной из могил нашли, например, превосходно вытканную парчовую накидку с надписью, которую можно перевести следующим образом: «Пять звезд, что появляются на востоке, благоприятствуют Срединному государству». Нельзя не отметить ее удивительно актуальное содержание.

Мы уже подъезжали к Миньфэну, когда великая пустыня начала потихоньку отступать. Все чаще дорога шла мимо оазисов, где было довольно много травы, кустарников и даже деревьев,

паслись домашние верблюды и ослы. Тем не менее о ней постоянно напоминали широкие и безжизненные песчаные коридоры.

Чуть севернее населенного пункта наш автобус выехал на трассу № 315 и вскоре повернул на запад, в сторону Хотана. Мне казалось, что перед решающим броском разумнее сделать остановку в Миньфэне, но водитель объяснил, что из-за ремонта дороги на заключительные 100 км до «нефритовой столицы» уйдет порядка 5–6 часов, поэтому обедать будем в Юйтяне (Керия).

Этот город встретил невообразимым количеством песка и пыли. Наверное, в устах человека, только что покинувшего пустыню, последняя фраза покажется абсолютным вздором, но одно дело сотни километров песка, к которым психологически подготовлен, и совсем другое — грандиозное строительство шоссе при 35-градусной жаре и с участием, похоже, всего взрослого населения Юйтяня. Водитель покрутился в центре города и в итоге отвез нас к харчевне, что в 50 метрах от памятника, который заставил меня забыть на время о трапезе.

Мао Цзэдун и Курбан-толом

Заинтересовали не художественные достоинства скульптурной композиции, а, если так можно выразиться, ее действующие лица: пожимающие друг другу руки Мао Цзэдун и местный крестьянин-уйгур Курбан-толом. Внушительные монументы «кормчему» в Китае отнюдь не редкость, есть такой и в Кашгаре (стоит на центральной площади), но они, как правило, воздвигнуты в период культа вождя. Небольшой памятник в городе Юйтянь установлен недавно. Администрация решила, вероятно, напомнить его жителям и приезжим об эпизоде 40-летней давности.

Курбан-толом на ишаке и верблюде добирался до Пекина почти целый год (360 дней), где его в торжественной обстановке принял председатель Мао. Синьцзянский аксакал подарил

национальному лидеру привезенные лепешки, дыню и шелк, а тот, в свою очередь, распорядился выделить крестьянину два трактора. Несколько десятилетий назад встреча вождя с представителем трудового народа активно освещалась в национальных средствах массовой информации, но затем о ней как-то забыли. Во всяком случае люди среднего и старшего поколений, не говоря уже о молодежи, обычно затрудняются назвать год, когда произошло знаменательное событие.

Внимательно рассматривая памятник, я обратил внимание на постамент с вырезанными текстами на китайском и уйгурском языках. Воспроизведенный в камне автограф Мао Цзэдуна натолкнул на мысль, что это одно из его адресованных Лю Яцзы стихотворений, в котором упоминается Юйтянь; предположение тут же подтвердилось.

На заключительном этапе гражданской войны и вскоре после образования КНР, в апреле 1949 и октябре 1950 года, Мао Цзэдун дважды обменивался поэтическими произведениями с видным китайским интеллектуалом. В стихотворении «Почтенному Лю Яцзы» он писал:

О том, как в Кантоне сидели за чаем,
Я помню и помните вы,
Не вам ли стихи посвящались в Чунцине
Под сенью осенней листвы?
Прошло тридцать лет, тридцать первый проходит —
Я встретился с вами опять
И снова под шум опадающих листьев
Читаю поэта тетрадь…
Как скорбны и пасмурны ваши творенья!
Забудьте тревоги, мой друг,
И шире откройте печальные очи,
И вновь оглядитесь вокруг…
Не надо теперь говорить, что мелеют
Просторы куныминских вод.
Взгляните на рыбок!
В самом Фучуньцзяне
Таких не водилось красот!

(пер. И. Голубева)

К стихотворению «Ответ господину Лю Яцзы» Мао Цзэдун дал краткое пояснение: «В 1950 г. на концерте по случаю Национального праздника господин Лю Яцзы сочинил экспромт в стиле «Ваньсиша». Я ответил ему, воспользовавшись тем же размером стиха». В середине 50-х годов оно было опубликовано в

Советском Союзе в переводе С. Маршака:

Был сумрак ночной над моею страной.
В нем дьяволов рой забавлялся игрой.
Был нем и разрознен народ мой родной.
Но вот петухи возвестили рассвет,
И вот уже свет озарил нас дневной,
И житель прибрежный, степной и лесной
Явились на праздник семьею одной.
Где ж лучший источник для песен, поэт!

Нетрудно заметить, что слова о вышеуказанном городе отсутствуют в обоих текстах на русском языке. В действительности они опущены в переводе предпоследней строки второго стихотворения. Согласно оригиналу, «музыка звучит повсюду, есть она и в Юйтяне».

В середине 60-х годов прошлого века региону, как и всей стране, было уже не до веселья. Китай захлестнули волны вакханалии и насилия, безумия и мракобесия, получившие название «великая пролетарская культурная революция», или «десятилетие хаоса». Место закона и порядка в обществе уверенно занял бунт хунвэйбинов («красные охранники») и цзаофаней («бунтари»), инициированный и поддержанный группой Мао Цзэдуна; одна за другой следовали идеологические кампании.

Все это неистовство сопровождалось бесконечными массовыми судилищами и репрессиями, когда руководствовались не нормами права, а цитатами «кормчего» и наборами пропагандистских клише из газетных передовиц. Навешивание ярлыков, шельмование и расправы с политическими оппонентами стали обыденным явлением. Государство вдруг оказалось наводнено «контрреволюционерами» и «предателями», «реакционерами» и «спецагентами», «каппутистами» («идущие по капиталистическому пути развития») и «ревизионистами», «внутренними шпионами» и «штрейкбрехерами».

Одновременно, абсолютно игнорируя иные варианты решения социально-экономических и политических проблем, организаторы «культурной революции» выдумали и энергично эксплуатировали жупел «советской угрозы». К сожалению, китайским лидерам объективно подыграли руководители СССР, занявшие в ответ неоправданно жесткую позицию.

Страшный урон в те годы был нанесен многонациональной духовной культуре, яростной травле подверглись религиозные убеждения граждан. В Пекине, например, на стенах висели дацзыбао («газета больших иероглифов»), призывавшие к полной отмене мусульманских обычаев. Авторы одной из них требовали

от властей: «Закрыть все мечети. Распустить мусульманские ассоциации. Отменить изучение и чтение Корана. Отменить браки на религиозной основе. Отменить обрезание». В другом таком плакате были изложены 10 пунктов программы по искоренению ислама, которая, в частности, предусматривала: «Немедленно отменить исламские организации в Китае. Муллы должны работать в трудовых лагерях. Традиционный мусульманский обряд погребения следует заменить кремацией. Отменить все мусульманские праздники».

В Синьцзяне хунвэйбины и цзаофани разрушили памятники культуры и искусства, глумились над национальными обычаями и традициями, оскверняли мечети, сжигали книги известных уйгурских, казахских и других писателей, разгромили Музей древних рукописей в Урумчи, многие экспонаты которого безвозвратно исчезли.

Знаменитая кашгарская мечеть Идках в годы «десятилетия хаоса» была закрыта, ее опустошили «красные охранники». Как писал в середине 80-х годов один из непосредственных участников и активистов «культурной революции» в регионе, мечети преобразовывались в «музеи классовой борьбы», а некоторые из них использовались как свинарники. О масштабах войны с культовыми сооружениями можно судить хотя бы по ситуации в Кашгаре. Согласно материалам китайских СМИ, в результате необузданного варварства и жестоких погромов там функционировали лишь 2 из 90 городских и 600 из 5000 районных мечетей.

Объектом острых нападок хунвэйбинов и цзаофаней в Синьцзяне стал целый ряд местных руководителей, в том числе первый секретарь парткома Ван Энымао. В начале 1967 года «красные охранники» и «бунтари» создали главный штаб с целью «захвата власти». Активисты «культурной революции» взяли под свой контроль редакции ведущих газет — «Синьцзян жибао» и «Синьцзян гезити», предприняли силовые попытки захватить власть в партийных и военных структурах, производственно-строительном корпусе. Чтобы отразить их натиск, в дело вмешались армейские подразделения. 23 января 1967 года в городе Шихэцзы были убиты 120 хунвэйбинов и цзаофаней, свыше тысячи человек получили ранения.

Сложное экономическое положение, возникшее вследствие неоправданных хозяйственных экспериментов, и политические потрясения 60-х годов привели к миграции значительной части населения Синьцзяна в Советский Союз. Только в мае и июне 1962 года границу с Казахстаном и республиками Средней Азии перешли более 65 тысяч казахов и уйгуров.

К счастью, мрачные события тех лет канули в прошлое. Со времени прихода к власти Дэн Сяопина— выдающегося политика XX века — пекинское руководство ставит и решает уже совершенно иные задачи. Оно сумело в кратчайшие сроки увлечь население страны реальной программой кардинальных преобразований. Хочется верить, что у граждан Китая все получится именно так, как они задумали.

На экране телевизора в салоне автобуса закончился художественный фильм на уйгурском языке о производственных и бытовых проблемах горожан, авторы которого довольно ловко использовали российские музыкальные композиции 90-х годов групп «Дюна» и «Браво». Вслед за ним водитель поставил очередную видеокассету с темпераментными и зажигательными, лиричными и изящными национальными песнями и танцами.

Жители региона всегда отличались жизнерадостным характером и умением веселиться от души. Об этом с нескрываемым энтузиазмом рассказывал Марко Поло: «Народ веселый, то и дело, что играют на инструментах, поют, пляшут да ублажают свою плоть». Отечественный этнограф Н. Н. Пантусов в конце XIX века писал следующее: «Все среднеазиатцы, можно сказать, — народ филармонический, а таранчи и кашгарцы— в особенности. В Кашгарии во всяком почти доме есть дутар (музыкальный инструмент. — Н. А.). Среди таранчей половина мужчин умеет играть, женщины же почти все, ибо они… от безделья выучиваются музыкальной игре, служащей им одним из главнейших развлечений и забав». О себе уйгуры, кстати, шутливо поют:

…вышли из песков,
хваля Аллаха за спасение,
но настолько увлеклись развлечениями,
что совсем забыли о нем.

С давних пор гремела слава о музыкантах и танцорах Западного края. Их мастерство ценилось настолько высоко, что в особых случаях правителям соседних стран в качестве почетных даров посылали талантливых исполнителей. В могущественном танском Китае VII века даже возникла мода на тюркские танцы, поэзию и музыку.

Принятие ислама в какой-то степени оказало сдерживающее влияние на развитие народного творчества, однако уже сложившиеся к тому времени у местного населения эстетические вкусы и идеалы в целом удалось сохранить. Частично это было обусловлено своеобразным окраинным положением региона в мусульманском мире. Средневековые авторы и зарубежные

исследователи конца XIX— начала XX века, посещавшие Синьцзян, практически в один голос отмечали исключительную любовь его жителей к музыке и танцам, удивительную одаренность профессиональных исполнителей.

Особенно следует сказать о национальном искусстве уйгуров. Своим классическим произведением они считают песенно-музыкальный цикл «12 мукамов». Их музыка тесно связана с танцами. Зачастую исполнители одновременно поют, танцуют и играют на инструментах. Из танцев наиболее известны санам (свадебный лирический танец), назыргум, сема (старинный танец, исполняемый в замедленном темпе), женский танец с пиалами и тарелками— тахса усули. Любопытно, что до середины XX века танцовщицы исполняли санам с опущенными веками, а их руки не должны были подниматься выше бровей, что символизировало женскую покорность.

На память о музыкальном творчестве многонационального населения Синьцзяна я приобрел компакт-диск «Не мучай меня, дорогая», где собраны самые популярные народные песни. Многие страницы настоящей книги написаны под мелодии этих замечательных композиций.

Глава 12

ЗАГАДКИ ЗАПАДНОГО КРАЯ

Известны многочисленные предания о том, что караваны и армии были поглощены гигантскими волнами дрейфующих барханов пустыни Такла-Макан. Таинственным образом в песках пропадали города и целые государства. Читатель уже знает о том, что в 1900 году экспедиция шведа Свена Гедина обнаружила среди ее бескрайних просторов к северо-западу от озера Лобнор руины древнего Лоуланя (Крорайна) — столицы одноименного государства. Его следы теряются в начале V века.

Первое упоминание о Лоулане в китайских хрониках относится к 176 году до н. э. В послании, отправленном ханьскому императору Вэньди, шаньюй (чаньюй) — правитель сюнну — заявлял, что усмирил в том числе и это княжество. В данном письме впервые говорится о вторжении кочевников-сюнну в Западный край и утверждении их власти в регионе.

Как известно, в конце II века до н. э. Китай резко активизировал свою внешнюю политику на западном направлении. В Лоулане во время долгих странствий побывал Чжан Цянь. Численность его населения составляла тогда примерно 14 тысяч человек. Жители занимались скотоводством, разводили верблюдов, овец, ослов и лошадей. Песчаные и солончаковые почвы в целом были мало пригодны для земледелия, но в западной части — район Исюня близ современного Мирана с его «тучными и плодородными почвами»— климатические условия какое-то время позволяли выращивать сельскохозяйственные культуры, фрукты и даже виноград.

Государство в результате оказалось в центре военного противостояния китайцев и сюнну. В 108 году до н. э. император Уди направил в регион армию под командованием генерала Чжао Пону, который занял столицу Лоуланя и захватил в плен его правителя. В сложившейся ситуации он направил в Чанъань посольство с дарами, но порвать с сюнну не осмелился, послав своих сыновей в качестве заложников и в ставку шаньюя, и к ханьскому двору. Согласно сведениям, которые приводит основоположник отечественного китаеведения Никита Яковлевич Бичурин (в монашестве Иакинф) (1777–1853 гг.), в ответ на упреки Уди он сказал следующее: «Небольшое государство, лежащее между двумя сильными державами, если не будет под

зависимостью обеих, то не сможет наслаждаться спокойствием». Император «нашел сей ответ справедливым».

В 77 году до н. э. в результате заговора правитель Лоуланя был убит, на престол возвели его младшего брата Вэйтуци, который ранее долгое время жил в ханьской столице. Перед отъездом в княжество, переименованное, кстати, в Шаньшань, он обратился к китайскому императору с просьбой учредить на подвластной ему территории воен-но-земледельческую колонию «для заготовки хлеба, а я буду иметь опору и силу в них». По свидетельству летописца, с этого времени «в Исюне появились (китайские) чиновники».

Во второй половине I века до н. э. китайское военное поселение играло уже ключевую роль на этом участке Шелкового пути. Так, гарнизон опорного пункта Цзюйлуцзыцан, где находился продовольственный склад, обеспечивал безопасность перехода из Дуньхуана по северному маршруту и регистрировал всех проезжающих, в том числе и официальных лиц. Однако в связи с внутриполитическими смутами на рубеже новой эры Поднебесная временно утрачивает контроль как над регионом в целом, так и над указанным государством в частности.

О том, что происходило в Лоулане в первой половине I века н. э., почти ничего неизвестно. В 73 году туда прибыл хорошо знакомый читателю ханьский генерал Бань Чао. Узнав о присутствии в княжестве посольства сюнну, он расправился со старым противником и вынудил правителя Гуана заявить о подчинении Китаю, а также отправить заложником в столицу империи собственного сына. В то же время высказанная идея воссоздания военного поселения в Лоулане поддержки тогда не получила.

К данному вопросу вернулись несколько позже. Как считает российский востоковед М. В. Крюков, имеющиеся документы позволяют наметить хронологические рамки существования в княжестве китайского поселения— III–IV века, точнее, 252–330 годы. Его численность составляла не менее 200 человек, т. е. была примерно на том же уровне, что и 300–400 лет назад. Здесь располагалась и канцелярия верховного администратора Западного края (кит. Сиюй чжанши), подчинявшегося наместнику округа Дуньхуан.

В 1909 году японский ученый Татибана Дзуйтё в развалинах городища, обнаруженного С. Гедином, нашел письмо верховного администратора Ли Бая, отправленное правителю государства Яньци (Карашар) и датируемое первой половиной IV века. Оно вызвало долгие споры и широкую дискуссию в научных кругах. В дальнейшем археологи раскопали большое количество текстов

III–IV веков на китайском языке и выполненных письмом кхарошти. Благодаря им стало очевидно, что китайское название государства Лоулань представляет собой транскрипцию топонима Kroraimna (Krorayna).

Буддийский монах Фасянь на пути в Индию достиг Лоуланя (Шаньшань) в 400 году. Вот выдержка из его дневника: «Выйдя из Дуньхуана, шли 17 дней, покрыв примерно 1500 ли пути, после чего добрались до страны Шаньшань. Земля там неровная и бесплодная. Одежда мирян схожа с китайской, но отличается тем, что шьют ее из шерстяной ткани».

Вскоре местные жители навсегда покинули древний Лоулань — столицу княжества. Трудно сказать, что произошло на самом деле, но более вероятной выглядит все-таки гипотеза о тотальном наступлении пустыни. Не случайно Фасянь писал об этих местах: «В песчаном потоке есть злые гении, и ветры настолько жгучи, что когда с ними встречаешься, — умираешь, и никто не может этого избежать. Не видишь ни птиц в небе, ни четвероногих на земле». По его словам, вокруг «нет никаких ориентиров, и дорогу отмечают лишь кости мертвецов». Повсюду «протянулись сыпучие пески; летом там дует горячий ветер, убивающий путников; только старые верблюды чувствуют приближение ветра и оповещают о нем ревом». Город, а потом и государство исчезли, казалось, навсегда.

Небесное озеро

В этом затерянном уголке пустыни находки С. Гедина, а позднее экспедиций англичанина А. Стейна и шведа Ф. Бергмана дали обширные сведения о жизни и быте, обрядах и материальной культуре лоуланьцев. Выяснилось, например, что значительную роль у них играла шерсть. Кроме пошива одежды, шерстяные изделия — пряжа, шнурки, веревки — применялись для самых разнообразных целей. Веревки употреблялись при изготовлении ручек и крышек для корзин. Шнурками украшались одежды, головные уборы и амулеты. Они широко использовались при производстве браслетов, обуви, предметов культа. Основная часть изделий выполнена из шерсти кавказской породы, как правило, неокрашенной. Доминирующим цветом в палитре красителей был красный.

Высокое мастерство обработки шерсти, характеризовавшее жителей Лоуланя, наиболее полно выразилось в развитом искусстве плетения и ковроткачестве. Местные мастерицы использовали как технику гладкого плетения, когда один шнур идет под другим, так и саржевое плетение. При изготовлении ковров для прибивания утков применялись деревянные гребни. Изделия имели разнообразный цветовой орнамент.

Многое об исчезнувшем государстве рассказали захоронения, обнаруженные А. Стейном, и особенно Фольке Бергманом. Наибольший интерес представляет могильник № 5, обнаруженный им в 1934 году неподалеку от «маленькой реки» на крупном ярданге. Ее высохшее русло находится у северо-западной оконечности озера Лобнор.

Ярданги (тюрк.) — это вытянутые вдоль господствующих ветров узкие, прямолинейные с асимметричными крутыми склонами гряды и желоба в пустыни, образующиеся в результате выдувания в суглинистых отложениях прежних рек и озер. Стоит подчеркнуть, что в китайском языке данное понятие обозначается фонетическим эквивалентом, увязываемым непосредственно с территориями вокруг Лобнора. Правда, с августа 2001 года для туристов под Дуньху-аном (провинция Ганьсу) функционирует компактно устроенный Национальный геологический парк ярдангов, где гиды показывают посетителям нагромождения блоков из глины и песка под условными названиями «сфинкс», «фазан», «юрта» и даже «Титаник». В действительности у них мало общего с лобнорскими оригиналами.

Высота указанного ярданга оказалась порядка 7 м, площадь — 70 на 35 м. Согласно подсчетам шведского ученого, всего в могильнике было, вероятно, около 120 захоронений, но остались только 8—12. На поверхности ярданга, особенно его склонах, выявлено довольно много фрагментов деревянных конструкций (включая гробы), человеческих костей, полностью или частично разрушенных мумифицированных усопших, остатков одежды. Там же удалось обнаружить всевозможные женские украшения, деревянную посуду и дощечки с письменами, бронзовые и железные сосуды, предметы мебели и другую утварь.

На западной оконечности размещалась слегка искривленная редкая ограда из не очень прямых деревянных шестов (столбов). Почти через центр ярданга шел мощный и достаточно высокий частокол из толстых круглых столбов примерно одного уровня. У основания они соединялись барьером из бревен, которые были прикреплены к столбам крепкими веревками из лыка.

По мнению Ф. Бергмана, малая (западная) ограда обозначала территорию погребального комплекса, а центральная, возможно,

разграничивала группы могил. К востоку от центрального частокола выделялись отдельные столбы. Их высота в среднем составляла 4,25 м, диаметр — 25 см. Столбы оказались многогранными — 7—13 граней. В нижней их части, засыпанной песком, сохранилась красная краска.

Ученый назвал указанный могильник «колонным залом мертвых». У него не было полной ясности по вопросу о предназначении столбов, поскольку какой-либо системы в их расположении он не выявил, но считал более вероятной версию о подпорках для легкой камышовой крыши. С учетом полного отсутствия предметов китайского происхождения погребения датировались III–II веками до н. э., т. е. до периода энергичного проникновения в Лоулань китайцев.

В 2000 году, через 60 с лишним лет после экспедиции Ф. Бергмана, археологи КНР вышли на «тот самый» могильник № 5 у «маленькой реки». Дело в том, что после прекращения всех изысканий в регионе в конце 30-х годов прошлого века пески Такла-Макан, естественно, засыпали следы раскопок в древнем государстве. С помощью карты Ф. Бергмана удалось-таки определить местонахождение захоронений, о которых поведал шведский специалист. К сожалению, в моем распоряжении только газетные публикации и впечатления от просмотренного по центральному китайскому телевидению двухсерийного документального фильма о первых результатах раскопок. Однако даже они дают возможность говорить об идентичности находок: те же многогранные столбы высотой от 4 до 5 м, расположенные по центру ярданга, та же красная краска у их основания, те же предметы материальной культуры Лоуланя и др.

Кто же были те люди, населявшие оазисы Западного края в далекой древности? Отсутствие в регионе каких-либо конкретных данных о физическом типе ископаемых людей способствовало возникновению всевозможных гипотез об их антропологической принадлежности. До сих пор в этом чрезвычайно сложном вопросе ясности нет.

Читатель уже знает о европеоидных чертах «лоуланьской красавицы», которая жила у озера Лобнор примерно 4 тысячи лет назад. В Музее Синьцзян-Уйгурского автономного района в Урумчи находятся мумифицированные останки другой женщины, обнаруженные под Хами в 1978 году. Она умерла около 3200 лет назад в возрасте 20 лет.

У нее были каштановые волосы, тонкие лицо и губы, глубоко посаженные глаза, резко очерченный нос. Ее принадлежность к европеоидной расе также не вызывает сомнений.

В то же время в Хамийском музее экспонируется мумия ее

современника и возможного соседа — мужчины, у которого присутствуют как европеоидные, так и монголоидные черты. Кстати, ученые в ходе археологических раскопок, производившихся в 1978, 1986 и 1991 годах в местечке Упу (Убао), что в 75 км к юго-западу от упомянутого города, выявили более ста могил (113), которым свыше 3 тысяч лет.

Интересный материал для скрупулезных и комплексных исследований дали останки, обнаруженные в местечке Цемо (юго-восток пустыни Такла-Макан) в 1985–1997 годах, всего 167 захоронений. Три мумии выставлены сейчас в Урумчи, еще пять — в Музее области Ба (Бачжоу) в Курле. Их отличительная особенность — превосходная сохранность, хотя почти всем им тоже около 3 тысяч лет. Обратил внимание на мумию ребенка, его глаза покрыты тонкими каменными пластинками (Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района).

Потомки кочевников

Песок, уничтожавший целые города и страны, был и остается превосходным консервантом. Он оказывает настолько мощное мумифицирующее воздействие на усопших, что сохраняются даже черты лица. А. Стейн при описании своей широко известной находки 1915 года подчеркивал: «Кожа на всей поверхности тела

погребенного обтягивает кости, и от тела исходит еще резкий запах». На ученого обнаруженные останки произвели неизгладимое впечатление: «Казалось, будто человек заснул, и я нечаянно оказался лицом к лицу с представителем народа», жившего некогда в районе Лобнора. Захороненные предметы, в частности изделия из дерева или плетеные корзины, которые в иных условиях неизбежно разлагаются, в пустыне тысячелетиями остаются целыми и невредимыми.

Учитывая особое географическое положение региона в Евразии, можно предположить, что древнейшее население Синьцзяна содержало в своем составе как европеоидные, так и монголоидные компоненты, было смешанным в антропологическом отношении. Так, лоуланьцы в начале I тыс. н. э. в основной своей массе занимали промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. Англичанин А. Ките считал, что этот тип возник «не путем гибридизации», но в результате «естественного процесса эволюции». Пустыня Такла-Макан составляет часть «великого расового водораздела», по обеим сторонам которого расположены зоны промежуточных типов. Поэтому «лоуланьская популяция также должна была иметь промежуточный характер».

Российский ученый Н. Н. Чебоксаров в целом соглашался с выводом А. Китса относительно монголоидно-европеоидного характера расового типа лоуланьцев, однако полагал, что он сформировался не в ходе естественной эволюции, а вследствие метисации. Он утверждал, что монголоиды и европеоиды в бассейне Тарима встретились в конце I тыс. до н. э. и именно в это время на территории нынешнего Синьцзяна «началось смешение местного, по всей вероятности европеоидного, ирано- или тохароязычного населения с проникавшими с востока монголоидами, среди которых могли быть как центрально-, так и восточноазиатские популяции».

В то же время результаты археологических раскопок и научных изысканий на протяжении нескольких десятилетий в регионе показывают, что во многих древних захоронениях обнаружены останки европеоидных людей «с крупной, длинной и высокой головой, умеренно низким и широким, достаточно остро профилированным лицом, сильно выступающим носом». Воодушевленный этой информацией отечественный автор В. П. Алексеев явно спешит с выводами, подчеркивая «подавляющее преобладание европеоидов в Восточном Туркестане и в эпоху заселения края человеком, и в эпоху поздней бронзы, и в эпоху раннего железа вплоть до рубежа новой эры». Правда, он все же вынужден признать, что

окончательный выбор между существующими точками зрения о расовом типе древнейшего населения Синьцзяна — дело будущего. Представляется, что последующие новые находки и удивительные открытия помогут специалистам дать ответы на многие возникшие вопросы.

К слову сказать, Г. Е. Грумм-Гржимайло в одной из своих публикаций изложил любопытное, но весьма спорное мнение, что «народ уйгурский» возник в результате смешения тюрков с динлинами, которые, некогда населяли долину Желтой реки, а затем переселились на север — «в Маньчжурию, к озеру Байкал и в Алтайско-Саянский горный район». У них были рыжие волосы и длинные головы, что сближало их с европейской расой. В качестве подтверждения своей замысловатой теории он ссылался на рисунок, где уйгур изображен «с толстым носом, большими глазами и с сильно развитой волосяной растительностью на лице и всем теле и, между прочим, с бородой, начинающейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями». По его словам, «уйгуры, подобно древним киргизам, носили серьги— обычай, распространенный у динлинов, но не у тюрков».

Возвращаясь к погребениям, обнаруженным Ф. Бергманом и его коллегами, следует заметить, что ученые в процессе археологических работ раскопали не только могилы китайцев, но и индийцев. Последние швед датировал 100 годом до н. э. — 330 годом н. э., сопоставив их с аналогичными находками А. Стейна.

На сегодняшний день нет точных данных о начале проникновения в регион выходцев из Индии. Тем не менее уже в первые века нашей эры они играли значительную роль в политической и социально-экономической жизни Лоула-ня (Крорайна). Из найденных документов на кхарошти (индийское письмо) известны имена пяти правителей княжества: Таджака, Пепийа, Амгока, Махири и Вашмана. Возможно, это индийские имена, хотя некоторые сомнения на сей счет остаются.

Их разнообразные титулы и употреблявшиеся вместе с ними эпитеты очень близки индийским вариантам эпохи Кушанского царства (I–III вв.). Однако в выявленных древних источниках отсутствуют какие-либо упоминания о наличии контактов с указанным государством. А. Стейн по данному поводу писал, что исследователи должны решить, являются ли все эти факты культуры результатом политических связей и зависимости от Кушанского царства, которое в определенный период распространило свою власть на бассейн Тарима, или они привнесены как из Индии, так и из Бактрии помимо кушанов.

Индийцы, безусловно, внесли серьезный вклад в распространение в регионе буддийской идеологии, которая в

значительной степени способствовала интеллектуальному сближению весьма удаленных друг от друга оазисов и приобщению местного населения к единым духовным ценностям. Нельзя не признать их важной роли в постепенной эволюции догматов учения, что в дальнейшем оказало существенное влияние на развитие буддизма в странах Дальнего Востока и Центральной Азии. Они также привнесли элементы индийской культуры в местную живопись, скульптуру, архитектуру и т. д.

По мнению некоторых отечественных ученых, проникновение индийцев в Синьцзян, появление их многолюдных общин ускорили создание в крае государственных образований (М. И. Воробьева-Десятовская). Во всяком случае наличие смешанного населения объективно содействовало процессу социально-экономических и политико-идеологических преобразований, создавало благоприятные условия для процветания тех или иных княжеств и поддержания в них обстановки стабильности.

Ныне исчезнувшее озеро Лобнор с давних пор притягивало к себе путешественников, историков и географов. Отважный Чжан Цянь, в 126 году до н. э. вернувшийся в столицу Чанъань из Западного края, куда был направлен с конкретным поручением, в докладе императору сообщал: «Городские стены Лоуланя и Гуши располагаются на берегу соленого озера». В «Истории династии Хань», написанной в I веке н. э., о нем сказано следующее: «В безбрежном озере окружностью 150 км воды не выходят за берега, сток воды устойчивый и зимой, и летом». Древние китайцы, кстати, ошибочно считали Лобнор истоком Хуанхэ (Желтая река).

Во второй половине XIX века значительный интерес к нему проявили зарубежные специалисты. Загадочное озеро оказалось в центре внимания второй экспедиции в Центральную Азию (1876–1877 гг.) Н. М. Пржевальского. Несмотря на внезапное и мучительное заболевание (зуд Pruritus scrofi), постоянно напоминавшее о себе, путешественник продолжал исследования и радовался плодотворным резуль — татам своей работы: «Бассейн Лобнора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся для науки». Заканчивая отчет по первому этапу экспедиции, он писал: «Оглянувшись назад, нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мне удивительно. С большим вероятием можно сказать, что ни годом раньше, ни годом позже изучение Лоб-нора не удалось бы…»

Видный западный географ и геолог Ф. П. В. Рихтгофен (1833–1905 гг.) так оценивал результаты наблюдений русского исследователя на Лобноре: «Описание быта, обычаев и рода занятий лобнорцев и тяжелых климатических условий, в которых

они живут, самая завлекательная и интересная из этнографических картин, нарисованных новейшими путешественниками». Следует, может быть, напомнить, что именно немецкий специалист в 70-е годы XIX века впервые ввел в научный оборот ныне общеупотребительный термин «Шелковый путь» в отношении системы караванных путей, связывавших на протяжении многих веков культурные центры огромного пространства Евразии между Китаем и Средиземноморьем.

Отчет о лобнорской экспедиции был переведен на немецкий и английский языки. Любопытно, что в английском варианте он вышел со вступительной статьей неоднократно упоминавшегося в настоящей книге Т. Д. Форсайта, который ранее возглавлял две британские военные миссии в Кашгарию. Примерно в это же время Берлинское географическое общество наградило Н. М. Пржевальского золотой медалью имени Александра Гумбольдта.

Он первым из европейских путешественников увидел и подробно описал озеро, расположенное в восточной части Таримской впадины. Читателю наверняка известны его книги «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор» и «От Кяхты на истоки Желтой реки» (подготовлена по материалам четвертой экспедиции 1883–1885 гг.). В них Н. М. Пржевальский, например, сообщает чрезвычайно интересные сведения о пребывании на берегах водоема староверов из России.

По его уточненным данным, в 1860 году у озера неожиданно появились четверо русских. После осмотра местности двое из них отправились обратно. Через восемь месяцев сюда пришли около сотни человек, включая женщин и детей. Они объяснили, что прежде жили в районе Алтая, а причина их переселения— гонения на веру; с местными жителями жили в согласии, однако «мало или вовсе не помогали друг другу, так что некоторые побирались милостынею…»

На Лобноре колонисты не задержались. Спустя год из Турфана прибыли солдаты, которые разрушили их дома. Староверы намеревались оказать сопротивление и даже призвали местных жителей к совместным действиям. Пытаясь склонить их на свою сторону, они уверяли, что у них есть колдунья, которая «может сотворить сколько угодно воинов». Лобнорцы пообещали поддержку, но сначала потребовали продемонстрировать чудо.

Хитрая женщина сказала, что для колдовства ей необходимо редко встречающееся растение. На ее беду местные жители раздобыли целый мешок указанного растения. Тогда плутовка объявила, что потеряла волшебную книгу и не помнит заклинаний на память. Обманутые и возмущенные лобнорцы

наотрез отказались помогать русским.

Уничтожив поселение, солдаты отвели староверов в Турфан. Их дальнейшая судьба неизвестна, «ибо вскоре началось здесь восстание магометан против Китая». Четыре семьи ушли в Шачжоу (Дуньхуан), где мужчины, по приказу властей, были казнены; «куда делись женщины, лобнорцы не знают».

Путешественник поведал также старинное предание о небольшом мазаре, который являл собой «высокочтимую святость всего Лобнора». В давние времена шестеро мусульманских святых шли из Хотана в Турфан, с ними увязалась собака. Местный правитель оказал праведникам какую-то услугу. В ответ они подарили ему медную чашу, а позднее прислали красный флаг и бумагу на владение обеими драгоценностями.

Мусульмане якобы скрылись в пещере, что к северу от Турфана, со словами «мы еще вернемся». Собака осталась лежать у входа и вскоре окаменела. Святыни мазара — медная чаша и красный флаг— хранились в земле. Бумагу, завернутую в шелковую материю, положили в «грубой работы тутраковый ящик, поставленный между маральими рогами в стенке западного фаса большого помещения». Со слов Н. М. Пржевальского, местные жители «чтят эту святость и уверяли нас, что только она одна удерживает их жить в таком худом месте, как Лобнор».

Главная интрига возникшей острой дискуссии по проблеме озера заключалась в определении его координат. Ф. П. В. Рихтгофен, отдавая дань проведенным исследованиям, отмечал, что исторический Лобнор должен находиться в другом месте, а не там, где его обнаружил русский ученый. При этом он ссылался на указания древних авторов и сведения, почерпнутые из китайских карт и трактатов по географии.

Кроме того, у немца серьезные сомнения вызвало утверждение о наличии в странном озере пресной воды: «Вопреки теоретическим и историческим известиям, мы узнаем от первого европейца, посетившего Лобнор и отличающегося редкой наблюдательностью, что это озеро пресное, а не соленое». Он полагал, что Н. М. Пржевальский описал, видимо, иное озеро, поскольку подлинный Лобнор должен находиться севернее. На его взгляд, река Тарим изменила направление течения, в результате чего один из ее рукавов течет в сторону древнего водоема, а основная вода ушла на юг, где образовала новое озеро.

Путешественник ответил на высказанные замечания публикацией в «Известиях Русского географического общества за 1879 год». В ней он очень деликатно обратил внимание своего оппонента на несовершенство китайских карт, которые «часто грешат крупнейшими ошибками». По его мнению, незаметно

никаких протоков, идущих от Тарима на восток и питающих древний Лобнор; местное население ничего не знает о северном озере и не использует в разговоре таких названий, как Тарим и Лобнор. Что же касается минерализации воды, то она становится соленой, уходя в бескрайние солончаки и болота. Позднее сподвижник Н. М. Пржевальского П. К. Козлов утверждал, что вода в озере пресная лишь у устья Тарима, «далее она постепенно засолоняется».

Лобнорская проблема вызвала широкий резонанс в научном мире. К озеру устремились специалисты из европейских стран, в том числе из Англии, России и Швеции. Топографы, сопровождавшие англичанина А. Стейна, определили район древнего Лобнора, который прежде, как выяснилось, занимал значительно большую территорию. В ряде работ была высказана точка зрения, что одной из важнейших причин изменения контуров озера является миграция основного русла Кончедарьи.

В 1923 году эта река неожиданно вернулась в старое русло. В конце XIX века П. К. Козлов поделился своими наблюдениями: «… мы скоро достигли древнего ложа… Кончедарьи. Оно мертво; вид его печальный; уцелевшие берега наполовину низменные, наполовину возвышенные. По всему бывшему течению разбросаны сухие стволы тополей; многие еще продолжают стоять, будучи наполовину занесены песком, залегающим по обоим берегам древнего русла, в виде невысоких (10–15 футов) барханов».

Спустя двадцать с лишним лет картина стремительно поменялась. Вот что писал в 1928 году о том же самом месте в бассейне Кончедарьи другой исследователь: «Мы увидели реку с руслом до 200 шагов ширины, с довольно быстрым течением… Интересно было наблюдать, как новая растительная жизнь пробуждалась в мертвой долине, тишину которой нарушали шум волн, разрушение берегов, падение песчаных дюн в воду, движение сухих тополей… Все это было словно в сказке».

В результате произошедших в 20-е годы XX века природных изменений Тарим уже не нес свои воды на юг, где некогда находился Лобнор Н. М. Пржевальского. В 1930–1931 годах оно превратилось в многокилометровые солончаки с изолированными редкими участками чистой воды, остатками некогда крупного водоема, описанного отечественными путешественниками.

Одновременно возродилось озеро, указанное на китайских картах. Блуждающие реки — Тарим и Кончедарья — с их песчаными и глинистыми отложениями, а также постоянно обрушающимися под воздействием воды берегами в очередной раз напомнили о своей непредсказуемости и изрядно запутали

авторитетных исследователей.

Место омовения Сиванму

Свен Гедин, опиравшийся на данные Н. М. Пржевальского и других специалистов, на свои обширные познания и громадный опыт, в начале прошлого века выдвинул идею цикличной миграции Лобнора («кочующее озеро»). Он полагал, что к изменениям высот в почти совершенно горизонтальной местности «озеро, образующее собой конечный резервуар системы Тарима, относится весьма чутко».

Водоем постепенно мелеет из-за увеличения в нем растительности, а также ила и песка, оседающих на дне. Одновременно идет процесс выветривания сухой поверхности пустыни (швед указывал на северную ее часть), которая с годами

«вытачивается… все глубже и глубже». В результате вода в действующем озере как бы переливается через край и течет в более низкие места. Растительный и животный мир, а также «рабочее население с их хижинами передвигаются с водой», озеро пересыхает.

По мнению путешественника, со временем «повторится то же самое в обратную сторону и можно будет определить величину периода». В качестве ориентира, не вызывавшего у него сомнений, он называл 625 год н. э., когда «Лоб-нор находился в северной части пустыни», и был убежден, что «мы через несколько лет найдем озеро на том же месте, где оно находилось по китайским данным и по остроумному теоретическому доказательству Рихтгофена».

Вначале 80-х годов XX века в районе Лобнора интенсивно работали китайские ученые. Они считают, что озеро является самым низким в бассейне Тарима местом, где в теории должны собираться воды всех рек, текущих по территории прилегающей части впадины. При половодье в отдельные годы его площадь превышала 5300 кв. км. Поскольку на протяжении довольно длительного времени река Тарим блуждала в песках и, не доходя до Лобнора, отклонялась на юг, то количество воды в нем постоянно сокращалось.

В 1921 году Тарим вновь повернул на восток и устремился непосредственно в озеро, что позволило ему существенно пополнить свои водные ресурсы и в значительной степени восстановить прежний вид. Вскоре заметно оживилась Кончедарья. К середине века площадь Лобнора резко возросла и достигла 2000 кв. км.

Однако курс на экстенсивное земледелие в верхнем и среднем течении реки, взятый во второй половине 50-х — начале 60-х годов, привел к тому, что Тарим вновь потерялся в песках пустыни Такла-Макан. Аналогичная ситуация возникла и с Кончедарьей, ранее попеременно впадавшей в Тарим и Лобнор. Отрезанное от питавших его водных артерий озеро в итоге пересохло, но всех потрясла скорость, с которой ушла вода. На том месте, где раньше было дно, образовалась твердая корка соли.

Ныне ею покрыто 20 тыс. кв. км низины. Это самый засушливый район Китая. В год здесь выпадает менее 10 мм осадков при испаряемости свыше 3000 мм. Летом температура достигает плюс 50 градусов по Цельсию, а зимой свирепствуют морозы, термометр показывает иногда минус 20 и ниже. В царстве ветра и песка более 80 раз в году поднимаются страшные бури.

Между тем несмотря на сложные природные условия здесь немало животных и растений, хорошо к ним приспособившихся. В районе Лобнора насчитывается свыше 30 видов растений и более 100 видов животных (без учета насекомых). По мнению специалистов, у озера обитает несколько сотен диких двугорбых верблюдов, считавшихся еще 150 лет назад полностью исчезнувшим видом, но обнаруженных и подробно описанных Н. М. Пржевальским.

Версия о блуждающем, или кочующем, озере все-таки не подтвердилась. Результаты полевых исследований и химических анализов показали, что на протяжении 20 тысяч лет в нем всегда сохранялись запасы воды, т. е. предложенная С. Гедином гипотеза о 1500-летнем цикле его миграции не соответствует действительности. В то же время интерес к Лобнору не иссяк. Многие китайцы до сих пор считают его таинственным местом.

Связано это не только с первым в КНР испытанием атомной бомбы 16 октября 1964 года, которое было произведено совсем неподалеку. Дело в том, что в ходе лобнорских экспедиций по совершенно непонятным причинам скончались несколько исследователей, а другие исчезли.

17 июня 1980 года без вести пропал Пэн Цзяму, вице-президент Синьцзянского отделения АН Китая и руководитель всего проекта по комплексному изучению озера. Он вышел из палатки, чтобы осмотреть прилегающую территорию, и пропал. На поиски известного ученого власти бросили огромные людские и материальные ресурсы, включая авиацию. Военнослужащие и полицейские с собаками прочесали сотни километров пустыни, но все усилия оказались тщетны, Пэн Цзяму так и не обнаружили.

В 1990 году семь специалистов отправились на грузовике к Лобнору для изучения минералов, и никто из них не вернулся. Спустя два года на крутом склоне в 30 км от автомобиля заметили три высохших трупа, еще четверых найти не удалось.

Летом 1995 года исчезли трое рабочих из Мирана, выехавших в сторону Лобнора на джипе. В 17 км от озера спасатели наткнулись на тела двоих из них. Причина неожиданной смерти осталась невыясненной. Машина была в хорошем состоянии, погибшие рабочие не испытывали проблем с водой и бензином. Третьего человека не нашли.

В июне 1996 года с вертолета обнаружили тело физически сильного и хорошо тренированного исследователя Юй Чуньшуня, занимавшегося изучением Лобнора. Медики не увидели на нем следов насилия и не смогли объяснить, от чего он умер. Такие происшествия, к сожалению, не редкость. «Озеро смерти», как его называют местные жители, не спешит раскрывать свои тайны.

Высокогорное озеро Тяньчи («Небесное озеро») расположено у пика Богдо (5445 м) в Восточном Тянь-Шане, в 110 км к востоку от Урумчи. Известно, что оно ледникового происхождения, имеет форму полумесяца и находится на высоте порядка 2000 м. Его протяженность в длину составляет 3,4 км, в ширину — 1,5 км. Площадь озера достигает почти 5 кв. км, а наибольшая глубина — 105 м.

Мы с Ху Дацином отправились туда на третий день моего пребывания в столице Синьцзяна и добрались до места за полтора часа. Несмотря на будний день желающих полюбоваться красотами природы и подышать чистейшим горным воздухом набралось довольно много. Никого не останавливала стоимость входного билета (60 юаней!), да и у касс народ не толпился, так как абсолютное большинство посетителей были из числа так называемых организованных туристов.

Вступив на территорию заповедной зоны и поднявшись на незначительную высоту, каждый турист должен решить, как он будет добираться до озера: пешком, на микроавтобусе или по канатной дороге. Во втором и третьем случаях переезд по схеме «туда-обратно» обойдется в 15 юаней (менее 2 долларов). Мы выбрали воздушный маршрут, чтобы с высоты птичьего полета созерцать великолепные пейзажи. Ниже главного водоема я вскоре заметил миниатюрное озерко, к которому еще вернусь.

В предгорьях Тянь-Шаня

Под ослепительно голубым небом, в окружении снежных вершин и горных склонов, покрытых лесами, чистые и прозрачные воды Тяньчи действительно выглядят потрясающе живописно. Могу смело утверждать, что все его восторженные описания в различных книгах, путеводителях, брошюрах и буклетах, — истинная правда. Однако купаться категорически запрещено и не очень хочется, поскольку вода в нем на редкость холодная.

К услугам отдыхающих прогулка на катере по водной глади озера, осмотр местных достопримечательностей, созданных природой, а также посещение развалин культовых сооружений, которых раньше здесь, судя по всему, было немало. В 4–5 км увидел ярко раскрашенный буддийский храм, но желания идти к

явной новостройке почему-то не возникло. Вместо этого мы с Ху Дацином отправились к казахам, что расположились поблизости.

Следовало, конечно, остаться у них хотя бы на день. Они предлагают иностранцам пожить в просторных и теплых юртах (в летний сезон 40 юаней с человека в сутки), отведать баранину и даже конину, испробовать национальный напиток— кумыс. Верхом на лошади можно покататься в округе или отправиться высоко в горы, но поездка до начала снежного покрова и обратно занимает несколько часов (100 юаней). Мне же удалось лишь побеседовать с симпатичным и словоохотливым аксакалом, посидеть в ухоженной юрте среди бесчисленных ковров и подушек, выпить пару пиал холодного кумыса и заснять приветливых хозяев.

Кстати, о фотографиях. Когда в мастерской агентства Синьхуа в Пекине я получил проявленные пленки и пробные отпечатки, то обратил внимание на ярко выраженный серебристый фон на всех снимках Небесного озера. При визуальном наблюдении ничего подобного не заметил. Как только объектив уходит в сторону, краски сразу оживают, но воды Тяньчи, прибрежные склоны, небо и даже облака над водоемом неизменно выдержаны в единой цветовой гамме. Увидел необычные фото и вспомнил древнюю легенду.

Далеко-далеко, на западной окраине Поднебесной, за гигантской пустыней и непроходимым лабиринтом гор и ущелий, по которым мчатся стремительные реки, взметнулась в небо гора Куньлунь. На ее вершине в прекрасном дворце из мрамора и нефрита жила владычица Запада — богиня Сиванму. Красавица часто проводила время у Нефритового озера (кит. Яочи), как древние китайцы называли упомянутый водоем в Восточном Тянь-Шане. На его берегах росли волшебные персиковые деревья, дававшие плоды бессмертия раз в 10 тысяч лет. Когда фрукты созревали, богиня устраивала пиры, на которые собирались все бессмертные (кит. сянь), чтобы отведать удивительные персики. В национальной мифологии сянь — это святой, обладающий сверхъестественными способностями (полеты на журавлях, умение мчаться на облаках и т. д.); самые известные из них — восемь бессмертных (кит. басянь), чьи изображения можно встретить в современном Китае повсеместно.

Около трех тысяч лет назад, во второй половине X века до н. э., Срединным государством правил чжоуский Муван. Отважный и решительный князь отправился к горе Куньлунь на встречу с Сиванму, о чем повествует старинное предание и «Жизнеописание сына неба Му». Он подарил ей роскошные шелка; хозяйка и ее гость пили вино, пели песни и сочиняли

стихи. Правитель был настолько очарован собеседницей и атмосферой экзотического свидания, что не хотел возвращаться обратно. Существует достаточно убедительная гипотеза о том, что более позднее по времени появление в китайской мифологии супруга богини — Дунвангуна— результат трансформации образа Мувана, посетившего небесную красавицу.

Владычица Запада тщательно готовилась к визиту заинтересовавшего ее мужчины и, естественно, хотела произвести на него надлежащее впечатление. Сначала в вышеупомянутом озерке Сиванму омыла свои ноги, а затем выкупалась в кристальной воде Яочи (Тяньчи). В этот момент ее одежды, согласно легенде, превратились в легкую туманную дымку, повисшую над горным озером. Надеюсь, что на моих фотографиях как раз и запечатлена едва уловимая прозрачная ткань фантастических одеяний богини.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На поезде № 1068 Курля — Сиань покидал гостеприимный Синьцзян. Купив на привокзальной площади лепешки, напитки и местные груши, на остановках в Турфане— виноград и в Хами— дыню, удобно устроился на нижней полке «инво» (кит. название плацкартного вагона) и намеревался впервые за почти три недели как следует отдохнуть. Окончательно разморило меня пиво, в результате проснулся через двадцать с лишним часов. Пожилой сосед-китаец с нескрываемым удивлением смотрел на все-таки пробудившегося иностранца и, перехватив мой взгляд, сразу заявил: «У нас в газетах пишут, что русские очень много пьют, а Вы всего после бутылки пива проспали целые сутки!» В ответ лениво порекомендовал ему не доверять СМИ, всем без исключения: китайским, российским и буржуйским.

До возвращения в Пекин к конкретному сроку у меня оставалось несколько дней и в сложившейся ситуации теоретически успевал заехать в два ламаистских монастыря, расположенных в провинциях Цинхай и Ганьсу. На платформе в городе Ланьчжоу рядом с нашим составом стоял поезд, отправлявшийся через 10 минут в Синин (административный центр провинции Цинхай). Его начальник пообещал продать билет непосредственно в вагоне. Я быстро побросал вещи в рюкзак и через четверть часа двигался уже в противоположном направлении. Впрочем, о новых впечатлениях расскажу в другой раз.

В частых поездках по современному Китаю всегда помню слова Н. М. Пржевальского, который, серьезно заболев во время второй экспедиции в Центральную Азию, писал: «..жизнь путешественника несет с собою много различных невзгод, но зато она дает много счастливых минут, которые не забываются никогда. Абсолютная свобода и дело по душе — вот в чем именно вся заманчивость странствий. Не даром же путешественники никогда не забывают своей труженической поры, даже среди самых лучших условий цивилизованной жизни.

Прощай же, моя счастливая жизнь, но прощай ненадолго. Пройдет год, уладятся недоразумения с Китаем, поправится мое здоровье, и тогда я снова возьму страннический посох и снова направлюсь в азиатские пустыни…» Не могу про себя сказать, что испытываю такой же неистребимый интерес к бескрайним пустыням, но меня завораживают потрясающая энергетика и феноменальная целеустремленность великого русского путешественника.

В поезде на обратном пути познакомился с молодыми китайскими железнодорожниками, они перегоняют товарные составы. Мы постоянно пили и ели, обсуждая личные и мировые проблемы. В какой-то момент ребята скороговоркой заметили, что жизнь в стране с каждым годом становится все лучше. Нечто подобное приходилось слышать и прежде в беседах с китайцами из различных слоев общества.

Конечно, многое в государстве, которое находится на этапе фундаментальных и всеобъемлющих реформ, зависит от его руководителей, т. е. тех, кто «ведет локомотив» национальной экономики. Трудностей в нынешнем Китае немало: опустынивание и наводнения, безработица и атипичная пневмония, др. Для их преодоления требуются колоссальные усилия и средства. Однако можно не сомневаться, что преемники Дэн Сяопина справятся с ними, поскольку действуют они в интересах людей и находят мощную поддержку своим начинаниям. Так что удачи тебе, Поднебесная, и до встречи!

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

1. *Алексеев В. М.* В старом Китае. Дневники путешествия 1907 года М., 1958.

2. *Алексеев В. М.* Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио. СПб., 1998.

3. *Анненская А.* История географических открытий. Экспедиция Свена Гедина. 1898.

4. *Ахметшин Н. Х.* Тайны Шелкового пути. М., 2002.

5. *Ахметшин Х. М., Ахметинн Н. Х., Петухов А. А.* Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000.

6. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.

7. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.-Л., 1950–1953.

8. Вестник Евразии. М., 2000–2002.

9. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988.

10. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995.

11. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1991.

12. Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.

13. *Гедин С.* Тарим— Лобнор — Тибет. Путешествие по Азии. 1899–1902. СПб., 1904.

14. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Белокурая раса в Средней Азии. СПб., 1909.

15. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1–3. СПб., 1889–1907.

16. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. СПб., 2002.

17. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. М., 2000.

18. *Дезио А.* К2 — вторая вершина мира. М., 1959.

19. Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990.

20. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.

21. История народов Восточной и Центральной Азии. М.,

1986.

22. *Исхаков Г. М.* Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века. Алма-Ата, 1975.

23. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.

24. Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.

25. *Кляшгорный С. Г., Колесников.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Алма-Ата, 1988.

26. *Кляшгорный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.

27. Книга Марко Поло. М., 1956.

28. Книга о Великой Белизне. Ли Бо: поэзия и жизнь. М., 2002.

29. *Конрад Н. И.* Избранные труды. История. М., 1974.

30. *Конрад Н. И.* Избранные труды. Литература и театр. М., 1978.

31. *Корнилов Л. Г.* Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903.

32. *Кравцова М. Е.* История культуры Китая. СПб., 1999.

33. *Крюсов М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.

34. *Крюсов М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

35. *Крюсов М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.

36. *Крюсов М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В.* Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

37. *Кузнецов В. С.* Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002.

38. *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.

39. *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999.

40. *Ли Бо и Ду Фу.* Избранная лирика. М., 1987.

41. *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие. Т. 1. М., 1954.

42. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.

43. *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.

44. *Мао Цзэ-дун.* Восемнадцать стихотворений. М., 1957.
45. Материалы по истории сюнну. М., 1973.
46. Мифологический словарь. М., 1990.
47. *Навои Алишер.* Смятение праведных. Ташкент, 1983.
48. *Навои Алишер.* Фархад и Ширин. М., 1956.
49. *Навои.* Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1956.
50. *Никифоров В. Н.* Очерк истории Китая. II тыс. до н. э. — начало XX столетия. М., 2002.
51. Новая история Китая. М., 1972.
52. *Обручев В. А.* От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956.
53. *Остроумов Н. П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879.
54. *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М., 1949.
55. *Петров А. М.* Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М., 1995.
56. Погребенные царства Китая. М., 1998.
57. *Понькин Ю.* Путь отца. Россия— Китай — Австралия. Сидней, 1997.
58. Поэзия эпохи Тан VII–X вв. М., 1987.
59. *Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. М., 1947.
60. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948.
61. Проблемы Дальнего Востока. М., 1988, 1999–2002.
62. *Рерих Н. К.* Избранное. М., 1979.
63. *Рерих Николай.* Пути благословения. М., 2002.
64. *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982.
65. Родник жемчужин. Персидско-таджикская классическая поэзия. М., 1979.
66. *Рычило Б., Солнцев М.* Пекин. Новый русский путеводитель по достопримечательностям столицы Китая. М., 2000.
67. *Сидихменов В. Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1987.
68. *Синь Ци-цзи.* Стихи. М., 1961.
69. Сокровенное сказание монголов. М., 2002.
70. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
71. *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. X–XIV вв. М.—Л., 1966.
72. *У Чэньэнь.* Сунь Укун — Царь обезьян. М., 1982.
73. *Фэн Линькй, Ши Вэйминь.* Очерки по культуре Китая. Пекин, 2001.

74. *Хамраев М. К.* Веков неумирающее слово. Литературоведческие статьи. Алма-Ата, 1969.

75. *Цзя Цунцзян.* Синьцзян— сведения для туриста. Пекин, 2001.

76. *Ци Ваньлян.* Природные ресурсы Синьцзяна. Пекин, 2001.

77. *Чжуан Цзяц, Не Чунчжэн.* Китайская живопись — отражение истории. Пекин, 2000.

78. *Шапошникова Л. В.* От Алтая до Гималаев. По маршруту Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха. М., 1987.

79. *Шивашанкара Менон К. П.* Древней тропою. М., 1958.

80. *Эйдлин Л.* Тао Юань — мин и его стихотворения. М., 1967.

81. Эхо веков. Казань, 1999–2002.

82. *Юсуф Баласатунский.* Благодатное знание. М., 1983.

На китайском языке

83. Важнейшие археологические открытия в Китае. Т. 1–2. Дэчжоу, 1999.

84. Записки о китайских императорах. Шанхай, 1989.

85. Карта памятных мест в Китае. Пекин, 1988.

86. Карта Синьцзян-Уйгурского автономного района. Пекин, 2002.

87. *Ле Кок А.* Записки о сокровищах Синьцзяна. Пекин, 2002.

88. Лучшие путешествия по китайскому Шелковому пути. Чунцин, 1999.

89. *Лю Вэньсо.* Исторические памятники Синьцзяна. Урумчи, 1999.

90. *ЛюЮннэн.* Древняя культура Синьцзяна. Урумчи, 1999.

91. Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района. Урумчи, 1996.

92. Словарь достопримечательностей Китая. Шанхай, 1987.

93. Туристический обзор Синьцзяна (Китай). Урумчи, 2000.

94. Хронология китайской истории. Чжэнчжоу, 1980.

95. Цыхай (словарь). Т. 1–3. Шанхай, 1989.

На английском языке

96. Bezklik Grottos. Urumqi, 2002.

97. China. Singapore, 1991, 1998.

98. China. The Rough Guide. London, 1997.

99. China Daily, 1999–2002.

100. *Debaine-Francfort C.* The Search for Ancient China. London,

1999.

101. *Dunhuang.* A Centennial Commemoration of the Discovery of the Cave Library. Beijing, 2000.

102. *Fleming P.* News from Tartary a Journey from Peking to Kashmir. L., 1937.

103. A Guide to the Scenic Spots and Historical Sites in Xinjiang China. Urumqi, 2000.

104. *Hopklrk P.* Foreign Devils on the Silk Road. Oxford, 1984.

105. *Lattiwore E. H.* Turkestan Reunion. N. Y., 1975.

106. *Lattiwore O.* High Tartary. N. Y., 1975.

107. *Le Cog A.* Buried Treasures of Chinese Turkestan. London, 1928.

108. *Mao Zedong.* Poems. Beijing, 2002.

109. Materials to the Knowledge of Eastern Turki with Translation and Notes by Gunnar Jarring. I–IV. Lund, 1946–1951.

110. The Ruins of Ancient Gaochang City. Urumqi, 2001.

111. *Stein A.* An Ancient Central-Asia Tracks. Delhi, 1984.

112. Silk Road Tour. Urumqi, 1988.

113. The Ten Major Enigmas in Xinjiang. Urumqi, 2001.

114. Tourist Guidebook of China. Hunan, 2001.

115. *Young L. K.* British Policy in China 1895–1902. Oxford, 1970.